РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Том 82 № 1

Январь–Февраль–Март

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1937 г.

МОСКВА
2022

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом всеобщей истории РАН в сотрудничестве с Государственным Эрмитажем и Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова

Международный редакционный совет

Председатель акад. РАН *М.Б. Пиотровский* (Санкт-Петербург)

проф. *Э. Андерсен* (Осло), проф. *К. Антонетти* (Венеция),
проф. *Г. Бауэрсок* (Принстон), проф. *Д. Браунд* (Эксетер),
проф. *А. Брессон* (Чикаго), проф. *Г.-И. Герке* (Фрайбург),
акад. РАН *Н.Н. Казанский* (Санкт-Петербург), проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель),
проф. *П. Калльери* (Болонья), акад. РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск),
член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (Москва), акад. РАН *В.С. Мясников* (Москва),
проф. *Г. Парцингер* (Берлин), проф. *Х. Ремесаль Родригес* (Барселона),
проф. *С. Розен* (Стокгольм), проф. *Ч.Б. Роуз* (Филадельфия),
проф. *Н. Симс-Вильямс* (Лондон), проф. *П. Функе* (Мюнстер),
проф. *М. Хадзопулос* (Афины), проф. *А. Ханиотис* (Принстон),
проф. *Ш. Шакед* (Иерусалим), проф. *Д. Шарпен* (Париж)

Редакционная коллегия

Главный редактор член-корр. РАН *А.И. Иванчик* (Москва)

д.и.н. *А.Ю. Алексеев* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *И.С. Архипов* (ответственный секретарь, Москва),
д. филол. н. *Л.С. Баюн* (Москва), д.и.н. *А.О. Большаков* (Санкт-Петербург),
д.и.н. *А.А. Вигасин* (Москва), к.и.н. *В.А. Головина* (зам. главного редактора, Москва),
член-корр. РАН *Н.П. Гринцер* (Москва), к.и.н. *М.М. Дандамаева* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *А.А. Ильин-Томич* (Майнц), д-р *Г.М. Кантор* (Оксфорд),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (Москва), к. филол. н. *П.Б. Лурье* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *Е.В. Ляпустина* (Москва), к.и.н. *И.А. Макаров* (Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва), к.и.н. *А.В. Муравьев* (Москва),
к.и.н. *А.А. Немировский* (Москва), д.и.н. *А.В. Подосинов* (Москва),
д.и.н. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *А.В. Седов* (Москва),
к. филол. н. *И.С. Смирнов* (Москва), к.и.н. *С.В. Смирнов* (Москва),
д.и.н. *А.М. Сморчков* (Москва), к. филол. н. *С.А. Степанцов* (Москва),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), член-корр. РАН *И.В. Тункина* (Санкт-Петербург)

Заведующая редакцией *Е.Н. Андреева*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

© Российская академия наук, 2022
© Редколлегия журнала «Вестник древней истории» (составитель), 2022

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

Volume 82 Issue 1

January–February–March

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED IN 1937

MOSCOW
2022

The content is prepared in the Institute of World History (Russian Academy of Sciences)
in cooperation with the State Hermitage and the Lomonosov Moscow State University

International Council

Prof. *Mikhail Piotrovsky* (Chairman, Saint Petersburg)

Prof. *Øivind Andersen* (Oslo), Prof. *Claudia Antonetti* (Venice),
Prof. *Glen Bowersock* (Princeton), Prof. *David Braund* (Exeter), Prof. *Alain Bresson* (Chicago),
Prof. *François de Callataÿ* (Brussels), Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna),
Prof. *Angelos Chaniotis* (Princeton), Prof. *Dominique Charpin* (Paris),
Prof. *Peter Funke* (Münster), Prof. *Hans-Joachim Gehrke* (Freiburg),
Prof. *Miltiades Hatzopoulos* (Athens), Prof. *Nikolai Kazansky* (Saint Petersburg),
Prof. *Vyacheslav Molodin* (Novosibirsk), Prof. *Rauf Munchayev* (Moscow),
Prof. *Vladimir Myasnikov* (Moscow), Prof. *Hermann Parzinger* (Berlin),
Prof. *José Remesal Rodríguez* (Barcelona), Prof. *C. Brian Rose* (Philadelphia),
Prof. *Staffan Rosén* (Stockholm), Prof. *Nicholas Sims-Williams* (London),
Prof. *Shaul Shaked* (Jerusalem)

Editorial Board

Prof. *Askold Ivantchik* (Editor-in-Chief, Moscow)

Prof. *Andrey Alekseev* (Saint Petersburg), Dr. *Ilya Arkhipov* (Moscow),
Prof. *Liliia Bayun* (Moscow), Prof. *Andrey Bolshakov* (Saint Petersburg),
Dr. *Maryam Dandamayeva* (Saint Petersburg), Dr. *Vera Golovina* (Moscow),
Prof. *Nikolay Grintser* (Moscow), Dr. *Alexander Ilin-Tomich* (Mainz),
Ph.D. *Georgy Kantor* (Oxford), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Pavel Lurje* (Saint Petersburg), Dr. *Elena Lyapustina* (Moscow),
Dr. *Igor Makarov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow),
Dr. *Alexey Muraviev* (Moscow), Dr. *Alexander Nemirovsky* (Moscow),
Prof. *Alexander Podossinov* (Moscow), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Alexander Sedov* (Moscow), Dr. *Ilya Smirnov* (Moscow),
Dr. *Svyatoslav Smirnov* (Moscow), Prof. *Andrey Smorchkov* (Moscow),
Dr. *Sergey Stepantsov* (Moscow), Prof. *Igor Surikov* (Moscow),
Prof. *Irina Tunkina* (Saint Petersburg), Prof. *Alexey Vigasin* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Evgeniia Andreeva*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

© Russian Academy of Sciences, 2022
© Editorial Board of "Vestnik drevney istorii", 2022

Vestnik drevney istorii
82/1 (2022), 5–31
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/1 (2022), 5–31
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910015235-1

ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ АНТИТЕЗА «НАЧАЛО БОГОВ, ВОЗНИКАЮЩИЙ ВПОСЛЕДСТВИИ» В ПОЗДНЕЕГИПЕТСКИХ ТЕКСТАХ

Тексты 1–8

И.В. Богданов

Институт восточных рукописей Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: jwan.bgd@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9085-3351

Позднеегипетская теологическая антитеза *ḥ3t nṯrw ḫpr ḥr-s3* «начало богов, возникающий впоследствии» является одной из характеристик бога как «Альфы и Омеги» богов и времени. Это сочетание эпитетов встречается преимущественно в храмовых текстах IV в. до н.э. – II в. н.э., посвященных мифологии и теологии Хора Бехдетского и других ипостасей Хора. Исследование охватывает контексты следующих источников: Edfou III, 88.10; V, 70.15–16; V, 141.11–12; VII, 24.10; VII, 60.12; VII, 135.13; *P. Louvre* N.3176 (S), II.16; Стела сатрапа, 10–11 (*Urk*. II, 18.3). Анализ этих свидетельств позволяет раскрыть ряд аспектов позднеегипетской теологической концепции конца вечности, отрицающей влияние времени на рождение и смерть бога. Остальная часть документов еще ждет своего исследования.

Ключевые слова: позднеегипетская религия, древнеегипетская эсхатология, мифология бога Хора, Эдфу, Стела сатрапа

Данные об авторе. Иван Валерьевич Богданов – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Древнего Востока ИВР РАН.

Работа над статьей начата в начале сентября 2020 г., материал отправлен в редакцию ВДИ 24.05.2021. Я глубоко признателен Д.О. Сычеву, А.А. Ильину-Томичу и А.В. Сафронову, оказавшим мне неоценимую помощь в ходе подготовки статьи.

THEOLOGICAL ANTITHESIS "BEGINNING OF THE GODS, THE ONE WHO COMES INTO BEING AFTERWARDS" IN THE LATE EGYPTIAN TEXTS

Texts 1–8

Ivan V. Bogdanov

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

E-mail: jwan.bgd@yandex.ru

The Late Egyptian theological antithesis *ḥ3t nṯrw ḫpr ḥr-s3* «the Beginning of the gods, the One who comes into being afterwards» is a characteristic of the god as the Alpha and Omega of gods and time. This combination of epithets is found mainly in the temple texts from the fourth century BC to the second century AD, dedicated to the mythology and theology of Horus the Behdetite and other hypostases of Horus. The following sources are used for the study: Edfou III, 88.10; V, 70.15–16; V, 141.11–12; VII, 24.10; VII, 60.12; VII, 135.13; P. Louvre N.3176 (S), II.16; the Satrap Stela, 10–11 (*Urk*. II, 18.3). An analysis of these texts reveals a number of aspects of the Late Egyptian theological concept of the end of eternity, which denies the influence of time on the birth and death of the god. The rest of the evidence is still awaiting study.

Keywords: late Egyptian religion, Ancient Egyptian eschatology, mythology and theology of Horus, Edfu, the Satrap Stela

Под эсхатологией в данной работе понимается комплекс представлений о конце времени, в котором средствами теологической риторики описываются пределы жизни богов и вечности как процесса. Концепция конца вечности рассматривается вне пространственной перспективы конца мира, отражающей апокалиптическую мифологию.

Древнеегипетская эсхатология – одна из самых сложных и малоисследованных проблем истории религии. Конец времени не был описан в египетских текстах как мифологема, поэтому аспекты метафизической концепции «смерть богов – конец вечности» лишь недавно стали очерчиваться в науке. Концепты конца времени, как и другие элементы теологии (например, представления о судьбе), были исключены из ритуальных программ и мифологических повествований и фиксировались в течение всей истории письменности лишь во фразеологизмах. Некоторые категории египетской религии, развивавшиеся со времен Раннего царства вне ритуального, магического и мифологического пространств, во 2-й половине II тыс. до н.э. нашли выражение в гимнах, которые являются главными источниками по ранней теологии.

В проблему позднеегипетской эсхатологической теологии вводит эпиграфика храмов греко-римской эпохи, а именно свод эпитетов и фраз, посвященных богу как абсолюту или универсуму, определяющему пределы вечности. Далее, говоря о боге как стержневой теологической фигуре, я избегаю терминов «бог-творец» и подобных, поскольку его функции были намного шире; все аспекты бога-абсолюта образуют всеобъемлющий и всеисключающий концепт. Контекстуальный материал по проблеме «бог как Альфа и Омега» делится на две группы:

1. Мифологическая риторика, включающая антитезы и определения хронологического характера. В них бог-абсолют характеризуется как первая и последняя фигура в процессе жизни богов. Упоминания конца времен входят в корпус текстов, описывающих правление Хора или иного божества как предвечного царя вселенной. Многие из них представляют собой метафоры восхода и воцарения, посредством которых слой мифологических представлений о ходе Солнца (или Луны) оказывается вплетенным в концепцию границ времени.

2. Эпитеты, отрицающие рождение и смерть бога-абсолюта в циклическом времени. Они не фиксируют хронологических индикаторов бытия бога и исключают из него вечность. В этой системе появление и исчезновение бога не соответствуют понятиям «рождение» и «смерть», а его сущность характеризуется не развитием мифологических сюжетов о пребывании бога в пространстве времени, а, напротив, отрицанием того, что его возрождение и начало бессмертия – это отрезки циклического процесса.

Первая группа источников отражает мифологические представления о пределах возможностей бога как *столпа мироздания*, управляющего всем, включая вечность, вторая же формулирует теологическую доктрину, в которой бог-абсолют не является *объектом* действия времени, а события его собственной жизни исключаются из цикла вечности, завершающегося смертью богов. Антитезы и пояснения, отрицающие хронологию существования бога, часто объединяются в антиномии.

Следует подчеркнуть, что позднеегипетская эсхатологическая теология как метод не подразумевает осмысления апокалиптической мифологии уничтожения мира, поскольку вселенная как образ вообще исключена из материала, подходящего для анализа. Понятие «эсхатологическая теология» означает постижение сущности бога-абсолюта в пределах *действия*, меняющего вселенную, и оно помещено в контекст представлений о времени, получающего две номинации: «вечность» или собственно «время» (*ḏt, nḥḥ, ḥntj*) и «боги» (*nṯrw, psḏt*). В среде богов происходят мифологические события, из которых развивается концепция конца времени. Боги (как правило, Эннеада) – плоть времени, его физическое воплощение и его элементы. Отношения «бог-абсолют – время» фиксируются через взаимоотношения бога-творца с остальными богами.

Далее я рассмотрю 8 из 11 известных текстов с теологической антитезой, выраженной сочетанием эпитетов бога *ḥ3t nṯrw ḫpr ḥr-s3* «начало богов, возникающий впоследствии». Эта антитеза содержит одну из ключевых характеристик божества в качестве «Альфы и Омеги» мироздания[1]; вкупе с другими эпитетами она образует ценный свод свидетельств по позднеегипетской теологии границ вечности и жизни богов. Сочетание эпитетов *ḥ3t nṯrw ḫpr ḥr-s3* «начало богов, возникающий впоследствии» встречается преимущественно в храмовых надписях греко-римской эпохи. Большинство текстов относят эти эпитеты к Хору Бехдетскому.

1. Edfou III, 88.9–12. Датировка: Птолемей VIII Эвергет II

ḥr ḥrw ḥr sw r ḥrt pḏ.n dm3tj=f(j) bj3 ḥ3t nṯrw ḫpr ḥr-s3 t3-ṯnn jj m nḥḥ ꜥpj wr nmt.n=f nnt bḥdtj nb ḥ3jt tjt n(jt) rꜥ sṯnj mswt ḥ3t rn wr n(j) nṯr nb nswt-šmꜥw bjtj-mḥw dmḏ.tj n=f pssštj nswt-bjtj ḥr bḥdtj

[1] Kurth 1998, 879–881; 2012, 183, Anm. 65.

Хор (из) Хоров, который выше небес[2], чьи крылья осеняют Египет[3], начало богов, возникающий впоследствии, *t3-ṯnn*, превращающийся в лотос, большой крылатый скарабей, путешествующий по небу[4], Бехдетянин – владыка неба[5], символ Ра, чьи рождения особенны[6], начало титулатуры каждого бога[7] – царя Юга и царя Севера, – для которого объединились две части (страны), царь Верхнего и Нижнего Египта, Хор Бехдетский.

В данном фрагменте цепочку эпитетов *ḥ3t nṯrw ḫpr ḥr-s3 t3-ṯnn jj m nḫb* 𓉔𓊹𓅓𓏏𓋴𓈙𓆑𓂋𓏏𓄡 «начало богов, появляющийся впоследствии, *t3-ṯnn*, становящийся лотосом» можно рассматривать как связку двух антитез, характеризующих два противоположных аспекта сущности бога: «начало – последствия» и «*t3-ṯnn*– омолаживающийся». *t3-ṯnn*[8] как бог плодородия и демиург считался предвечным, поэтому его омоложение означало и новое рождение всего мира. Лирическая метафора *jwj m nḫb*

---

[2] Интерпретация эпитета *ḥr sw r ḥrt* «тот, кто выше небес» (*LGG* V, 462: 22 источника; эпитет отмечен также в Dendara, Temple d'Isis, 204.1–2, pl. 182) зыбкая, ср. переводы *LGG* I, 462: «Der sich zum Himmel entfernt»; Cauville 2009, I, 180–181: «qui s'éloigne vers le ciel». Известно несколько вариантов этого эпитета: *LGG* V, 461–462; вариант *w3 sw r ḥrt*, имеющий то же значение, встречается в связке с фразой *mḏ sw r dw3t* «тот, кто глубже, чем преисподняя» (*P. Leiden* I 350 rto, IV.17–18: Zandee 1947, 85, pl. 4; *LGG* II, 242), что проясняет его смысл. Часто титул *ḥr sw r ḥrt* «тот, кто выше небес» присоединяется к эпитету «Хор (из) Хоров» (*LGG* V, 274–275), который иначе можно понять как «высь (всех) высот», поскольку само имя бога *ḥr* значит «верх, высь».

[3] Об этом эпитете Хора см. *LGG* III, 183. Термином *b3tj* «два куста» (варианты: *bj3, b3wj*) обозначается Верхний и Нижний Египет: *Wb*. I, 442.5–6; Wilson 1997, 305; Budde 2011, 395–396, Anm. 555–558.

[4] Ср. чтение *LGG* IV, 241: *Nmt-n=f-nnt*: «Der für sich den Himmel durchschreitet». К чтению см. Esna IV, 431.1 (Esna IV.1, 42; IV.2, pl. 16), о Хнуме-Ра с функцией бога-скарабея Хепри: *nmt.n=f nnt r zḫn* [*j3wt?*]*=f m ḫrt-hrw* «он путешествует по небу, выполняя свои повседневные [обязанности?]»; иначе: von Lieven 2000, 112–113; Fernández Pichel 2018, 82.

[5] Для слова «небо» в начертании 𓉔 есть два чтения: *ḥj,* согласно орфографии (*Wb*. II, 483.14), и *h3jt* (букв. «портик»: *Wb*. II, 476.12; Wilson 1997, 598–599). Я выбираю второе чтение (см. также *LGG* III, 686). В эпитетах *nmt.n=f nnt* «путешествующий по небу» и *nb h3jt* «владыка неба», возможно, противопоставляются *nnt* как «нижнее небо» (в преисподней) и *ḥj*/*h3jt* как «верхнее небо», хотя *nnt* могло обозначать и просто небо как таковое (Wilson 1997, 525; ср. *Wb*. II, 274).

[6] См. также *LGG* VI, 709: «Der mit erhabener Geburt»; Kurth 2014, 232, 438: «mit erhabenen Geburten». Редкий эпитет Хора Бехдетского, образованный от глагола *sṯnj* «быть исключительным, выдающимся, отличным, возвышенным, особенным», который в подобных случаях часто используется для характеристики величественного облика царя, его харизмы в момент коронации (ср. эпитет *sṯnj msḫ*ᶜ «(чья) заря восхитительна» и др.).

[7] Ср. Budde 2000, 101–102, Anm. 92; *LGG* V, 16–17: «Der Anfang des großen Namens eines jeden Gottes». Термином *rn wr* «большое имя» обозначалась именная титулатура царей и богов (Bonhême 1978, 348–349, 360–368). Здесь подразумевается, что каждый царь является инкарнацией бога Хора и его титулатура начинается как раз с Хорова имени, поэтому фигура сокола-Хора открывает длинный перечень царских имен. Аналогичный эпитет – *ḥ3t nḫbt* «начало титулатуры» (царей) – также отмечен в Эдфу (*LGG* V, 16).

[8] Имя *t3-ṯnn* означает «Возвышающаяся земля». Первые упоминания этого бога относятся к началу II тыс. до н.э. (Schlögl 1980, 13–20; *LGG* VI, 446–449; Hannig-Lexica 5, 3170). Этот бог синкретизировался с Птахом со времен *r*ᶜ*-msj-sw* II (Schlögl 1980, 54–55; *LGG* III, 178–179).

«превращающийся в лотос»[9] передает процесс омоложения древнего бога *tȝ-ṯnn*, когда он снова становился младенцем[10]. Более распространенный эпитет *prj m nḫb* «выходящий из лотоса» (*LGG* III, 69), посвященный рождению бога, не является аналогом эпитета *jwj m nḫb* (букв. «приходящий в лотос»), а передает обратное действие. Сходное выражение с глаголом *ḫpr* – *ḫpr m nḫb* «превращающийся в лотос» – известно только в криптографии с иерографическим чтением *ḫnw ḫpr m nḫb* «ребенок, превращающийся в лотос», которое после расшифровки оказывается глаголом *ḫntš* «радоваться»[11].

2. Edfou V, 70.15–16. Датировка: Птолемей IX Сотер II

sw mj ḥr [... *ḫntj?*] *pḥrtjw ḥ3t nṯrw ḫpr ḥr-s3*

Он как Хор [..., тот, кто во главе?] богов-хранителей(?)[12], начало богов, возникающий впоследствии.

---

[9] К значению оборота *jwj m/n* NN «становиться NN (букв. «приходить в/к NN»)» в сюжетах о появлении бога в особом образе см., например, Edfou VI, 100.14–101.1: *rˁ jwj n/m bȝ=f tȝ-ṯnn jwj n/m ḥr bḥdtj* «Ра, появляющийся в (виде) своего Ба (души), *tȝ-ṯnn*, появляющийся в (облике) Хора». Ср. перевод в Kurth 1994b, 230: «Re, der in seinem Ba (der Sonne) kommt, Tatenen, der als Horus Behedeti kommt».

[10] Ср. Broze, Preys 2021, 62, 180–181, nº 6: *bjȝtj srj ḫprw nḫḥ jwj m nḫb* «бог-оракул, предсказывающий будущее, старец, ставший лотосом» (иная транскрипция: *Urk*. VIII, 132b (S. 104); параллель: Opet I, 254; см. также Klotz 2012a, 65, n. 150; 301, n. 483; параллели к эпитету *srj ḫprw(t)/jjt* «предсказывающий будущее»: *LGG* VI, 423–425; Cannuyer 2010, 482–491). Иные переводы этой фразы, с обратным смыслом («приходящий из лотоса»): *LGG* I, 122; IV, 310: *jj-m-nḫb*: «Der aus der Lotosblüte hervorkommt»; Broze, Preys 2021, 62: «l'oracle, qui annonce ce qui advient, l'ancien qui émerge du lotus». Другие случаи употребления фразы *jj m rnp(j)* и т.п. в значении «становиться (молодым), омолаживаться, обновляться»: *jj m ḫrd r wšb ḥr jt=f* «ставший юношей, чтобы заступиться за своего отца», эпитет бога *ḥr-wḏȝ-pȝ-ḫrd* (el-Qal'a II, 89 (206). Датировка: Клавдий I); *jj m rnp(j) r wšb ḥr jt=f* «ставший молодым, чтобы заступиться за своего отца», эпитет царя Птолемея III Эвергета I как бога Хора (*Urk*. VIII, 92h (S.78) = Clère 1961, pl. 63); см. также *LGG* I, 123, 127, 154; IV, 682–683; Dendara XIII, 444.13; Opet I, 44.1 (nord), 124.3, 147.3; du Bourguet, Gabolde 2008, 24 (19.8); Deir Chelouit III, 155.20 (P. 199); Ermant I, 40, 58, fig. 53 (33B), 86 (синопсис с Opet I, 124.3); Gill 2019, 1, 507; 2, 1068 (синопсис по 4 спискам заупокойного ритуала, в том числе с учетом *P. Berlin* P. 3057, 29.19: Backes 2016, I, 812–813; II, 1231, Taf. 73, и *P. MMA* 35.9.21, 56.1: Goyon 1999, 94, pl. 40); вар. *P. MMA* 35.9.21, 25.9: Goyon 1999, 61, pl. 24; все версии из двух разделов этого литургического сборника: Kucharek 2010, 113, 162, 237, 274; и др.). Глагол *jj/jwj* «идти» является синонимом глагола *ḫpr* «становиться», типичного для более ранних текстов, например *CT* IV, 42f-h (Spell 291): *ḏd mdw ḫpr m ḫrd* «изречение о том, чтобы превратиться в юношу» и далее (см. также *CT* IV, 42a-b (Spell 290); Arnette 2020, 313, 344–345).

[11] Dendara, Mammisis, 183.14; см. Derchain-Urtel 1999, 275–276 (датировка: Траян).

[12] Эпитет [*ḫntj?*] *pḥrtjw* «[тот, кто среди?] богов-хранителей» восстанавливается по Edfou V, 56.6; 151.6; 190.8; 192.14; ср. 141.6. Обычное значение слова *pḥrtj* – «патрульный» (от термина *pḥrt* «патруль»: *Wb*. I, 548.17–18; Hannig-Lexica 4, 474; 5, 939; титул «патрульный» для воина из крепости впервые упоминается в депешах из Семны no. 3–4: Smither 1945, 8–9, n. 6, pl. 4.4,12; pl. 5.2. Датировка: *jmn-m-ḥ3t* III). В тексте Edfou V, 70.15 имеются в виду некие боги-хранители; перевод «окружающие» (в значении «опекающие») маловероятен; ср. Borghouts 1973, 130; Goyon 1985, I, 94 (n. 9), 498; Wilson 1997, 369–370; *LGG* III, 115; 5, 812; Kurth 2004, 175, n. 4; 2019, 132.

Контекст сильно испорчен. Фраза сохранилась в конце перечня эпитетов царя, сравнивающих его с Хором.

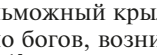
3. Edfou V, 141.11–12. Датировка: Птолемей IX Сотер II

ḫj ḫwj-ḫmw ꜥpj šps nj nṯrw tjt n(jt) rꜥ sṯnj msḫꜥ ḥ3t nṯrw ḫpr ḫr [*s3* ...] *sp3t=f ḏsr ḏb3 3b-jb=f ḫr bḥdtj nṯr ꜥ3 nb pt*

Отрок-хранитель святилищ[13], вельможный крылатый скарабей богов, символ солнца, (чья) заря восхитительна[14], начало богов, возникающий впоследствии, [...] свой ном, освящающий свой любимый Эдфу[15], Хор Бехдетский, великий бог, владыка неба.

Пассаж имеет ряд параллелей с Edfou III, 88.9–12.

4. Edfou VII, 24.9–1016. Датировка: Птолемей X Александр I

ḫr kꜣ-nḫt jwr n/m p bjk n(j) nbwt ḫꜥj m wꜣḏ sꜣb šwt prj m ꜣḫt bḥdtj nb hꜣjt pꜥpꜥ.n st rr.n nbt-ḫwt r nswt-bjtj nṯrw rmṯw nb wrrt wr s(w) r nṯrw ḥ3t nṯrw ḫpr ḫr-sꜣ  *ḫrj-st-wrt m gsw-prw n njwt šw(t) m rn=f*

Хор Победоносный бык, который находится во чреве матери в Буто[17], сокол Золотой богини[18], озаряющий из зарослей папируса, пестрый оперением, выходящий из-за горизонта[19], Бехдетянин, владыка неба, рожденный Исидой, воспитанный Нефтидой, чтобы стать царем богов и людей, владыка Белой короны, тот, кто старше (всех) богов, начало богов, возникающий впоследствии, владелец святилища в храмах[20], без чьего имени нет города»[21].

---

[13] Об этом эпитете: *LGG* V, 660; о сочетании «отрок-хранитель святилищ» в Эдфу см. также Kurth 2004, 119 и Anm. 10.

[14] Об этом эпитете: *LGG* VI, 709; другое чтение: *sḥḏ msḫꜥ* с тем же значением (ibid., 479). Оба чтения явно следует унифицировать.

[15] Ср. перевод Edfou V, 141.12 в *LGG* VII, 667: «Der Edfu erhaben macht, wenn er will». Иначе: Kurth 2019, 285: *śpt=f ḏśr(t) ḏb3 3bj(t) jb=f* «dessen heiliger Gau Edfu ist, den sein Herz begehrt»; такое чтение вероятно, если признать отсутствие лакуны после *ḫr* [*s3*]. К употреблению эпитета *3b-jb=f* «его любимый» см. Edfou V, 324.6: *ḫntj st=f* (*n*)-*3b-jb=f* «в месте, приятном ему», а также наполненный иносказаниями поэтичный текст ibid., 325.12: *ṯzt n*(*jt*) *nb wṯzt ḫr ṯz*(*t*) *r ṯzt ḫntj wṯzt=f 3b-jb=f* «Вознесенное (т.е. *небо*) владыки престола (т.е. *Эдфу*), возносящегося к вознесенному (т.е. *к небесам*) со своего любимого престола (т.е. *из Эдфу*)», где *wṯzt* «престол» соотносится с топонимом Эдфу и с наименованием неба – *ṯzt* «Вознесенное» (*Wb*. V, 407.19), производных от глагола *ṯzj* «поднимать, возвышать».

[16] См. также Kurth 2004, 42.

[17] К значению глаг. *jwr* «быть на сносях»: *Wb*. I, 56.1–7; Wilson 1997, 55; Arnette 2020, 27–39; здесь он употребляется в форме *sḏm=f* passivi со значением «находиться во чреве матери». Параллели: *CT* IV, 37g (Spell 286): *jwr=f m p* «он находился во чреве матери в Буто»; Edfou I, 36.11 (здесь, как и в Edfou VII, 24.9, предлог *n* стоит вместо *m*): *jwr n/m p* «находящийся во чреве матери в Буто».

[18] *bjk n*(*j*) *nbwt* «сокол Золотой (богини)» – широко распространенный эпитет, применявшийся преимущественно к Хору Бехдетскому (*LGG* II, 765–766); Золотая – обычное имя богини Хатор (*LGG* IV, 180–184).

[19] *prj m ꜣḫt* «выходящий из-за горизонта» – очень распространенный эпитет божеств, прежде всего Хора в разных ипостасях. Сочетание «пестрый оперением, выходящий из-за горизонта» является метафорой первых лучей рассвета – яркие перья крыльев сокола Хора начинают переливаться на горизонте, когда он рождается и взмывает к небесам.

[20] Об эпитете *ḫrj-st-wrt* букв. «тот, кто на великом месте» и его пространных вариантах см. *LGG* V, 375–377. Термин *st-wrt* означает святилище в храме.

[21] Об этом эпитете: *LGG* III, 489; Dendara XIII, 328.3; 417.4; XIV, 129.13–14; 164.14; XV, 232.11.

Эпитет *wr s*(*w*)/*s*(*j*) *r nṯrw* (*nbw*/*dmḏw*) «тот/та, кто старше (вообще всех) богов» с энклитическим местоимением *sw*/*sj* «он/она» как грамматическим субъектом применялся к разным богам (в частности, Амуну, Осирису, Хору Бехдетскому, Хатор) со времен XIX–XX династий (древнейший пример – глава Книги мертвых 185F, где *wr sw r nṯrw* «тот, кто старше (всех прочих) богов» является эпитетом Осириса-Онуфрия[22]); основными источниками об этом эпитете являются храмовые тексты греко-римской эпохи[23]. Более распространена простая форма этого эпитета без энклитического местоимения *sw*/*sj* «он/она»: *wr* (*r*) *nṯrw* (*nbw*) «старейший из (всех) богов» (*LGG* II, 449–450). Описание восхода Солнца в метафорах взлета сокола и рождества бога, являющегося при этом старейшим из богов, коррелирует с антитезой «начало богов, возникающий впоследствии».

5. Edfou VII, 60.11–1224. Датировка: Птолемей IX Сотер II

[...] *ḫkꜣ nb pwnt smsw n*(*j*) *nṯrw nb*(*w*) *ḏrtj wr-phtj m wṯzt-ḥr nfr-ḥr sḥb mnḏtj ḥꜣt nṯrw ḫpr ḥr-sꜣ* 𓂋𓄡𓏏𓋴 *ḥr bḥdtj nṯr ꜥꜣ nb pt*

[...] правитель, владыка Пунта[25], старейший из всех богов, лунь, обладающий большой мощью в номе Престол Хора (Эдфу), пригожий лицом[26], с нарумяненными щеками(?)[27], начало богов, возникающий впоследствии, Хор Бехдетский, великий бог, владыка неба.

Эпитет *smsw* (*n*/*r*) *nṯrw* (*nbw*) «старейший из (всех) богов» известен еще из Текстов саркофагов (*LGG* VI, 353). Он является аналогом эпитета *wr s*(*w*) *r nṯrw* (*nbw*) «тот, кто старше, чем (все прочие) боги» в Edfou VII, 24.10. Вероятная контаминация эпитетов *wr sw*/ *smsw r nṯrw* 𓅱𓏏𓂝𓊵𓉔𓏏𓈖 отмечена в надписи Тахарки в Карнаке[28].

---

[22] Версия папируса *stḫ-nḫt*, *P. MMA* 35.9.19: totenbuch.awk.nrw.de/objekt/tm134389. Датировка: XIX династия.

[23] Dendara IV, 32.2; 91.7; VI, 63.2; IX, 89.12; XII, 277.17; XIII, 55.5; 70.3; 307.3; Edfou V, 87.3; 95.8; 199.15; 202.15; 293.11; VII, 82.14–15; 114.13; 122.3; 153.1–2; 155.6; Edfou, Mammisi, 205.3; Medinet Habu, North Screen (right), 1b (Klotz 2012a, 341), и др.

[24] См. также Kurth 2004, 102.

[25] *LGG* III, 629–630. О Пунте как баснословной стране, родине Хора Бехдетского в Греко-римскую эпоху: Labrique 1992, 72, n. 356.

[26] Эпитет *nfr-ḥr* «пригожий лицом» (*LGG* IV, 214–217) прилагался ко многим божествам. В теологии божественный облик бога-творца передавался его творению, что отразилось в древнейшей антропонимике. Например, в имени *nfr-ḥr-n*(*j*)*-ptḥ,* букв. «прекрасное лицо Птаха» (Scheele-Schweitzer 2014, 474 [1928], [1931]), термин *nfr-ḥr* «прекрасное лицо» означал самого ребенка, который был и творением, и подобием бога Птаха.

[27] Об этом эпитете, встречающемся в том числе в женском роде (*sḥbt mnḏtj*) у богинь: *LGG* VI, 450, 452–453; Grässler 2017, 129–131. Глагол *sḥb* буквально значит «делать праздничным, празднично украшать», значение же слова *mnḏtj* неопределенно: от «уголков глаз» или «бровей» до «висков» или «щек».

[28] *JWIS* III, 84 (33), стк. 2. П. Вернюс (Vernus 1975, 29–30, 35 (r)) дает чтение *wr sw r nṯrw*, и оно кажется верным; иное чтение того же текста приведено в *LGG* 6, 353: *smsw r nṯrw* с тремя параллелями: *CT* I, 374–375d; IV, 118c; *P. Louvre* N.3176 (S), IV.4 (Barguet 1962, 11, pl. 1–2).

6. Edfou VII, 135.13[29]**. Датировка: Птолемей IX Сотер II**

[*jwj.n=j ḫr=k ḫr bḥdtj ... ḥ3t*] *nṯrw ḫpr ḥr-s3* *jnj=j n=k ḫts sjʿr*[...] *ḫr ḥm=k*

[я пришел к тебе, Хор Бехдетский, ... начало] богов, возникающий впоследствии, преподнося(?) тебе жезл *ḫts*[30], который даруется(?) твоему величеству.

Начало перечня эпитетов Хора Бехдетского утрачено, однако ясно, что эпитет «[начало] богов, возникающий впоследствии» шел в нем одним из первых.

7. P. Louvre N.3176 (S), II.14–16[31]

В литургии Осириса под условным наименованием «Выход процессии Птаха-Сокара-Осириса» эпитет «начало богов, который возникает впоследствии» произносит сам герой произведения, перечисляя образы, в которых он рождается, и прочие характеристики:

jnk ḫms n(j) nbw prj m ʿntjw st(j)-rʿ prj m st-jrt ḥ3t nṯrw ḫpr ḥr-s3

я – золотой колос[32], произрастающий из мирры, заместитель Ра[33], происходящий от Осириса, начало богов, который возникает впоследствии.

Часто встречается мнение, что эпитеты *pr*(*j*) *m st-jrt ḥ3t nṯrw ḫpr ḥr-s3* «происходящий от Осириса, начало богов, который возникает впоследствии» принадлежат Анубису, причем эпитет *ḫpr ḥr-s3* «появляющийся впоследствии» относят к богам (*nṯrw*), а не к самому герою повествования[34]. Действительно, выше герой называет себя сыном Исиды и шакалом впридачу (*jnk z3 st ... jnk z3b ḫ3ḫ sw m nmtwt=f* «я – сын Исиды ... я – шакал, быстрый в беге»[35]: *P. Louvre* N.3176 (S), II.1–3), но затем приводит обращение к Осирису, представляясь уже Анубисом (*P. Louvre* N.3176 (S), II.9–11):

---

[29] См. также Kurth 2004, 242–243, где восстановление начальной части строки подтверждается многочисленными параллелями.

[30] О роли предмета *ḫts* (его прообразом является, возможно, жезл в форме кочана салата, часто являющегося элементом архитектурного декора) см. Wilson 1997, 691. Текст, в котором он упоминается, связан с фризом, декорированным рядом этих кочанов салата: Kurth 1994a, 194, 199, Anm. 35.

[31] *P. Louvre* N.3176 (S) = E.3040: Barguet 1962, 6, 8, pl. 1–2. Датировка: I–II вв.н.э. (Osing 1998, I, 29, Anm. 71; Quack 1998, 255).

[32] Иное чтение: Barguet 1962, 8; *LGG* 1, 407 (*jrj-msw*). К чтению группы как *ḫms* «колос» см. Quack 1993, 151; Burkard 1995, 209; свидетельства о золотом колосе (*ḫms n*(*j*) *nbw*) в сходных контекстах: Pries 2009, 101, 103.

[33] Эпитет *stj-rʿ* «заместитель Ра» чаще всего прилагался к Птаху или Тоту (*LGG* VI, 68; в этом справочнике владельцем эпитета *stj-rʿ* в *P. Louvre* N.3176 (S), II.15 назван Анубис. Напротив, А. Эгбертс (Egberts 1995, I, 120, n. 5) указывал, что в данном тексте этот эпитет принадлежит Хору).

[34] Ср. переводы Barguet 1962, 8: «premier des dieux qui sont venus ensuite»; Burkard 1995, 209: «Erster der Gotter, die danach entstanden sind»; *LGG* V, 16: *ḥ3t nṯrw-ḫprw-ḥr-s3* «Der Anfang der Götter, die danach entstanden sind», с указанием «Bezeichnung des Anubis»; аналогичное чтение эпитета дано и в статье Pries 2011, 228, несмотря на то что автор учел замечания Курта по эпитету *ḥ3t nṯrw ḫpr ḥr-s3* «начало богов, появляющийся впоследствии». В литературе этот эпитет из *P. Louvre* N.3176 (S) довольно часто напрямую приписывается Анубису: Grenier 1977, 21; Durisch Gauthier 2002, 157; Safronov 2020, 1194, прим. 31.

[35] Здесь энклитическое местоимение *sw* «он» является грамматическим субъектом взамен демонстратива *pw* в предложении с предикатом-эпитетом типа *nfr sw* «он

mj n=j jt=j st-jrt jnk jnpw z3 b3stt ḥ3jtjt mwt=f m jḥj r sḫpr wḏt=s nbw

приди ко мне, мой отец Осирис! Я – Анубис, сын Баст, которого его мать закрывала крыльями в зарослях папируса[36], чтобы выполнить все, что ей было предназначено[37].

Тем не менее, в начале первой сохранившейся декларации герой величает себя «Хором, заступником за своего отца» (*ḥr wšb ḥr jt=f*: *P. Louvre* N.3176 (S), I.4[38]). Далее речь идет также о Хоре, но по ходу повествования он заявляет о себе уже как об Анубисе, оставляя при нем разные эпитеты и пояснения, характерные именно для Хора. Все перечисленные фразы являются частью этой пространной декларации Хора, именующего себя Анубисом.

Анубис, сын Баст (*jnpw z3 b3stt*), упоминаемый в декларации, известен из мифов о младенце Хоре, прятавшемся от Сетха[39]. Подробное объяснение мифологического вопроса, почему Хор назывался *jnpw* «Анубисом» в ту пору, когда он ребенком скрывался матерью в зарослях папируса, содержится в мифографическом Папирусе Жюмилак[40]:

jr w3ḏjt nb(t) dwn-ˁnwj st pw mwt n(j)t jnpw *jr ḥr-p3-ḫrd ntj m st tn jnpw* *pw z3 st-jrt jw=f n/m ḫrdw špss m ḳnjw n(j) mwt=f st jr jnpw* *ḏd.tw=f m rn n ḥr jw=f m nḫn*

Что касается Уаджит, госпожи Дунануи[41], то это Исида, мать Анубиса. Что касается Харпократа (т.е. *Хора-ребенка*), который находится в этом месте, то это Анубис, сын Осириса, когда он был вельможным ребенком в объятиях своей матери Исиды. Что касается (имени) «Анубис», то его называют как имя для Хора, когда он был младенцем.

В *P. Jumilhac* VI.11–12 содержится параллель уже с Нефтидой как действующим лицом: *jmn.n=s m jnpw* *jmj w3ḏ ḫpr rn=f n/m jnp* «она скрыла (его) как “Анубиса” в зарослях папируса, и его имя стало “Анубис”». Здесь в первом случае слово *jnpw* представлено идеограммой Анубиса, а во втором – выписано без детерминатива, как нейтральная лексическая единица с разными оттенками значений, производных от морфемы *jnp*. В результате оба упоминания *jnpw* можно понять как игру слов «щенок шакала» > «Анубис».

хороший» / *ˁnḫ sw* «он живой»; структура фразы примерно такова: *jnk z3b – ḥ3ḥ sw m nmtwt=f* «я – шакал, тот, который скор в своих движениях».

[36] Структура фразы *ḥ3jtjt mwt=f*: «(тот), чья мать (являлась) укрывающей крыльями», – характерна для эпитетов. О болотном растении *jḫ(j)* «папирус» см. Charpentier 1981, 52 (78), 108 (176–178); Bedier 1995, 32, Anm. 3; Dittmar 1986, 53–54.

[37] Речь идет о долге богини Баст спасти ребенка Хора от преследований Сетха. Значение субстантивированного причастия (part. perf. passivi) *wḏt* «долг, предназначение» в этом предложении раскрывают параллели из других текстов, в частности фраза о действиях бога Хонсу: *jrj ḏd=f sḫpr wḏt=f* «выполняющий свои обещания, воплощающий свои намерения» (*Urk*. VIII, 104b (S.89) = Clère 1961, pl. 40; ср. Altmann-Wendling 2018, 414, с лит.). Обычное значение фразы *sḫpr wḏt* – «выполнять приказ», однако в данном случае вряд ли речь идет о выполнении богом своего собственного приказа.

[38] Barguet 1962, 3, 5, pl. 1–2; об этом эпитете: *LGG* II, 592.

[39] Rondot 1989, 268–269; Durisch Gauthier 2002, 157, 196; Koenig 2004, 300–302.

[40] *P. Jumilhac* VI.2–5 (*P. Louvre* E.17110: Vandier 1961, 117, 152 (96), pl. 4. Датировка: Птолемеи. См. также Sternberg 1985, 149, Anm. m; Forgeau 2010, 337, n. 338 и др.).

[41] Дунануи – город Хардаи, центр XVIII нома Верхнего Египта. Об эпитете богини Уаджит «госпожа Дунануи»: *LGG* IV, 166.

Также не следует забывать, что именем *jnpw* «Анубис» назывался наследник престола, «дофин, кронпринц» в историческое время[42]. Это значение имени *jnpw* как раз и отражено в мифе о младенце Хоре, который в *P. Louvre* N.3176 (S) ассоциирован с Анубисом, сыном Осириса (*jnpw z3 st-jrt*)[43], чьей матерью считались или Баст, или Исида-Уаджит[44].

---

[42] *Wb*. I, 96.5–6; Meeks 1976, 87, 89; Vandersleyen 1992, 563–566; Feucht 1995, 503–512; Budde 2011, 255–265; Perdu 2017, 329–331; Cauville 2016, 59. Интересно в этой связи свидетельство Edfou I, 153.2–153a.2: ... *ḥr dmḏ n=f psšt*j *jn p(3) z3b* 𓁹𓂋𓃀 *ḫntj st-wpt* «... Хор, для которого объединились две части (страны), это – судья во главе суда» (о царе Птолемее IV). Возможно и иное понимание этой фразы, как это показано в работе Löffler 2017, 334: «das königliche Kind an der Richtstätte», с чтением 𓁹𓂋𓃀 как *jnpw* («царственное дитя, кронпринц»); и все же чтение этой загадочной группы знаков как *jn p(3) z3b ḫntj st-wp(t)* «это – судья во главе суда» предпочтительнее, так как понимание иероглифа 𓃀 как *jnpw* маловероятно, см. Wilson 1997, 789.

[43] Об Анубисе, сыне Осириса, сохранилось множество свидетельств (см., например, *LGG* VI, 76–78; Kucharek 2010, 394–395; Gaber 2015, 315–316, 318–321). Самое раннее упоминание *jnpw z3 st-jrt* отмечено на стеле *ḥr-mjnw* (Berlin 7274: *KRI* I, 311.1. Датировка: *sthj* I). В повествовательном контексте гимна Себеку этот бог-крокодил как спаситель своего отца Осириса становится *jnpw*, т.е. его наследником: *nḏ.n=k jt=k st-jrt jp=k n=f jbw nṯrw ḫpr.t(j) m jnpw* «ты спас своего отца, ты проверил для него сердца богов, став Анубисом» (*P. Ramesseum* VI (BM EA 10759), 64–65: Gardiner 1957, 50, pl. 3. Датировка: *jmn-m-ḥ3t* III). Иногда этот текст рассматривается как древнейшее свидетельство об Анубисе, сыне Осириса (Durisch Gauthier 2002, 188, n. 900; Gaber 2015, 315–316, n. 131), хотя стоит иметь в виду, что *jnpw* в этом случае – это не только имя бога, но и своеобразный титул бога-кронпринца его отца, царя мертвых Осириса. Об *jp jbw* «проверке сердец» как функции Анубиса в разных контекстах, прежде всего психостазии, судов и казней, см. Willems 1998, 728–743. Со времен Нового царства имел широкую популярность эпитет служащих *jp-jb,* букв. «тот, чье сердце проверено», который обнаруживает контекстуальные соответствия с эпитетами *mḥ-jb* «доверенный, верный, вассал», *wb3-ḥr* «посвященный, профессионал», и др.: *Wb*. I, 66.16–19; De Meulenaere 1962, 34–35; Egberts 1995, I, 306–307; Stadler 2009, 435–137 (*jp-jb* «рассудительный, ученый»); *KRI* VII, 226.15; Perdu 1998, 251–252 (c); и мн. др. В поздней эпиграфике эпитет *jp-jb* «просвещенный, посвященный» мог передаваться идеограммой павиана с сердцем в руках 𓁷 (Dendara XIV, 14.1; статуя Москва, ГМИИ I.1.a.7702 (4067), стк. 1 (Berlev, Hodjash 2004, 366); статуя Hannover, Museum August Kestner 1935.200.510, спинной столб, стк. 1 (Klotz 2012b, 138–139, Taf. 18); статуя Wien ÄS 5806a, стк. 2 (Rogge 1992, 126, 128–129); саркофаг Wien ÄS 4, 12.23 (Leitz 2011, 228, 232, 239, 467); и др.), одной из ипостасей бога Тота, «проверяющего сердца», т.е. «посвящающего» (*LGG* I, 215–216; ср. Stadler 2009, 436–437). Налицо разница между причастиями от глагола *jp* «учитывать, проверять» в действительном (для Тота) и страдательном (для служащего) залогах. Соответственно, в позитивном ключе «проверка сердец богов» правителем в роли пастыря (part. perf. activi *jp-jb* «проверяющий сердце = заботливый», см. Egberts 1995, I, 306–307; Osing 1998, I, 177–178, Anm. p), в частности, Edfou III, 168.10 (Egberts 1995, I, 303, 307; II, pl. 136): *ḥr jp jb ḥr nr ꜥwt=f sjn bḫz ḥr ḫw(t) zpt* «Хор, заботливо пекущийся о своей пастве, понукающий теленка, топчущего гумно»; см. также Wilson 1997, 62) может значить что-то вроде принятия оммажа от подданных, которые таким образом становятся вассалами (с титулом *jp-jb* «чье сердце проверено = верный»: относительная форма с имплицитным субъеком).

[44] Об Анубисе-Хоре, сыне Исиды-Уаджит (*jnpw ḥr z3 st w3ḏjt*), в поздних источниках: Durisch Gauthier 2002, 153–154; см. также Favard-Meeks 1991, 197 (SAE 18.9); Budde 2011, 260: об Анубисе-Харсиесе, т.е. сыне Исиды (*jnpw ḥr z3 st*).

Итак, эпитеты бога, называющего себя Анубисом – наследником престола Осириса, следует отнести именно к Хору, названному в самом начале повествования. Это уточнение важно, поскольку употребляющийся в этом тексте эпитет *ḥ3t nṯrw ḫpr ḥr-s3* «начало богов, который возникает впоследствии» во всех прочих источниках применяется только к Хору, так что свидетельство папируса Louvre N.3176 (S) не является исключением из этой серии.

8. Стела сатрапа, 10–11 (*Urk*. II, 18.3)

При работе с поздними историческими текстами иногда возникает ситуация, когда историки пытаются понять сложные эпитеты и фразеологические обороты, не выходя за пределы жанра и эпохи создания данного источника, а то и отдельно взятого памятника. Так произошло и с одним известным текстом, многие места в котором остаются неясными не в последнюю очередь из-за ограничения интерпретаторами объема интертекстуального материала. Речь идет о титулатуре бога Хора на Стеле сатрапа, которая служит ценным дополнением к богатейшей традиции эпитетов Хора в храмовых текстах греко-римской эпохи.

Сообщение жрецов об убийстве Ксеркса I на Стеле сатрапа открывается перечнем титулов и эпитетов божества Хора, сына Исиды (Харсиесе), сына Осириса (*ḥr z3 st z3 st-jrt*)[45], представляющим интерес как источник по ранней, доптолемеевской синкретизации ипостасей Хора[46]:

ḥr z3 st z3 st-jrt ḥḳ3 ḥḳ3w nswt nswtjw bjtj bjtjw nḏ-jt=f nb p ḥ3t nṯrw ḫpr ḥr-s3 nn nswt ḥr-s3=f

Харсиесе, сын Осириса, правитель правителей, царь царей Верхнего и Нижнего Египта, тот, кто заступается за своего отца, владыка Буто, начало богов, возникающий впоследствии, после которого не бывает царя.

Бог Харсиесе, сын Осириса, фигурирует в тексте стелы в разных ипостасях, сведенных к образу Хора Бехдетского, который изображен на фризе этого памятника. Согласно отчету жрецов, бог отомстил Ксерксу за секуляризацию северного пограничного района (*pḥw*) «Земля богини Уаджит»[47], принадлежавшего его храму, убив царя в его дворце вместе с его старшим сыном.

В этот перечень эпитетов включено и выражение, которое в исследованиях Стелы сатрапа не получило устойчивой интерпретации (*Urk*. II, 18.3):

---

[45] *LGG* V, 284–285; Forgeau 2010, 60–62.

[46] Cairo *CG* 22182 (*JdE* 22263); *PM* IV, 49; Kamal 1904–1905, I, 170, II, pl. 56; *Urk*. II, 17.16–18.3; Schäfer 2011, 37, 133–134. Са эль-Хагар (Саис) – мечеть Шейхун, Каир. Датировка: 7-й год правления Александра IV (311 г. до н.э.).

[47] *pḥw* «нижняя область», северная пограничная территория нома (*Wb*. I, 538.4–6; Gardiner 1947, 194*). Этот термин, наряду с *w* «округом», обозначал единицу районирования номов в Египте (обзор источников по районам *pḥww* и *ww*, с литературой: Tattko 2014, 153–223). Упоминания таких районов исключительно редко встречаются в источниках до позднего времени, однако первые процессии округов *pḥww* изображены еще на рельефах восходящей дороги царя *s3ḥw-rʿ* в Абусире (Khaled 2018, 235–247), что свидетельствует о глубокой архаичности номенклатуры из области административного деления Египта. На Стеле сатрапа «Земля богини Уаджит» – это имя собственное района-*pḥw*, в основном находившегося в границах VI нома Нижнего Египта и являвшегося храмовым владением (*Urk*. II, 20.3–8).

 ḥ3t nṯrw ḫpr ḥr-s3 nn nswt ḥr-s3=f

начало богов, возникающий впоследствии, после которого нет царя.

Приведу ряд переводов этой фразы:

Spalinger 1978, 151: «The foremost of the gods who were subsequently! There will not be (another) king after him».
Ritner 1980, 137: «the foremost of the gods who came into being afterwards, after whom there is no king».
Goedicke 1984, 36, 40: «foremost of the gods who existed despite (lit. afterwards) there was no (human) king behind (i.e. supporting) him».
Kaplony-Heckel 1985, 617: «der Erste der Götter, die danach entstanden sind – es gibt keinen König (seinesgleichen) nach ihm».
Reymond 1986, 555: «the foremost of the gods who came into being after (him). There was no king to follow him».
Zandee 1992, II, 598: «Erster der Götter, die später entstanden, es gibt keinen König nach ihm».
Klinkott 2007, 37: «der Erste der Götter, die danach entstanden sind, ohne daß es einen (derartigen) König nach ihm gab».
Schäfer 2011, 37, 134, 153–154, Anm. p: «Erster unter den Göttern, die später entstanden sind. Nicht existiert ein König nach ihm».
Lloyd 2014, 187: «foremost of the gods who came into existence afterwards, who has no king subsequent to him».

Этот список демонстрирует стандартность переводов по трем позициям: *1)* слово *ḥ3t* переводится как титул «первый, главный»; *2)* действие *ḫpr* «возникновения» приписывается богам; *3)* грамматика фразы *ḥ3t nṯrw ḫpr ḥr-s3* строится в прошедшем времени, а образ *nswt ḥr-s3=f* «царя после него» иногда расценивается как некая альтернатива Хору и дополняется пояснениями типа *his equal, derartig, another («другой»)*.

Указанные три стандартные позиции в переводах подлежат пересмотру в свете храмовых текстов греко-римской эпохи, посвященных сущности бога в начале и конце времени. Надо сказать, что ключ к пониманию эпитета *ḥ3t nṯrw ḫpr ḥr-s3* по этим параллелям уже был найден благодаря работам Д. Курта. Анализируя источники по антитезе *ḥ3t nṯrw pḥwj psḏt* «начало богов – конец Эннеады», основном эпитете божества в роли «Альфы и Омеги» мироздания, Курт ссылается и на эпитет *ḥ3t nṯrw ḫpr ḥr-s3*[48], известный из храмовых надписей греко-римской эпохи, но по нелепой случайности не замеченный комментаторами Стелы сатрапа. Вооруженный массой таких свидетельств, Курт дает ясный перевод этой дискуссионной цитаты со Стелы сатрапа[49]: «(Horus, der Sohn der Isis und des Osiris), dem Anfang der Götter, der nachher (wieder) entsteht, ohne daß es einen König nach ihm gibt».

---

[48] Собственно эпитет *ḥ3t nṯrw ḫpr ḥr-s3* упоминается автором вскользь, со ссылкой на пять источников (Edfou V, 70.15–16; 141.11–12; VII, 24.10; 60.12; 135.13: Kurth 1998, 879, Anm. 17). Позже к этому перечню он добавил еще две ссылки (итого 7): *Urk*. II, 18.2–3 (т.е. Стелу сатрапа) и Dendara XV, 227.3 (Kurth 2012, 183, Anm. 65; Kurth 2019, 132, Anm. 4). Большинство этих источников наряду с другими свидетельствами рассматриваются в данной статье.

[49] Kurth 2012, 183, Anm. 65; такое понимание строк 10–11 Стелы сатрапа было предложено еще в 2004 г. (Kurth 2004, 242, Anm. 5) на основании других примеров из поздних храмовых надписей Греко-римской эпохи (Kurth 1998, 879–880). Впоследствии этот перевод перекочевал в *TLA* (lemma-no. 862463) в таком виде: «der Anfang der Götter, der am Ende (wieder) entsteht» (согласно отдельным примерам в своде Edfou VII).

Отдельное место в этой эпопее с толкованиями занимает перевод А.В. Сафронова: «первый из богов, появившийся позже, тот, после которого нет правителя»[50]; впрочем, он находит параллели еще у Г. Бругша: «der Anfang der Götter und der welcher nachher war, nach welchem kein (Gott) König war» = «the beginning of the gods and he who came after, after whom no (god) was king»[51]. Для такого понимания А.В. Сафронов выдвигает свои основания, которые расходятся с моими, и подчас существенно[52].

«Лексикон египетских богов» приводит все аттестации этого сложного эпитета порознь и с пропусками, а именно в статье *ḥ3t nṯrw* «Der Anfang der Götter» (*LGG* V, 16) и в статье *ḫpr ḥr-s3* «Der danach entsteht» (ibid., 699), хотя многие из приведенных там ссылок следовало бы попросту объединить в одну фразу: *ḥ3t nṯrw ḫpr ḥr-s3* «Der Anfang der Götter, der nachher entsteht»[53]. Уже по этой причине выводы Д. Курта следует лишний раз подчеркнуть. Благодаря свидетельствам храмовых текстов греко-римской эпохи можно сделать следующие выводы о значении этого эпитета на Стеле сатрапа.

1. Эпитет *ḥ3t nṯrw* переводится не «первый/главный/первенствующий среди богов», а «начало/исток богов», и в нем подчеркивается хронологическое значение ядра эпитета (*ḥ3t* «начало»), а не иерархическое (*ḥ3tj* «главный»)[54]. Существительное *ḥ3t* «начало» часто являлось начальным компонентом божественных эпитетов (*LGG* V, 14–17), в то время как сочетание *ḥ3t*(*j*) *nṯrw*, напротив, известно лишь в составе титула *ḫm-nṯr st-wrt ḥḥ ḥ3t*(*j*) *nṯrw tsmn* «жрец Осириса сонма, что во главе богов города Цмина»[55]. Вариант имени этого бога в форме [*st-wrt*] *m ḥḥ* «[Осирис] из сонма» отмечен в гробнице *b3k-n-rn=f* времен XXVI династии[56], однако как сочетать это имя с эпитетом *ḥ3t*(*j*) *nṯrw tsmn* «во главе богов города Цмина», совершенно непонятно. В административной сфере титул *ḥ3*(*w*)*t*(*j*) «первый, выдающийся, лучший» употреблялся с I Переходного периода[57] еще как эпитет среди риторических аттестаций (прежде

---

[50] Safronov 2020, 1193–1194, прим. 31.

[51] Brugsch-Bey 1877, 760; 1891, 438.

[52] В последней статье А.В. Сафронов предлагает два варианта перевода фразы: «начало богов, которое возникнет после (снова)» и «первый из богов, который появился позже» (Safronov 2021, 37, 40–41, 45).

[53] На этот эпитет «Лексикон египетских богов» (*LGG* V, 16) дает 2 ссылки: «[1] Barguet, pLouvre 3176, II, 16; [2] Satrapenstele CG 22182: *Urk*. II, 18, 2» с таким переводом: «Der Anfang der Götter, die danach entstanden sind».

[54] Наиболее ранние источники о *ḥ3t nṯrw* относятся к Рамессидской эпохе; они связаны с культом богинь Мут или Хатор, которые носили титул (*t3*) *ḥ3t nṯrw* «глава богов» (*LGG* V, 16: [19–21]); Zivie-Coche 2015, 365 (восст.).

[55] Стела *p3-šrj-t3-jḥt:* Cairo *CG* 22057, стк. 4–5: Kamal 1904–1905, I, 56, II, pl. 18; ср. *LGG* V, 19. Ахмим. О городе *tsmn* (Цмин) см. Zauzich 1982, 117; Geens 2014, 118.

[56] Betrò, Silvano 1991–1992, 6–7, fig. 1, tav. 1; см. также *LGG* II, 556.

[57] Все примеры с начальным *ḥ3t* в титулах Древнего царства (Jones 2000, 495–496 (1852–1857)) не похожи на нисбы. Чтение элемента *ḥ3t* «начало» в отдельных титулах I Переходного периода и позже (Ward 1982, 104 (861–863); Fischer 1997, 1997, 16 (860a); Hannig-Lexica 4, 758; 5, 1593; Wegner 2017–2018, 182 (fig.10), 184–185; Wegner, Cahail 2021, 153, fig. 7.4: в титуле *ḥ3t*(*j*) *ḥḳ3w nw w3tw3t* «глава правителей страны Вават»; и др.) как нисбы *ḥ3tj* «лучший» уже более вероятно. Свое прямое значение слово

всего военачальников), а в позднее время, благодаря выдвижению ливийских вождей (*ḥ3wtjw*), превратился в высокий воинский чин. При XXI–XXII династиях он входил и в царскую титулатуру, но после XXV династии он фактически вышел из употребления во всех областях[58]. Возможность переноса титула *ḥ3*(*w*)*t*(*j*) в сферу божественных эпитетов Птолемеевской эпохи противоречит и хронологии, и принципам его применения. В другом титуле Осириса – *ḥ3t*(*j*) (*pr*) *bjt* «во главе (*pr*) *bjt*(?)» – знак *ḥ3t* иногда рассматривают как орфографическую замену слова *ḥwt* «храм»[59], однако это объяснение не совсем надежно[60]. Также титулом *ḥ3tjw nw ḫ3-djt* (с божественными детерминативами) «главы (городского некрополя) *ḫ3-djt*» награждаются похороненные там мертвые боги Дендары[61]. Во всех случаях титул *ḥ3t*(*j*) «глава» носят локальные боги.

2. Эпитет *ḫpr ḥr-s3* «возникающий впоследствии» не относится к богам и в нем нет множественного числа; он принадлежит самому Хору и его ядром является причастие (participium perfecti activi) от глаг. *ḫpr* «появляться, возникать», которое выражает действие в настоящем протяженном времени, а не в прошедшем, как обычно понимают.

3. Эпитет *nn nswt ḥr-s3=f* «после которого нет царя» при переводе не следует дополнять пояснением «равного ему» или «другого» (царя) и отделять от предшествующего эпитета, поскольку он характеризует универсальное явление: после Хора не бывает ни «равного», ни «другого» царя, после него вообще никогда не бывает царя, кроме него самого, ибо он завершает течение времени и тут же вновь открывает этот процесс своим воцарением.

После отчета жрецов на Стеле сатрапа приводится и пространный вариант эпитета «после которого нет царя» с глаголом *ḫpr*; он включен в ответ царя *ḫ3bbš3* жрецам, подтверждающий могущество Харсиесе, сына Осириса (он же Хор, владыка Буто): *nṯr pn prj-ꜥ mm nṯrw n ḫpr nswt ḥr-s3=f* *jmj dj.tw=j ḥr w3t n*(*jt*) *ḥm=f ꜥnḫ nswt-bjtj ḥr=s* «сей бог – герой среди богов[62], после которого не

ḥ3t «начало» как открывающее эпитет сохранило в знаменитом отчете *ꜥnḫ.tj=fj: jnk ḥ3t rmṯ pḥwj rmṯ ḏr ntt nn ḫpr mjtw=j nn sw r ḫpr n msj mjtw=j n msj*.[*t*(*w*)]=*f* «я начало людей и конец людей, ибо не бывало подобного мне и не будет, не рождался подобный мне и не будет рожден» (Vandier 1950, 185, pl.15, ср. ibid., 171. Датировка: IX династия).

[58] Jansen-Winkeln 2016, 169–185.

[59] *1.* Рельеф из Нага Малгата (Карнак-Север) Clère ANT 35 MM4 (Coulon, Payraudeau 2015, 22 (fig. 1–2), 25–26. Датировка: конец XXV династии, супруга бога *šp-n-wpt* II). *2.* Жертвенник Cairo *CG* 23249 из Карнака (Legrain 1906, 53; *JWIS* IV.2, 612. Датировка: начало XXVI династии, супруга бога *njt-jḳr.t*(*j*)).

[60] Ср. чтение *LGG* V, 19: *ḥ3ty pr-bity* «Der an der Spitze des Hauses des unterägyptischen Königs ist».

[61] Dendara XV, 187.8.

[62] Эпитет *prj-ꜥ mm nṯrw* «герой среди богов», где *prj-ꜥ* значит «герой, удалец, ловкач», букв. «с простертой рукой», с дополнением *mm nṯrw* «среди богов» уникален, ближайшая параллель с предлогом *ḫntj* – *prj-ꜥ ḫntj nṯrw* «герой среди богов» – отмечен у разных богов как эпитет: a) Хора Бехдетского (также владыки города *msn*): Dendara II, 223.6; VI, 165.2; 171.8; 173.1–2; b) Харсомта (*ḥr zm3-t3wj* «Хора, объединителя двух земель»): Dendara II, 188.12; IV, 85.12; c) Монту: Dendara XI, 159.8; в *LGG* он не учтен; см. также перевод Сильви Ковиль: «champion parmi les dieux» (Cauville 1999, 284–285; Cauville 2001, 160–161).

бывает царя; поставьте меня на путь его величества, на котором живет царь Верхнего и Нижнего Египта»[63]. Выражение *n ḫpr nswt ḥr-sꜣ=f* «после которого не бывает царя» находит параллель только в *P. Harris* I, 57.9[64]: *jrj=j wḏwt r ḥn=w ḥr-tp-tꜣ n nꜣ nswtjw ḫprrw ḥr-sꜣ=j* «я издал декреты об установлении режима их работы на земле для царей, которые придут мне на смену». Это предписание касалось порядка работы храмового персонала непрофессиональных служащих (*smdt*)[65]. Вспомогательный глагол *ḫpr* употреблен в данном тексте в форме part. imperf. activi pl. с оттенком будущего времени *ḫprrw*, в то время как на Стеле сатрапа используется имперфектная относительная форма из непереходного глагола *ḫpr*: *prj-ꜥ ... n ḫpr nswt ḥr-sꜣ=f* «герой ... после которого не бывает царя».

Оба варианта эпитета «после которого нет / не бывает царя» встречаются только на этом памятнике. Во втором случае фраза была извлечена из контекста хронологических эпитетов и помещена в речь царя *ḫꜣbbšꜣ*, подводящего итог деяниям Хора Бехдетского, устранившего царя-преступника Ксеркса. Сложность ситуации заключается в том, что в этой речи один фараон (*ḫꜣbbšꜣ*) восхищается Хором, владыкой Буто, некогда убившим другого фараона (Ксеркса)[66]. Мятежник *ḫꜣbbšꜣ* намеренно называет Харсиесе, сына Осириса, эпитетом *n ḫpr nswt ḥr-sꜣ=f* «тот, после которого не бывает царя», лишая тем самым и Ксеркса, и себя статуса воплощения божества на престоле. Выражение *jmj dj.tw=j ḥr wꜣt n*(*jt*) *ḥm=f* «поставьте меня на путь его величества» напоминает распространенный верноподданический эпитет *mḏd mṯn* / *wꜣt n*(*jt*) *smnḫ sw* «разделяющий путь своего благодетеля» и его варианты[67]. «Путь его величества»[68] (в данном случае – путь

Его варианты встречаются среди эпитетов Хароэриса (*ḥr-wr* «Хора Старшего»), бога Куса, в форме *ṯmꜣ-ꜥ mm nṯrw* «герой среди богов» (Kom Ombo 216a.1; 259.B (Morgan *et al.* 1895, 168, 193. Датировка: Птолемей XII Неос Дионис); см. также *LGG* VII, 465) и *ḳn-mꜣꜥ mm nṯrw* «истинный храбрец среди богов» (статуя Зенона из Куса. BM EA 1668 (A), кол. 6: Derchain 2000, 46, 77 (n. 19), 108, pl. 3. Датировка: Птолемей II Филадельф). Отмечен случай с перестановкой компонентов: *ꜥꜣ-pḥtj ḫntj nṯrw ṯmꜣ-ꜥ wsr-ḫpš=f* «обладающий огромной мощью среди богов, герой, рука которого сильна» (Opet I, 132B; эпитеты Хароэриса; один из них – *ꜥꜣ-pḥtj/wr-pḥtj ḫntj nṯrw* – встречается в поздних текстах уже достаточно часто).

[63] Стела сатрапа, 11–12: *Urk*. II, 18.8–11; Schäfer 2011, 133–134, 153–154; ср. Vittmann 1999, 84; 2012, 283.

[64] *P. BM EA* 9999: Erichsen 1933, 66.8–9; Grandet 1994, II, pl. 58.

[65] *P. Harris* I, 57.8 (там же); Grandet 1994, II, 188, n. 780. Ср. перевод Grandet 1994, I, 304: «j'ai promulgué des décrets destinés à les (= les collectivités de serfs) organiser sur terre à l'intention des rois qui me succéderont».

[66] Ксеркс I был убит заговорщиками в первых числах августа 465 г. до н.э. (Depuydt 2008, 9–12); нубийский фараон *ḫꜣbbšꜣ* захватил власть в Египте на 2 года в 338 или 337 г. до н.э. (Vittmann 2011, 410), воспользовавшись убийством Артаксеркса III в конце августа – сентябре 338 г. до н.э. (Depuydt 2008, 39).

[67] Janssen 1946, 70–71 (Bc); Vittmann 1999, 115–120. Среди этих аттестаций встречается и пример *mḏd=j mṯn n*(*j*) *ḥm=f* «я разделял путь его величества» (стела *ḥr-nḫt*: Torino Cat. 1612: collezioni.museoegizio.it/en-GB/material/Cat_1612; см. также Blumenthal 1970, 396 (G 8.22). Датировка: *z-nj-wsrt* I).

[68] О выражении *mṯn n*(*j*) *ḥm=f*/*k* «путь его/твоего величества» см. Vittmann 1999, 84, 116, 126–127; Vittmann 2012, 283; оно отмечено также на наофорной статуе *nfr-jb-rꜥ-nfr*, стк. 1c-8: ... *ḥr* (*r*)*djt.n jb=f ḥr mṯn n*(*j*) *ḥm=f* «... из-за того, что он был

бога Хора[69]) – это путь подданного, и *ḥ3bbš3* подчеркивает, что каждый фараон обязан служить Хору как вышестоящему царю, признавая, что у него самого божественный статус как таковой отсутствует.

Эпитет *n ḫpr nswt ḥr-s3=f* «тот, после которого не бывает царя» является реминисценцией составителя надписи, развивающей тему полного совпадения конца и начала правления Харсиесе, сына Осириса, – Харендота («Хора, заступающегося за своего отца»), владыки Буто (*ḥr-nḏ-jt=f nb p*) – Хора Бехдетского. Некогда был фараон-нечестивец Ксеркс, ныне пришел праведный царь *ḥ3bbš3*, но все дела земного правления беспрерывно вершит бог Хор. Безусловно, риторика о боге, карающем нечестивца, была заимствована из протокола эпитетов Хора Бехдетского, хотя реальные обстоятельства объединения разных ипостасей Хора по функциям сложнее. До эпохи Птолемеев под «Хором владыкой Буто» понимался преимущественно Харендот[70], так как здесь была его родина[71]. Имя Харсиесе с уточнением «сын Осириса» (*ḥr z3 st z3 st-jrt*) и эпитетом в форме *nḏ-jt=f* «заступающийся за своего отца» впервые отмечено именно на Стеле сатрапа[72]. Более того, образ Харендота вовсе не имел тенденции к синкретизации

предан (букв. «его сердце было дано») пути его величества» (Cairo *CG* 658: *JWIS* IV.1, 329. Датировка: Псамметих II). В Декрете Мемфис II (N22 = *Urk*. II, 183.3) употребляется выражение с глаголом *thj* «сворачивать, сбиваться (с пути)», который является антонимом глагола *mḏd* «разделять (путь)»: *thj=sn mṯn n*(*j*) *ḥm=f ḥnʿ jt=f šps* «они свернули с пути его величества и его вельможного отца» (о мятежниках); ср. формулировку в Декрете Мемфис II, N 20 = *Urk*. II, 181.2: *thj=sn mṯn mrj.n ḥm=f ḥnʿ sḫr nṯrw* «они свернули с пути, желанного его величеству, и божественного завета». См. также Dendara VIII, 85.14: *w3t n*(*jt*) *ḥmt=s* «дорога ее величества (т.е. *Хатор*)» – в прямом смысле, ведущая к святилищу.

[69] Основные источники о «пути бога», с вариантами: Vittmann 1999, 49–69; 2012, 278–280. Это понятие известно со времен Текстов пирамид (Pyr. 1806b: оно обыгрывается с именем бога *wpj-w3wt*).

[70] Помимо Стелы сатрапа (в трех местах: преамбуле, стк. 10 и 13), известно еще 5 свидетельств о божестве Харендоте, владыке Буто (*ḥr nḏ-jt=f nb p*). Ср. *LGG* III, 623: здесь приводится 3 источника XXVI–XXX династий: [5]–[7]). Добавить: *JWIS* II, 273 (Датировка: Шешонк V); IV.1, 415 (Датировка: Амасис). См. также эпитет *ḥr-nḏ-jt=f nb p-msn* «Харендот, владыка Буто-Месена» (Edfou I, 307.7. Датировка: Птолемей IV Филопатор).

[71] О культе Хора в *p* (Буто): Redford 1983, 71–72.

[72] *Urk*. II, 17.16–18.1. Следующий пример относится уже к концу правления Птолемея V Эпифана: *ḥr z3 st z3 st-jrt jnḏ jt=f st-jrt* «Харсиесе, сын Осириса, заступающийся за своего отца Осириса» (Rosettana N.10. Cairo *CG* 22188: Kamal 1904–1905, I, 185; II, pl. 62; *Urk*. II, 174.1). Еще один ранний источник о Харсиесе, сыне Осириса, «заступнике за своего отца» (в форме *nḏtj jt=f*),– это *P. BM EA* 10252, 16.19–20 (*Urk*. VI, 35.14–16; Gill 2019, I, 293–294; II, 854–855, pl. 16). Колофон папируса *P. BM EA* 10252, 19.23–31 приводит дату его открытия (*wb3*) писарем *p3j*: 11-й год Александра IV (307/6 г. до н.э.), однако сам папирус был скопирован его отцом *wsr-ḫnzw*, сыном *k3p=f-ḥ3-mnṯw*, в 17-м году правления Нектанеба I (364 г. до н.э.; Gill 2019, 1, 39–43; 2, 861, pl. 19). В той же форме *nḏtj* (*n*) *jt=f* «заступник за своего отца» эпитет Харсиесе, сына Осириса, отмечен в Dendara I, 115.6–7; XI, 46.7–8; 85.2 (все – Клеопатра VII); XIII, 331.5 (Клавдий) и других позднейших текстах.

с образом Хора Бехдетского[73]. Наконец, Стела сатрапа – первый исторический памятник, в котором засвидетельствовано сочетание эпитетов «начало богов, который возникает впоследствии», и этот документ носит светский характер, являясь не мифологическим повествованием, а своего рода реляцией, объясняющей причины выпуска царского декрета. Таким образом, именно Харендот – владыка Буто, местное божество, отомстил Ксерксу за изъятие им земель его храма, однако на него были перенесены функции и эпитеты Харсиесе, сына Осириса, и Хора Бехдетского как божеств царской власти и покровителей Египта. При этом были стерты всякие различия между разными ипостасями Хора, которые в мифологии по эпитетам наблюдаются достаточно четко. Впрочем, это тема отдельного исследования.

Антитеза *ḥ3t nṯrw ḥpr ḥr-s3 nn nswt ḥr-s3=f* «начало богов, возникающий после, после которого нет царя» характеризует не только непрерывное правление Хора, но и совпадение начала его царствования с концом времени, и наоборот. Отрицательный эпитет *nn nswt ḥr-s3=f* «после которого нет царя» подчеркивает эту идею неразрывности правления бога, границы которого не образуют цикл, а совпадают друг с другом, устраняя понятие времени в представлениях о божественной монархии. Таким образом, Стела сатрапа устами праведного узурпатора *ḥ3bbš3* уклоняется от мифологической характеристики монархии как бесконечной череды фараонов – перевоплощений Хора, делая акцент на единстве ипостасей бога и в принципе отказываясь от хронологического аспекта роялистской мифологии.

Данная доктрина бога-абсолюта расцвела уже в греко-римскую эпоху. Наиболее яркий пример синтеза эсхатологической риторики и теологии бессмертия царя представлен текстом начала II в. н.э. в *маммиси* в Дендаре (Dendara, Mammisis, 100.10–11). Все эпитеты в нем адресованы Хору – «младому богу, рожденному Исидой», с которым отождествляется фараон, в данном случае – император Траян[74]:

[ꜥnḫ] *nṯr nfr msj.n st z3 smsw n(j) st-jrt nswt n(j) nḥḥ jwtj wḫmtj=f ḥ3t nṯrw pḥwj psḏt nn ḫpr nṯrw nṯrwt ḥr-s3=f ꜥḥꜥw=f 3wj m ḏt sḫꜥj ḥḳ3 nb ḥr nst=f ḫntj nṯrw r-mn mjn nswt bjtj nb t3wj* (*drjjns ntj ḫwj ꜥnḫ ḏt*) «[да живет] младой бог, рожденный Исидой, старший сын Осириса, царя вечности, неповторяющийся, начало богов и конец Эннеады, после которого не бывает богов и богинь, чья жизнь длится вечно, кто ставит каждого

---

[73] Случаи образной тройной синкретизации богов Хора – сына Исиды, сына Осириса, Харендота и Хора Бехдетского отмечены только на Стеле сатрапа и, с некоторыми модификациями, в тексте Dendara VI, 126.3–4, где *ḥr bḥdtj* носит эпитеты *ꜥ3 m3ꜥ-ḫrw prj m st z3 smsw n(j) st-jrt ndtj-n-jt=f m j3t-dj* «великий триумфатор, рожденный Исидой, старший сын Осириса, заступник за своего отца в *j3t-dj*»; *j3t-dj* «холм дара (т.е. *рождения*)» – название *маммиси* Исиды в Дендаре (Kockelmann 2002, 60–64).

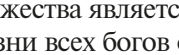
[74] Этот фрагмент включен в сводку источников по эпитету *ḥ3t nṯrw pḥwj psḏt*: Kurth 1998, 875, 877; см. также 2007, 25. Мое чтение текста имеет ряд отличий; комментарий к нему должен войти в будущее исследование.

правителя на его престол[75] среди богов вплоть до нынешнего дня, царь Верхнего и Нижнего Египта, владыка двух земель, Траян Август[76], да живет он вечно».

---

[75] Параллели: *sḫʿw ḥḳ3 ḥr* [*mn-bjt?/ṯnṯ3t?=f*] «те, что возводят царя на [его престол]» (Edfou V, 38.9–10: o *b3w p ḏrtjw rmnw nṯr nfr* «душах Буто, предках(?), несущих младого бога»; ср. Kurth 2019, 71); *sḫʿj nswt ḥr st-r3=f* «тот, по чьему соизволению коронуется царь» (Edfou VI, 144.2); *ḫʿj nb ḥr st-r3=s* «та, по чьему соизволению царствует владыка» (*LGG* V, 645). Об употреблении существительного *ḫʿw* «заря, рассвет» в значении «воцарение» или «царствование», глагола III Inf. *ḫʿj* «озарять, восходить на горизонте» в значении «воцаряться», каузатива III Inf. *sḫʿj* «дать сиять, зажигать свет» (об этом значении *sḫʿj* см., например, Pyr. 1981c (PT 670): *jsḫʿ.tj jrtj=k m tp=k* «они (т.е. *Исида и Нефтида*) зажгли свет твоих глаз в твоей голове»; варианты фразы *wn* (*st*) *ḫʿj jrtj* «глаза зажглись» отмечены в изводах главы PT 670, перечисленных в Assmann 2008, 420) в значении «короновать, возводить на престол» см. Redford 1967, 3–27; Schunck 1985, 63–90. В русской египтологической традиции понятие *ḫʿw* «заря» принято переводить буквально, как «сияние» sg. или «сияния» pl., а глагол *ḫʿj* в форме *sḏm=f* – словом «воссиявает», отсутствующим во всей толще русской лексики, кроме той ее части, которая используется египтологами. В этот особый раздел словаря русского языка включено много специфических неологизмов, например «воссуществовал», «говорение слов» и т.п. Эта традиция, сформировавшаяся еще во времена сталинских репрессий, господствует и поныне.

[76] Эпитет *ntj ḫwj* использовался для передачи греческого титула σεβαστός, который, в свою очередь, являлся эквивалентом титула Augustus в титулатуре римских императоров как фараонов. По демотическим источникам эпитет *ntj ḫwj* прослеживается с 6-го года правления Октавиана Августа (25 г. до н.э.) до 13-го года правления Галлиена (265/266 гг.н.э.), а в иероглифике – от Тиберия до Деция (Grenier 1989, 15–83). Проблема перевода эпитета *ntj ḫwj* иногда решается самым простым путем, исходя из значения слова *ḫwj* «защитник, хранитель». И все же следует учесть, что данный эпитет представляет собой определительное (атрибутивное) предложение с нисбой *ntj* «тот, кто является» в качестве субъекта, а его второй элемент является псевдопричастием от глагола *ḫwj* в значении «verehrt werden», которое отмечено и в *Wb*. III, 245.5–10 с датировкой Новым царством и позже. Древнейшие примеры употребления эпитета *ḫwj* «почитаемый, священный» применительно к личности можно выделить на памятниках адептов культа древнего визиря *jzj* (период правления *ttj*) в Эдфу при XIII династии: *1)* статуя Richmond, Virginia Museum of Fine Arts 63.29: *jsj nṯr ʿnḫ ḫwj* «*jsj,* почитаемый живой бог» (De Meulenaere 1969, 63, pl. 10); *2)* стела ex-Coll. Ray Winfield Smith, Houston: *jzj* изображен с титулом *jmj-r3* [...] *ṯ3tj jsj ḫwj* «начальник [...], визирь *jsj*, почитаемый» (Alliot 1937, 105 (14); Christie's 1969, 41–42 (Lot 128); Bonhams 2008, 22 (Lot 45; URL: www.bonhams.com/auctions/15940/lot/45/; дата обращения: 19.02.2022). Термин *sšm*(*w*) *ḫwj* «культовая, священная статуя» (*Wb*. IV, 291.15–16; вариант XVIII династии – *sšm*(*w*) *n-ḫwj*: Burgos, Larché 2015, I, 164 (vestibule nord, assise 4, bloc 284); *Urk*. IV, 1257.10; Helck 2002, 102 (122.21), 133 (140.1)) надежно фиксируется как эквивалент демотического *sḫm nṯr* «божественная статуя» и греческого ξόανον «идол» благодаря птолемеевской трилингве (Rosettana R.7 / d.24 / gr.41: *Urk*. II, 191.2; см. также *Urk*. II, 128.7; 208.5). Исконное значение глагола *ḫwj* – «ограничивать», в действительном залоге – «защищать»; но в страдательном залоге *ḫwj* «быть сохраненным» как причастие имеет буквальное значение «тот, кто исключителен». Исходя из этого, египетский эквивалент титула римских императоров Augustus в форме *ntj ḫwj* можно понять как «особенный, исключительный» > «священный, божественный» (Sauneron 1961, 248; Graefe 1973–1974, 371–372; Malaise 1989, 115).

Нетрудно заметить, что вся цепочка эпитетов *ḥ3t nṯrw pḥwj psḏt nn ḫpr nṯrw nṯrwt ḥr-s3=f*  «начало богов и конец Эннеады, после которого не бывает богов и богинь» является модификацией связки эпитетов Харсиесе, сына Осириса, на Стеле сатрапа, где последнее место занимает отрицательный эпитет *n* (*ḫpr*) *nswt ḥr-s3=f* «после которого не бывает царя». Выходит, что это отрицание цикличной смены монархов как инкарнаций божества является частью концепции бога как метафизической границы процесса жизни всех богов от рождения до смерти и сама вечность заключена внутри периода его существования (*ḥʿw*). Кроме того, этот эпитет служит теологической антитезой позитивной (констатирующей) формулировки *ḫpr nṯr nb ḥr-s3=f* «всякий бог возникает после него», отражающей концепцию, которая проявилась не позднее эпохи Рамессидов в мифологии Амуна и еще господствовала в римскую эпоху в мифологии разных божеств[77].

Фараон Траян, согласно доктрине бессмертия бога-царя, не считается инкарнацией бога Хора, поскольку идея о царях как бесконечных перевоплощениях являлась плодом развития мифологического сюжета из ритуала, а концепция бога и царя вне хронологии относилась к сфере космогонической теологии, противопоставляющей философскую логику древним мифологемам, хотя они сохранялись и в римское время.

В речи *ḫ3bb83* на Стеле сатрапа о мести божества неправедному фараону прослеживается влияние теологического аспекта. Таким образом, роялистская мифология перерождения земного царя Хора и теологическая концепция бессмертия бога существовали параллельно уже в преддверии Птолемеевской эпохи. Основная разница между доктринами монархии заключена в методе использования хронологии при объяснении главной проблемы: противоречия между сущностью царя и ее трансформацией. В мифологии события, связанные с объектом, были основой познания мира – объект подчинялся законам природы, концентрирующимся в понятии вечности, а теология, наоборот, стремилась дать универсальную характеристику состояния самого объекта, находящегося под воздействием трансформирующих факторов.

---

[77] Ср. *LGG* V, 691, с двумя ссылками на тексты времен XXI династии: 1. Для Ра-Харахти: P. Torino 1781 (Piankoff 1957, I, 169–170; II, n. 21, сцена 1: *nṯr wʿtj ḫpr ḫr-ḥ3t ḫpr nṯr nb ḥr-s3=f* «единственный бог, возникающий вначале, всякий бог возникает уже после него»). 2. Для Амуна: Cairo *CG* 58033, стк. 3 (*JWIS* I, 143; Assmann 1999, 320, Nr. 131. Датировка: Сиамун. Параллель к нему в декрете Cairo *CG* 58032, стк. 3 дает вариант *ḫpr nṯr nb jm=f* «каждый бог возникает от него», см. *LGG* V, 691, с тремя ссылками). К этой сводке следует добавить следующие данные по эпитетам Амуна: 1. *nṯrw nbw ḫpr.w ḥr-s3=k* «все боги появились после тебя»: *P. Leiden* I 350 rto, III.26; и *ḫpr.n nṯr*(*w*) *nbw ḏr s3ʿ=f sw* «все боги возникли после того, как он создал себя»: ibidem, IV.11 (Zandee 1947, 66, 75, Taf. 3–4; ср. перевод: Assmann 1999, 331, Nr. 137. Датировка: *rʿ-msj-sw* II. Глагол *s3ʿ* с именным объектом (*Wb*. IV, 407.1–2) значит не только «начинать», но и «создавать, изобретать», например, письменность). 2. *ḫpr nṯr nb ḥr-s3=f* «всякий бог возникает после него»: P. Berlin P. 3049, II.3 (Gülden 2001, 9, 12, Taf. 1; перевод: Assmann 1999, 283, Nr. 127A. Датировка: XXII династия). 3. *ḫpr nṯr nb ḥr-s3*<*=f*> «всякий бог возникает после <него>»: Philä II, 49.30 (Photo Berlin 952: Junker, Winter 1965, 48–49.30. Датировка: Птолемей VIII Эвергет II). См. также Dendara VIII, 37.8, и в особенности Esna II, 91.7–9; 184.27; Kom Ombo I, 59.11–12 (Morgan *et al*. 1895, 58), которые являются важными источниками о концепции бога в начале и в конце времен.

Если мифология использует метод отождествления динамики жизни богов с хронологией вселенной, то теологический метод пытается очистить интерпретацию бога от категорий времени. Мифология увязывает любые события с участием богов с воздействием времени или на время, констатируя тем самым тождество богов и вечности. В противовес мифологическому методу, атрибутирующим критерием которого является хронология, теология стремится показать незыблемость субстанции бога, либо награждая его эпитетами, отрицающими его изменения во времени, либо вынося свидетельства его существования в вечности за пределы его субстанции.

Отношения «бог – время/боги» можно уложить в следующую схему:

Мифология: события жизни богов и бога-абсолюта в вечности	Теология: лишение субстанции бога-абсолюта всех свойств, относящихся к трансформации
Боги рождаются, живут и умирают = вечность начинается и заканчивается.	Бог не рождается и не умирает. Его сущность подчиняет законы времени, а значит, не совпадает с сущностью прочих богов.
Бог-абсолют появляется сам собой, до возникновения мира и с концом вечности. Момент его рождения совпадает с моментом смерти.	Субстанция бога – это период его жизни, *ḥꜥw* «остановка, пауза»; этот термин противопоставляется понятию циклического процесса, заключенного в вечности.

Равным образом, теологическая доктрина использовала аналитический метод для объяснения такого явления, как смена монархов на престоле, избавившись от времени как фактора мифологического сознания. Начало, предел, вечность и трансформация как составляющие времени формировали свод мифологических представлений о смене царей, но доктрина бессмертия бога через отрицание хронологических категорий использовала мифологию как вторичное средство познания, тем самым лишив концепцию монархии элементов, представляющих ее как процесс, и переведя ее в область метафизического осмысления субстанции бога как остановки времени.

Известно еще три текста, посвященных ипостасям Хора, которые также содержат сочетание эпитетов *ḥ3t nṯrw ḫpr ḥr-s3* «начало богов, возникающий впоследствии»: 9. Dendara IX, 152.13–15, времен Клеопатры VII; 10. Dendara, Temple d'Isis, 142.4–5, времен Августа; 11. Dendara XV, 227.2–4, времен Нерона. Они раскрывают ключевые аспекты теологической интерпретации эсхатологической проблемы конца времени и богов и расширяют ее свободу благодаря богатым контекстам, содержащим определения и параллельные эпитеты. Этим источникам предполагается посвятить отдельные исследования.

Литература / References

Alliot, M. 1937: Un nouvel exemple de vizir divinisé dans l'Égypte ancienne. *Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale* 37, 93–160.

Altmann-Wendling, V. 2018: *MondSymbolik – MondWissen: Lunare Konzepte in den ägyptischen Tempeln griechisch-römischer Zeit*. Teil 1–2. (Studien zur spätägyptischen Religion, 22). Wiesbaden.

Arnette, M.-L. 2020: *Regressus ad uterum: la mort comme une nouvelle naissance dans les grands textes funéraires de l'Égypte pharaonique (V^e–XXe dynastie)*. (Bibliothèque d'étude, 175). Le Caire.

Assmann, J. 1999: *Ägyptische Hymnen und Gebete: übersetzt, kommentiert und eingeleitet*. 2. Aufl. Freiburg (Schweiz)–Göttingen.

Assmann, J. 2008: *Altägyptische Totenliturgien*. Bd. III. *Osirisliturgien in Papyri der Spätzeit*. Heidelberg.

Backes, B. 2016: *Der „Papyrus Schmitt" (Berlin P. 3057): ein funeräres Ritualbuch der ägyptischen Spätzeit*. Bd. I–II. (Ägyptische und Orientalische Papyri und Handschriften des Ägyptischen Museums und Papyrussammlung Berlin, 4). Berlin–Boston.

Barguet, P. 1962: *Le Papyrus N. 3176 (S) du Musée du Louvre*. (Bibliothèque d'étude, 37). Le Caire.

Bedier, Sh. 1995: *Die Rolle des Gottes Geb in den ägyptischen Tempelinschriften der griechisch-römischen Zeit*. (Hildesheimer Ägyptologische Beiträge, 41). Hildesheim.

Berlev, O.D., Hodjash, S.I. 2004: *Skul'ptura drevnego Egipta v sobranii Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina. Katalog* [*Sculpture of Ancient Egypt in the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts. Catalogue*]. Moscow.
Берлев, О.Д., Ходжаш, С.И. *Скульптура древнего Египта в собрании Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Каталог*. М.

Betrò, M.C., Silvano, F. 1991–1992: Progetto visir: la simulazione nel restauro della tomba di Bakenrenef a Saqqara (L 24). *Egitto e Vicino Oriente* 14–15, 5–8.

Blumenthal, E. 1970: *Untersuchungen zum ägyptischen Königtum des Mittleren Reiches*. Teil I: *Die Phraseologie*. Berlin.

Bonhême, M.-A. 1978: Les désignations de la « titulature » royale au Nouvel Empire. *Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale* 78/2, 347–387.

Borghouts, J.F. 1973: The evil eye of Apopis. *Journal of Egyptian Archaeology* 59/1, 114–150.

Bourguet, P. du, Gabolde, L. 2008: *Le temple de Deir al-Médîna*. 2nd ed. (Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale, 121). Le Caire.

Broze, M., Preys, R. 2021: *La porte d'Amon. Le deuxième pylône de Karnak I: études et relevé épigraphique (Ka2Pyl nos 1–33)*. (Bibliothèque générale, 63). Le Caire.

Brugsch-Bey, H. 1877: *Geschichte Ägyptens unter den Pharaonen*. Leipzig.

Brugsch-Bey, H. 1891: *Egypt under the Pharaohs. History Derived Entirely from the Monuments*. London–New York.

Budde, D. 2000: *Die Göttin Seschat*. (Kanobos: Forschungen zum griechisch-römischen Ägypten, 2). Leipzig.

Budde, D. 2011: *Das Götterkind im Tempel, in der Stadt und im Weltgebäude: eine Studie zu drei Kultobjekten der Hathor von Dendera und zur Theologie der Kindgötter im griechisch-römischen Ägypten*. (Münchner Ägyptologische Studien, 55). Darmstadt–Mainz.

Burgos, F., Larché, F. 2015: *La chapelle Rouge: le sanctuaire de barque d'Hatshepsout*. Vol. I. *Facsimilés et photographies des scènes;* Vol. II. *Textes*. 2ème ed. (Études d'égyptologie, 14). Paris.

Burkard, G. 1995: *Spätzeitliche Osiris-Liturgien im Corpus der Asasif-Papyri: Übersetzung, Kommentar, formale und inhaltliche Analyse*. (Ägypten und Altes Testament, 31). Wiesbaden.

Cannuyer, Chr. 2010: *La girafe dans l'Égypte ancienne et le verbe* *: étude de lexicographie et de symbolique animalière*. (Acta Orientalia Belgica, Subsidia, IV). Bruxelles.

Cauville, S. 1999: *Dendara II: Traduction*. (Orientalia Lovaniensia Analecta, 88). Leuven.

Cauville, S. 2001: *Dendara IV: Traduction*. (Orientalia Lovaniensia Analecta, 101). Leuven.

Cauville, S. 2009: *Dendara: le temple d'Isis*. Vol. I: *Traduction*. Vol. II: *Analyse à la lumière du temple d'Hathor*. (Orientalia Lovaniensia Analecta, 178–179). Leuven.

Cauville, S. 2016: Hathor « en tous ses noms ». *Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale* 115, 37–75.

Charpentier, G. 1981: *Recueil de matériaux épigraphiques relatifs à la botanique de l'Égypte antique*. Paris.

Clère, P. 1961: *La Porte d'Évergète à Karnak*. Pt. 2. *Planches*. (Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale, 84). Le Caire.

Coulon, L., Payraudeau, F. 2015: Une princesse saïte à Thèbes sous la XXVe dynastie? *Revue d'égyptologie* 66, 21–31.

De Meulenaere, H. 1962: Une statue de prêtre héliopolitain. *Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale* 61, 29–42.

De Meulenaere, H. 1969: La statue d'un contemporain de Sébekhotep IV. *Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale* 69, 61–64.

Depuydt, L. 2008: *From Xerxes' Murder (465) to Arridaios' Execution (317): Updates to Achaemenid Chronology (Including Errata in Past Reports)*. (BAR International Series, 1887). Oxford.

Derchain, Ph. 2000: *Les impondérables de l'hellénisation: littérature d'hiérogrammates*. (Monographies Reine Élisabeth, 7). Turnhout.

Derchain-Urtel, M. Th. 1999: *Epigraphische Untersuchungen zur griechisch-römischen Zeit in Ägypten*. (Ägypten und Altes Testament, 43). Wiesbaden.

Dittmar, J. 1986: *Blumen und Blumensträuße als Opfergabe im alten Ägypten*. (Münchner Ägyptologische Studien, 43). München–Berlin.
Durisch Gauthier, N. 2002: *Anubis et les territoires cynopolites selon les temples ptolémaïques et romains*. Thèse de doctorat. Université de Genève. Genève. URL: https://archive-ouverte.unige.ch/unige:27006/ATTACHMENT01; accessed on: 22.02.2022.
Egberts, A. 1995: *In Quest of Meaning: A Study of the Ancient Egyptian Rites of Consecrating the Meret-chests and Driving the Calves*. Vol. I–II. (Egyptologische Uitgaven, 8). Leiden.
Erichsen, W. 1933: *Papyrus Harris I: Hieroglyphische Transkription*. (Bibliotheca Aegyptiaca, 5). Bruxelles.
Favard-Meeks, Chr. 1991: *Le temple de Behbeit el-Hagara: essai de reconstitution et d'interprétation*. (Studien zur Altägyptischen Kultur, Beihefte 6). Hamburg.
Fernández Pichel, A.I. 2018: *Les hymnes au dieu Khnoum de la façade ptolémaïque du temple d'Esna*. (Studien zur spätägyptischen Religion, 20). Wiesbaden.
Feucht, E. 1995: *Das Kind im Alten Ägypten: die Stellung des Kindes in Familie und Gesellschaft nach altägyptischen Texten und Darstellungen*. Frankfurt–New York.
Fischer, H.G. 1997: *Egyptian Titles of the Middle Kingdom. A Supplement to Wm. Ward's Index. 2nd ed*. New York.
Forgeau, A. 2010: *Horus-fils-d'Isis: la jeunesse d'un dieu*. (Bibliothèque d'étude, 150). Le Caire.
Gaber, A. 2015: A case of divine adultery investigated. *Journal of the American Research Center in Egypt* 51, 303–327.
Gardiner, A.H. 1947: *Ancient Egyptian Onomastica. Text*. Vol. II. Oxford.
Gardiner, A.H. 1957: Hymns to Sobk in a Ramesseum papyrus. *Revue d'égyptologie* 11, 43–56.
Geens, K. 2014: *Panopolis, a Nome Capital in Egypt in the Roman and Byzantine Period (ca. AD 200–600)*. (Trismegistos Online Publications. Special Series, 1). Leuven.
Gill, A.-K. 2019: *The Hieratic Ritual Books of Pawerem (P. BM EA 10252 and P. BM EA 10081) from the Late 4th Century BC*. Pt. 1–2. (Studien zur spätägyptischen Religion, 25). Wiesbaden.
Goedicke, H. 1984: Comments on the Satrap Stela. *Bulletin of the Egyptological Seminar* 6, 33–54.
Goyon, J.-C. 1985: *Les dieux-gardiens et la genèse des temples (d'après les textes égyptiens de l'époque gréco-romaine): les soixante d'Edfou et les soixante-dix-sept dieux de Pharbaetos*. Vol. I–II. (Bibliothèque d'étude, 93). Le Caire.
Goyon, J.-C. 1999: *Le papyrus d'Imouthès, fils de Psintaês au Metropolitan Museum of Art de New-York (Papyrus MMA 35.9.21)*. New York.
Graefe, E. 1973–1974: Ein zweiter Goldring mit hieroglyphisch geschriebenem Namen und Titulatur des Antoninus Pius. *Jaarbericht van het Vooraziatisch-Egyptisch Genootschap Ex Oriente Lux* 23, 368–376.
Grandet, P. 1994: *Le Papyrus Harris I (BM 9999)*. Vol. I–II. (Bibliothèque d'étude, 109/1–2). Le Caire.
Grässler, N. 2017: *Konzepte des Auges im alten Ägypten*. (Studien zur Altägyptischen Kultur, Beihefte 20). Hamburg.
Grenier, J.-C. 1977: *Anubis alexandrin et romain*. (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain, 57). Leiden.
Grenier, J.-C. 1989: *Les titulatures des empéreurs romains dans les documents en langue égyptienne*. (Papyrologica Bruxellensia, 22). Bruxelles.
Gülden, S.A. 2001: *Die hieratischen Texte des P. Berlin 3049*. (Kleine Ägyptische Texte, 13). Wiesbaden.
Helck, W. 2002: *Historisch-biographische Texte der 2. Zwischenzeit und neue Texte der 18. Dynastie*. (Kleine ägyptische Texte, 6,1). 3. Aufl. Wiesbaden.
Jansen-Winkeln, K. 2016: *ḫ3wtj* «Anführer» als allgemeine Bezeichnung und Titel. *Studien zur Altägyptischen Kultur* 45, 169–185.
Janssen, J.M.A. 1946: *De traditioneele Egyptische autobiografie vóór het Nieuwe Rijk. Deel 1*. Leiden.
Jones, D. 2000: *An Index of Ancient Egyptian Titles, Epithets and Phrases of the Old Kingdom*. Vol. I–II. (BAR International Series, 866). Oxford.
Junker, H., Winter, E. 1965: *Philä-Publikation II: Das Geburtshaus des Tempels der Isis in Philä*. Wien.
Kamal, A. 1904–1905: *Stèles ptolémaiques et romaines*. (CG, nos. 22001–22208). T. I–II. Le Caire.
Kaplony-Heckel, U. 1985: Das Dekret des späteren Königs Ptolemaios I. Soter zugunsten der Götter von Buto (Satrapenstele), 311 v. Chr. In: O. Kaiser (Hrsg.), *Rechts- und Wirtschaftsurkunden. Historisch-chronologische Texte III*. (TUAT, Bd. I, Lief. 6). Gütersloh, 613–619. (TUAT CD-ROM, 2005).
Khaled, M.I. 2018: The earliest attested *pehou* list in the Old Kingdom. In: P. Jánosi, H. Vymazalová (eds.), *The Art of Describing: the World of Tomb Decoration as Visual Culture of the Old Kingdom. Studies in Honour of Yvonne Harpur*. Prague, 235–247.

Klinkott, H. 2007: Xerxes in Ägypten: Gedanken zum negativen Perserbild in der Satrapenstele. In: St. Pfeiffer (Hrsg.), *Ägypten unter fremden Herrschern zwischen persischer Satrapie und römischer Provinz*. (Oikumene: Studien zur antiken Weltgeschichte, 3). Frankfurt am Main, 34–53.

Klotz, D. 2012a: *Caesar in the City of Amun: Egyptian Temple Construction and Theology in Roman Thebes*. (Monographies Reine Élisabeth, 15). Turnhout.

Klotz, D. 2012b: The peculiar naophorous statuette of a Heliopolitan priest: Hannover, Museum August Kestner 1935.200.510. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* 139, 136–144.

Kockelmann, H. 2002: *Die Toponymen- und Kultnamenlisten zur Tempelanlage von Dendera nach den hieroglyphischen Inschriften von Edfu und Dendera*. (Die Inschriften des Tempels von Edfu, Begleitheft, 3). Wiesbaden.

Koenig, Y. 2004: Le papyrus de Moutemheb. *Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale* 104/1, 291–326.

Kucharek, A. 2010: *Altägyptische Totenliturgien 4: Die Klagelieder von Isis und Nephthys in Texten der Griechisch-Römischen Zeit*. Heidelberg.

Kurth, D. 1994a: Die Friese innerhalb der Tempeldekoration griechisch-römischer Zeit. In: M. Minas, J. Zeidler (Hrsg.), *Aspekte spätägyptischer Kultur: Festschrift für Erich Winter zum 65. Geburtstag*. (Aegyptiaca Treverensia, 7). Mainz am Rhein, 191–201.

Kurth, D. 1994b: *Treffpunkt der Götter: Inschriften aus dem Tempel des Horus von Edfu*. Zürich–München.

Kurth, D. 1998: «*Alpha kai O-mega*»: über eine Formel in den ägyptischen Tempelinschriften griechisch-römischer Zeit. In: W. Clarysse, A. Schoors, H. Willems (eds.), *Egyptian Religion: The Last Thousand Years. Studies Dedicated to the Memory of Jan Quaegebeur*. Pt. II. (Orientalia Lovaniensia Analecta, 85). Leuven, 875–882.

Kurth, D. 2004: *Edfou VII. Die Inschriften des Tempels von Edfu*. Abt. I. *Übersetzungen*. Bd. II. Wiesbaden.

Kurth, D. 2007: *Einführung ins Ptolemäische*. Teil I. *Eine Grammatik mit Zeichenliste und Übungsstücken*. Hützel.

Kurth, D. 2012: Zur theologischen Persönlichkeit des Horus von Edfu. In: J. Hallof (Hrsg.), *Auf den Spuren des Sobek: Festschrift für Horst Beinlich zum 28. Dezember 2012*. (Studien zu den Ritualszenen altägyptischer Tempel, 12). Dettelbach, 179–186.

Kurth, D. 2014: *Edfou VI. Die Inschriften des Tempels von Edfu*. Abt. I. *Übersetzungen*. Bd. III. Gladbeck.

Kurth, D. 2019: *Edfou V. Die Inschriften des Tempels von Edfu*. Abt. I. *Übersetzungen*. Bd. IV.1. Hützel.

Labrique, F. 1992: *Stylistique et théologie à Edfou: le rituel de l'offrande de la campagne: étude de la composition*. (Orientalia Lovaniensia Analecta, 51). Leuven.

Legrain, G. 1906: Notes d'inspection § XXX–XXXVI. *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte* 7, 33–57.

Leitz, Chr. 2011: *Der Sarg des Panehemisis in Wien*. Zeichnungen von V. Altmann. Bd. I. (Studien zur spätägyptischen Religion, 3.1). Wiesbaden.

Lloyd, A.B. 2014: The Egyptian attitude to the Persians. In: A.M. Dodson, J.J. Johnston, W. Monkhouse (eds.), *A Good Scribe and an Exceedingly Wise Man: Studies in Honour of W.J. Tait*. (GHP Egyptology, 21). London, 185–198.

Löffler, F. 2017: Der „Thron der Götter" im Tempel von Edfu – ein Überblick. In: St. Baumann, H. Kockelmann (Hrsg.), *Der ägyptische Tempel als ritueller Raum: Theologie und Kult in ihrer architektonischen und ideellen Dimension. Akten der internationalen Tagung, Haus der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, 9.–12. Juni 2015.* (Studien zur spätägyptischen Religion, 17). Wiesbaden, 307–349.

Malaise, M. 1989: Du mot *ḫw* exprimant le caractère « exceptionnel » des divinités ou des êtres. *Chronique d'Égypte* 64 (127–128), 111–120.

Meeks, D. 1976: Notes de lexicographie (§ 2–4). *Revue d'égyptologie* 28, 87–96.

Morgan, J. de, Bouriant, U., Legrain, G., Jéquier, G., Barsanti, A. 1895: *Catalogue des monuments et inscriptions de l'Égypte antique. Première série. Haute Égypte*. T. II. *Kom Ombos. 1ère partie*. Vienne.

Osing, J. 1998: *Hieratische Papyri aus Tebtunis I*. Bd.I. *Text*. Bd. II. *Tafeln*. (CNI Publications, 17; Carlsberg Papyri, 2). Copenhagen.

Perdu, O. 1998: Le torse d'Irethorerou de la collection Béhague. *Revue d'égyptologie* 49, 250–254.

Perdu, O. 2017: Les origines du précepteur royal Ânkhefensekhmet, le nom ancien de Kôm Firîn et le fief Libou dans l'Ouest du Delta. In: C. Jurman, B. Bader, D.A. Aston (eds.), *A True Scribe of Abydos: Essays on First Millennium Egypt in Honour of Anthony Leahy*. (Orientalia Lovaniensia Analecta, 265). Leuven, 327–367.

Piankoff, A. 1957: *Mythological papyri*. I–II. Ed. by N. Rambova. (Bollingen Series, 40/3). New York.

Pries, A.H. 2009: *Das nächtliche Stundenritual zum Schutz des Königs und verwandte Kompostitionen: der Papyrus Kairo 58027 und die Textvarianten in den Geburtshäusern von Dendara und Edfu*. (Studien zur Archäologie und Geschichte Altägyptens, 27). Heidelberg.

Pries, A.H. 2011: Geschlechtsidentitätsstörungen im altägyptischen Pantheon? Einige Bemerkungen zum Phänomen wechselnder Genuskorrelationen von Götternamen. In: E. Bechtold, A. Gulyás, A. Hasznos (eds.), *From Illahun to Djeme: Papers Presented in Honour of Ulrich Luft*. (BAR International Series, 2311). Oxford, 227–235.

Quack, J.F. 1993: Philologische Miszellen II. *Lingua Aegyptia* 3, 151–152.

Quack, J.F. 1998: Ein übersehener Beleg für den Imhotep-Kult in Theben. *Revue d'égyptologie* 49, 255–256.

Redford, D.B. 1967: *History and chronology of the Eighteenth Dynasty of Egypt: Seven Studies*. (Near and Middle East Series, 3). Toronto.

Redford, D.B. 1983: Notes on the history of ancient Buto. *Bulletin of the Egyptological Seminar* 5, 67–101.

Reymond, E.A.E. 1986: The king's effigy. In: A. Guillaumont (éd.), *Hommages à François Daumas*. Vol. II. Montpellier, 551–557.

Ritner, R.K. 1980: Khababash and the Satrap Stela: a grammatical rejoinder. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* 107, 135–137.

Rogge, E. 1992: *Kunsthistorisches Museum Wien, Ägyptisch-Orientalische Sammlung, Lieferung 9: Statuen der Spätzeit (750 – ca. 300 v. Chr.)*. (Corpus antiquitatum Aegyptiacarum). Mainz-am-Rhein.

Rondot, V. 1989: Une monographie bubastite. *Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale* 89, 249–270.

Safronov, A.V. 2020: [The history of the «Marshland Wadjet» and the problem of Iranian anthroponyms in the Satrap stela]. In: N.N. Kazansky (ed.), *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XXIV (chteniya pamyati I.M. Tronskogo). Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, prokhodivshey 22–24 iyunya 2020 g. II polutom* [*Indo-European Linguistics and Classical Philology – XXIV (Joseph M. Tronsky memorial Conference). Proceedings of the International Conference, St. Petersburg, 22–24 June, 2020*. Pt. II]. St. Petersburg, 1187–1208.
Сафронов, А.В. История области «Топь земли Ваджит» и проблема иранских антропонимов в «Стеле сатрапа». В сб.: Н.Н. Казанский (отв. ред.), *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXIV (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 22–24 июня 2020 г. II полутом*. СПб., 1187–1208.

Safronov, A.V. 2021: [Could Xerxes push the land back? On understanding some fragments from the Satrap Stele of Ptolemy]. *Orientalistika* [*Orientalistica*] 4/1, 28–51.
Сафронов, А.В. Мог ли Ксеркс «попятить» землю? К пониманию некоторых фрагментов «Стелы сатрапа». *Ориенталистика* 4/1, 28–51.

Sauneron, S. 1961: Remarques de philologie et d'étymologie (en marge des textes d'Esna). In: J. Sainte Fare Garnot (ed.), *Mélanges Mariette*. (Bibliothèque d'étude, 32). Le Caire, 229–249.

Schäfer, D. 2011: *Makedonische Pharaonen und hieroglyphische Stelen: historische Untersuchungen zur Satrapenstele und verwandten Denkmälern*. (Studia Hellenistica, 50). Leuven.

Scheele-Schweitzer, K. 2014: *Die Personennamen des Alten Reiches: altägyptische Onomastik unter lexikographischen und sozio-kulturellen Aspekten*. (Philippika, 28). Wiesbaden.

Schlögl, H.A. 1980: *Der Gott Tatenen: nach Texten und Bildern des Neuen Reiches*. (Orbis Biblicus et Orientalis, 29). Freiburg (Schweiz)–Göttingen.

Schunck, M. 1985: *Untersuchungen zum Wortstamm ḫˁ*. (Habelts Dissertationsdrucke, Reihe Ägyptologie, 5). Bonn.

Smither, P.C. 1945: The Semnah Despatches. *Journal of Egyptian Archaeology* 31, 3–10.

Spalinger, A. 1978: The reign of King Chabbash: an interpretation. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* 105, 142–154.

Stadler, M.A. 2009: *Weiser und Wesir: Studien zu Vorkommen, Rolle und Wesen des Gottes Thot im ägyptischen Totenbuch*. (Orientalische Religionen in der Antike, 1). Tübingen.

Sternberg, H. 1985: *Mythische Motive und Mythenbildung in den ägyptischen Tempeln und Papyri der griechisch-römischen Zeit*. (Göttinger Orientforschungen, 4. Reihe: Ägypten, 14). Wiesbaden.

Tattko, J. 2014: Quellenübersicht zu den *mr*-Kanälen, *ww*- und *pḥw*-Gebieten. In: A. Rickert, B. Ventker (Hrsg.), *Altägyptische Enzyklopädien. Die Soubassements in den Tempeln der griechisch-römischen Zeit: Soubassementstudien I.* Bd.1. (Studien zur spätägyptischen Religion, 7.1). Wiesbaden, 153–223.

Vandersleyen, C. 1992: *Inepou*: un terme désignant le roi avant qu'il ne soit roi. In: U. Luft (ed.), *The Intellectual Heritage of Egypt: Studies Presented to László Kákosy by Friends and Colleagues on the Occasion of his 60th Birthday*. (Studia Aegyptiaca, 14). Budapest, 563–566.
Vandier, J. 1950: *Mo'alla: la tombe d'Ankhtifi et la tombe de Sébekhotep*. (Bibliothèque d'étude, 18). Le Caire.
Vandier, J. 1961: *Le Papyrus Jumilhac*. Paris.
Vernus, P. 1975: Inscriptions de la Troisième Période Intermédiaire (I): Les inscriptions de la cour péristyle nord du VIe pylône dans le temple de Karnak. *Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale* 75, 1–66.
Vittmann, G. 1999: *Altägyptische Wegmetaphorik*. (Veröffentlichungen der Institute für Afrikanistik und Ägyptologie der Universität Wien, 83; Beiträge zur Ägyptologie, 15). Wien.
Vittmann, G. 2011: Ägypten zur Zeit der Perserherrschaft. In: R. Rollinger, B. Truschnegg, R. Bichler (Hrsg.), *Herodot und das Persische Weltreich: Akten des 3. Internationalen Kolloquiums zum Thema „Vorderasien im Spannungsfeld klassischer und altorientalischer Überlieferungen"; Innsbruck, 24.–28. November 2008*. (Classica et Orientalia, 3). Wiesbaden, 373–429.
Vittmann, G. 2012: Nachlese zur ägyptischen Wegmetaphorik. In: J. Hallof (Hrsg.), *Auf den Spuren des Sobek: Festschrift für Horst Beinlich zum 28. Dezember 2012*. (Studien zu den Ritualszenen altägyptischer Tempel, 12). Dettelbach, 275–294.
von Lieven, A. 2000: *Der Himmel über Esna: eine Fallstudie zur religiösen Astronomie in Ägypten am Beispiel der kosmologischen Decken- und Architravinschriften im Tempel von Esna*. (Ägyptologische Abhandlungen, 64). Wiesbaden.
Ward, W.A. 1982: *Index of Egyptian Administrative and Religious Titles of the Middle Kingdom: with a Glossary of Words and Phrases Used*. Beirut.
Wegner, J. 2017–2018: The stela of Idudju-Iker, *foremost-one of the chiefs of Wawat*: new evidence on the conquest of Thinis under Wahankh Antef II. *Revue d'égyptologie* 68, 153–209.
Wegner, J., Cahail, K. 2021: *King Seneb-Kay's tomb and the necropolis of a lost dynasty at Abydos*. (University Museum monograph, 155). Philadelphia (PA).
Willems, H. 1998: Anubis as a judge. In: W. Clarysse, A. Schoors, H. Willems (eds.), *Egyptian Religion: the Last Thousand Years. Studies Dedicated to the Memory of Jan Quaegebeur*. Pt. I. (Orientalia Lovaniensia Analecta, 84). Leuven, 719–743.
Wilson, P. 1997: *A Ptolemaic Lexikon: A Lexicographical Study of the Texts in the Temple of Edfu*. (Orientalia Lovaniensia Analecta, 78). Leuven.
Zandee, J. 1947: *De hymnen aan Amon van papyrus Leiden I 350*. (Oudheidkundige mededelingen uit het Rijksmuseum van Oudheden, Nieuwe Reeks, 28). Leiden.
Zandee, J. 1992: *Der Amunhymnus des Papyrus Leiden I 344, verso*. Vol. I–III. (Collections of the National Museum of Antiquities at Leiden, 7). Leiden.
Zauzich, K.-Th. 1982: Drei demotisch-koptische Ortsnamen aus der Gegend von Achmim. *Enchoria* 11, 117–118.
Zivie-Coche, Chr. 2015: L'Ogdoade à Thèbes à l'époque ptolémaïque (III): Le pylône du petit temple de Médinet Habou. In: Chr. Thiers (ed.), *Documents de théologies thébaines tardives (D3T 3)*. (Cahiers «Égypte Nilotique et Méditerranéenne», 13). Montpellier, 327–397.

Каталоги аукционов / Auction catalogues

Bonhams 2008: *Antiquities, Sale # 15940, 1 May 2008, London, New Bond Street.*
Christie's 1969: *Catalogue of Primitive Art, Classical, Egyptian, Western Asiatic and Islamic Antiquities, December 2, 1969, London*.

Список сокращений

CG – *Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire*. Le Caire
CT –Buck, A. de. *The Egyptian Coffin Texts*. Vol. I–VII. (Oriental Institute Publications 34, 49, 64, 67, 73, 81, 87). Chicago, 1935–1961

Deir Chelouit III – Zivie, Chr. M. *Le Temple de Deir Chelouit III: 90–157, Inscriptions du naos*. Le Caire, 1986
Dendara I – Chassinat, É. *Le temple de Dendara*. T.I. Le Caire, 1934
Dendara II – Chassinat, É. *Le temple de Dendara*. T. II. Le Caire, 1934
Dendara IV – Chassinat, É. *Le temple de Dendara*. T. IV. Le Caire, 1935
Dendara VI – Chassinat, É., Daumas, F. *Le temple de Dendara*. T. VI. Le Caire, 1965
Dendara VIII – Chassinat, É., Daumas, F. *Le Temple de Dendara*. T. VIII. Fasc. 1–2. Le Caire, 1978
Dendara IX – Daumas, F. *Le Temple de Dendara*. T. IX. Fasc. 1–2. Le Caire, 1987
Dendara XI – Cauville, S. *Le temple de Dendara*. T. XI. Fasc. 1–2. Le Caire, 2000
Dendara XII – Cauville, S. *Le temple de Dendara*. T. XII. Fasc. 1–2. Le Caire, 2007
Dendara XIII – Cauville, S. *Le temple de Dendara*. T. XIII. Fasc. 1–2. 2ème éd. numérique. Texte revu et corrigé. Le Caire, 2020
Dendara XIV – Cauville, S. *Le temple de Dendara*. T. XIV. Fasc. 1–2. 2ème éd. numérique. Texte revu et corrigé. Le Caire, 2020
Dendara XV – Cauville, S. *Le temple de Dendara*. T. XV. Fasc. 1–2. 2ème éd. numérique. Texte revu et corrigé. Le Caire, 2020
Dendara, Mammisis – Daumas, F. *Les mammisis de Dendara*. La Caire, 1959
Dendara, Temple d'Isis – Cauville, S. *Dendara. Le temple d'Isis*. T. I–II. Le Caire, 2007
Edfou I – Rochemonteix, M. de, Chassinat, É. *Le temple d'Edfou*. T.I. Fasc. 1–4. 2ème éd. revue et corrigée par S. Cauville et D. Devauchelle. (Mémoires publiés par les membres de la Mission Archéologique Française au Caire, 10). Le Caire, 1984–1987
Edfou III – Chassinat, É. *Le temple d'Edfou*. T. III. Réédition revue et corrigée par S. Cauville et D. Devauchelle. (Mémoires publiés par les membres de la Mission Archéologique Française au Caire, 20). Le Caire, 2009
Edfou V – Chassinat, É. *Le temple d'Edfou*. T.V. Réédition. (Mémoires publiés par les membres de la Mission Archéologique Française au Caire, 22). Le Caire, 2009
Edfou VI – Chassinat, É. *Le temple d'Edfou*. T. VI. Réédition. (Mémoires publiés par les membres de la Mission Archéologique Française au Caire, 23). Le Caire, 2009
Edfou VII – Chassinat, É. *Le temple d'Edfou*. T. VII. Réédition. (Mémoires publiés par les membres de la Mission Archéologique Française au Caire, 24). Le Caire, 2009
Edfou, Mammisi – Chassinat, É. *Le mammisi d'Edfou*. T. I–II. (Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale, 16). Le Caire, 1910–1939
el-Qal'a II – Pantalacci, L., Traunecker, Cl. *Le temple d'el-Qal'a*. Vol. II. *Relevés des scènes et des textes. Couloir mystérieux, cour du « Nouvel An », Ouabet Per-nou, Per-our, Petit vestibule, 113–294*. Le Caire, 1998
Ermant I – Thiers, Chr., Volokhine, Y. *Ermant I: Les cryptes du temple ptolémaïque: étude épigraphique*. (Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale, 124). Le Caire, 2005
Esna II – Sauneron, S. *Le temple d'Esna*. T. II. *Textes (nos. 1–193)*. Réédition. Le Caire, 2012
Esna IV – Sauneron, S. *Le temple d'Esna*. T. IV. Fasc. 1. *Textes (nos. 399–472)*. Réédition. Le Caire, 2012; Fasc. 2. *Dessins des architraves*. Le Caire, 1975
Hannig-Lexica 4 – Hannig, R. *Ägyptisches Wörterbuch I. Altes Reich und Erste Zwischenzeit*. (Hannig-Lexica, 4). Mainz am Rhein, 2003
Hannig-Lexica 5 – Hannig, R. *Ägyptisches Wörterbuch II. Mittleres Reich und Zweite Zwischenzeit*. (Hannig-Lexica, 5). Mainz am Rhein, 2006
JWIS I – Jansen-Winkeln, K. *Inschriften der Spätzeit*. Teil I. *Die 21. Dynastie*. Wiesbaden, 2007
JWIS II – Jansen-Winkeln, K. *Inschriften der Spätzeit*. Teil II. *Die 22.–24. Dynastie*. Wiesbaden, 2007
JWIS III – Jansen-Winkeln, K. *Inschriften der Spätzeit*. Teil III. *Die 25. Dynastie*. Wiesbaden, 2009
JWIS IV – Jansen-Winkeln, K. *Inschriften der Spätzeit*. Teil IV. *Die 26. Dynastie*. Bd. I–II. Wiesbaden, 2014
KRI – Kitchen, K.A. (ed.). *Ramesside Inscriptions: Historical and Biographical*. Vol. I–VIII. Oxford, 1969–1990
LGG – Leitz, Chr. (Hrsg.). *Lexikon der ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen*. Bd. I–VII. Leuven–Paris–Dudley (MA), 2002
Opet I –Wit, C. de. *Les inscriptions du temple d'Opet, à Karnak*. (Bibliotheca Aegyptiaca, 11). Bruxelles, 1958
PM IV – Porter, B., Moss, R.L.B. *Topographical bibliography of ancient Egyptian hieroglyphic texts, reliefs, and paintings*. Vol. IV. *Lower and Middle Egypt (Delta and Cairo to Asyût)*. Oxford, 1934

Pyr. (PT) – Sethe, K. *Die altägyptischen Pyramidentexte*. Bd. 1–4. Leipzig, 1908–1922; Allen, J.P. *A New Concordance of the Pyramid Texts*. Vol. I–VI. Providence, 2013

TLA – Der *Thesaurus Linguae Aegyptiae*. URL: http://aaew2.bbaw.de/tla/; дата обращения: 23.02.2022

Urk. II – Sethe, K. (Hrsg.). *Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit*. (Urkunden des Ägyptischen Altertums, II.1–3). Leipzig, 1904–1916

Urk. IV – Helck, W. (Hrsg.). *Urkunden der 18. Dynastie. Hefte 17–22*. (Urkunden des aegyptischen Altertums, IV). Berlin, 1955–1958

Urk. VI – Schott, S. (Hrsg.). *Urkunden mythologischen Inhalts*. (Urkunden des Ägyptischen Altertums, VI.1–2). Leipzig, 1929–1939

Urk. VIII – Firchow, O. (Hrsg.). *Thebanische Tempelinschriften aus griechisch-römischer Zeit*. Aus dem Nachlass von Kurt Sethe. (Urkunden des Ägyptischen Altertums, VIII.1). Berlin, 1957

Wb. – Erman, A., Grapow, H. (Hrsg.). *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Bd. I–V. 4. Aufl. Berlin, 1982

Vestnik drevney istorii
82/1 (2022), 32–43
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/1 (2022), 32–43
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910013373-3

REFLECTIONS ON THE THRACIAN SEA-NYMPH ABA

Krzysztof T. Witczak

University of Lodz, Łódź, Poland

E-mail: krzysztof.witczak@uni.lodz.pl

ORCID: 0000-0001-8895-974X

Two Greek lexicographic sources mention the sea nymph Ἄβα as a mistress of Poseidon. She bore him a son Ergiskos, who, according to a local aetiological story, became the eponymic founder of the ancient town of Ergiske (now Çatalca, Turkey), located in East Thracia on the ridge between the Marmara Sea and the Black Sea. It is obvious that the proper name Ἄβα, denoting a local sea nymph, represents a Thracian ingredient in Ancient Greek mythology. The article demonstrates that the theonym Ἄβα derives from the appellative ἄβα denoting 'a large sea-monster', specifically 'Mediterranean sea cow', cf. the Hesychian gloss †ἄβα· τροχός, ἢ βοή.

Keywords: Aelian, etiology, etymology, nymphs, sea mammals, theonymy, Thracian

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ФРАКИЙСКОЙ МОРСКОЙ НИМФЕ АБЕ

К.Т. Витчак

Лодзинский университет, Лодзь, Польша

E-mail: krzysztof.witczak@uni.lodz.pl

Author. Krzysztof Tomasz Witczak – Prof., Dr. Hab., Full Professor in the Department of Classical Philology, Faculty of Philology at the University of Lodz.

I would like to express my gratitude to Prof. Daryl P. Domning for his precious comments, advice and language corrections. I am also indebted to Prof. Adrienne Mayor for her useful suggestions, as well as Penny Shefton and Prof. Mikołaj Rychło for checking and improving the final version of my paper. Of course, no endorsement of any specific ideas is hereby implied.

В двух греческих лексикографических источниках морская нимфа Ἄβα упоминается как любовница Посейдона. Она родила ему сына, которого назвали Эргискос. Согласно местной этиологической традиции, ее сын Эргискос стал одноименным основателем древнего города Эргиске (совр. Чаталджа, Турция), расположенного в Восточной Фракии на хребте между Мраморным и Черным морями. Очевидно, что личное имя Ἄβα, обозначающее местную морскую нимфу, представляет собой фракийский компонент древнегреческой мифологии. В статье показано, что теоним Ἄβα происходит от апеллятива ἄβα, обозначающего «большое морское чудовище», а именно средиземноморскую морскую корову, ср. глоссу Гесихия †ἄβα· τροχός, ἢ βοή.

Ключевые слова: Элиан, этиология, этимология, нимфы, морские млекопитающие, теонимы, фракийский язык

The nymph Ἄβα is a local sea divinity, mentioned by Harpocration, the lexicographer of the first or second century AD, as well as by the so-called *Etymologicum Magnum* (12th cent. AD). Both lexicographic sources inform us that this nymph was one of numerous mistresses of Poseidon, the Greek god of sea and other waters. She bore him a son called Ergiskos[1].

The name Ἄβα appears in Harpocration's lexicon under the heading Ἐργίσκη: Ἐργίσκη· Αἰσχίνης κατὰ Κτησιφῶντος. καὶ ἡ Ἐργίσκη τῆς Θρᾴκης ἐστὶν, ὠνόμασται δὲ ἀπὸ Ἐργίσκου τοῦ Ποσειδῶνος καὶ Ἄβας νύμφης – "*Ergiskē*: Aischines in the speech *Against Ctesiphon*. Moreover, the town of Ergiske in Thracia takes its name from Ergiskos, the son of Poseidon and the nymph Aba"[2].

The main part of the same information is repeated in *Etymologicum Magnum*, s.v. Ἐργίσκη, τῆς Θρᾴκης ἐστίν, ἀπὸ Ἐργίσκου τοῦ Ποσειδῶνος καὶ Ἄβας νύμφης – "*Ergiskē*: it is located in Thracia and named after Ergiskos, the son of Poseidon and the nymph Aba"[3].

Both sources agree that Ergiskos, the son of Poseidon and the nymph Aba, was – according to a local etiological story – the eponymic hero, who gave his name to the ancient town Ergiskē (now Çatalca, Turkey) located in East Thracia on the ridge between the Marmara Sea and the Black Sea[4]. From this, it is obvious that the name Ἄβα, denoting a local sea nymph, represents a Thracian ingredient in Ancient Greek mythology. Although the Thracian origin of the nymph is highly probable, the theonym Ἄβα is not explained from an etymological point of view[5]. Also the semantic motivation of the proper name Ἄβα remains unclear. The most famous Aba, the daughter of Zenophanes, lived in the first century BC (fig. 1). She was a regent of the Cilician town Olbe in the times of the triumvir Marcus Antonius (Strab. 14. 5. 10)[6]. It is uncertain, however, whether the Cilician female anthroponym Ἄβα was of Thracian origin or not.

In my article I would like to demonstrate that the name of the Thracian sea-nymph Ἄβα derives from the Thracian appellative ἄβα denoting a large sea-monster living in ancient

---

[1] Pape, Benseler 1911, 1; Detschew 1957, 1; *DGE* s.v.

[2] Dindorf 1853, 134; Detschew 1957, 1, 170.

[3] Sylburg 1816, 335; Gaisford 1974, 1061.

[4] Detschew 1957, 170.

[5] See also the female personal name Ἄβα attested in Ancient Greek sources (Dornseiff, Hansen 1978, 7).

[6] See Toepffer 1894, 4; Pape, Benseler 1911, 1; Detschew 1957, 1; Roller 2018, 121–123.

times in certain bays on the Thracian coast. This term of foreign (non-Greek) origin is only attested in the lexicon by Hesychius of Alexandria (5th cent. AD). Unfortunately, it is extremely difficult to explain the gloss †ἄβα· τροχός, ἢ βοή without the use of Claudius Aelian's testimony concerning mysterious sea-monsters called τροχοί (*NA.* 13. 20). Hence, I begin my argumentation by discussing Aelian's chapter on these unidentified marine creatures.

In his work *De natura animalium*, Claudius Aelian describes not only sea monsters of the pelagic zone (*NA.* 9. 49)[7], but also mysterious large animals living close to the coast (*NA.* 13. 20)[8]. The latter creatures were called τροχοί in ancient Greek. Below I quote Aelian's original chapter along with its English translation (*NA.* 13.20).

> Τῶν δὲ κητῶν τὰ ὑπέρογκα ἄγαν καὶ τὸ μέγεθος ὑπερήφανα νήχεται μὲν ἐν τοῖς πελάγεσι μέσοις, ἤδη γε μὴν καὶ σκηπτοῖς βάλλεται. πρὸς τούτοις μὲν οὖν ἔστι καὶ ἕτερα ἐπάκτια τοιαῦτα, καὶ ὄνομα τροχὸς αὐτοῖς. καὶ νεῖ κατ' ἀγέλας ταῦτα, μάλιστα μὲν ἐν δεξιᾷ τοῦ Ἄθω τοῦ Θρᾳκίου, ἔν τε τοῖς κόλποις τῷ ἀπὸ Σιγείου πλέοντι, ἐντυχεῖν δέ ἐστιν αὐτοῖς καὶ κατὰ τὴν ἀντιπέρας ἤπειρον παρά τε τὸν Ἀρταχαίου καλούμενον τάφον καὶ τὸν Ἀκάνθιον ἰσθμόν, ἔνθα τοι καὶ ἡ τοῦ Πέρσου φαίνεται διατομή, ᾗ διέτεμε τὸν Ἄθω. τὰ κήτη δὲ ταῦτα, ἃ καλοῦσι τροχούς, ἄλκιμα μὲν οὔ φασιν εἶναι, λοφιὰν δὲ ὑποφαίνει καὶ ἀκάνθας ὑπερμήκεις, ὡς καὶ πολλάκις ὁρᾶσθαι ἐξάλους αὐτάς. ἀκούσαντα δὲ εἰρεσίας κτύπου περιστρέφεταί τε καὶ κατειλεῖται ὡς ὅτι κατωτάτω ἑαυτὰ ὠθοῦντα· ἔνθεν τοι καὶ τοῦδε τοῦ ὀνόματος μετείληχεν. ἀναπλεῖ δὲ ἀνελιχθέντα καὶ κυλιόμενα ἔμπαλιν[9].
>
> Sea-monsters of excessive bulk and of prodigious size swim in mid-ocean, and are, at times, struck by lightning. Besides these, there are others of the same kind that come close to the shore, and their name is *Trochus* (wheel). These swim in droves, especially on the right side of Thracian Athos and in the bays as one sails from Sigeum, and one may encounter them along the mainland opposite – close to what is called the Tomb of Artachaeus and the isthmus of Acanthus where the canal which the Persian King cut through Athos is to be seen. It is said that these monsters which they call Trochus are timid, though they expose their head-tip (λοφιά[10])

---

[7] See Kaczyńska, Witczak 2018, 43–56.

[8] See Kaczyńska, Sadziński, Witczak 2019a, 7–18; 2019b, 45–58. An alternative version is suggested by Le Goïc, Cam, Ferrière 2020, 21–34. Unfortunately, the proposed identification of τροχός with the ocean sunfish or the common mola (*Mola mola* L.) is hardly acceptable for a number of reasons. Firstly, the sea monsters termed *trochoi*, described by Claudius Aelian (*NA* 13. 20), lived in the shallow coastal zone, whereas the ocean sunfish, a giant predator, frequently hunts in deeper waters (at least 200m in depth) and rarely approaches the seacoast. Secondly, the *trochoi* swam in big groups in some bays near the Chalcidice Peninsula and the Thracian shore, whereas the ocean sunfish are usually found alone, occasionaly in pairs. Third, the *trochoi* frequently stayed on the surface of the seawater, whereas all kinds of mola actively occupied the epipelagic and mesopelagic zones, hunting in the depths. Molas are sometimes seen at the surface, when they are basking in a horizontal position. This common practice of basking during the day seems to be a method of "thermally recharging" after diurnal, and especially nocturnal dives, into deeper and colder zones in order to feed.

[9] Scholfield 1959, 116; Maspero 1998, 776–778; see also García Valdés, Llera Fueyo, Rodríguez-Noriega Guillén 2009, 323–324.

[10] The Greek appellative λοφιά, Ionic λοφιή f. is commonly translated as 'mane (of horses), tuft of hair or bristly ridge (on the back of other animals); bristly back (of boars or hyenas); back, nape', also 'back-fin (of dolphins or similar fishes)' (*LSJ* s.v.; Montanari 1999, 1204; 2018, 1256; Diggle 2021, 880). It also appears in a poetical description of a sea monster attacking Andromeda (*Ach*. 3. 7. 6). The noun in question is derived from Gk. λόφος m. 'neck, cervix; crest (of a helmet); tuft (of hair); dorsal fin (of a dolphin); crest of a hill, ridge, hillock' (Beekes 2010, 873–874). These Hellenic words are commonly compared with Toch. A *lap* 'head', ORuss. *lъbъ*

> and dorsal parts of enormous length (ἄκανθαι ὑπερμήκεις[11]) so that they are often seen above the water. But at the sound of oars they revolve and contract and plunge as deep as they can go. It is from this, you see, that they derive their name. And again they uncoil and with a rolling motion swim up to the surface[12].

Fig. 1. Aba, the female regent of Olbe (ca. 43–30 BC). *Photo by Martincarpi, 1973. Wikimedia Commons*

It was demonstrated in two different papers that in Chapter 13. 20 Claudius Aelian described extinct Mediterranean sirenians similar to Steller's sea cows[13]. It is necessary to repeat the basic arguments for the suggested species identification.

Firstly, the sea monsters called *trokhoi* cannot be sharks or other large fish. Why? All fish take oxygen from the water thanks to their gills, so they have no need to emerge from the sea. Meanwhile, the sea monsters in question had the habit of regularly submerging and ascending, which clearly shows that they had lungs (and not gills) and therefore they had to take oxygen from the air every few minutes. It is clear that the *trokhoi* were large marine mammals and not sharks or fish.

Secondly, the behaviour of the sea monsters, described by Claudius Aelian in Chapter 13. 20, is highly characteristic of marine mammals belonging to the sirenians (*Sirenia*, Illiger, 1811). A particular difficulty related to the correct identification of sea monsters called τροχοί relates essentially to the fact that no species of Sirenia has lived in the Aegean or Mediterranean Sea in modern times (fig. 2)[14]. It is not impossible, however,

---

m. 'skull', Russ. *lob* m. 'forehead', Pol. *łeb* m. 'head (of an animal); pate'. The lexical data can suggest that the original meaning was 'top of a head; head-tip; crest or sim.'.

[11] For the term ἄκανθα the basic Greek dictionaries give the following meanings: 'thorn, prickle; spine; sting (of animals); backbone, spine, dorsal fin (of humans and animals); thorn, quill (of porcupines or fish)' (*LSJ* s.v.; Montanari 1999, 103–104; 2018, 163; Diggle 2021, 42). I prefer to translate Aelian's phrase ἄκανθαι ὑπερμήκεις as "dorsal parts of enormous length".

[12] Translated into English by Scholfield 1959, 117 (with small modifications).

[13] See especially Kaczyńska, Sadziński, Witczak 2019a, 7–18; 2019b, 45–58.

[14] Modern palaeozoologists believe that no sirenians are known to have lived in the Mediterranean Sea since the late Pliocene period (ca. three million years ago). It is suggested that *Metaxytherium subapenninum* (Bruno, 1839) was the last one to survive there. It was a large sirenian (up to 6 m), having two large tusks, like another Mediterranean species *Rytiodus heali* (see fig. 2). Its behavior was probably much like that of the modern dugong, see Sorbi, Domning, Vaiani, Bianucci 2012, 686–707.

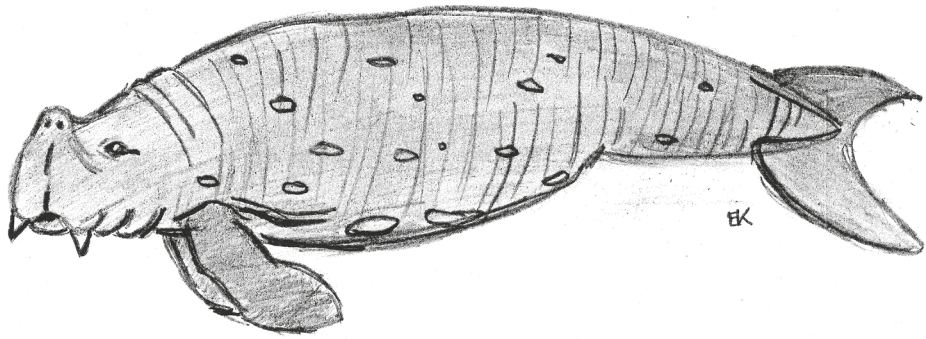


Fig. 2. An extinct Mediterranean species of Sirenia *Rytiodus heali* (with two large tusks). After: Kaczyńska, Sadziński, Witczak 2019a, 9. *Prepared by E. Kaczyńska*

that some Mediterranean sirenians existed in ancient times, i.e. before a large-scale massacre of large marine mammals[15].

The research hypothesis, according to which the sea monsters called τροχοί represented Mediterranean sea cows (extinct now), is supported by the following arguments:

1. Whales, dolphins and sharks are basically marine animals of the pelagic zone, which relatively rarely approach the sea coast. On the other hand, sirenians are large herbivorous mammals that live constantly in the shallow coastal zone. At the beginning of Chapter 13. 20, Claudius Aelian makes a clear distinction between giant monsters in the deep sea and the coastal large animals called *trokhoi*.

2. All kinds of Sirenia are exceptionally sociable animals, swimming mainly in small family groups, numbering about 10 individuals, or more numerous herds (from 50 to 150 pieces). The sirenians usually merge into loose flocks during the day, and at night they separate and intensely feed in family groups[16]. Aelian's description clearly agrees with this behaviour.

3. The sirenians are herbivorous animals feeding on sea grass (fig. 3). They can barely get most of the body out of the water. However, they are clumsy and basically helpless on land (fig. 4)[17]. They come out of the water rarely and only in relatively safe places, i.e. located far away from areas inhabited by men. The herbivorous sirenians are timid animals, avoiding any fight. The opinion of Claudius Aelian that the sea monsters called τροχοί pose no danger to people is, therefore, not surprising.

4. The sirenians breathe air, so they have to come up quite often and stay on the surface of the water for a short while to collect air. Their head or back is then clearly visible. The modern sirenians, such as the dugong (*Dugong dugon* Müller) or the West Indian manatee (*Trichechus manatus* L.) (see fig. 3 and 4), feed on seagrass growing on the sea

[15] It is commonly emphasized in zoological literature that people "hunted the sirenians from the earliest times, because they were very easy prey even for the primitive hunters" (Serafiński, Wielgus-Serafińska 1988, 370). Also Domning (1972, 187–189) suggests that Steller's sea cow, earlier widespread in the North Pacific, was exterminated by prehistoric hunters (ca. 15.000 or more years ago).

[16] Serafiński, Wielgus-Serafińska 1988, 370.

[17] Manatees sometimes wriggle partly out of the water on a muddy bank to feed.

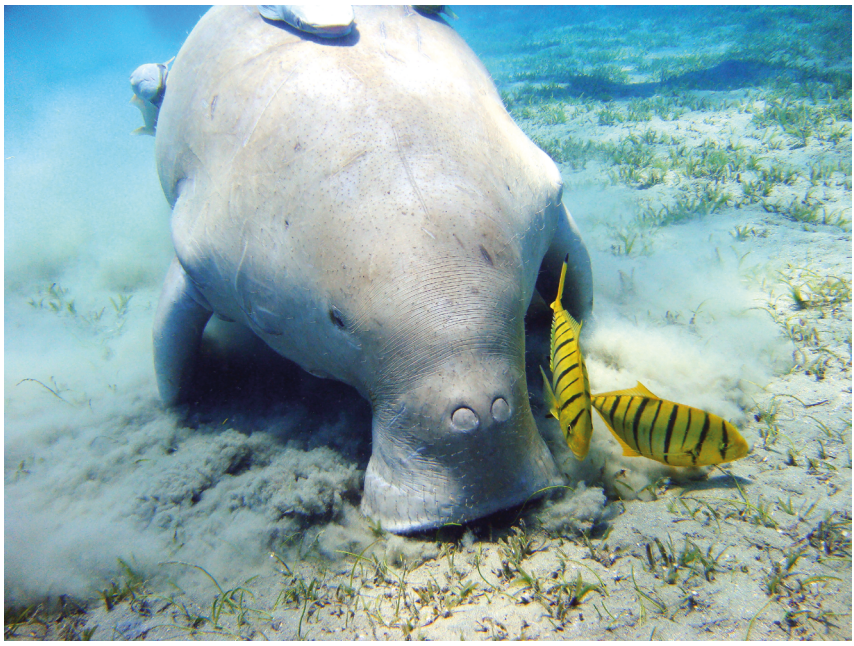


Fig. 3. The dugong feeding on sea grass. *Photo by J. Willem, 2008. Wikimedia Commons*

bottom for several minutes (from 2 to 8), then emerge to draw air[18], then return again to their recent feeding site and emerge again. It is worth noting that Steller's sea cows, the largest of the modern sirenians (reaching up to 8 m in length and 6 tons in weight), had a high displacement (draught) and, therefore, they were very rarely fully submerged. This is why some parts of their body were usually visible on the sea surface[19].

5. All kinds of Sirenia and Cetacea (as opposed to fish, including large, viviparous fish) have hearing organs[20], therefore they react to the noise caused by ships. Fish do not pick up the sound but feel the vibrations caused by the object moving in the water.

6. Feeding or resting sirenians (and also dolphins), as opposed to other sea monsters, could be easily observed both from a ship's deck and from the mainland (especially from a high bank), because the places where they feed and stay are in the shallow coastal zones (up to around 6 m depth). It is not surprising, therefore, that Claudius Aelian is well-informed about the habits of the sea monsters in question.

---

[18] Steller's sea cows (now extinct) emerged on average every 4–5 minutes and breathed air for some time: "When they [i.e. sea cows] raise their noses above the water, as they do every four or five minutes, they blow out the air and a little water with a snort such as a horse makes in blowing his nose" (transl. by W. Miller and J.E. Miller, see Steller 2011, 42).

[19] "Dimidia pars corporis, tergus scilicet et latera eminent semper ex aquis" (Steller 1751, 324). The English version omits the Latin adverb *semper* 'ever, always, at all times, for ever', see Steller 2011, 43: "Half of the body – the back and sides – projects above the water".

[20] The sirenians have small earholes located at eye level.

Fig. 4. The dugong and the manatee. *Prepared by H. Craig (in 1897). Wikimedia Commons*

7. Large sea animals called *trokhoi* (literally 'wheels'[21]), despite the immense size of the body and huge mass, avoided collisions with ancient galleys or boats (or with oars) and already at the sound of oars submerged into the deep sea, making a characteristic circular motion. In the case of very large sirenians of this type, the behaviour is justified. The amount of displacement (draught) displayed in Steller's sea cow hindered its full immersion, so from time to time it made a circular rotation around the longitudinal axis so that the skin on its back would not dry out[22]. Probably for the above-mentioned Mediterranean sirenians, this circular motion around its axis was so frequent and easily perceptible that it was – as the Roman writer of Praeneste claims – the basis for giving the name τροχός.

The chapter under discusion in Aelian's thirteenth book clearly indicates that coastal sea monsters called *trokhoi*, representing probably large Mediterranean sirenians (extinct now), were only found in certain bays located near the Chalcidice Peninsula[23] and along the coast of Thrace.

Now let us move on to the lexical and microphilological questions. The Hesychian gloss †ἄβα· τροχός, ἢ βοή is usually treated as unclear or even doubtful[24]. Kurt Latte, the excellent editor of Hesychius' lexicon, printed the so-called *crux philologorum* before the lemma, which indicates that he suspects that the original lemma is corrupted. Of course, Latte's opinion is subjective and should be verified[25].

Hjalmar Frisk introduces the Hesychian gloss in question into his *Griechisches etymologisches Wörterbuch*, quoting Specht's opinion, according to which the latter sense βοή can be explained by a comparison of the lemma ἄβα (correctly *ἄϝα) with the Homeric imperfect verb αὖε 'called'[26]. Specht thinks that three other Hesychian glosses are related as well: ἀβέσσει· ἐπιποθεῖ, θορυβεῖ ('yearns for, makes noise'), †ἀβήρει· ᾄδει

[21] Gk. τροχός m. 'wheel; circle, circular object', also 'a sea monster', see *LSJ* s.v.; Montanari 1999, 2044; 2018, 2162; Diggle 2021, 1399.

[22] Of course, the wheel-like rotation of the *trokhoi*, described by Claudius Aelian, can be also differently understood, e.g. as a rolling motion around a transverse axis.

[23] Herodotus (6. 44) clearly confirms that the sea near the Chalcidice Peninsula and Mount Athos was full of sea monsters (θηριωδεστάτη). It seems probable that the Greek historian confirms the presence of the large sirenians called *trokhoi* in the coastal zone.

[24] Latte 1953, 4; Latte, Cunningham 2018, 5.

[25] Note that Schmidt (1858, 5) prints the Hesychian gloss ἄβα· τροχός, ἢ βοή with no *crux philologorum*.

[26] Frisk 1962, 2; Specht 1931, 120–121.

'sings'[27] and also ἀβώρ· βοὴ ὡς Λάκωνες ('battle-cry, as Lacones [use the word]')[28]. According to Frisk, Specht's explanation is "[s]ehr hypothetisch"[29].

Robert Beekes translates the Hesychian gloss in question as 'wheel or screaming', but he gives no possible explanation for the former meaning. As to the latter sense he only refers to Specht's explanation with no additional commentary[30].

In my opinion, the Hesychian gloss †ἄβα· τροχός, ἢ βοή should be printed with no *crux philologorum*. The first pair ἄβα = τροχός is completely correct. Of course, the explanatory word τροχός must be connected with the zoological meaning 'a large sea animal', especially 'a Mediterranean sea cow' (and not 'a wheel; circle, circular object'[31]). It can be suggested that the term ἄβα, pronounced ['aba] or ['ava], represents a Thracian ingredient in the Greek language[32]. It cannot be excluded that the Thracian zoonym ἄβα 'a Mediterannean sea-cow' represents an associative name, showing a possible dependence of the marine terminology on vocabulary related to land animals[33]. It seems to derive from a native (purely Thracian) noun for 'sheep', cf. Gr. Hom. ὄϊς f. 'ewe; sheep', Lat. *ovis* f. 'sheep' (< IE. **óu̯is* f. 'id.' < PIE. **h₃éu̯is* f. *i*-stem 'ewe, sheep'). Thus the Greco-Thracian term ἄβα originally denoted a "marine sheep", i.e. an extinct Mediterranean animal feeding on sea grass, similar to the dugong (see fig. 3).

Also the latter meaning is easily explainable on the basis of the Greek lexical data, cf. Gk. Hom. αὖε impf. 'called'. Alternatively, it is possible to derive Gk. dial. ἄβα f. 'loud cry, shout' from Proto-Greek *ϝάβᾱ and IE. **u̯ā́bā* f. 'id.', cf. ON. *óp* n. 'shout, cry' (< PG. **wōpan* n.); OE. *wóp* m. 'cry, wailing, weeping'; OSax. *wōp* m. 'shout, cry',

---

[27] Specht 1931, 120; Latte 1953, 7; Latte, Cunningham 2018, 8.

[28] A different reading is proposed by editors of the Hesychian glossary: ἀβώρ· [βο]ὴὡς Λάκωνες (Schmidt 1858, 11) and ἀβώρ· ἠὡς Λάκωνες (Latte 1953, 11; Latte, Cunningham 2018, 13).

[29] Frisk 1962, 2.

[30] Beekes 2010, 3.

[31] Both these nouns with the oxytone stress (Gk. τροχός), as well as the abstract noun (with the barytone accent) τρόχος m. 'running, race, course', secondarily 'place for running, hippodrome, racetrack', derive independently from the Greek verb τρέχω 'to run, hurry, move rapidly' (Montanari 2018, 2144; Diggle 2021, 1399).

[32] Also the dialectal appellative ἀβδία· θάλασσα 'sea' (*Et. Gud.* 4. 19; *DGE* s.v.) seems to represent an Ancient Greek loanword from a Palaeo-Balkan source, perhaps a Thracian one. See additionally the Hesychian gloss ἀβυδόν· βαθύ (adj. n.) 'deep', which is obviously related to the Greek term ἄβυθος adj. 'with no bottom, bottomless, unfathomed', also f. 'the great deep, the abyss, bottomless pit'. It is uncertain whether the place name Abydos (Ἄβυδος), denoting a town on the Asiatic side of the Hellespont, derives from the adjective ἀβυδός or not.

[33] The Ancient Greeks and the Romans often transferred selected names of land animals to marine creatures, e.g. Gr. πάρδαλις 'leopard', also 'snow leopard, *Panthera uncia* Schreber' → Gr. πάρδαλις 'sand tiger shark, *Carcharias taurus* Rafinesque' (Strömberg 1943: 107; Kaczyńska, Witczak 2018: 48–50; 2020: 38–41); Lat. *vitulus* 'calf' → Lat. *vitulus marinus* 'seal', literally 'sea calf' (de Saint-Denis 1947, 117); Lat. *equus* 'horse' → MLat. (13th c.) *equinus cetus* 'walrus, *Odobenus rosmarus* L.' created under the influence of ON. *hrossvhalr* 'walrus', literally 'horse whale' (Delliaux, Gautier 2018, 177). There are many notable examples of this practice in modern languages, e.g. G. *Seeschwein* 'dugong, *Dugong dugon* Müller' (lit. 'sea pig'); Latv. *jūrasgovs* 'dugong' (lit. 'sea cow'); Port. *vaca marinha* 'dugong' (lit. 'sea cow'); Sp. *vaca marina* 'Steller's sea cow, *Hydrodamalis gigas* Zimmermann'; E. *sea cow* 'id.'; Pol. *krowa morska* 'id.' (lit. 'sea cow'); Russ. *морская корова* 'id.'.

Fig. 5. Neptune (or Poseidon) drives his sea-chariot pulled by hippocampi. A mosaic from Hadrumetum (North Africa, now Soussa in Tunisia), 3rd century AD. *Photo by Asram, 2006. Wikimedia Commons*

OHG. *wuof* m. 'weeping, sobbing' (< PG. **wōpaz* m.); Pol. *wab* m. 'attracting wild game' (< PSl. **vabjь* m.), *wabik* m. 'bird-call, decoy, allurement; a device for attracting game', *powab* m. 'charm, lure, attraction'; OPol. *powaba* f. 'incentive, encouragement; the beginning of fun, a call for cooperation'; Cz. *půvab* m. 'charm, grace' (< PSl. **po-vaba* f. / **po-vabъ* m.)[34]. All the Germanic and Slavic nouns derive from the Indo-European verb **u̯āb-* (< PIE. **u̯eh₂b-*) 'to call, scream, moan / rufen, schreien, wehklagen'[35].

[34] Zaliznyak 1965, 173; Orel 2003, 470; Boryś 2005, 472, 675.

[35] Pokorny 1959, 1109; Mallory, Adams 2008, 355; Derksen 2008, 512; Rychło 2014, 121–132; 2016, 103–124; 2019, 20, 96. It is worth emphasizing that the verbal forms are exclusively attested in the Germanic and Slavic languages (cf. Goth. *wopjan* 'to call loudly, call out', *at-wopjan* 'to summon'; OSax. *wōpian* 'to bewail'; OE. *wēpan* 'to weep', E. *weep* 'to cry, let tears fall from the eyes'; OHG. *wuoffen* 'to bewail', *wuofen* 'to whine'; Russ. *вабить* 'to lure, decoy'; Cz. *vabiti* 'to lure'; Pol. *wabić* 'to call, decoy, lure, attract, entice', Sloven. *vábiti* 'to lure, invite'; Lehmann 1986, 409; Orel 2003, 470; Derksen 2008, 511–512). The East Baltic cognates (e.g. OLith. *vobyti* 'to summon at court', Lith. *võbyti* 'to attract, lure, tempt', Latv. *vãbît* 'to lure, tempt') are commonly treated as probable borrowings from a Slavic source (Anikin 2011, 306; Smoczyński 2018, 1689). The Hesychian gloss †ἄβα· [...] βοή, if related to its possible Germanic and Slavic cognates, seems to indicate the labial phoneme **b*, which was extremely rare in Proto-Indo-European. The existence of this phoneme can be confirmed by Germanic facts, cf. E. *weep* (where PG. **p* goes back to IE. **b*).

On the other hand, the Thracian sea-nymph Aba seems a divine half-animal person, some parts of her body taken from a Mediterranean *trokhós* (cf. the Hesychian gloss †ἄβα· τροχός). She belongs to the ancient mermaids, which are aquatic creatures with the head and upper body of a female human and the tail of a fish or a sea mammal[36]. It is a well-known fact that numerous half-animal deities, including mermaids, appear in Poseidon's retinue, e.g. Nereids and Oceanids[37]. There are many ancient representations of Poseidon and his retinue accompanied by sea monsters, e.g. ichthyocentaurs and hippocampi (see fig. 5)[38]. Poseidon, the Greek god of sea and other waters, had numerous human, half-human and half-animal mistresses (e.g. Amphitrite, Arethusa, horse-shaped Demeter, Medusa, Thoosa) and many children from them. Some of his children had animal or monstrous shapes, e.g. he became the father of Triton (a half-animal sea god) with his wife Amphitrite; of the winged horse Pegasus and the giant Chrysaor with Medusa; of Arion, black-maned horse, with Demeter; of Polyphemus, one of the Cyclopes, with Thoosa; and also of Lamos, the king of the giant man-eating Laestrygones, with Iphigeneia.

The sea mermaid called Ἄβα (of Thracian origin), who was one of Poseidon's lovers, became the mother of Ergiskos, the eponymic founder of the Thracian city of Ergiska. Her name is evidently motivated by the Ancient Greek dialectal appellative ἄβα denoting 'a sea mammal called τροχός', attested only in the Hesychian glossary. This appellative represents a Thracian borrowing in Ancient Greek vocabulary. It is clear that the Thracians must have been familar with the presence of Mediterranean sea animals (perhaps sea cows) called *trokhoi*, existing in antiquity near the Thracian coast and the Chalcidice Peninsula.

In this paper I review afresh a rare myth devoted to the Thracian sea nymph Aba, who was one of Poseidon's mistresses. She gave birth to Ergiskos, the Thracian hero and the eponymic founder of the town of Ergiskē (now Çatalca, Turkey), located in East Thracia. It is suggested that the sea nymph called Ἄβα was originally a mermaid, having the female face and hands and the body of a large sea animal, possible a marine mammal. Her name is motivated by the Hesychian gloss †ἄβα· τροχός, ἢ βοή, which should be translated as follows: "*aba*: a large sea-monster or loud cry". The Greek dialectal term ἄβα represents a borrowing from the Thracian language and denotes a large sea mammal called commonly τροχός. According to Claudius Aelian (*NA* 13.20), the *trokhoi* lived close to the coast. They were sea animals of immense size, but timid and, in general, did not pose a threat to people. Their attested distribution was limited to certain bays located near the Chalcidice Peninsula and along the coast of Thrace. It is not impossible that the Ancient Greek term τροχός (as well as Greco-Thracian ἄβα) denoted a Mediterranean species of sea cow (extinct now).

References

Anikin, A.E. 2011: *Russkiy etimologicheskiy slovar'*. Vyp. V [*Russian Etymological Dictionary*. Vol. V]. Moscow.

Аникин, А.Е. *Русский этимологический словарь*. Вып. V. М.

[36] Cooper 1992, 159, *s.v.* Mermaid; see also ibid. 88, s.v. Dugong, 157, s.v. Manatee, 212, s.v. Siren.

[37] Barringer 1995, 141–145; Larson 2001, 7.

[38] The Ancient Greek iconography of unidentified marine creatures is carefully discussed by Boardman 1987, 73–84, and Papadopoulos, Ruscillo 2002, 215–222; see also Mayor 1985, 21–24 (with 11 figures); 1989, 17–23.

Barringer, J. 1995. *Divine Escorts*: *Nereids in Archaic and Classical Greek Art*. Ann Arbor.
Beekes, R. 2010: *Etymological Dictionary of Greek*. Vol. I. Leiden–Boston.
Boardman, J. 1987. Very like a whale – classical sea monsters. In: A.E. Farkas, P.O. Harper, E.B. Harrison (eds.), *Monsters and Demons in the Ancient and Medieval Worlds. Papers Presented in Honor of Edith Porada*. Mainz, 73–84.
Boryś, W. 2005: *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków.
Cooper, J.C. 1992: *Symbolic and Mythological Animals*. London.
Delliaux, M., Gautier, A. 2018: Cheval ou baleine? Les noms du morse dans les mondes septentrionaux (IXe-milieu du XVIe siècle). *Anthropozoologica* 53/1, 175–183.
Derksen, R. 2008: *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden–Boston.
Detschew, D. 1957: *Die thrakischen Sprachreste*. Wien.
Diggle, J. 2021: *The Cambridge Greek Lexicon*. Cambridge.
Dindorf, G. (ed.) 1853: *Harpocrationis Lexicon in decem oratores Atticos*. T.I. Oxonii.
Domning, D.P. 1972: Steller's sea cow and the origin of North Pacific aboriginal whaling. *Syesis* 5, 187–189.
Dornseiff, F., Hansen, B. 1978: *Reverse-Lexicon of Greek Proper-Names*. Chicago.
Frisk, Hj. 1960: *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Vol. I. Heidelberg.
Gaisford, T. (ed.) 1974: *Etymologicon Magnum, seu verius lexicon saepissime vocabulorum origines indagans ex pluribus lexicis, scholiastis et grammaticis anonymi cuiusdam opera concinnatum*. Amsterdam.
García Valdés, M., Llera Fueyo, L.A., Rodríguez-Noriega Guillén, L. (eds.) 2009*: Claudius Aelianus*, *De natura animalium*. Berolini–Novi Eboraci.
Kaczyńska, E., Sadziński, W., Witczak, K.T. 2019a: Ausgestorbene Meeresküstenungetüme τροχοί resp. rotae. *Erga-Logoi* 7/2, 7–18.
Kaczyńska, E., Sadziński, W., Witczak, K.T. 2019b: Sirenen des Mittelmeerraums im Lichte der Überlieferung Aelianus' (*De natura animalium* XIII 20, XVII 6, XVII 28). *Živa Antika/Antiquité Vivante* 69/1–2, 45–58.
Kaczyńska, E., Witczak, K.T. 2018: Greckie nazwy dużych zwierząt morskich w świetle relacji Klaudiusza Eliana (*O naturze zwierząt* IX 49). *Symbolae Philologorum Posnaniensium Graecae et Latinae* 28/2, 43–56.
Kaczyńska, E., Witczak, K.T. 2020: The sea-leopard and the Oxyrrhynchus shark (Ael. *NA* 11, 24). *Philologia Classica* 15/1, 37–46.
Larson, J. 2001. *Greek Nymphs*: *Myth*, *Cult*, *Lore*. Oxford–New York.
Latte, K. (ed.). 1953: *Hesychii Alexandrini Lexicon*. Vol. I (A–Δ). Hauniae.
Latte, K., Cunningham, I.C. (eds.) 2018: *Hesychii Alexandrini Lexicon*. Vol. I (A–Δ). Berlin–Boston.
Le Goïc, J., Cam, M.-T., Ferrière, H. 2020: Deux animaux marins en quête d'identité: *rota* (Pline, *Histoire naturelle* 9 et 32) et τροχός (Élien, *Personnalité des animaux* 13.20). *Anthropozoologica* 55/2, 21–34.
Lehmann, W.P. 1986: *A Gothic Etymological Dictionary*. Leiden.
Mallory, J.P., Adams, D.Q. 2008: *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*. Oxford.
Maspero, F. (ed.) 1998: Claudio Eliano. *La natura degli animali*. Vol. II. Milano.
Mayor, A. 1985: Greek mermaids and sea monsters. *The Athenian* 11/9, 21–24.
Mayor, A. 1989: Paleocryptozoology: A Call for Collaboration between Classicists and Crytozoologists. *Cryptozoology* 8, 12–26.
Montanari, F. 1999: *Vocabolario della lingua greca*. Torino.
Montanari, F. 2018: *The Brill Dictionary of Ancient Greek*. Leiden–Boston.
Orel, V. 2003: *A Handbook of Germanic Etymology*. Leiden–Boston.
Papadopoulos, J.K., Ruscillo, D. 2002: A ketos in early Athens: an archaeology of whales and sea monsters in the Greek world. *American Journal of Archaeology* 106/2, 187–227.
Pape, W., Benseler, G.E. 1911: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. 3. Aufl. neu bearbeitet von Dr. G.E. Benseler. Braunschweig.
Pokorny, J. 1959: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern–München.
Rychło, M. 2014: Gothic *wopjan*, Polish *wabić* and English *weep*. In: G.A. Kleparski, E. Konieczna, B. Kopecka (eds.), *The Subcarpathian Studies in English Language*, *Literature and Culture*. Vol. I. *Linguistics and Methodology*. Rzeszów, 121–132.
Rychło, M. 2016: Can weep lure? An analysis of a controversial Slavico-Germanic pair of cognates. *Beyond Philology* 13, 103–124.
Rychło, M. 2019: *Contrasting Cognates in Modern Languages from a Diachronic Perspective*. Gdańsk.

Roller, D.W. 2018: *Cleopatra's Daughter and Other Royal Women of the Augustan Era*. Oxford–New York.
de Saint-Denis, E. 1947: *Le vocabulaire des animaux marins en latin classique*. Paris.
Schmidt, M. (ed.) 1858: *Hesychii Alexandrini lexicon* post Ioannem Albertum recensuit M. Schmidt. Vol. I. Ienae.
Scholfield, A.F. (ed.) 1959: Aelian. *On the Characteristics of Animals*, with an English translation by A.F. Scholfield. Vol. III. London–Cambridge (MA).
Serafiński, W., Wielgus-Serafińska, E. 1988: *Ssaki*. Warszawa.
Smoczyński, W. 2018: *Lithuanian Etymological Dictionary*. Berlin.
Specht, F. 1931: Beiträge zur griechischen Grammatik. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen* 59/1–2, 31–131.
Sorbi, S., Domning, D.P., Vaiani, S.C., Bianucci, G. 2012: *Metaxytherium subapenninum* (Bruno, 1839) (*Mammalia*, *Dugongidae*), the latest sirenian of the Mediterranean Basin. *Journal of Vertebrate Paleontology* 32.3, 686–707.
Steller, G.W. 1751: De bestiis marinis. *Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae* 2 (ad annum 1749), 289–398.
Steller, G.W. 2011: *De Bestiis Marinis*, *or*, *The Beasts of the Sea (1751)*. Translated by W. Miller & J.E. Miller, edited by P. Royster. Lincoln.
Strömberg, R. 1943: *Studien zur Etymologie und Bildung der griechischen Fischnamen*. Göteborg.
Sylburg, F. (ed.). 1816: *Etymologicon Magnum*. Lipsiae.
Toepffer, J. 1894: Aba 4. In: *RE*. Bd. I, 1, 4.
Zaliznyak, A.A. 1965: [Materials for studying the morphological structure of Old Germanic nouns, II]. In: L.A. Gindin, G.A. Klimov, V.A. Merkulova, V.N. Toporov, O.N. Trubachev (eds.), *Etimologiya. Principy rekonstruktsii i metodika issledovaniya* [*Etymology. Principles of Reconstruction and Methods of Research*]. Moscow, 160–235.
Зализняк, А.А. Материалы для изучения морфологической структуры древнегерманских существительных. II. В сб.: Л.А. Гиндин, Г.А. Климов, В.А. Меркулова, В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев (ред.), *Этимология. Принципы реконструкции и методика исследований*. М., 160–235.

Abbreviations

Cz. – Czech;
dial. – dialectal;
E. – English;
G. – German;
Gk. – Greek;
Goth. – Gothic;
Hom. – Homeric;
IE. – Indo-European;
Latv. – Latvian;
Lith. – Lithuanian;
MLat. – Medieval Latin;
OE. – Old English;
OHG. – Old High German;
OLith. – Old Lithuanian;
ON. – Old Norse;
OPol. – Old Polish;
ORuss. – Old Russian;
OSax. – Old Saxon;
PG. – Proto-Germanic;
PIE. – Proto-Indo-European;
Pol. – Polish;
Port. – Portugal;
PSl. – Proto-Slavic;
Russ. – Russian;
Sloven. – Slovenian;
Sp. – Spanish;
Toch. A – Tocharian A or East Tocharian.

Vestnik drevney istorii
82/1 (2022), 44–53
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/1 (2022), 44–53
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910015214-8

LE MOMENT DU DOUBLEMENT DE LA PROFONDEUR DE LA PHALANGE HOPLITIQUE

Pierre O. Juhel

Chercheur indépendant

E-mail: pojuhel@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1043-0242

Le tacticien de l'époque hellénistique Asclépiodote donne incidemment une information selon laquelle, à une certaine époque, l'unité de base de la phalange, l'escouade (λόχος), passa de huit à seize hoplites. L'analyse des sources porte à croire que ce doublement de la profondeur de la phalange fut instauré par l'armée coalisée alignant le gros des infanteries lourdes d'Argos, d'Athènes, de Béotie et de Corinthe lors du conseil de guerre qui précéda ladite « bataille de Némée », près de Corinthe (394 avant J.-C.), « perhaps (the) greatest hoplite battle of classical Greece » (*The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World*).

Mots-clés : hoplites, *lochos* (escouade), Némée, phalange

THE DOUBLING IN DEPTH OF THE HOPLITE PHALANX

Pierre O. Juhel

Independent researcher

E-mail: pojuhel@gmail.com

Auteur. Pierre O. Juhel – docteur de l'Université Paris-Sorbonne (Paris IV).

J'adresse mes remerciements à Edith Abraham, Gerhard Bauer (Militärhistorisches Museum der Bundeswehr), Pierpaolo Ciccarelli (Università di Cagliari), Silvannen Gerrard (Honorary Research Fellow at the University of Manchester), Paul Morillon, Yuri Kuzmin et enfin aux rédacteurs du *Vestnik*, qui tous, d'une façon ou d'une autre, ont participé à l'élaboration de cet article.

According to the Hellenistic tactician Asclepiodotus, the basic unit of the phalanx, the λόχος (the 'squad') was at some point doubled in size from eight to sixteen hoplites, although he provides no other chronological information. The article argues that the analysis of the sources allows to establish that it was the coalition army of the heavy infantry from Argos, Athens, Boeotia and Corinth that introduced this reform during the war council that took place before the battle of Nemea near Corinth (394 BC), which was "perhaps [the] greatest hoplite battle of classical Greece" (*The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World*).

Keywords: hoplites, *lochos*, Nemea, phalanx

ВРЕМЯ УДВОЕНИЯ ГЛУБИНЫ ФАЛАНГИ ГОПЛИТОВ

П. О. Жюэль

Независимый исследователь

E-mail: pojuhel@gmail.com

Согласно Асклепиодоту, автору эллинистического времени, написавшему трактат о тактике, в какой-то момент число воинов в лохе (λόχος), базовом подразделении фаланги, было удвоено с 8 до 16 гоплитов, но он не дает датировки этой реформы. На основе анализа источников в статье показано, что данное нововведение следует связывать с состоявшей из тяжеловооруженных воинов союзной армией Аргоса, Афин, Беотии и Коринфа. Решение об этом было принято на военном совете перед сражением при Немее рядом с Коринфом в 394 г. до н.э., которое было, «вероятно, величайшим гоплитским сражением в истории классической Греции» (*The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World*).

Ключевые слова: гоплиты, лох, Немея, фаланга

Dans la phalange hoplitique, l'escouade (λόχος) comptait à l'origine huit hommes. Mais ultérieurement, selon le tacticien de la basse époque hellénistique Asclépiodote, elle doubla : διπλασιασθέντος δ' ὕστερον τοῦ λόχου – sans autre précision chronologique (Asclepiodot. II. 9). Quand donc ce doublement s'opéra-t-il ?

P. Monceaux avait rapporté qu'à la belle époque de la phalange hoplitique, « les divisions se rangeaient en files l'une à côté de l'autre et formaient la phalange proprement dite, ordinairement profonde de quatre à huit rangs (ζυγά), parfois de douze ou seize, même de vingt-cinq ou cinquante [références] »[1]. L'examen des sources indiquées par Monceaux[2] montre que si, lors de l'Anabase (401 av. J.-C.), Xénophon décrit les Grecs au service de Cyrus s'alignant sur une profondeur de quatre rangs seulement, on peut supposer que cet ordre mince résultait, plus que des conditions particulières de cette campagne, du fait qu'il s'agissait là d'une revue, et ce bien qu'auparavant l'écrivain athénien ait écrit que Cyrus ἐκέλευσε δὲ τοὺς Ἕλληνας ὡς νόμος αὐτοῖς εἰς μάχην οὕτω ταχθῆναι καὶ στῆναι (*Anab*. I. 2. 15), « Il ordonna aux Grecs de s'aligner et de rester

[1] Monceaux 1892, col. 904a.

[2] Thuc. IV. 91, 94 ; V. 68 ; VI. 67 ; Xen. *Lac. polit*. XI. 4 ; *Anab*. I. 2. 15; VII. 1. 23; *Hell*. II. 4. 34; III. 2. 16 ; IV. 2. 18 ; VI. 2. 21 ; 4. 12 ; 5. 19 (Monceaux 1892, col. 904, n. 576).

immobiles, comme ils en avaient l'habitude pour le combat »[3]. En effet, la formation sur huit rangs paraît avoir été de règle, comme on le constate déjà, par exemple, durant la Guerre du Péloponnèse : Ἀθηναῖοι δὲ οἱ μὲν ὁπλῖται ἐπὶ ὀκτὼ πᾶν τὸ στρατόπεδον ἐτάξαντο (Thuc. IV. 94. 1). « Chez les Athéniens, les hoplites s'étaient rangés, pour tout le front, sur huit rangs de profondeur »[4]. « Ἐπὶ ὀκτώ » : c'était là, comme l'avait commenté Gomme « the normal Greek, including the Spartan, formation. Cf. v. 68. 3, vi. 67. 1 »[5]. De fait, cette profondeur sur huit rangs, en dépit du doute que l'on pourrait avoir à la seule considération du passage de l'*Anabase* de Xénophon que nous venons d'invoquer, se retrouve précisée plus loin dans cette même œuvre (VII. 1. 23).

Il semblerait que ce soit chez ce même Xénophon, mais cette fois-ci dans ses *Helléniques*, que se trouve la réponse à la question que nous posions en introduction sur la base de l'extrait d'Asclépiodote. En 394 av. J.-C., pendant la deuxième année de la Guerre de Corinthe[6], lors des prodromes de la bataille dite du torrent de Némée[7] (qui se tint aux abords de la rivière Longopotamos)[8], les contingents de la coalition anti-lacédémonienne, ayant effectué leur concentration, διωμολογοῦντο εἰς ὁπόσους δέοι τάττεσθαι πᾶν τὸ στράτευμα, ὅπως μὴ λίαν βαθείας τὰς φάλαγγας ποιούμεναι αἱ πόλεις κύκλωσιν τοῖς πολεμίοις παρέχοιεν – « (...) s'échangeaient des (...) conventions sur la formation à adopter pour l'ensemble de l'armée, afin d'éviter qu'en prenant trop de profondeur les contingents des villes ne se prêtassent à un encerclement » (IV. 2. 13)[9]. Le résultat de cette nouvelle organisation apparaît plus loin dans le récit, incidemment. Les Béotiens, qui étaient à la place d'honneur, à l'aile droite, πρῶτον μὲν ἀμελήσαντες τοῦ εἰς ἑκκαίδεκα βαθεῖαν παντελῶς ἐποιήσαντο τὴν φάλαγγα (*ibid.* 18) pour « commencer, négligeant la formation par seize, (...) mirent leur phalange toute en profondeur »[10]. En somme, cette nouvelle organisation de la phalange sur seize rangs de profon-

---

[3] Masqueray 1930, 52.

[4] De Romilly 1968, 66.

[5] Gomme 1956, 564. On trouvait déjà cette affirmation sous la plume des spécialistes allemands du *Griechisches Kriegswesen* de la fin du XIXe et du début du XXe siècle. Ainsi sous celle de von Domaszewski (1926, 26): « Auch so entsprach die Phalanx (macédonienne, sur 16 rangs, cf. ci-dessous sur ce point. — *P. O. J.*) der normalen Tiefe in der Aufstellung griechischer Hoplitenheere ».

[6] Sur la guerre de Corinthe, il faudra mentionner l'utile monographie de Fornis 2007, et spécialement, pour le sujet qui nous occupe, la partie « 5. La guerra continental » (p. 36–40).

[7] Sur cet engagement, voir spécifiquement Cavaignac 1925, qui visait à démontrer que le nombre de six mille Lacédémoniens *stricto sensu* donné par Xénophon n'est pas recevable. Plus récemment, signalons les études de Tuplin 1986, 51–52, ainsi que l'étude synthétique de Fornis 2003.

[8] Tuplin 1986, 51.

[9] Hatzfeld 1936–1939, II, 17. La traduction de Brownson (1918, 287), avait été la suivante : « while they were (...) trying to come to an agreement with one another as to the number of ranks in depth in which the whole army should be drawn up, in order to prevent the states from making their phalanxes too deep and thus giving the enemy a chance of surrounding them ».

[10] Hatzfeld 1936–1939, II, 19. La traduction de Brownson (1918, 291), avait été la suivante : « in the first place, disregarding the sixteen-rank formation, they made their phalanx exceedingly deep ». Tuplin (1986, 52), avait commenté la question mais pour examiner (et repousser) le point de vue de Pritchett selon lequel « 4.2.13 at least shows the two infantry forces to be roughly the same size ». Il est en effet curieux que ce dernier ait pu écrire, en se basant sur ce passage-ci, que « Xenophon implies that the forces were nearly equal » (Pritchett 1969, 74), car, comme l'indiquait Hatzfeld (1936–1939, II, 19, n. 1): « c'est, dans les *Helléniques*, la seule bataille où Xénophon nous renseigne

deur, décidée lors de ce conseil de guerre des stratèges de cette coalition (qui réunissait avait tout, au témoignage de Xénophon (*ibid.*), le gros des infanteries d'Athènes, d'Argos, de Corinthe et des cités béotiennes, Orchomène exceptée), devait avoir conduit, à terme, à ce que le λόχος fût doublé en profondeur[11].

Lors de cette bataille de 394 av. J.-C., il est possible que, peut-être conscients de leur supériorité numérique (la somme de leurs contingents hoplitiques se montait à environ 24 000 hommes, contre 13 500 pour les Lacédémoniens, comme nous l'avons indiqué n. 10), les coalisés aient choisi de jouer la carte de la profondeur. Il est non moins possible que l'espace, sur le terrain, leur eût manqué pour déployer leurs masses – ce qui aurait pu fournir une autre raison de leur ordonnance. Cette raison-ci (un terrain difficile) paraît de fait avoir été invoquée par les contemporains pour expliquer la défaite des coalisés[12]. Ce jour-là en effet, l'ordre mince l'emporta sur l'ordre profond : les soldats d'élite de l'infanterie lacédémonienne eurent le dessus grâce à des manœuvres enveloppantes, κυκλωσάμενοι selon l'expression de Xénophon (*Hell.* 21 ; cf. aussi plus haut εἰς κύκλωσιν, *ibid.* 20).

---

avec précisions sur l'importance des effectifs engagés ». Du côté lacédémonien, l'infanterie de bataille rangée montait, selon la description de Xénophon, à 13 500 hommes (Xen. *Hell.* IV. 2. 16). Du côté adverse, les coalisés auraient réuni quelque 24 000 hoplites (*ibid.* 17). Cavaignac (1925, 275), avait judicieusement fait remarquer que les données contradictoires livrées en la matière par Diodore (XIV. 82. 10–83. 1), conduisent à penser que l'historien sicéliote, « en résumant Éphore, a interverti les deux chiffres (c'est-à-dire ceux des effectifs des deux camps opposés. – *P. O. J.*) ».

[11] Les raisons de ce doublement furent tant générales que particulières. Du point de vue général, cette réforme s'inscrit dans la question qui valut tant qu'il y eut bataille entre infanteries combattant en ordre serré et de pied ferme, autrement dit le débat entre les vertus de l'ordre profond par rapport à celles de l'ordre mince. En vue du choc, plus de profondeur aurait donné plus de poids aux masses, tout en facilitant les déplacements, puisque le front des unités était alors rétréci. Sans aller trop avant dans l'aspect le plus discuté de la question, à savoir celui des avantages que la profondeur aurait donné en vue du choc, nous invoquerons simplement la critique de cette conception qu'en fit le comte de Guibert dans son *Essai général de tactique*, au sein du premier chapitre de deuxième partie « II. Tactique de l'infanterie. 1. Ordonnance de l'infanterie, sa formation. Principes qui doivent déterminer l'une et l'autre » (de Guibert 1977, 111). Plus bas, les conceptions du 'Clausewitz français' se trouvent exposées de façon plus ramassée et peuvent donc être ici rapportées : « Les avantages de l'ordre en colonne consistent, je le répète, non dans la pression exacte des rangs et des files, mais dans la succession continue d'efforts que font les divisions rangées les unes derrières les autres et se succédant rapidement pour se porter sur un point d'attaque, dont, couvertes par les divisions qui les précèdent, elles n'ont ni vu les obstacles ni presque essuyé les coups », *ibid.*, 131). Quoi qu'il en soit de cette question si discutée, un front réduit faisait en tout cas encourir le risque de se voir enveloppé. « Verstärkung nach der Tiefe bedingt Verkürzung der Front; bei gleichen Kräften hätte der feindliche recht den thebanischen linken Flügel überflügeln, ihn umklammern und in der Front und Flanke zugleich packen können » avait énoncé bien avant nous Delbrück (2003, 175–176) dans le cadre de son examen des réformes d'Épaminondas. L'éminent historien militaire avait, juste à la suite, mis en exergue ce que nous évoquons plus haut, à savoir la question des vertus discutables d'un ordre profond qui, en tout cas, encourait le risque de l'enveloppement : « Ob, wenn das Treffen diese Art verläuft, die tiefere Aufstellung die bessere ist, ist sehr die Frage: hält die feindliche Front stand, bis ihr überschießender Teil die Umfassung ausgeführt hat und die tiefere Kolonne nun zwei Seiten angegriffen wird, so wird diese sich schwerlich behaupten » (*ibid.*, 176).

[12] Cf. Delbrück 2003, 165, au sein de ses réflexions sur cette bataille qu'il comptait parmi les « Bemerkenswerte Gefechte dieser Periode » (c'est-à-dire le IVe siècle avant J.-C.).

En tout cas, après cette bataille, divers extraits montrent que les formations d'infanterie lourde de moins de seize rangs de profondeur furent considérées comme trop faibles et ne correspondant plus à la norme. Faut-il ici invoquer cet épisode de l'attaque de Corcyre par le navarque spartiate Mnasippos (dans la première moitié de l'année 373 av. J.-C., à ce qu'il semble de l'établissement d'une chronologie qui ne coule pas de source)[13] où une unité spartiate, assaillie lors d'une sortie des Corcyréens et rangée sur la profondeur traditionnelle de huit rangs, voulut manœuvrer pour remédier à une formation peut-être trop mince ?

> (...) ἄλλοι δ' ἐκδραμόντες καθ' ἑτέρας πύλας ἐπιτίθενται ἀθρόοι τοῖς ἐσχάτοις· **21** οἱ δ' ἐπ' ὀκτὼ τεταγμένοι ἀσθενὲς νομίσαντες τὸ ἄκρον τῆς φάλαγγος ἔχειν, ἀναστρέφειν ἐπειρῶντο. Ὡς δ' ἤρξαντο ἐπαναχωρεῖν, κτλ.
>
> (...) d'autres sortent par l'autre porte et tombent en formation serrée sur l'extrêmité (sic) de la ligne de Mnasippos. **21** Les Lacédémoniens, rangés sur une profondeur de huit hommes, estimèrent que l'extrémité du front de bataille était trop faible ; aussi essayèrent-ils une conversion. Mais lorsqu'ils commencèrent à reculer, etc. (Xen. *Hell*. VI. 2. 20-21)[14].

Néanmoins, contrairement à ce qu'Hatzfeld suggérait ici, à savoir que la conversion aurait eu pour but d'« aller renforcer l'extrémité menacée »,[15] ne faut-il pas plutôt comprendre que l'extrémité de la ligne lacédémonienne recula pour faire face à l'ennemi qui la prenait de flanc, en cherchant à lui faire face par une conversion à 90 degrés d'une partie de la phalange ? Autrement dit, ne s'agissait-il pas, par un mouvement rétrograde, de se dégager des ennemis qui la débordaient ?

Quoi qu'il en soit de cet exemple-ci, le cas lacédémonien n'est pas tout à fait déterminant pour notre propos car, à Sparte, l'organisation de l'énomotie, au IVe siècle av. J.-C., ainsi que le *drill* de leur infanterie lourde, faisaient que les hoplites de Lacédémone pouvaient, de longue date, faire passer l'escouade qu'était leur énomotie, forte de trente-deux hommes (ultérieurement de trente-six)[16], d'une seule file (donc de trente-deux ou trente-six rangs) à un seul rang (donc de trente-deux ou trente-six hoplites), en jouant de toutes les possibilités intermédiaires. « Die Enomotie von 36 oder 32 Mann wird in 1, 2, 4 oder 3, 6 Rotten[[17]]

---

[13] Cf. Underhill 1894b, 231; voir aussi 1894a.

[14] Hatzfeld 1936–1939, II, 125–126.

[15] Hatzfeld 1936–1939, II, 126, n. 1.

[16] Sur ce sujet, cf. Sekunda 1998, 14–15. Selon ce que le savant polonais exposait là, l'énomotie de 36 hoplites est attestée pour la première fois en 403 avant J.-C.

[17] Il n'y a pas de doute que par « Rotten », Kromayer comprenait bien 'files' – ce qui ne coule pas de source car en allemand contemporain, le terme peut signifier, dans le domaine militaire, un 'peloton', ou un 'groupe' (par exemple dans l'aviation militaire). Mais dans le vocabulaire militaire classique, c'est-à-dire dans celui où les batailles opposaient encore, jusque dans le courant du XIXe siècle, des troupes en ordre serré (et spécialement, comme dans l'Antiquité, des fantassins qui, en ligne, combattaient en masse, au coude à coude), le terme signifiait sans ambiguïté la 'file' : « Rotte, ist ein Ganzes von mehreren hinter einander stehenden Leuten, welche daher in allen Füllen von einander unzertrennlich sind ; selbst beim zerstreuten Gefecht sind die beiden Mann einer Rotte die Sekündanten einer des Andern, und dürfen sich daher nicht von einander entfernen. In so viel Glieder eine Truppenabtheilung aufgestellt ist, aus so viel Mann besteht auch eine Rotte » (Rumpf 1827, 272); « Rotte, die bei der Truppe hinter einander stehenden Mannschaften mehrerer Glieder » (Hartmann 1896, *s.v.*, 743); « Rotte, f. (tact.) – *Rot*, n. – File, f. *File* » (Landolt 1865, *s.v.*, 184 ; les termes sont ici donnés, respectivement, en allemand, néerlandais, français et anglais).

aufgestellt »[18]. Un autre extrait des *Helléniques*, relatif aux opérations spartiates sous les murs d'Athènes en 403 av. J.-C., paraît illustrer cette capacité manœuvrière des hoplites de Lacédémone. Pausanias fut un instant repoussé sur une colline par l'infanterie lourde athénienne organisée par Thrasybule sur la formation traditionnelle de huit rangs. Ἐκεῖ δὲ συνταξάμενος παντελῶς βαθεῖαν τὴν φάλαγγα ἦγεν ἐπὶ τοὺς Ἀθηναίους – « Là, après avoir rassemblé l'infanterie en formation tout à fait profonde, il la mena contre les Athéniens » (Xen. *Hell*. II. 4. 34)[19]. Mais les Spartiates n'étaient pas les seuls à pouvoir s'organiser *ad hoc* sur plus de huit rangs de profondeur. Buckler avait mis en exergue que, dès avant la fameuse phalange de cinquante rangs d'Épaminondas, l'histoire militaire grecque témoigne de deux autres exemples de « deep phalanx ». À Délion, en 424 av. J.-C., « the Athenian drew up their line eight deep, and against them Pagondas (le béotarque. – *P. O. J.*) in turn ranked the Theban hoplites on his right twenty-five deep »[20]. Lors de l'expédition de Sicile, en 415 av. J.-C., pour semble-t-il compenser leur inexpérience, les Syracusains, face aux Athéniens qui leur offraient la bataille, se rangèrent sur seize rangs – sans succès. Avant Buckler, Hanson avait touché à cette question particulière dans son examen de la supposée « révolution » militaire du fameux général thébain[21]. Il avait particulièrement fait fond sur le onzième chapitre du pre-

[18] J. Kromayer dans Kromayer, Veith 1928, 79, avec pour références n. 4 : « Resp. Lac. 11, 4 : καθίστανται τότε μὲν εἰς [ἕνα αἱ] ἐνωμοτίαι τοτὲ δὲ εἰς τρεῖς, τοτὲ δὲ εἰς ἕξ. Kyrop. II 3, 21 ». Néanmoins, les corrections indiquées dans ce passage de *La République des Lacédémoniens*, qui conduisent à cette conception d'une énomotie de 32 ou de 36 soldats pouvant être rangée en une, deux, trois, quatre voire six files (et donc sur un à trente-six rangs en passant par toutes les combinaisons possibles pour une escouade de 32 ou 36 hoplites), sont erronées, comme, à notre avis, Lipka (2002, 195), l'a mis en exergue : « As to content it would not be clear why the hoplites could be deployed only in three or six files (pour donc, seulement dans ce cas de figure, les formations à escouades de 36 hommes alors respectivement rangées sur douze ou sur six rangs. – *P. O. J.*), since the ordinary depth of a phalanx was eight ». Le philologue avait proposé une autre leçon de ce passage de Xénophon, bien plus séduisante non seulement du point de vue historique mais avant tout du point de vue philologique (car elle réduit la correction apportée au texte). Elle permet en effet de sortir de la difficulté : τοτὲ μὲν εἰς ἐνωμοτίας, τοτὲ δὲ εἰς τρεῖς, τοτὲ δὲ εἰς ἕξ. Il faudrait alors comprendre, ce qui est certes bien plus cohérent par rapport aux profondeurs régulières de la phalange hoplitique, que « the army is imagined as forming a column from *any* formation of *morai* (ἐκ δὲ τούτων τῶν μορῶν), while either one enomoty was deployed behind the other (εἰς ἐνωμοτίας, cf. the march ἐπὶ κέρως at 11.8), i.e. the column consisted of one file of enomoties, or three or six enomoties were placed next to each other (τοτὲ δὲ εἰς τρεῖς, τοτὲ δὲ εἰς ἕξ), i.e. the column consisted of three or six files of enomoties » (*ibid.*). D'un autre côté, des « Rotten » consistant en trois ou six hommes rangés de front auraient donc donné, sur la base d'une énomotie de trente-six soldats uniquement (puisque trente-deux n'est pas un multiple de trois), une profondeur de douze hoplites dans le premier cas, de six dans le second. Or, la première de ces deux profondeurs correspond bien à celle indiquée par Xénophon pour l'infanterie spartiate à Leuctres (voir ci-dessous et spécialement à l'appel de notre n. 24). Faisons en tout cas ici enfin remarquer que l'énomotie, sous la plume du tacticien de l'époque hellénistique Asclépiodote (II. 2), était le nom du quart de l'escouade (λόχος) une fois que celle-ci fut portée à douze ou seize hommes – autrement dit dès le début du IVe siècle avant J.-C. et cette réforme que nous mettons ici en exergue.

[19] Hatzfeld 1936–1939, I, 105–106.

[20] Buckler 2013, 664.

[21] Hanson 1988, 192–193.

mier volume de la somme de Pritchett, *The Greek State at War*[22], au sein duquel un tableau très utile[23] donnait, semble-t-il de façon exhaustive, toutes les attestations, chiffres à l'appui, des diverses profondeurs de la phalange de 471 à 190 av. J.-C. – ce qui conduit à ajouter aux exemples ci-dessus une exceptionnelle formation sur cinquante rangs ordonnée par le stratège athénien Kritias lors de sa descente d'Athènes sur le Pirée, occupé par la contre-révolution démocratique menée par Thrasybule, évènement que nous avons mentionné plus haut (Xen. *Hell.* II. 4. 11).

En tout cas, si dès avant le IVe siècle on avait vu sur les champs de bataille de la Grèce classique des formations plus profondément organisées que sur huit rangs et si, plus particulièrement, les capacités manœuvrières des formations hoplitiques spartiates pouvaient avoir donné l'exemple de phalanges plus profondes que celles traditionnellement rangées sur ces huit rangs, il se dégage des sources que dès le premier quart du IVe siècle cette formation-ci était devenue obsolète. Lors de la bataille de Leuctres, alors que les Thébains s'étaient mis sur cinquante rangs, les Lacédémoniens, avaient disposé les énomoties par trois hommes de front : τοῦτο δὲ συμβαίνειν αὐτοῖς οὐ πλέον ἢ εἰς δώδεκα τὸ βάθος (*ibid.* VI. 4. 12), « ce qui ne leur donnait pas plus de douze hommes en profondeur »[24]. Cette expression ne sous-entend-elle pas que cette profondeur était insuffisante, trop faible ? Le tableau publié par Pritchett, mentionné ci-dessus, montre qu'à partir de l'année de Leuctres, sur neuf attestations, deux seulement indiquent des formations qui auraient été à huit rangs de profondeur. Mais la première, relative à la bataille d'Issos (Polyb. XII. 19. 6), relève de la longue critique polybienne des incohérences du récit de Callisthène[25] où, plus loin (*ibid.* 9), l'écrivain achaïen suggérait que la formation de bataille macédonienne avait été, en fait, rangée là sur seize rangs, ce qui certes, à la considération du passage de l'Ἀνάβασις Ἀλεξάνδρου d'Arrien (VII. 23. 3–4), nous paraît assuré. Quant à la seconde, qui concerne Cynocéphales, elle est fondée sur une remarque critique de Droysen dont les arguments, à notre avis et quoi qu'en ait pensé Pritchett, ne viennent guère remettre en cause les informations explicites livrées tant par Arrien et Polybe ou, encore, par les tacticiens[26].

En somme, nous croyons qu'il se dégage des sources que ce fut lors du conseil de guerre de la coalition anti-lacédémonienne de 394 av. J.-C., avant l'affrontement de la rivière de Némée (ou Longopotamos), qui fut « perhaps (the) greatest hoplite battle of classical Greece »[27], que l'on instaura, comme norme, le doublement de la profondeur de la phalange. Ceci fut décidé par et pour les formations hoplitiques des cités d'Athènes, de Béotie, d'Argos et de Corinthe. C'est donc vraisemblablement à cet épisode que faisait référence Asclépiodote[28]. Et que ce fut sans doute également sur ce modèle que Phi-

[22] « The depth of the phalanx », Pritchett 1971 = 1974, 134–143.
[23] Pritchett 1971 = 1974, Tabl. 4, 135.
[24] Hatzfeld 1936–1939, II, 140.
[25] Néanmoins Walbank (1967, 373), avait souligné, après Kromayer, que cette critique portait à faux.
[26] Discussion et références par Pritchett 1971 = 1974, 138–139.
[27] Chronology 2013, xviii.
[28] On peut donc tenir pour vraisemblable que la bataille du torrent de Némée (ou, plutôt, donc, de Longopotamos) fut une borne importante de l'organisation tactique des armées grecques. Après Anderson et Lazenby, Fornis avait souligné que cet affrontement avait vu des innovations dans l'art de la manœuvre des phalanges (Fornis 2003, 150).

lippe II organisa ladite ‘phalange macédonienne’, elle aussi formée sur seize rangs de profondeur[29]. Aussi, si les doutes exprimés par Pritchett[30], à la suite des interrogations

[29] C’est ce qu’avait dégagé de longue date Röder von Diersburg (1920, 59) : « Als kleinste Einheit der typisch Makedonischen Gliederung nennt Anaximenes die δεκάς. Sie ist die normale Rotte, die nach Arrian und Callisthenes schon zu Alexanders Zeit sechzehn Mann tief stand ». Röder von Diersburg marchait là dans les pas des maîtres allemands de la génération précédente : « Die ungeheure Wucht des Stoßes des Sarissen-Phalanx wurde noch dadurch erhöht (...) reglementsmäßig 16 Mann tief aufgestellet wurde » (Delbrück 2003, 6. Buch. 1. Kapitel. « Römer und Macedonier », 470). Cette conception se lit aussi chez Lammert E., Lammert F. 1921, 477. Aux sources mentionnées dans cette citation de Röder von Diersburg (n. 4 : « Anaxim. F7 Müller »; n. 5 : « Arr. *An*. VII. 23, 3 sq. »; n. 6 : « Callisth. F33 Müller 1.1 »), on ajoutera un autre témoignage qui indique que la phalange, dès les Argéades, était organisée sur seize rangs de profondeur. Il s’agit d’un extrait de la *Sylloge tacticorum* byzantine, recueil qu’avait édité Dain (1938, 53) : 32. Παρατάξεις πεζῶν κατ’ αὐτούς. Τῶν πεζικῶν ταγμάτων ἕκαστον ἐξ ἀνδρῶν ἦν τετρακισχιλίων ἐννενηκονταὲξ συνιστάμενον, ὁπλιτῶν ἁπάντων καὶ ἀσπιδηφόρων· εἶχε δὲ ὀρδίνους τὸ τάγμα δεκαέξ· ὁ δὲ ὄρδινος ἐξ ἀνδρῶν ἦν διακοσίων πεντηκονταέξ – « Ordonnances (ou arrangements, ‘*Schlachtordnungen*’) des fantassins selon ceux-ci. Chaque unité d’infanterie réunissant 4096 hommes, tous les hoplites portant l’*aspis* : l’unité avait 16 rangs, l’ordonnance étant de 256 hommes ». *N.B.* « Ceux-ci » désigne les Macédoniens et autres Grecs, comme l’indique plus haut le titre du chapitre relatif à l’armement : 30. Ὁπλισμὸς πεζῶν κατὰ Μακεδόνας τοὺς περὶ Φίλιππον καὶ Ἀλέξανδρον καὶ τοὺς λοιποὺς Ἕλληνας (Dain 1938, 51).

De la sorte chaque unité, formée en bataille, formait un bloc de seize rangs de front sur seize files de profondeur. Il ne sera pas inutile d’éclairer ici le terme ὄρδινος, qui n’appartient pas au vocabulaire des tacticiens hellénistiques : « ordo = στίχος, ἀκία, *row*, *line*. Mauric. 1, 19. *Nic. Byz.* 772 C. *Leo*. Tact. 4, 19. 14, 64 », Apostolides 1914, *s.v.* ὄρδινος. Si en grec ancien στίχος, désigne le rang ou la rangée, *ordo*, en latin, était un terme manifestement ambivalent, et ceci même dans le cadre militaire : « a) Reih und Glied [références, notamment dans la *Guerre des Gaules* de César]. Auch einzelne Glieder der Aufstellung werden o. genannt (...) b) Heißt o. die Aufstellung überhaupt: Veg. III 19 (...) d) Kann o. jede militärische Abteilung bedeuten. » (Lammert 1939, 935–936). Dès lors, faisons enfin remarquer que si les phalanges hoplitiques, dès le début du IVe siècle, s’organisaient plus volontiers sur seize que sur huit rangs, il faudra mettre à quelque distance la conception selon laquelle la particularité de la phalange macédonienne organisée par Philippe II consistait, aussi, au doublement de la profondeur (cf. Lammert E., Lammert F. 1921, 477, selon lesquels la phalange macédonienne était « das Doppelte der gewöhnlichen Hoplitenaufstellung betragen habe »). En somme, pour cet aspect-ci non moins que pour l’armement (voir les conclusions du premier essai de Juhel 2017, 57–58), la réforme du roi de Macédoine se situait dans « la ligne des aménagements apportés depuis le Ve siècle à la phalange hoplitique », Garlan 1999, 96 – qui ajoutait « pour lui ajouter une plus grande mobilité », opinion ici non justifiée et qui, au moins, est sujette à caution. Que le roi de Macédoine se soit inspiré de la phalange grecque était une conception qu’avaient énoncée, déjà de longue date, les grands spécialistes de l’histoire militaire antique que furent von Müller, Bauer (1893, 424) : « Es bedarf (...) dass Philipp die Organisation seines Heeres nach griechischem Muster vorgenommen habe. » En somme, la conception « d’une véritable révolution militaire » que l’on trouve souvent dans bien des ouvrages ou des textes de vulgarisation, comme par exemple sous la plume de Hatzopoulos (2012, 41), ne résiste pas à l’analyse.

[30] Pritchett 1971 = 1974, 138.

des savants allemands de la vieille école (notamment H. Droysen)[31] paraissent, comme nous l'avons vu, mal fondés, seule Sparte semble être restée en dehors de cette réforme, du moins au IVe siècle et du fait de l'organisation de l'énomotie sur une base passée de trente-deux à trente-six soldats.

Bibliographie / References

Apostolides, E.A. 1914: *Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (From B.C. 146 to A.D. 1100)*. Cambridge (MA)–Leipzig.

Brownson, C.L. (ed.) 1918: Xenophon. *Hellenica, Books I–IV*. (The Loeb Classical Library, 88). London–New York.

Buckler, J. 2013: Epaminondas at Leuctra, 371 B.C. In: B. Campbell, L.A. Tritle (eds.), *The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World*. Oxford, 657–670.

Cavaignac, E. 1925: A propos de la bataille du torrent de Némée. *Revue des Études Anciennes* 27, 273–278.

Chronology 2013: Chronology. In: B. Campbell, L.A. Tritle (eds.), *The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World*. Oxford, xv–xxiii.

Dain, A., 1938: *Sylloge tacticorum quae olim «inedita leonis tactica» dicebatur.* (Nouvelle collection de textes et documents). Paris.

Delbrück, H. 2003 [1920]: *Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte*. Bd. 1. *Das Altertum*. 3. Aufl. Berlin.

Domaszewski, A. von 1926: *Die Phalangen Alexanders und Caesars Legionen*. Heidelberg.

Droysen, H. 1889: *Heerwesen und Kriegführung der Griechen*. (K.F. Hermann's Lehrbuch der griechischen Antiquitäten, II. 2). Freiburg im Breisgau.

Fornis, C. 2003: Μάχῃ κρατεῖν en la guerra de Corinto: las batallas hoplíticas de Nemea y Coronea (394 a. C.). *Gladius* 23, 141–150.

Fornis, C. 2007: *La guerra de Corinto: fuentes antiguas e historiografía moderna*. (BAR. International Series, 1652). Oxford.

Garlan, Y. 1999: *La guerre dans l'Antiquité*. (Collection Nathan-Université. Série "Histoire et géographie"). 3ème éd. Paris.

Gomme, A.W. 1956: *A Historical Commentary on Thucydides*. Vol. III. *The Ten Years' War. Books IV–V. 24*. Oxford.

Guibert, J.-A.-H. de 1977 [1772]: *Essai général de tactique*. Paris.

Hanson, V.D. 1988: Epameinondas, the battle of Leuktra (371 B.C.), and the «revolution» in Greek battle tactics. *Classical Antiquity* 7/no. 2, 190–207. (Article republié par E.L. Wheeler (éd.) 2007: *The Armies of Classical Greece*. Aldershot, 503–520).

Hartmann, E. (Hrsg.) 1896: *Kurzgefaßtes Militär-Hand-Wörterbuch für Armee und Marine*. Leipzig.

Hatzfeld, J. (éd.) 1936–1939: Xénophon. *Helléniques*. T. I–II. Paris.

Hatzopoulos, M. 2012: Philippe II fondateur de la Macédoine nouvelle. *Revue des Études Grecques* 125/1, 37–53.

Juhel, P.O. 2017: *Autour de l'infanterie d'élite macédonienne à l'époque du royaume antigonide. Cinq études militaires entre histoire, philologie et archéologie*. Oxford.

Kromayer, J., Veith, G. 1928: *Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer*. (Handbuch der Altertumswissenschaft, IV. 3. 2). München.

Lammert, E., Lammert, F. 1921: Schlachtordnung 1. In: *RE*. Bd. II. A,1. 2. Aufl. Munich, 445–481.

Lammert, F. 1939: Ordo 3. Militärisch. In: *RE*. Bd. XVIII. 1, 935–936.

Landolt, H.M.F. 1865: *Dictionnaire polyglotte de termes techniques militaires et de marine*. 1re pt. *Néerlandais–français–allemand–anglais*. Leyde.

Lipka, M. 2002: *Xenophon's Spartan Constitution. Introduction, Text, Commentary*. (Texte und Kommentare, 24). Berlin–New York.

Masqueray, P. 1930: Xénophon. *Anabase*. T. I. *Livres I–III*. (Collection des Universités de France). Paris.

[31] « Seit wann 16 Glieder die Tiefe der Gefechtsstellung gewesen sind, wissen wir nicht » (Droysen 1889, 172, n. 2).

Monceaux, P. 1892: Exercitus. – Armées grecques. In: C. Daremberg, E. Saglio (éds.), *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines d'après les textes et les monuments.* II.1. *D-E*. Paris, 887a–912b.
Müller, I. von, Bauer, A. 1893: *Die griechischen Privat- und Kriegsaltertümer.* (Handbuch der klassischen Altertums-Wissenschaft, IV. 1, 2). 2. Aufl. München.
Pritchett, W.K. 1969: *Studies in Ancient Greek Topography*. Vol. II. *Battlefields.* (University of California Publications. Classical Studies, 4). Berkeley–Los Angeles.
Pritchett, W.K. 1971: *Ancient Greek Military Practices.* Pt. I. (University of California Publications: Classical Studies, 7). Berkeley–Los Angeles–Londres = Pritchett, W. K. 1974 : *The Greek State at War.* Pt. I. Berkeley–Los Angeles–Londres (réimpression).
Röder von Diersburg, E. 1920: *Untersuchungen zum makedonischen Heerwesen*. Diss. Heildelberg.
Romilly, J. de (éd.) 1968: Thucydide. *La guerre du Péloponnèse*. T. III. *Livres IV–V.* (Collection des Universités de France). Paris.
Rumpf, H. F. 1827: *Allgemeine Real-Encyclopädie der gesammten Kriegskunst, eine Handbibliothek für Offiziere aller Waffen, in alphabetischer Ordnung.* 2. Bd. *L bis Z.* 2. Aufl. Berlin.
Sekunda, N. 1998: *The Spartan Army*. Colour Plates by R. Hook. (Osprey Military Elite Series, 66). Londres.
Tuplin, Ch.J. 1986: Military engagements in Xenophon's Hellenica. In: I.S. Moxon, J.D. Smart, A.J. Woodman (eds.), *Past Perspectives. Studies in Greek and Roman Historical Writing Papers Presented at a Conference in Leeds, 6–8 April 1983*. Cambridge, 37–66.
Underhill, G.E. 1894a: The chronology of the Corinthian War. *Journal of Philology* 22, no. XLIII, 129–143.
Underhill, G.E. 1894b: The chronology of Xenophon's Hellenica, 387 to 362 B.C. *Journal of Philology* 22, no. XLIV, 222–237.
Walbank, F.W. 1967: *A Historical Commentary on Polybius.* II. *Commentary on Books VII–XVIII*. Oxford.

Vestnik drevney istorii
82/1 (2022), 54–62
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/1 (2022), 54–62
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910012498-0

ЯСОН ФЕССАЛИЕЦ – ИЗОБРЕТАТЕЛЬ РОМБОВИДНОГО СТРОЯ КОННИЦЫ?

А.К. Нефёдкин

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

E-mail: alexknef68@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9033-6864

В статье предполагается, что в тактической традиции, восходящей, как принято думать, к Полибию, изобретателем ромбовидного строя илы считался некий Илеон, чье имя было просто эпонимом илы. Затем, в позднеантичное и ранневизантийское время, неясное имя Илеона было исправлено на близкое по написанию имя Ясона, причем последний отождествлялся с легендарным предводителем аргонавтов. Это мнение продержалось до XIX в., а в дальнейшем Ясоном, о котором идет речь, стал считаться ферский тиран с тем же именем, который действительно занимался тренировкой своих конных и пеших сил для придания им большей боеспособности. Однако, по мнению автора, всё же не он, а Илеон первоначально считался изобретателем ромбовидного строя конницы.

Ключевые слова: Ясон Ферский, Илеон, Фессалия, конница, ромбовидный строй, ила

JASON THE THESSALIAN, INVENTOR OF THE DIAMOND-SHAPED CAVALRY FORMATION?

Alexandr K. Nefyodkin

Belgorod National State University, Belgorod, Russia

E-mail: alexknef68@gmail.com

Данные об авторе. Александр Константинович Нефёдкин – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории исторической антропологии БелГУ.

According to the ancient tactical tradition, which probably goes back to Polybius, the inventor of the diamond-shaped *ile* was considered to be a certain Ileon, whose name was simply an eponym of the *ile*. Subsequently, in the late antique and early Byzantine periods, the obscure name of Ileon was corrected to the similarly spelled name of Jason. Moreover, the latter was identified as the legendary leader of the Argonauts. This opinion lasted until the nineteenth century. Since the nineteenth century this Jason was considered to be the tyrant of the Thessalian city of Pherae, who had indeed trained his cavalry and infantry to make them more combat-effective. However, it seems that originally it was not him, but Ileon who was believed to have invented the diamond-shaped cavalry formation.

Keywords: Jason of Pherae, Ileon, Thessaly, cavalry, diamond-shaped formation, *ile*

На протяжении архаической и классической эпох фессалийская конница считалась лучшей у эллинов и была у них наиболее знаменитой (Hdt. VII. 196; Xen. *Hell*. IV. 3. 9; VII. 5. 16; Plat. *Men*. 70a–b; Plat. *Hipp. Maior*. 284a; Dio Chrys. *Orat*. LXIV. 21; Plut. *Ages*. 16. 5; Max. Tyr. XIII. 1; Steph. Byz.s.v. Boiwtía). Даже в период эллинизма Полибий (IV. 8. 10) продолжал считать ее лучшей линейной кавалерией своего времени. Обычным построением этой конницы считается ромбовидное, известное нам лишь по рассмотренным ниже «Тактикам». Иногда оно даже воспринимается как типичное для фессалийцев VII в. до н.э.[1], что – можно сразу отметить – кажется для архаической конницы, состоящей из аристократов, маловероятным[2].

Настоящая статья посвящена свидетельствам об инициаторе введения ромбовидного строя, характерного в Греции лишь для фессалийской кавалерии. Специальные работы на данную тему мне неизвестны, хотя в работах по военной истории, в первую очередь о коннице, данный сюжет рассматривается[3].

Высокие качества конницы Фессалии объяснялись как благоприятными природными условиями местности, так и системой набора, зависевшей от социального устройства. Фессалия, в отличие от других греческих областей, в своей основной части, особенно в русле реки Пеней, обладала обширными заливными лугами, подходящими как для земледелия, так и для животноводства, в частности для коневодства. Это была область наиболее раннего развития всаднического искусства. В самой коннице служила землевладельческая знать. Уже в разгар полулегендарной Лелантской войны (VIII–VII вв. до н.э.) фессалийские всадники – союзники халкидян – во главе с фарсальцем Клеомахом произвели атаку на эретрийских наездников (Plut. *Amatorius*, 17. 4–9 = *Mor*. 760e–f). О высоких боевых качествах конницы фессалийцев свидетельствует тот факт, что они отваживались сражаться даже со знаменитой спартанской пехотой. В 511 г. до н.э. афинский тиран Гиппий, не доверявший согражданам, призвал на помощь против спартанцев своих союзников фессалийцев, приславших ему тысячу всадников во главе с царем Кинеем, которые, напав на высадившихся в Фалере спартанцев, оттеснили их к кораблям (Hdt. V. 63).

---

[1] Worley 1994, 30.

[2] См. Nefyodkin 2019, 230–232.

[3] Marsden 1964, 69–70; Spence 1993, 25, 109; Worley 1994, 30–32, 170; Nefyodkin 2007, 53–57; 2019, 244–248; ср. Gaebel 2002, 191.

Позднее, во время Восточного похода Александра Македонского, фессалийская конница блестяще сражалась со всадниками Дария III (Diod. XVII. 60. 5–8; Arr. *Anab*. III. 15. 3) и даже могла восстановить рассеянный строй и вновь вступить в битву (Curt. III. 11. 14–15). Известно, что она, сохраняя строй, прикрывала отход своих отрядов, пропуская бойцов через свое построение, а при необходимости поворачивалась назад, чтобы угрожать атакой наступающему противнику (Liv. XLII. 59. 4–5). Для последнего маневра был особенно пригоден ромбовидный порядок, в который строились отдельные отряды-илы.

Построение ромбом в теоретических «Тактиках» считалось типичным лишь для фессалийской кавалерии. Из многочисленных древних «Тактик» до нас дошли лишь три: философов Асклепиодота (I в. до н.э.) и Элиана (ок. 113 г. н.э.), а также известного историка Флавия Арриана (136 г. н.э.). На основании сопоставления их содержания, близкого друг к другу, исследователи сделали выводы об их первоисточниках: традиционно считается, что основой для всех трех сочинений послужило несохранившееся «Тактическое искусство» философа-стоика Посидония Родосского (ок. 135 – ок. 51 г. до н.э.), учителя Асклепиодота. Посидоний же в своем сочинении опирался на «Тактику» Полибия, поскольку философ хорошо знал наследие великого историка и даже написал несохранившееся продолжение его «Всеобщей истории». А сам Полибий мог повторять определенные пассажи как в своем историческом, так и в тактическом труде – по крайней мере, информация о македонской фаланге и длине сарисс совпадает в сохранившемся пассаже «Истории» Полибия (XVIII. 29. 2–5, 7; XXX. 2. 4) и в «Тактиках» Асклепиодота (5. 1–2) и Элиана (14. 2–6)[4]. Стоит обратить внимание и на то, что Полибий, описывая маневры реформированной по македонскому образцу ахейской конницы, употребляет термины для маневров, используемые в тех же «Тактиках» (Polyb. X. 23. 1–9; Plut. *Philop*. 7. 6)[5].

Вместе с тем, более вероятной представляется следующая схема взаимозависимости между тремя «Тактиками»: Арриан брал информацию непосредственно из сочинения Элиана, ведь в греко-македонской части трактата Арриана нельзя уверенно выделить пассажи, которые относятся к другим, не приведенным у Элиана, данным,– все сокращения или вставки объяснимы замыслом и познаниями самого Арриана[6]. Асклепиодот, вероятно, действительно использовал работу своего учителя Посидония, сделав ее конспект. Различия же между Элианом и Асклепиодотом вполне могут быть объяснены тем, что Элиан использовал еще и сочинения наиболее авторитетных тогдашних авторов (по этой теме – Полибия, а по общей и доэллинистической военной практике – Энея Тактика), на которых он прямо ссылается (Ael. *Tact*. 1. 2; 3. 4; 19. 10). Сходство же между сочинениями Элиана и Асклепиодота, видимо, возникло из-за того, что последний опирался на «Тактику» Посидония, базировавшуюся на том же трактате Полибия.

---

[4] Köchly 1851–1852, I, 10–11; Köchly, Rüstow 1855, 74–78; Bauer 1893, 279–280, 287; Müller 1894, 484; 1896, 1640; Oldfather W.A., Oldfather Ch.H. 1923, 236–238; Devine 1989, 41–44; 1993, 333–334; Sekunda 2001, 125–134; Rance 2008, 718–719; 2017, 227–228; Perevalov 2010, 6, 37–38, 41; Wheeler 2016, 575; Brodersen 2018, 22; Eramo 2020, 32, n. 5; König 2020, 134.

[5] Подробнее см. Nefyodkin 2012; 2019, 288–291.

[6] Stadter 1978, 120–128; Devine 1993, 320–333; Nefyodkin 2010, 28.

Итак, наиболее древнее из сохранившихся сочинений – «Тактическое искусство» Асклепиодота – рассказывает о всадниках следующее: «Полагают, что ромбовидным строем ил первыми пользовались фессалийцы, очень умелые во всадническом искусстве, как при “возвращении в исходное положение”, так и при поворотах коней, чтобы кони не пришли в замешательство, способные поворачивать во все стороны; ведь лучших всадников они строили по сторонам, а выдающихся опять же по доблести – по углам. Называли же того, кто в переднем углу, “илархом”, а того, кто в заднем,– “урагом”, а в правом и левом – “фланговыми стражами”» (Asclep. *Tact*. 7. 2)[7].

В своей «Тактической теории» Элиан перелагает данную информацию таким образом: «Полагают, что фессалийцы, очень умелые во всадническом искусстве, пользовались ромбовидными построениями. Ясон, как говорят, первый придумал эту фигуру как наиболее приспособленную ко всем нуждам и наименее уязвимую по тылу и флангу, поскольку построенные в этой фигуре всадники способны быстро поворачиваться в любую сторону. Ведь лучшие из всадников строятся по сторонам ромба, а по углам – командиры: на переднем углу – иларх, на правом же и левом углу – так называемые “фланговые стражи”, а на оставшемся – ураг» (Ael. *Tact*. 18. 2–3)[8].

Арриан в соответствующем пассаже своего трактата пишет: «Именно ромбовидным строем по большей части пользовались фессалийцы, и, как говорят, фессалиец Илеон первым эту форму изобрел. Мне же кажется, что он, воспользовавшись много раньше изобретенной формой, из-за нее прославился. А является она наиболее подходящей для любой “перемены” строя и наиболее безопасной, так как ее нельзя победить по тылу или по флангам. Ведь эта форма имеет командиров, построенных по углам ромба: на углу спереди – иларха, а на правом и левом – так называемых “фланговых стражей”, на оставшемся же углу – урага, а по косым сторонам ромба – доблестных всадников» (Arr. *Tact*. 16. 3–5)[9].

---

[7] τῇ μὲν οὖν ῥομβοειδεῖ τῶν εἰλῶν δοκοῦσι Θετταλοὶ κεχρῆσθαι πρῶτοι ἐν ἱππικῇ πολὺ δυνηθέντες, πρός τε τὰς ἀποστροφὰς καὶ τὰς ἐπιστροφὰς τῶν ἵππων, ὅπως μὴ συνταράττοιντο, πρὸς πάσας τὰς πλευρὰς στρέφεσθαι δυνάμενοι· τοὺς γὰρ ἀρίστους τῶν ἱππέων κατὰ τὰς πλευρὰς ἔταττον, πάλιν τοὺς ἐξέχοντας ἀρετῇ κατὰ τὰς γωνίας: ἐκάλουν δὲ τὸν μὲν κατὰ τὴν πρόσω γωνίαν ἰλάρχην, τὸν δὲ κατὰ τὴν ὀπίσω οὐραγόν, τοὺς δὲ κατὰ τὴν δεξιὰν καὶ λαιὰν πλαγιοφύλακες.

[8] ταῖς μὲν οὖν ῥομβοειδέσι δοκοῦσι Θεσσαλοὶ κεχρῆσθαι ἐν ἱππικῇ πολὺ δυνηθέντες, Ἰάσονος, ὥς φασι, πρώτου τὸ σχῆμα τοῦτο ἐπινοήσαντος ὡς ἐπιτηδειότατον πρὸς πάσας τὰς χρείας, καὶ τάχιστα μὲν πρὸς ἑκάστην ἐπιφάνειαν στρέφεσθαι δυναμένων τῶν ἐν τῷ σχήματι τούτῳ τεταγμένων ἱππέων, ἥκιστα δὲ κατὰ νώτου καὶ πλάγιον ἁλίσκεσθαι. (3) τούς τε γὰρ ἀρίστους τῶν ἱππέων ἐπὶ τῶν πλευρῶν τοῦ ῥόμβου τάσσεσθαι καὶ κατὰ τὰς γωνίας τοὺς ἡγεμόνας, ἐπὶ μὲν τῆς ἔμπροσθεν γωνίας τὸν εἰλάρχην, ἐπὶ δὲ τῆς δεξιᾶς καὶ εὐωνύμου γωνίας τοὺς καλουμένους πλαγιοφύλακας, ἐπὶ δὲ τῆς λοιπῆς τὸν οὐραγόν.

[9] τῇ μὲν δὴ ῥομβοειδεῖ τάξει τὸ πολὺ Θεσσαλοὶ ἐχρήσαντο, καὶ Εἰλεῶν, ὡς λόγος ὁ Θεσσαλὸς τὸ σχῆμα τοῦτο πρῶτος ἐξεῦρεν, ἐμοὶ δὲ δοκεῖν, προεξευρημένῳ πολλῷ χρησάμενος ἀπ᾽ αὐτοῦ ηὐδοκίμησεν. (4) καὶ ἔστιν ἐς πᾶσάν τε μεταβολὴν ἁρμοδιώτατον καὶ πρὸς τὸ ἥκιστα κατὰ νώτου ἢ πλαγίους ἁλίσκεσθαι ἀσφαλέστατον. (5) κατὰ μὲν γὰρ τὰς γωνίας τοῦ ῥόμβου τοὺς ἡγεμόνας τεταγμένους ἔχει, ἐπὶ μὲν τῆς ἔμπροσθεν τὸν ἴλαρχον, ἐπὶ δὲ τῆς δεξιᾶς καὶ εὐωνύμου τοὺς καλουμένους πλαγιοφύλακας, ἐπὶ δὲ τῆς ὑπολοίπου τὸν οὐραγόν, κατὰ δὲ τὰς πλευρὰς τοῦ ῥόμβου τοὺς ἀρίστους τῶν ἱππέων.

Подробный текстологический и палеографический анализ рукописной традиции дал в своих работах известный французский филолог-текстолог Альфонс Ден (1896–1964), который опубликовал в 1946 г. специальную монографию об истории текста трактата Элиана. Это избавляет от необходимости подробного рассмотрения данного сюжета – можно воспользоваться выводами французского ученого А. Дена, изучившего 38 манускриптов Элиана (из них 28 – западноевропейские, XVI в.) и выделившего три ветви рукописной традиции. Во-первых, это не дошедшая до нас ветвь, к которой восходила информация в «Тактике» императора Льва VI (886–912 гг.). Вторая ветвь представлена наиболее древней рукописью L, датированной X в., о которой речь будет идти ниже. Третья – это пространная интерполированная версия Элиана, разделившаяся на две ветви: Mazoneus (X в.) и Bourguetianus (вторая половина XII в.)[10].

Обратимся к самому древнему из сохранившихся манускриптов – Codex Laurentianus Graecus, LV-4 (L). Он, как считается, вышел из императорского скриптория в Константинополе в середине X в. Вероятно, во время разграбления Константинополя крестоносцами в 1204 г. он был похищен и к началу XV в. стал собственностью семьи Ласкарисов в Фессалониках, откуда в 1491 г. перешел к Медичи во Флоренцию. В этом кодексе были специально собраны сочинения на военную тему, распределенные по трем группам: *1)* в основном ранневизантийские трактаты; *2)* античные сочинения Асклепиодота, Элиана, Энея Тактика, Арриана, Онасандра, седьмая книга «Кестов» Юлия Африкана; *3)* произведения императоров Льва VI Мудрого и его сына Константина VII Багрянородного (913–959 гг.)[11]. Как видим, во второй группе находится древнейшее воспроизведение всех трех интересующих нас «Тактик»: Асклепиодота, Элиана и Арриана. Остальные, более поздние (XV–XVII вв.), рукописи Асклепиодота и Элиана не имеют сколько-нибудь весомого значения[12].

Имя Ясона читается в L и, естественно, других более поздних (в данном случае не интересующих нас) рукописях-дериватах Элиана вполне надежно: в оглавлении к трактату (пункт 64) и в гл. 18. 2. В этой же рукописи чтение имени Илеона с характерным для Арриана изменением начальной ι на ει (Εἰλεῶν) также является достаточно ясным. Помимо того, что кодекс L был написан одним писцом (одной рукой), «Тактика» Арриана (f. 183r–197v) располагалась в манускрипте достаточно близко к сочинению Элиана (f. 143r–159r), их разделял лишь трактат «О перенесении осады» Энея Тактика[13]. Иными словами, сам переписчик, припоминая материал, мог при необходимости сличить пассажи текстов, которые находились в противоречии друг с другом.

Филологами смешение имен в «Тактиках» объяснялось достаточно просто – путаницей двух имен в не дошедшей до нас античной рукописной традиции: неверного Ἰλέων и правильного Ἰάσων[14]. Действительно, такое смеше-

---

[10] Dain 1946, *passim*.
[11] Dain 1946, 183–202, 375–377; 1967, 382–385.
[12] Roos 1968, XX–XXII; Poznanski 1992, XVIII–XXIV.
[13] Dain 1967, 383.
[14] Köchly 1851–1852, II, 19; Rüstow, Köchly 1852, 247, Anm. 48; Dain 1946, 114, 122.

ние по вине некоего необразованного переписчика исключить нельзя. Однако всё-таки подобная описка представляется маловероятной: вряд ли переписчик (обычно достаточно образованный человек) спутал стандартное имя Ясона с неизвестным Илеоном. Кроме того, такое исправление просто вычеркнуло бы имя Илеона, которое всё же фиксируется Аррианом и последующей византийской традицией. Можно также отметить, что «Тактика» Арриана была не менее популярна в византийское время, нежели соответствующая работа Элиана (например, см. Leo. *Tact.* VII. 86).

Другую рукописную традицию (именуемую А. Деном «мазонейской») представляет Codex Parisinus Graecus 2442, датируемый второй половиной X – первой половиной XI в. Манускрипт также представляет собой собрание военных сочинений, в которое входят пространная версия «Тактики» Элиана, произведения Онасандра и Маврикия и собрание технических трактатов Афинея, Битона, Герона, Аполлодора и Филона[15]. В позднеримско-византийское время первоначальный авторский текст Элиана был дополнен. Так появилась пространная версия трактата, который теперь стал делиться не на 42, а на 53 главы, причем главы 36–37 оказались в двух вариантах, собственно авторском и византийском. Эту версию трактата А. Ден именует Corpus Élianique[16]. Текст складывался, судя по стилю и содержанию, постепенно. Тот же А. Ден датирует внесение первых дополнений в работу Элиана еще серединой IV – серединой V в.; это – общее «введение» о разделении вооруженных сил и 15 схем, иллюстрировавших боевые и походные построения. Вторая серия дополнений к трактату из пяти простых схем и ряда схолий датируется А. Деном серединой X в.[17] Очевидно, что в это время и сам трактат был дописан, о чем свидетельствует упоминание печенегов (Ael. *Tact.* 38. 3).

Итак, в главе 43. 1 дополненной версии Элиана читаем: «Первым ее (илу. – *А. Н.*) придумал фессалиец Илеон, поэтому и ила зовется по его имени; и он обучил всех фессалийцев этой форме строя» (Ταύτην πρῶτος Ἰλέων εὗρεν ὁ Θεσσαλὸς, ὅθεν καὶ ἴλη ἐκ τοῦ ὀνόματος αὐτοῦ κέκληται, καὶ πρὸς αὐτὸ τὸ σχῆμα, Θεσσαλοὺς πάντας ἐγυμνασεν), и еще далее (гл. 45. 1): «Ведь о пользе этой формы илы мы уже ранее сказали, что придумал ее фессалиец Илеон, а занимался ей Ясон, муж Медеи» (τὸ γὰρ χρειῶδες τοῦ σχήματος προλαβόντες εἰρήκαμεν, ὅτι εὗρε μὲν αὐτήν Ἰλέων Θεσσαλὸς, ἐπήσκησε δὲ αὐτήν Ἰάσων ὁ Μηδείας ἀνὴρ).

Получается, что интерполятор Элиана имел перед собой текст, в котором все-таки еще стояло имя Илеона (Ἰλέων). Поскольку этот интерполятор знал и «Тактику» Арриана, откуда брал нужные ему сравнения с древней кочевой конницей (Ael. *Tact.* 39. 4; 45. 2), то вероятно, что оттуда же он и взял сведения об Илеоне. И для согласования двух версий, аррианової и элианової, появилась фраза о том, что изобрел ромбовидную илу Илеон, а использовал ее муж Медеи Ясон, т.е. предводитель аргонавтов Ясон из Иолка в Фессалии.

---

[15] Dain 1946, 227–232; 1967, 387.
[16] Dain 1946, 63–68; 1967, 339–340.
[17] Dain 1946, 61–115, 153–181; 1967, 340, 347.

Как уже отмечалось, А. Ден считал, что первая волна интерполяций рукописи L была произведена в позднеантичную эпоху, в IV–V вв. Возможно, тогда же было изменено и имя Илеона в трактате Элиана. Если следовать текстологическому принципу lectio difficilior praeferenda est, то чтение «Илеон» должно быть предпочтительным. Можно предполагать, что первоначально в манускрипте Элиана действительно стояло имя некоего Илеона[18]. Однако похоже, что образованный переписчик, никак не идентифицировав это имя, исправил его на близкое по написанию имя Ясона. Вместе с тем возможно, что Арриан сопоставлял этого Илеона с каким-то известным ему историческим или мифологическим персонажем, поскольку он считал, что ила как строй появилась ранее, а от нее сам герой по созвучию и получил название. Имя Илеона не фиксируется в фессалийской, да и вообще в греческой ономастике[19]. Оно реконструируется лишь в одной надписи из Дельф (ок. 160 г. до н.э., *FD*. III. 3. 54, l. 13).

Если обратиться к историографии, то мы увидим, что в XVIII в. комментаторы так и считали, что речь шла о легендарных временах аргонавтов и их предводителя Ясона из Иолка в Фессалии[20]. Однако сейчас ясно, что в микенский период ни о какой коннице, а тем более о введении нового строя, речь идти не могла[21], а данная добавка является лишь попыткой соотнести упомянутого Ясона с одним из наиболее известных героических персонажей. Позднее считалось, что речь в данном случае шла о Ясоне из Фер – таге-правителе Фессалии в 370-х годах до н.э.[22] Действительно, ферский тиран, будучи опытным стратегом, весьма заботился о своих войсках; занимался их тренировкой, уделяя главное внимание своим пешим и конным наемникам (Xen. *Hell*. VI. 1. 6, 15; 4. 28). Согласно античной традиции, он даже изобрел полупанцирь (Poll. I. 134); вполне мог он разрабатывать и новые построения для конницы.

В общем, получается, что Илеон – это не более чем простой эпоним илы, к которому возводили наименование подразделения, о чем нам и поведал византийский интерполятор Элиана[23]. Согласно же современной этимологии, слово ἴλη производится от ἴλλω из εἰλέω – «напирать, теснить»[24].

В целом, фессалийская конница на всем протяжении ее истории, насколько известно из источников, была тяжеловооруженной, сражавшейся копьями, сначала метательными или метательно-ударными, а затем колющими. По существу это была кавалерия, действовавшая в территориальных отрядах – илах, первоначально состоявших из аристократов и их свит, а позднее – из горожан. Причем и сам таг Ясон Ферский в первой трети IV в. до н.э. вполне мог обучать всадников

---

[18] Arcerius, S. *Claudii Aeliani Tactica, sive De instruendis aciebus Graece et Latine*. Lugduni Batavorum, 1613, 161.

[19] Dain 1946, 114; ср. Sekunda 1994, 183.

[20] Bouchaud de Bussy 1757, 81, n. 1; Rüstow, Köchly 1855, 308.

[21] Nefyodkin 2001, 213–214, 451–452.

[22] Dillon 1814, 144–145, n. 1; 148, n. 2; Köchly 1851–1852, II, 19; Rüstow, Köchly 1852, 247–248, Anm. 48; Köchly, Rüstow 1855, 308, Anm. 2; Hartmann 1907, 33; Dain 1946, 114; Sekunda 1994, 183; Gaebel 2002, 181; Nefyodkin 2019, 244–245.

[23] Rüstow, Köchly 1852, 247, Anm. 48; Dain 1946, 114.

[24] Frisk 1960, 722.

сражаться в ромбовидном строю, в котором легче было маневрировать: поворачивать, отступать и затем вновь наступать, т.е. совершать действия, необходимые в обычной конной битве. Ведь действительно во время боя при атаке основная нагрузка приходилась на всадников, стоящих по фронту и флангам подразделения, поэтому-то на такие места ставили лучших воинов и командиров[25]. Однако, как представляется, не Ясон считался изобретателем данного строя. Как долго использовался ромб в кавалерии фессалийцев, неясно, но похоже, что в середине II в. до н.э. он вновь сменился обычным прямоугольным построением[26].

Итак, можно предполагать, что первоначально в тактической традиции изобретателем ромбовидного строя илы считался некий Илеон, имя которого было просто эпонимом илы. Позднее, в позднеантичное и ранневизантийское время, малопонятное имя Илеона было исправлено на близкое ему по написанию имя Ясона. Причем последний рассматривался именно как легендарный предводитель аргонавтов, муж Медеи. Это мнение продержалось до XIX в., когда этим Ясоном стал считаться ферский тиран, живший в первой трети IV в. до н.э., который, действительно, занимался тренировкой своих конных и пеших сил. Впрочем, как представляется, не он, а в другом контексте неизвестный Илеон всё же считался в древности изобретателем ромбовидного строя фессалийской конницы.

Литература / References

Bauer, A. 1893: Die Kriegsaltertümer. In: I. von Müller, A. Bauer (Hrsg.), *Die griechischen Privatund Kriegsaltertümer (Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft in systematischer Darstellung)*. Bd. IV. Abteilung 1/2. München, 269–469.

Bouchaud de Bussy, M. 1757: *La milice des Grecs, ou Tactique d'Elien*. T. 1. Paris.

Brodersen, K. 2018: Von Alexander lernen heißt siegen lernen: Ailianos' taktische Ratschläge für Kaiser Trajan. *Studia Universitatis Babeș-Bolyai – Historia* 63/1, 15–33.

Dain, A. 1946: *Histoire du texte d'Elien le Tacticien des origines à la fin du moyen âge*. Paris.

Dain, A. 1967: Les stratégistes byzantins. *Travaux et mémoires du Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance* 2, 317–392.

Devine, A.M. 1989: Aelians's manual of Hellenistic military tactics: a new translation from the Greek with an introduction. *Ancient World* 19/1–2, 31–64.

Devine, A.M. 1993: Arrian's "Tactica". In: W. Haase (Hrsg.), *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung*. Tl. II. Bd. 34. Tlbd. 1. *Sprache und Literatur (Einzelne Autoren seit der hadrianischen Zeit und Allgemeines zur Literatur des 2. und 3. Jahrhunderts)*. Berlin–New York, 312–337.

Dillon, H.A. (ed.) 1814: *The Tactics of Aelian, Comprising the Military System of the Grecians*. London.

Eramo, I. 2020: The discovery of Aelian's tactica theoria in Italian humanism. *History of Classical Scholarship* 2, 31–54.

Frisk, H. 1960: *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1. Heidelberg.

Gaebel, R.E. 2002: *Cavalry Operations in the Ancient Greek World*. Norman.

Hartmann, K. 1907: *Flavius Arrianus und Kaiser Hadrian: Programm zu dem Jahresberichte des K. h. Gymnasiums bei St. Anna in Augsburg für das Schuljahr 1906 / 1907*. Augsburg.

Köchly, H. 1851–1852: *De libris tacticis, qui Arriani et Aeliani feruntur. Disseratio et Supplementum* (Vol. I–II). Turici.

Köchly, H., Rüstow, W. 1855: *Griechische Kriegsschriftsteller*. Tl. II: *Die Taktiker*. Leipzig.

[25] Ritter 1872, 511.

[26] Nefyodkin 2019, 247.

König, A. 2020: Tactical interactions: dialogues between Greece and Rome in the military manuals of Aelian and Arrian. In: A. König, R. Langlands, J. Uden (eds.), *Literature and Culture in the Roman Empire, 96–235: Cross-Cultural Interactions*. Cambridge, 134–156.

Marsden, E.W. 1964: *The Campaign of Gaugamela*. (Liverpool Monographs in Archaeology and Oriental Studies, 6). Liverpool.

Müller, K.K. 1894: Aelianus 10. In: *RE*. Hlbd. 1., 482–486.

Müller, K.K. 1896: Asklepiodotos 10. In: *RE*. Hlbd. 4., 1637–1641.

Nefyodkin, A.K. 2001: *Boevye kolesnitsy i kolesnichie drevnikh grekov (XVI–I vv. do n.e.)* [*War-Chariots and Charioteers of Ancient Greeks (16th to 1st Centuries BC)*]. Saint Petersburg.
Нефёдкин, А.К. *Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI–I вв. до н.э.)*. СПб.

Nefyodkin, A.K. 2007: [Thessalian cavalry in the mid-4th – 2nd centuries AD]. *Antiquitas aeterna: Povolzhskiy antikovedcheskiy zhurnal* [*The Volga Region Journal of Classical Studies*] 2, 40–57.
Нефёдкин, А.К. Фессалийская кавалерия в середине IV–II вв. до н.э. *Antiquitas aeterna: Поволжский антиковедческий журнал* 2, 40–57.

Nefyodkin, A.K. 2010: [Ancient tactics and the "Art of Tactics" by Flavius Arrianus]. In: A.K. Nefyodkin (transl.), *Arrian. Takticheskoe iskusstvo* [*Arrianus. Art of Tactics*]. Saint Petersburg, 17–29.
Нефёдкин, А.К. Античные тактики и «Тактическое искусство» Флавия Арриана. В кн.: А.К. Нефёдкин (пер.), *Арриан. Тактическое искусство*. СПб., 17–29.

Nefyodkin, A.K. 2012: [Philopoemen's reform of Achaean cavalry]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 155–163.
Нефёдкин, А.К. Реформирование союзной кавалерии ахейцев Филопеменом. *ВДИ* 1, 155–163.

Nefyodkin, A.K. 2019: *Konnitsa epokhi ellinizma* [*Hellenistic Cavalry*]. Saint Petersburg.
Нефёдкин, А.К. *Конница эпохи эллинизма*. СПб.

Oldfather, W.A., Oldfather, Ch.H. 1923: Introduction. In: *Aeneas Tacticus. Asclepiodotus. Onasander*. (Loeb Classical Library, 156). London–New York, 230–241.

Perevalov, S.M. 2010: *Takticheskie traktaty Flaviya Arriana: Takticheskoe iskusstvo, Dispozitsiya protiv alanov* [*Tactical Treatises of Flavius Arrianus: Art of Tactics, Array against the Alans*]. Moscow.
Перевалов, С.М. *Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство, Диспозиция против аланов*. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). М.

Poznanski, L. 1992: Introduction. In: L. Poznanski (ed.), *Asclépiodote. Traité de Tactique*. Paris, IX–XXVIII.

Rance, Ph. 2008: The date of the military compendium of Syrianus Magister (formerly the sixth-century anonymus Byzantinus). *Byzantinische Zeitschrift* 100/2, 701–737.

Rance, Ph. 2017: Maurice's Strategicon and 'the ancients': the late antique reception of Aelian and Arrian. In: Ph. Rance, N.V. Sekunda (eds.), *Greek Taktika: Ancient Military Writing and Its Heritage: Proceedings of the International Conference on Greek Taktika Held at the University of Toruń, 7–11 April 2005*. Gdańsk, 217–255.

Ritter, A. (ed.) 1872: [Anonim. Theory of great war with small or partisan war of Landwehr]. In: *Voennaya biblioteka* [*Military Library*]. Vol. VIII. Saint Petersburg, 488–607.
Аноним. Теория большой войны при помощи малой или партизанской с участием ландвера. Пер. с нем. под ред. А. Риттера. В сб.: *Военная библиотека*. Т. VIII. СПб., 488–607.

Roos, A.G. 1968: Praefatio. In: A.G. Roos (ed.), *Flavii Arriani quae exstant omnia*. Vol. II. (Bibliotheca scriptorum graecorum et romanorum teubneriana). Lipsiae, V–XLV.

Rüstow, W., Köchly, H. 1852: *Geschichte des griechischen Kriegswesens von der ältesten Zeit bis auf Pyrrhus*. Aarau.

Sekunda, N.V. 1994: Classical warfare. In: J. Boardman (ed.), *Cambridge Ancient History. Plates to Volumes V and VI*. Cambridge, 167–194.

Sekunda, N.V. 2001: *Hellenistic Infantry Reform in the 160's BC*. (Studies on the History of Ancient and Medieval Art of Warfare, 5). Łódź.

Spence, I.G. 1993: *The Cavalry of Classical Greece: A Social and Military History with Particular Reference to Athens*. Oxford.

Stadter, Ph.A. 1978: The "Ars Tactica" of Arrian: tradition and originality. *Classical Philology* 73/2, 117–128.

Wheeler, E.L. 2016: Aelianus Tacticus: a phalanx of problems. *Journal of Roman Archaeology* 29, 575–583.

Worley, L.J. 1994: *Hippeis: The Cavalry of Ancient Greece*. (History and Warfare). Boulder–San Francisco–Oxford.

Vestnik drevney istorii
82/1 (2022), 63–75
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/1 (2022), 63–75
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910011597-9

ОБ ИМПЕРИИ ПОМПЕЯ В 77 г. до н.э. И ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ЕГО ПОЛУЧЕНИЯ

А.В. Короленков

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия

E-mail: sallust@list.ru

ORCID: 0000-0002-3628-2754

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы, связанные с назначениями Помпея в войнах против Лепида и Сертория. Автор уточняет и дополняет аргументацию в пользу того, что Помпей в первом случае стал пропретором, а не legatus pro praetore и получил полномочия не от сената, а от интеррекса Аппия Клавдия. Обосновывается мнение, что в Ближней Испании он стал преемником не пропретора Калидия, как считается, а проконсула Домиция Кальвина. Корректируется смысл сообщения Цицерона об отказе консулов 77 г.[1] от командования в Испании: им его, очевидно, и не предлагали, да и сами они инициативы в этом отношении не проявили. Отвергается мнение, будто Помпей требовал от сената проконсульства в Hispania Citerior и оказывал на него открытое давление, опираясь на армию. Скорее всего, он предварительно договорился с группой влиятельных сенаторов во главе с Л. Марцием Филиппом, готовых поддержать его притязания на проконсулат, и они провели соответствующее решение, судя по всему, при вялом сопротивлении сената. Этому способствовали не только тяжелое положение в Испании и военные способности Помпея, но и наличие у него боеспособной армии, готовой идти за ним за Пиренеи и оплачивавшейся им во многом из собственных средств.

Ключевые слова: гражданские войны в Риме, Гней Помпей, Луций Марций Филипп, восстание Лепида, восстание Сертория, экстраординарное командование в Риме

Данные об авторе. Антон Викторович Короленков – кандидат исторических наук, доцент ГАУГН.

Автор выражает признательность к.и.н. В.К. Хрусталёву за ценные советы и консультации при работе над статьей.

[1] Все даты в статье – до нашей эры.

POMPEY'S *IMPERIUM* IN 77 BC AND ITS POLITICAL CONTEXT

Anton V. Korolenkov

State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia

E-mail: sallust@list.ru

The article is devoted to Pompey's appointment in 77 BC during the wars against Lepidus and Sertorius. According to the author, in the case of the campaign against Lepidus Pompey became a propraetor rather than a *legatus pro praetore*, and got his powers not from the Senate but from the *interrex* App. Claudius. In his eventual province Pompey might have succeeded not the propraetor Calidius as is usually supposed but the proconsul Domitius Calvinus. During the debate in the Senate about his appointment in Hispania Citerior Pompey did not menace the Senate by having the army but had a previous political arrangement with L. Marcius Philippus and his supporters ready to take his side. They got the appointment through despite some passive resistance in the Senate. The award of the proconsular *imperium* to Pompey in spite of his being a mere *eques* was motivated not only by the dire situation in Spain and Pompey's military abilities, but also by the loyalty of battle-ready troops who were ready to follow him to Spain and were mainly paid by himself.

Keywords: civil wars in Rome, Gnaeus Pompey, Lucius Marcius Philippus, the revolt of Lepidus, Sertorian War, extraordinary command in Rome

По меткому определению К. Стил, карьера Гнея Помпея была сплошным исключением: из многих случаев облечения его империем лишь в одном источником такового было избрание на должность, дающую право на его получение[2]. Два таких случая имели место в 77 г. Их мы и рассмотрим в предлагаемой статье.

Вопрос об этих назначениях (сначала для борьбы с Лепидом, а затем и с Серторием) и об условиях, в которых они произошли, изучался многократно, было высказано немало самых различных точек зрения. Тем не менее, как представляется, в одних случаях возможны уточнения, а в других и новые решения, значительно корректирующие устоявшиеся взгляды.

Итак, в 77 г. Помпей принял участие в подавлении так называемого мятежа Лепида. В каком качестве он командовал войском? Т. Моммзен считал, что молодой полководец получил проконсульский ранг[3]. Как полагают другие исследователи, Катул назначил его легатом с пропреторскими полномочиями[4]. Наконец, по мнению третьих, Помпей стал пропретором[5].

---

[2] Steel 2013, 187, 240. Точнее говорить не об империи (Помпей трижды получал его как консул), а о самостоятельном командовании с империем.

[3] Mommsen 1887, 653–654.

[4] Last 1932, 295, 316; Miltner 1952, 2077; Smith 1960, 9; Twyman 1972, 842–843; Hillman 1998, 91–110; Brennan 2000, 425, 430; Girardet 2001, 16; Amela Valverde 2003, 69; Rosenblitt 2019, 180, 28. Высказывалось также мнение, что он был просто легатом (Lange 1871, 172).

[5] Boak 1918, 4–5; Broughton 1952, 90; Gusso 2001, 62, n. 96; Vervaet 2009, 406–412; Rosenblitt 2019, 180, n. 28. Многие ученые пишут о самостоятельном командовании

Точка зрения Моммзена не встретила поддержки – она, судя по всему, основывалась на его убеждении в проконсульском характере любого военного империя, тогда как из Цицерона (*De imp. Pomp*. 62) и Плутарха (*Pomp*. 17. 4) ясно следует, что впервые вопрос о проконсульских полномочиях для Помпея встал в связи с назначением в Испанию, т.е. после разгрома основных сил Лепида[6]. А вот у двух других вариантов немало сторонников. Из чего же они исходят?

Главный аргумент в пользу легатского статуса Помпея – отданный ему Катулом приказ распустить армию (Κάτλου κελεύοντος)[7]. В. Хефтнер отмечает, что κελεύειν не обязательно означает приказ: речь могла идти о рекомендации сената, инициатором которой являлся Катул. По мнению же Ф. Вервата, более вероятно, что приказ имел место – поскольку оба военачальника действовали в рамках одной provincia, проконсул Катул вполне имел право отдать приказ пропретору Помпею[8]. Эта верная в своей основе идея, думается, требует корректив. Дело в том, что вопрос о provincia(e) обоих командующих в источниках никак не освещается. Логичнее полагать, что Катул, получивший в соответствии с senatusconsultum ultimum чрезвычайные полномочия (Sall. *Hist*. I. 77. 22M), имел право приказывать Помпею независимо от рамок provincia[9].

Т. Хиллмен указывает, что Цицерон, перечисляя примеры нового (nova), которые явила карьера будущего победителя Митридата (*De imp. Pomp*. 60–63), не упоминает пропретуры во время мятежа Лепида[10]. Но Помпей уже был пропретором в 82–81 гг.[11], а потому, как остроумно указывает тот же Верват, «новым» было бы понижение Помпея до статуса легата, пусть и с пропреторскими полномочиями[12]. Таким образом, получение Помпеем пропреторского статуса в войне с Лепидом являло собой лишь повторение ситуации 82–81 гг. Хиллмен указывает, что Плутарх, говоря о назначении молодого полководца командующим в войне против

Помпея, не конкретизируя его статус (Neumann 1884, 22; Ihne 1886, 12, Anm. 2; Drumann 1908, 353; Siber 1944, 243; Spann 1987, 83). Иногда этот вопрос оставляют открытым (Seager 2002, 31; Southern 2002, 39; Frolov 2021, 219).

[6] Siber 1944, 243; Vervaet 2009, 406–412.

[7] Smith 1960, 9; Twyman 1972, 842–843; Hillman 1998, 95–96.

[8] Heftner 1995, 140; Vervaet 2009, 409.

[9] Поэтому более приемлемо высказывание Э. Розенблит, которая, принимая точку зрения Вервата, при этом осторожно пишет просто о superior imperium Катула (Rosenblitt 2019, 180, n. 28), не связывая его с вопросом о провинции.

[10] Twyman 1972, 842; Hillman 1998, 102–104.

[11] Gran. Lic. 31F; Broughton 1952, 70; Gelzer 1973, 39; Leach 1978, 28; Hillman 1998, 91; Girardet 2001, 163–165; Southern 2002, 32. Правда, высказывалось мнение, что и тогда Помпей был legatus pro praetore (Brennan 2000, 390, 543) или даже просто легатом (Drumann 1908, 341), однако о его легатстве в источниках не упоминается, да и, учитывая благоволение Суллы к нему, это маловероятно. Мнение Моммзена о том, что в Африке Помпей узурпировал проконсульский ранг (Mommsen 1887, 653, Anm. 3), основано, по-видимому, на недоразумении (см. Van Ooteghem 1954, 67, n. 7).

[12] Vervaet 2009, 410. Беспрецедентным, возможно, было бы и назначение legatus pro praetore в Италии: известные нам до той поры обладатели этого статуса действовали в провинциях, см. Broughton 1951, 505, 544 (предположительно), 573.

Лепида, называет его ἡγεμών[13] – этим словом обычно обозначали легатов. Правда, он отмечает, что точно так же Плутарх именует и Метелла Пия (*Pomp*. 17. 2), но все же считает, что использование этого слова в отношении Помпея при анализе остальных данных стоит учитывать[14]. Однако, как видим, эти данные не свидетельствуют в пользу точки зрения Хиллмена.

Более того, как полагает Верват, в Плутарховой биографии Помпея есть по меньшей мере три указания на то, что последний обладал «полным» империем во время bellum Lepidanum. В ходе осады Мутины он напрямую обратился к сенату, а не к Катулу. Во время смотра equites в 70 г. на вопрос цензора Помпей гордо заявил, что совершил все предписанные законом походы, и все – под собственным командованием[15]. В заключающем биографию синкрисисе также утверждается, что он предводительствовал во всех совершенных им походах[16].

Если первое наблюдение представляется резонным, то второе и основанное на нем третье требуют серьезного рассмотрения. Очевидно, что в ответе цензорам Помпей сильно преувеличил: в юности он служил под началом отца[17], а в годы гражданской войны до экспедиции на Сицилию в конце 82 г. какое-то время не имел полномочий вообще[18], а затем сражался, по-видимому, в качестве легата[19]. Почему же Помпей пошел на столь очевидное искажение истины? Объяснение этому, думается, достаточно простое – он говорил перед благожелательно настроенными цензорами и публикой, которые вряд ли стали бы ловить его на слове.

Отсюда, однако, не следует, будто реплику Помпея нельзя использовать как аргумент в пользу того, что войне с Лепидом он имел самостоятельное командование. Вряд ли полководец стал бы искажать хорошо известные факты, к каковым, несомненно, относилось данное назначение. К тому же это выглядело бы публичным выпадом против Катула, если он действительно подчинялся ему в 77 г., но подобные выходки были совершенно не в стиле Помпея. А вот о его статусе в смутные годы гражданской войны вряд ли кто-то вспоминал, если вообще знал. То есть отсчет по умолчанию велся со времени сулланского «восстановления» res publica.

Таким образом, гораздо больше оснований считать, что в войне с Лепидом Помпей был именно пропретором, а не legatus pro praetore. Но остается еще один вопрос: от кого исходило назначение? Обычно считается, что решение принимал сенат[20]. Вы-

---

[13] Plut. *Pomp*. 16. 3: προσθεὶς δὲ τοῖς ἀρίστοις ἑαυτὸν ἀπεδείχθη στρατεύματος ἡγεμὼν ἐπὶ τὸν Λέπιδον.

[14] Plut. *Pomp*. 17. 2; Hillman 1998, 93–94, 109.

[15] На это указывает и Хефтнер: Heftner 1995, 134.

[16] Plut. *Pomp*. 16. 5–7; 22. 8; 84.4; Vervaet 2009, 411.

[17] *CIL* I^2. 709. 8; Plut. *Pomp*. 3; Heftner 1995, 172.

[18] Siber 1944, 241; Broughton 1952, 64, 65, n. 5. Т. Броутон считает, что уже в 83 г. Помпей получил империй от Суллы, поскольку тот назвал при встрече императором (Plut. *Pomp*. 8. 2), однако такая трактовка представляется слишком прямолинейной (см. Siber 1944, 241).

[19] Siber 1944, 241 (ту же точку зрения этот автор приписывает и В. Друману, однако тот пишет, что Помпей был легатом Суллы во время операций в Африке (Drumann 1908, 341), не уточняя его статуса во время войны в Италии).

[20] Boak 1918, 4–5; Gelzer 1973, 45–46; Seager 2002, 31; Southern 2002, 39; Vervaet 2009, 412; Rosenblitt 2019, 45. Ф. Дрогула утверждает, что Помпей убедил народ (т.е.

сказывалось, однако, и мнение, что пропретором Помпея назначили от интеррекса Аппия Клавдия, который получил такое право в рамках чрезвычайных полномочий, предоставленных ему senatusconsultum ultimum (Sall. *Hist*. I. 55. 22M)[21]; при этом указывается, что давний покровитель Помпея Марций Филипп был сыном старшей сестры Аппия Клавдия, тогда как шурин Помпея Метелл Целер был женат на дочери самого Аппия и, соответственно, двоюродной племяннице Филиппа[22].

Строго говоря, ни одна из точек зрения не может быть доказана. В то же время хотелось бы обратить внимание на некоторые обстоятельства, говорящие в пользу второй из них. Дело в том, что сенат принял SCU против Лепида лишь под активным давлением Марция Филиппа и группировки, которую тот представлял[23]. Вряд ли вторичное предоставление «выскочке» и «юнцу» Помпею пропреторских полномочий прошло бы без серьезной борьбы, причем в этом случае противники упомянутой группировки имели неплохие шансы нанести ей ответный удар – в 82 г. Помпей получил пропреторские полномочия явно под давлением Суллы[24], теперь же сравнимого с ним по влиянию покровителя у Помпея не было. Логично предположить, что вопрос вообще не выносился на обсуждение в сенате (это, конечно, не исключает неофициальных консультаций с некоторыми patres).

После разгрома лепиданцев в Италии и Цизальпинской Галлии состоялось назначение Помпея в Испанию, на сей раз уже в ранге проконсула. Процитируем Плутарха, наиболее подробно излагающего этот сюжет: «В это время Серторий, полководец, вовсе не похожий на Лепида, завладел Испанией и внушал римлянам ужас... Он разбил уже многих второстепенных полководцев и воевал тогда с Метеллом Пием. Метелл был знаменитым и отважным воином, но, видимо, от старости сделался слишком вялым, чтобы уметь пользоваться удобным случаем на войне, лишился способности быстро разбираться в сложных обстоятельствах... Помпей, у которого войско было наготове, добивался, чтобы его отправили на помощь Метеллу. Несмотря на приказание Катула, Помпей не распускал своего войска, но под разными предлогами все время держал его под оружием около Рима, до тех пор пока по предложению Луция Филиппа ему не предоставили должности главнокомандующего в войне с Серторием. Рассказывают, что когда кто-то с удивлением спросил Филиппа в сенате, неужели он считает нужным облечь Помпея консульскими полномочиями, или, как говорят в Риме, послать его в звании вместо консула, Филипп отвечал: “Нет, вместо обоих консулов”, – желая дать понять этим, что оба тогдашних консула – полнейшие ничтожества» (*Pomp*. 17; пер. Г.А. Стратановского).

комиции) облечь его империем для борьбы с Лепидом и Брутом (Drogula 2015, 127), однако ни у Плутарха, на которого он ссылается, ни у других авторов таких данных нет.

[21] По единодушному мнению, им был консул 79 г. (литературу см. Gusso 2001, 64, n. 104–107).

[22] Twyman 1972, 842–844; Gusso 2001, 71.

[23] Burton 2014, 405, 415, 416. Объясняется это тем, что Лепид, по мысли П. Бёртона, и не поднимал мятежа: таковыми были объявлены по инициативе Филиппа и его единомышленников претензии Марка Эмилия на второе консульство без соблюдения 10-летнего интервала.

[24] Gelzer 1973, 39.

Цицерон не только передает вопрос, обращенный к Филиппу, и его ответ на латинском (*De imp. Pomp*. 62), но и приводит важную подробность: оба консула будто бы отказались от командования (*Phil*. XI. 18). О последнем пишет и Дион Кассий (XXXVI. 25. 3; 27. 4). Все это не вызывает особых сомнений у исследователей, которые лишь пытаются найти объяснения тем или иным обстоятельствам, изложенным в источниках.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что Плутарх, а вслед за ним и современные ученые представляют дело так, будто Помпей действовал в одиночку и только потом получил поддержку Марция Филиппа. Однако очень сомнительно, что он подошел к делу столь дилетантски. Куда более вероятно, что молодой полководец изначально заручился согласием своего покровителя и его сторонников и именно поэтому пренебрег распоряжением Катула о роспуске армии, хотя от какой из сторон исходила инициатива, сказать невозможно[25].

Теперь перейдем к деталям. Начнем с отказа Помпея распустить армию, который являлся откровенным нарушением субординации[26] – в сущности, это был акт мятежа[27]. Но имел ли он место на самом деле? Строго говоря, об отказе в источниках не сообщается, у Плутарха (*Pomp*. 17. 3) речь идет лишь об оттягивании роспуска легионов под разными предлогами (τινας ποιούμενος προφάσεις), что совсем не одно и то же и не подразумевает прямого неповиновения, чего Помпей явно хотел избежать[28]. Примечателен и еще один момент: Плутарх все объясняет необходимостью помочь Метеллу Пию, что требует серьезных оговорок, поскольку тот был наместником Дальней Испании, тогда как Помпея назначили проконсулом Ближней. Бесспорно, его отправили туда для борьбы с Сертурием, но, выражаясь военным языком, на другом фронте. Предполагается, что речь шла о замене наместника Hispania Citerior Калидия[29], «больше интересовавшегося финансовыми, чем военными делами» и не организовавшего должного

---

[25] В литературе иногда указывается, что Помпей действовал через своих сторонников (Schur 1942, 226–227; Billows 2009, 60), но идея предварительной договоренности при этом все же не звучит. Единственное исключение – Southern 2002, 42, где указывается на контакты Помпея и Филиппа еще до обсуждения вопроса в сенате.

[26] Leach 1978, 44; Amela Valverde 2002, 72; Vervaet 2009, 410; Frolov 2021, 218.

[27] Smith 1960, 10. П. Гринхол, также признавая отказ Помпея распустить армию, тем не менее не считает его поведение мятежом, поскольку тот находил правдоподобные объяснения своим действиям (Greenhalgh 1980, 38). Однако если бы Помпей напрямую отказался выполнять распоряжение Катула, то стал бы seditiosus независимо от правдоподобия своих отговорок. Еще менее обоснованно утверждение Ф. Дрогулы, будто Помпей отказался сложить империй (Drogula 2015, 127). Это тем более странно, что страницей выше Дрогула признает сохранение империя за его обладателем до тех пор, пока тот не пересекал померий даже в случае сдачи командования.

[28] Heftner 1995, 141. Еще Т. Моммзен писал не об отказе Помпея выполнить распоряжение Катула, а о его игнорировании (Mommsen 1856, 23). Точно так же неверно утверждение, будто Помпей «требовал» у сената назначения в Испанию (Ihne 1886, 22; Boak 1918, 5; Billows 2009, 60), у Плутарха используется слово с несколько иным значением, διεπράττετο, которое Г.А. Стратановский вполне корректно переводит как «добивался».

[29] К слову сказать, креатуры Метелла Пия (см. Münzer 1897, 1354).

сопротивления повстанцам[30]. Предшественником Калидия, как считается, был проконсул Ближней Испании Домиций Кальвин, чьи поражение и гибель относят самое позднее к 79 г.[31] В действительности же, судя по всему, он был его преемником и пал в бою в первой половине 77 г.: эпитоматор Ливия (*Per.* 90), после заметки о поражении восстания Лепида упомянув о начале Серторианской войны, сообщает лишь о двух конкретных событиях – о разгроме Манлия и Домиция[32], и это дает основание относить его к тому же году, что и seditio Lepidana, начало же Серторианской войны как бы подверстано к этим битвам, являясь просто их предысторией. Тогда становятся более понятными ламентации Плутарха по поводу неспособности Метелла справиться ситуацией в Испании, как и то, что он упомянут как единственный римский военачальник за Пиренеями, коль скоро наместник Hispania Citerior пал в бою[33]. Претензии к тому, как Метелл вел войну, можно воспринимать по-разному, но сразу в двух провинциях он, действительно, воевать с повстанцами не мог. Кроме того, совершенно нелогично было бы после гибели проконсула (Домиция) отправлять в Ближнюю Испанию пропретора, каковым, судя по всему, являлся куда менее знатный Калидий[34].

Соблазнительно думать, будто Помпей, не распуская своих легионов, молчаливо угрожал сенату в случае отказа[35]. Однако трудно представить, как он мог бы осуществить подобные угрозы[36] – ведь даже Сулла начал гражданскую войну, когда его попытались лишить командования, а не отказали в том, чего он не

---

[30] Spann 1987, 72. Также см. Schulten 1926, 74. По возвращении в Рим Калидий был осужден (см. Münzer 1897, 1354).

[31] Mommsen 1856, 18; Schulten 1926, 64; Broughton 1952, 84; Spann 1987, 72.

[32] Правда, Домиций, занимавший должность проконсула (Sall. *Hist.* I. 111M), назван легатом, но на последовательность изложения событий это не влияет. Строго говоря, и ошибкой подобное словоупотребление признать можно лишь с оговорками, поскольку во времена Империи, когда составлялись эпитомы, термином legatus обозначали среди прочего наместников провинций (Marshall 1985, 313).

[33] Еще К. Нойман писал об отсутствии на тот момент в Ближней Испании наместника (Neumann 1884, 30).

[34] Broughton 1952, 86. С учетом обстановки 70-х годов маловероятно, что Калидия осудили бы по возращении в Рим за такое не слишком тяжелое в глазах сенаторов преступление, как вымогательство в провинции, если бы он был проконсулом.

[35] Schulten 1926, 97; Steel 2014, 333; Frolov 2021, 233; в менее прямолинейных выражениях – Mommsen 1856, 23; Niese 1923, 209; Vervaet 2009, 413; Drogula 2015, 127. В. Ине куда более осторожен: по его словам, лишь создавалась видимость, что Помпей может применить силу (Ihne 1886, 22), П. Гринхол просто констатирует наличие у Помпея такой возможности (Greenhalgh 1980, 38).

[36] Р. Сигер придерживается такой же точки зрения, но его формулировки требуют оговорок: «Помпей был не настолько силен, чтобы бросать вызов сенату, даже если войска изъявляли готовность идти за ним против государства, и его возраст и отсутствие опыта, несмотря на достигнутые им военные успехи, делали крайне маловероятной перспективу превращения его в диктатора» (Seager 2002, 32). Важнее другое, сознавал ли все это сам Помпей; бесспорно, сознавал – даже в 62 г., находясь в куда более благоприятном положении, он не рискнул захватить власть. Также см. Southern 2002, 42; Amela Valverde, 2003, 72 (раскавыченная цитата из Сигера без ссылки на него).

имел[37]. В действительности же войско Помпея было для сената скорее приманкой: в условиях безденежья и крайнего напряжения людских ресурсов[38] отмобилизованную, закаленную в боях армию (нуждавшуюся разве что в пополнении), безусловно подчинявшуюся своему полководцу[39], да еще во многом им самим и финансируемую[40], направить в Испанию было куда проще, чем набирать новую. О передаче ее другому военачальнику не могло идти и речи – пример его отца, Помпея Страбона, чьи воины в такой ситуации попросту прикончили консула Помпея Руфа[41], сенаторы вряд ли забыли. Правда, имелась еще армия Катула (сомнительно, что он стал бы распускать ее раньше, чем Помпей – во всяком случае, сведений об этом нет). Но после разгрома Лепида солдаты Катула, в отличие от Помпеевых, многие из которых были клиентами своего полководца, вряд ли согласились бы идти в Испанию, да и платить им пришлось бы из опустевшей казны. Любопытно, что и сам Катул не выказал желания идти за Пиренеи[42], хотя, казалось бы, кому как не ему, победителю Лепида, было бы скрестить теперь оружие с Серторием[43]. Поэтому отправка Помпея в Испанию с повышением до ранга проконсула (с учетом указанных выше предполагаемых причин) могла выглядеть как разумная сделка по принципу do ut des.

---

[37] Правда, как пишет Плутарх (*Pomp*. 17. 3), Помпей расположил войска недалеко от Города (περὶ τὴν πόλιν), что под пером историков зачастую превращается в куда более зловещее «у стен» или «у ворот» (Niese 1923, 209; Van Ooteghem 1954, 102; Smith 1960, 10; Leach 1978, 44; Frolov 2021, 220). Но вряд ли Помпей без приказа повел бы войско к Риму: столь грубые жесты были не в его стиле. Вполне возможно, что Плутарх считал это само собой разумеющимся. Примечательны его попытки по мере сил драматизировать изложение: Помпей держит армию близ Города «под оружием» (ἐν τοῖς ὅπλοις) и «все время» (ἀεί). Странно, если бы он делал это с интервалами, да еще разоружив солдат. Неудивительно, если Плутарх добавил по своему разумению и деталь о пребывании армии Помпея близ Города, считая это наиболее логичным.

[38] Gelzer 1973, 47; о финансовых трудностях – Sall. *Hist*. II. 47. 6–7M.

[39] Не вызывает сомнений, что основная часть армии Помпея состояла из его пиценских и галльских клиентов (см. Schur 1942, 226; Badian 1958, 277; Leach 1978, 42; Amela Valverde 2003, 70).

[40] Twyman 1972, 848. Недаром позднее Помпей, пусть и преувеличивая, будет жаловаться на то, что истратил все свои средства (Sall. *Hist*. II. 98. 9M).

[41] Liv. *Per*. 77; Val. Max. IX. 7. *Mil. rom*. 2; App. *BC*. I. 63. 284–285; Vell. II. 20. 1. Иногда проводится параллель с Помпеем Страбоном в том отношении, что тот держал армию близ Рима, добиваясь второго консулата (Leach 1978, 44; Amela Valverde 2003, 72), но от него, напомним, не требовали ее распускать.

[42] Не исключено, что Л. Ланге был прав, когда писал о поддержке Помпея в этой ситуации Катулом (Lange 1871, 174).

[43] Слова Плутарха о Катуле как человеке, более склонном к гражданской, нежели военной деятельности (*Pomp*. 16.2), гораздо больше относятся именно к этой ситуации, нежели связанной с борьбой против Лепида, которого он победил (о противоречии этого обстоятельства Плутарховой оценке Катула см. Heftner 1995, 133 со ссылкой на H. Krinitи). Впрочем, Катул вполне мог осознавать скромность своих военных способностей – война с Серторием была гораздо более трудной задачей.

Собственно говоря, источники не содержат указаний на несогласие сенаторов с идеей отправить Помпея в Испанию[44]: их недовольство вызвало наделение уже не пропреторскими, а проконсульскими полномочиями[45] того, кто, в отличие от упоминаемого в этом случае Сципиона Африканского (не говоря уже о Марии), прежде вообще не занимал курульных должностей и не являлся сенатором[46]. Г. Самнер высказывал мысль, что это было компромиссное предложение: Метелла не отзывают из Испании за неудачи, но Помпей отправляется ему на помощь в ранге проконсула. Эта гипотеза вызвала энергичные возражения со стороны Б. Твайменa как не находящая подтверждения в источниках[47]. Однако если верно, что предшествующим наместником был Домиций Кальвин, являвшийся проконсулом, согласие сената (достигнутое, судя по всему, без жарких дебатов)[48] становится куда более понятным – замещение погибшего наместника человеком в равном ранге, при том что преемнику предстояло выправлять катастрофическую военную ситуацию, выглядело вполне логичным, если не сказать неизбежным, даже если таким человеком являлся homo privatus Помпей, поскольку по практическим причинам он подходил на это место более кого бы то ни было. Конечно, в любом случае уравнивание не бывшего сенатором Помпея в статусе с консуляром Метеллом[49] задевало последнего[50], но patres в большинстве своем сочли это вполне приемлемой издержкой.

В данной связи, как уже говорилось, еще Цицерон (а за ним и Дион Кассий) указывал на то, что оба консула отказались принять командование в Ближней Испании[51]. Ни у кого из исследователей это сообщение не вызвало сомнений,

---

[44] По мнению К. Стил, назначению Помпея во многом способствовала гибель многих способных командиров во время Союзнической и гражданской войн (Steel 2014, 333), однако достаточно вспомнить другого homo privatus, Марка Лукулла, имевшего успешный опыт самостоятельного командования в боях с марианцами (Plut. *Mar.* 27. 13–17).

[45] Hillman 1990, 444 & n. 1–2. По мнению Ф. Вервата, многие сенаторы хотели просто продлить Помпею пропреторский империй (Vervaet 2009, 415).

[46] Van Ooteghem 1954, 102; Girardet 2001, 168–169. Поэтому Х. Ласт с пафосом называет назначение Помпея «смертельным ударом по сулланской конституции» (Last 1932, 317–318). Думается, лишь одним из многих и вряд ли смертельным, учитывая лояльность Помпея.

[47] Sumner 1964, 46; Twyman 1972, 822, 849.

[48] Утверждения об «очень сильном недовольстве» в сенате (Miltner 1952, 2078) или значительной оппозиции Помпею (Boak 1918, 5) весьма спорны: адресованный Филиппу недоуменный вопрос неизвестного сенатора для таких оценок оснований не дает.

[49] Недаром это обстоятельство подчеркивалось и столетие спустя (Val. Max. VIII. 15. 8).

[50] Вполне возможно, что «автор» назначения Помпея Филипп являлся врагом Метеллов (Badian 1958, 278 & n. 2), и в таком случае фактическое принижение Метелла служило для него дополнительным стимулом. Правда, Б. Твайменa, напротив, считает Филиппа и Помпея политическими союзниками Метелла (Twyman 1972, 849), однако аргументы Э. Бэдиана представляются более убедительными.

[51] Твайменa расширительно истолковал сообщение Цицерона, предположив, что от командования отказались и остальные магистраты и промагистраты, которые могли быть назначены в Испанию безо всякого экстраординарного командования (Twyman 1972, 848).

ученые лишь пытаются понять причины столь странной позиции высших магистратов[52]. Она объяснялась сочувствием серторианцам[53]; желанием получить более перспективное назначение, нежели трудный испанский фронт[54]; отказом из лояльности к Метеллу Пию[55]; или, напротив, нежеланием усиливать его[56], а то и просто равнодушием[57]. Между тем следовало бы присмотреться к самому сообщению об отказе консулов. Цицерон говорит об этом не в речи об империи Гнея Помпея[58], а в XI филиппике, т.е. через 34 года после событий, в пылу борьбы с Антонием, когда перипетии далекого уже 77 г. вряд ли кто-то помнил столь детально. Следует также задаться вопросом, а предлагали ли им командование в Испании вообще. Как известно, со времен Суллы господствовала тенденция, когда высшие магистраты исполняли свои обязанности в Риме, в то время как военное командование, особенно в провинциях, возлагалось на промагистратов[59]. Единственный консул в период между гражданскими войнами, которому поручили возглавить армию за пределами Италии, – Маний Ацилий Глабрион, отправленный в 67 г. заменить Лукулла (Dio Cass. XXXVI. 14. 4; 17. 1), причем о каких-либо его боевых операциях неизвестно[60]. Все это заставляет усомниться в том, что консулам 77 г. Мамерку Лепиду и Дециму Бруту предлагали Ближнюю Испанию в качестве provincia. Другое дело, что они и сами, очевидно, не проявили инициативы, и в этом случае Цицерон не так уж сильно искажал истину: говоря об отказе консулов от командования (consules recusabant), он мог выдавать за таковой просто их пассивность. Прямой же отказ, да еще обоих, не только выглядел бы малопочтенно, но и мог вызвать подозрения в их нелояльности: Мамерк Лепид был в родстве с предводителем только что подавленного мятежа, а представители фамилии Брутов участвовали не только в движении Лепида, но

---

[52] Ф. Верват указывает здесь на параллель с назначением Сципиона: тогда погибли оба проконсула, теперь отказались от командования оба консула (Vervaet 2009, 414). Второе сомнительно, а вот первое подмечено очень удачно, если Помпей отправлялся замещать погибшего в бою проконсула Домиция (см. выше).

[53] Badian 1958, 277 & n. 6.

[54] Gruen 1971, 5; Spann 1987, 84. К слову сказать, неизвестно, отправились ли Лепид и Брут после консульства в провинции (Balsdon 1939, 63, n. 47).

[55] Sumner 1964, 46.

[56] Twyman 1972, 849.

[57] Seager 2002, 32.

[58] В ней (*De imp. Pomp.* 62) Цицерон лишь констатирует, что в Испанию отправился Помпей, а не консулы.

[59] См. Last 1932, 294–295; Siber 1944, 237–238. Поэтому, когда Э.С. Грюэн пишет, будто «по правилам консулы 77 г. должны были отправиться на фронт» (Gruen 1971, 3), т.е. в Испанию, это звучит как минимум спорно. Правда, Дж. Балсдон приводит множество примеров, когда консулы в послесулланский период уезжали в провинцию до истечения срока магистратуры (Balsdon 1939, 57–73), но здесь нужно учитывать следующее: там, где можно говорить о датировке отъезда, речь идет о ноябре–декабре, т.е. командовать они начинали уже все равно как проконсулы. В отношении же Помпея можно не сомневаться, что он отправился в Испанию гораздо раньше, поскольку борьба с Лепидом закончилась уже в первые месяцы 77 г. (см. Burton 2014, 407–408).

[60] См. скептическое замечание Цицерона о Глабрионе как военачальнике (*De imp. Pomp*. 5).

и в гражданской войне на стороне марианцев[61]. Эти же обстоятельства, впрочем, лишний раз свидетельствуют о том, что консулам 77 г. вряд ли предложили бы командование в войне с Серторием, а потому и отказываться им не пришлось бы.

Требует объяснения и еще один известный эпизод, связанный с назначением Помпея. Напомним известный пассаж из Цицерона: «И когда кто-то в сенате сказал, что не следует посылать частное лицо в качестве проконсула (non oportere mitti hominem privatum pro consule), как говорят, Л. Филипп сказал, что своим предложением он отправляет его не “вместо консула”, а “вместо консулов” (non... pro consule, sed pro consulibus mittere)» (*De imp. Pomp*. 62; пер. В.К. Хрусталева)[62]. Обратим внимание на важную деталь: обмен репликами происходил в сенате (in senatu)[63], и ученые обычно понимают это как официальное обсуждение[64], а некоторые даже считают, что оскорбительные для консулов слова Филиппа оказали решающее влияние на исход дебатов[65].

Если так, то перед нами пример неслыханного падения авторитета высших магистратов – вопрос отнюдь не второстепенный. Но если бы все происходило во время официального обсуждения, то дело скорее всего закончилось бы не принятием предложения Филиппа, а нешуточным скандалом, каковой случился в 91 г., когда на сходке Филипп заявил, что с нынешним сенатом невозможно управлять государством (Cic. *De orat*. III. 2–5; Val. Max. VI. 2. 2). Правда, Плутарх (*Pomp*. 17. 4) говорит, что Филипп намекал на «ничтожность» Лепида и Брута[66], и создает впечатление, будто никто не смог на его слова возразить. В этом, однако, позволительно усомниться: у обоих консулов наверняка имелись свои сторонники, при чьей поддержке (или даже инициативе) они вряд ли спустили бы с рук Филиппу такую выходку. Между тем, он добивался положительного решения вопроса, а не перепалки с противоположным результатом.

Однако обращает на себя внимание, что Цицерон (*De imp. Pomp*. 62) сообщает об этой реплике Филиппа с важным уточнением: dicitur[67]. Вряд ли оно потребовалось бы, если бы речь шла о публичном выступлении, многие свидетели которого еще здравствовали. Иначе говоря, это было сказано хотя и в ответ на вопрос сенатора, но вряд ли в ходе официального обсуждения, скорее всего в частной беседе с кем-то из сидевших рядом patres. Вполне возможно, кстати, что Филипп имел

---

[61] О подозрениях, которые могли вызывать консулы 77 г. у сулланцев, см. Badian 1958, 277.

[62] Любопытно, что в этой речи Цицерон выступает *в поддержку* еще одного экстраординарного командования для Помпея, тогда как в 43 г. он упоминает реплику Филиппа (*Phil*. XI. 18: L. Philippus pro consulibus eum se mittere dixit, non pro consule) с противоположной целью, *возражая* против такого командования в войне с Долабеллой (Sumner 1964, 46).

[63] О том же сообщает и Плутарх (*Pomp*. 17. 4: ἐν συγκλήτῳ).

[64] Drumann 1908, 371; Gruen 1971, 3; Twyman, 1972, 821.

[65] Neumann 1884, 31; Spann 1987, 85.

[66] ὡς ἀμφοτέρους τοὺς τότε ὑπατεύοντας οὐδενὸς ἀξίους ὄντας. Эту трактовку Г. Самнер не без оснований называет the superficial interpretation (Sumner 1964, 46).

[67] Не забывает добавить это (οἴεται) и Плутарх (*Pomp*. 17. 4), но в его случае такая оговорка куда более понятна, ибо прошло около двух веков после описанных событий.

в виду не только (а может, и не столько) выразить презрение к личным качествам консулов, но и подчеркнуть, что Помпей с его армией в данной ситуации ценнее для Республики, чем консулы, у которых ее нет.

И последний спорный вопрос, на котором хотелось бы остановиться. Ф. Вервaт усматривает в послании сенату Помпея ссылку на то, что сенат декретировал ему командование на три года (in triennium: Sall. *Hist*. II. 98. 2M), и эти слова следует понимать буквально. На 73 и 72 гг. командование ему продлевалось in annum[68]. Если предположение Вервата верно, то перед нами беспрецедентный случай, поскольку до той поры империй сразу на несколько лет никому не предоставлялся. Однако у Саллюстия Помпей ничего подобного не говорит, а вместо in triennium в тексте стоит per triennium – срок, в течение которого сенат присылал ему средства, которых хватало только на годовые расходы (a vobis per triennium vix annuos sumptus datus est). Поэтому гипотезу Вервата приходится признать лишенной всяких оснований[69].

Итак, если суммировать сказанное, ситуация с назначениями Помпея в 77 г. видится следующей. Во время борьбы с Лепидом Помпей вторично стал пропретором, получив эту промагистратуру, видимо, не от сената, а от интеррекса Аппия Клавдия. После изгнания Лепида из Италии он не отказывался expressis verbis распустить войско, не требовал от сената назначить его проконсулом Ближней Испании и уж тем более не подводил армию к стенам Рима, чтобы шантажировать сенат, а заранее договорился с влиятельными сенаторами во главе с Марцием Филиппом, которые и добились предоставления ему проконсульского империя. Консулы, в свою очередь, не отказывались от командования, поскольку им скорее всего его и не предлагали. Сенат без особого сопротивления уступил настояниям Филиппа, поскольку Помпей не только проявил себя как искусный военачальник, но и (что было едва ли не важнее) располагал закаленной, готовой идти за ним в Испанию и им же во многом оплачивавшейся армией. С учетом этого, а также того, что ему предстояло заместить погибшего в бою проконсула Домиция Кальвина и выправить тяжелую военную ситуацию, облечение Помпея проконсульским империем становилось практически неизбежным.

Литература / References

Amela Valverde, L. 2003: *Cneo Pompeyo Magno: el defensor de la república romana*. Madrid.
Badian, E. 1958: *Foreign Clientelae (264–70 B.C.)*. Oxford.
Balsdon, J.P.V.D. 1939: Consular provinces under the Late Republic, I. General considerations. *Journal of Roman Studies* 29, 57–73.
Billows, R.A. 2009: *Caesar: The Colossus of Rome*. London–New York.
Boak, A.E. 1918: The extraordinary commands from 80 to 48 B.C. A Study in the origin of the Principate. *American Historical Review* 24, 1–25.

[68] Vervaet 2009, 421–422. Автор также полагает, что письмо Помпея был получено на рубеже 76–75 гг. и лежало без ответа целый год, но тогда непонятно, как в конце 76 г. Помпей мог писать о triennium.

[69] Ф. Дрогула и вовсе пишет как о не вызывающем сомнений факте, что империй Помпея в Испании не имел временных ограничений (Drogula 2015, 128), не приводя в пользу этого никаких аргументов.

Brennan, T.C. 2000: *The Praetorship in the Roman Republic*. Vol. 1–2. Oxford.
Broughton, T.R.S. 1951–1952: *The Magistrates of the Roman Republic*. Vol. I–II. New York.
Burton, P. 2014: The revolt of Lepidus (cos 78) revisited. *Historia* 63, 404–421.
Drogula, F.K. 2015: *Commanders and Command in the Roman Republic and Early Empire*. Chapel Hill.
Drumann, W. 1908: *Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen*. 2. Aufl. Hrsg. P. Groebe. Bd. IV. Leipzig.
Frolov, R.M. 2021: The *privatus* Pompeius and decision-making in the city of Rome in early 77 BCE. *Eirene* 57, 217–244.
Gelzer, M. 1973: *Pompeius*. München.
Girardet, K.M. 2001: *Imperia* und *provinciae* des Pompeius 82 bis 48 v. Chr. *Chiron* 31, 153–209.
Greenhalgh, P.A.L. 1980: *Pompey: The Roman Alexander*. London.
Gruen, E.S. 1971: Pompey, Metellus Pius, and the trials of 70–69 B.C.: the perils of schematism. *American Journal of Philology* 92, 1–16.
Gusso, M. 2001: Politica, istituzioni e interregnum nel 77 A.C. *Rivista di cultura classica e medioevale* 43, 47–74.
Heftner, H. 1995: *Plutarch und der Aufstieg des Pompeius. Ein historischer Kommentar zu Plutarchs Pompeiusvita*. Tl. 1: Kapitel 1–45. Frankfurt am Main, u.a.
Hillman, T.P. 1990: Pompeius and the Senate: 77–71. *Hermes* 118, 444–454.
Hillman, T.P. 1998: Pompeius' *imperium* in the war with Lepidus. *Klio* 80, 91–110.
Ihne, W. 1886: *Römische Geschichte*. Bd. VI. Leipzig.
Lange, L. 1871: *Römische Alterthümer*. Bd. III. Berlin.
Last, H. 1932: Sulla and the army commanders; M. Aemilius Lepidus; The appointment of Pompey in Spain. In: *The Cambridge Ancient History*. Vol. IX. Cambridge, 293–298, 314–318.
Leach, J. 1978: *Pompey the Great*. London.
Marshall, B.A. 1985: *A Historical Commentary on Asconius*. Columbia.
Miltner, F. 1952: Pompeius (31). In: *RE*. Hlbd. 42, 2062–2211.
Mommsen, Th. 1856: *Römische Geschichte*. Bd. III. Berlin.
Mommsen, Th. 1887: *Römisches Staatsrecht*. Bd. II.1. 3. Aufl. Leipzig.
Münzer, F. 1897: Calidius (26). In: *RE*. Hlbd. V, 1354.
Neumann, C. 1884: *Geschichte Roms während des Verfalls der Republik*. Bd. II. Breslau.
Niese, B. 1923: *Grundriss der römischen Geschichte nebst Quellenkunde*. München.
Rosenblitt, A. 2019: *Roma after Sulla*. London–Oxford.
Schulten, A. 1926: *Sertorius*. Leipzig.
Schur, W. 1942: *Das Zeitalter der Marius und Sulla*. Leipzig.
Seager, R. 2002: *Pompey the Great. A Political Biography*. 2nd ed. Oxford.
Siber, H. 1944: Zur Prinzipatsverfassung. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung* 64, 233–273, 485.
Smith, R.R. 1960: Pompey's Conduct in 80 and 77 B.C. *Phoenix* 14, 1–13.
Southern, P. 2002: *Pompey the Great*. Stroud.
Spann, Ph.O. 1987: *Quintus Sertorius and His Legacy*. Fayetteville.
Steel, C. 2013: *The End of the Roman Republic 146 to 44 BC: Conquest and Crisis*. Edinburgh.
Steel, C. 2014: The Roman Senate and the post-Sullan *res publica*. *Historia* 63.3, 323–339.
Sumner, G.V. 1964: Manius or Mamercus. *Journal of Roman Studies* 54, 41–48.
Twyman, B.L. 1972: The Metelli, Pompeius and prosopography. In: *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*. Tl.I. Bd. 1. Berlin–New York, 816–874.
Van Ooteghem, J. 1954: *Pompée le Grand, bâtisseur d'Empire*. Bruxelles.
Vervaet, F.J. 2009: Pompeius' career from 79 to 70 BCE: constitutional, political and historical considerations. *Klio* 29, 406–434.

Vestnik drevney istorii
82/1 (2022), 76–100
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/1 (2022), 76–100
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910014071-1

ОБ ОДНОМ СПОРНОМ СЮЖЕТЕ В РОСПИСЯХ ФАЯЗТЕПА В СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ: ПЕРСОНАЖ В «ДВУРОГОЙ КОРОНЕ»

К. Абдуллаев

Стамбульский университет, Стамбул, Турция

E-mail: kabdullaev@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-1840-6709

Статья посвящена иконографическому анализу изображения персонажа в головном уборе, который ранее понимался как «двурогий шлем» или «двурогая корона». В статье раскрываются особенности конструкции головного убора – тюрбана и его места в буддийской иконографии Бактрии и Гандхары. Затрагиваются аспекты буддийского искусства Северной Бактрии и спорные вопросы влияния сасанидского изобразительного комплекса. В статье дается краткая характеристика исторической ситуации и хронологии росписей Фаязтепа.

Ключевые слова: Бактрия, Гандхара, Фаязтепа, буддийская иконография, настенная живопись, тюрбан

A PROBLEM IN THE INTERPRETATION OF THE PAINTINGS AT FAYAZTEPA IN NORTHERN BACTRIA: THE CHARACTER IN A “TWO-HORNED CROWN”

Kazim Abdullaev

Istanbul University, Istanbul, Turkey

E-mail: kabdullaev@yahoo.com

Данные об авторе. Казим Абдуллаев – преподаватель Отделения изящных искусств Стамбульского университета.

Выражаю свою благодарность Эцуко Кагэяма (Etsuko Kageyama) за помощь в работе над данной статьей.

The article is devoted to the iconographic analysis of the image of a character in a headwear, which was previously taken for a “two-horned helmet” or “two-horned crown”. The article analyses the design features of the turban headwear and its place in the Buddhist iconography of Bactria and Gandhara. Aspects of the Buddhist art of Northern Bactria and disputable questions of the alleged influence of the Sasanian pictorial complex are touched upon. The article provides a brief discussion of the historical context and a chronology of Fayaztepa paintings.

Keywords: Bactria, Gandhara, Fayaztepa, Buddhist iconography, wall painting, turban

Посвящается памяти Юрия Ахметзянова

Трудно переоценить значение таких памятников, как Каратепа и Фаязтепа в изучении буддийской культуры Центральной Азии[1]. И если первый из них продолжает изумлять нас новыми открытиями произведений искусства и архитектуры, то второй был полностью раскопан и изучен за относительно короткий промежуток времени (1968–1976) Л.И. Альбаумом. К великому сожалению, археологическое исследование не воплотилось в обобщающую монографию из-за смерти автора раскопок. Все, что мы имеем на данный момент,– это несколько его статей, небольших по своему объему, но весьма ценных наблюдениями и описаниями[2]. Актуальность этих статей тем более велика, что руководитель раскопа не оставил каких-либо зарисовок, научных отчетов, заметок в полевых дневниках, доступных научному сообществу.

В середине первого десятилетия 2000-х годов на Фаязтепа были проведены работы по зачистке и уточнению границ старых раскопов для запланированной консервации и реставрации памятника[3]. Результаты этих работ были опубликованы в статье Дж. и Т. Аннаевых[4]. В ней не затрагиваются сами памятники искусства, но уточняются отдельные детали архитектурно-планировочной структуры Фаязтепа. В некоторых случаях выводы авторов требуют коррекции, так как подчас предлагают весьма спорные идеи о локализации произведений скульптуры[5]. Важным дополнением для установления хронологии функционирования монастыря Фаязтепа оказались нумизматические находки[6]. Наконец, публикация надписей из монастырей Старого Термеза под руководством

[1] Памятники находятся в непосредственной близости друг от друга (около 1 км) на территории городища Старого Термеза (Сурхандарьинская область Республики Узбекистан).

[2] Al’baum 1974; 1975; 1976; 1986; 1990; 1992.

[3] Проект осуществлялся в рамках программы ЮНЕСКО (Pidaev 2006, 40–41).

[4] Annaev Dzh., Annaev T. 2010, 53–66.

[5] Например, то, что каменная триада (изображение Будды под деревом бодхи и двух монахов по бокам) находилась «на втором этаже» (Pidaev *et al.* 2011, 276). Идея о наличии второго этажа появляется у Т. Аннаева (Annaev Dzh., Annaev T. 2010, 53–66), хотя Альбаум – опытный и скрупулезный археолог, не выдвигает такого предположения. Альбаум отмечает наличие «специального постамента для них» (скульптур. – *К. А.*), который был сложен из жженых кирпичей и облицован с наружной стороны кусками обработанного и профилированного мергелистого известняка. Он примыкал к нижней части стены помещения (Al’baum 1974, 56).

[6] Annaev Dzh., Annaev T., Gorin 2010, 67–72.

проф. Ж. Фуссмана[7] стала заметным вкладом в изучение буддизма Северной Бактрии–Тохаристана.

Росписи Фаязтепа были предметом тематического анализа в статье К. Кавасаки, где ряд изображений, в том числе радиально расположенные фигуры вокруг Будды, ассоциируются с сюжетами Лотосовой сутры. Возникновение этих образов в текстах буддийского содержания совпадает со временем функционирования монастыря Фаязтепа (первые века н.э.)[8].

В 2008 и 2014 г. были опубликованы две статьи Ч. Ло Муцио, посвященные настенным росписям Фаязтепа и интерпретации некоторых спорных сюжетов[9]. В относительно недавно вышедшей на японском языке книге Ш.Р. Пидаева нет детального анализа сюжетов, но она содержит наиболее выигрышные иллюстрации фрагментов живописи Фаязтепа[10]. Наконец, в недавно опубликованную статью японского исследователя Сумпэи Иваи, помимо известных уже сюжетов настенной росписи Фаязтепа, вошли и вновь расчищенные фрагменты из фондов Института археологии (Самарканд)[11]. Следует отметить также статьи отчетного характера, которые печатались в процессе реализации проекта по реставрации живописи[12].

Забегая вперед, можно сказать, что в произведениях буддийского искусства Бактрии прослеживаются параллели и влияние одного из выдающихся центров искусства ваяния первых веков нашей эры – Гандхары, которая в определенной степени может быть сопоставима с Пергамом эллинистического мира. Что касается настенной живописи этого историко-культурного региона, то ее образцы по отношению к скульптуре малочисленны и стоят особняком.

Настенная живопись Бактрии имеет свои устойчивые традиции, восходящие к докушанскому периоду. Несмотря на ограниченность находок, мы можем говорить о существовании техники настенной росписи, которая была зафиксирована не только в Бактрии (Ай Ханум[13], Дильберджин)[14], но и в других истори-

---

[7] Pidaev *et al*. 2011. Среди надписей, обнаруженных в период работ 2000-х годов, наиболее интересна надпись, найденная в помещении B8 (по Альбауму помещение № 6) около двери (место находки указано Фуссманом со слов Аннаева) «sur la banquette latéral du dernier état». Надпись указывает принадлежность монахов к школе махасангхика (iyo ghaḍa niśaderikhra ...утрата... <saṃghami cadud>[iśami] acaryanaṃ ma<ha>saṃghiǵa [–nam] parigrahe = « Ce vase NIŚDERIKHRA <est donné...> á communauté des quatre quartiers, confié aux maîtres mahāsāṅghika ») (ibid., 113).

[8] Kawasaki 1999, 56–57.

[9] Lo Muzio 2008, 189–206; 2014, 115–138.

[10] Pidaev 2019.

[11] Iwai 2020, 135–155.

[12] Проект реставрации и консервации живописи Фаязтепа, хранящейся в фондах Института археологии Академии наук Узбекистана (Самарканд), был инициирован автором настоящей статьи (2014 г.) и реализован совместно с японскими исследователями при содействии и спонсорстве Sumitomo Foundation (2017–2019) и Foundation for Cultural Heritage and Art Research (2016–2018); см. Kageyama *et al*. 2017, 12–13; 2018 16–17; 2019, 10–11; Kageyama, Reutova 2017, 5–10.

[13] Bernard 1973, 53, pl. 103–104.

[14] Kruglikova 1986.

ко-культурных регионах Средней Азии: в Парфии (Ниса, Мансурдепе)[15]; Согде (пригород Еркургана)[16]; Хорезме (Ахчаханкала)[17].

Параллельно с настенной живописью можно рассматривать раскрашенную глиняную скульптуру, выполненную чаще всего в технике барельефа; красочный слой, нанесенный на рельефную глиняную поверхность, максимально приближен к настенной живописи. Как показывают буддийские памятники Старого Термеза, настенная живопись и глиняная раскрашенная скульптура (как и раскрашенная каменная)[18] органично дополняют друг друга в интерьере храмов и других культовых объектов.

Как в Гандхаре, так и на памятниках Старого Термеза скульптура и живопись взаимно дополняют друг друга, но в первом случае живопись присутствует в незначительных количествах, в отличие от живописного изобилия Старого Термеза[19]. Напомним, что на буддийских памятниках Каратепа и Фаязтепа росписями покрывались практически все поверхности сакральных помещений и объектов, включая ниши, ступы и т.д. Одной из причин такого явления мог быть тот факт, что бактрийские мастера использовали лёсс в качестве основного материала как при сооружении архитектурных объектов, так и в их декоративном оформлении.

Что касается настенных росписей Фаязтепа, то, по словам Альбаума, росписи покрывали поверхности стен не только в интерьере помещений, но и украшали их внешние стороны, выходящие во двор[20]. Во время археологических работ особое внимание было обращено на помещение № 6, охарактеризованное Альбаумом как «святилище»[21]. Это помещение было самой богато украшенной частью всего комплекса Фаязтепа; в его убранство входила каменная скульптура (триада), раскрашенная алебастровая и глиняная скульптура, а также настенная роспись (найдено большое количество малых и крупных фрагментов). Некоторые части композиций сохранились на стенах, большое количество в виде крошева лежало на полу в завале. О расположении композиций мы знаем исключительно из описаний Л.И. Альбаума. Судя по фотографиям, можно предположить, что Альбаумом была произведена также и фотофиксация росписей in situ.

Настенная роспись Фаязтепа была частично отреставрирована, фрагменты лучшей сохранности изначально хранились в фондах Музея Академии наук Узбекской ССР. После образования Музея истории Узбекистана (бывший Музей В.И. Ленина в Ташкенте) были переданы туда, где и находятся

---

[15] Koshelenko, Lelekov 1970, 141; Koshelenko, Gaibov 2011, 146–155.

[16] Abdullaev 2011, 309–321.

[17] Betts *et al.* 2015, 1369–1396.

[18] Под «глиняной скульптурой» подразумевается также глиняно-ганчевая скульптура, изготовленная из лёссовой глины. Более подробное описание и библиографию вопроса можно найти у Yarosh 1996, 282–286; Yarosh, Meerov 1996, 274–281.

[19] В основном по этой причине аналогии к живописным сюжетам Бактрии, в частности Фаязтепа и Каратепа, мы вынуждены искать в произведениях пластического искусства Гандхары, Матхуры и других художественных центров.

[20] Al'baum 1990, 21.

[21] В публикации (Annaev Dzh., Annaev T. 2010) это помещение обозначено как B8.

в настоящее время. Другие части композиций после первичной полевой консервации в 1974 г. были транспортированы в хранилище Института археологии Академии наук Узбекистана (Самарканд). Как отмечалось выше, часть фрагментов после реставрации была выставлена в экспозиции Исторического музея в Ташкенте – они привлекли внимание ряда исследователей. Один из крупных фрагментов – с изображением персонажа в причудливом головном уборе («двурогая корона») – и стал предметом нашего изучения.

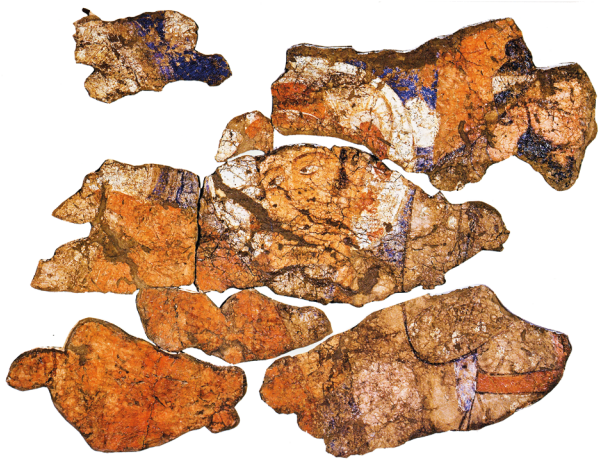
ИЗОБРАЖЕНИЕ ПЕРСОНАЖА В «ДВУРОГОЙ КОРОНЕ», ИНОГДА НАЗЫВАЕМОГО «АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ»

Фрагмент с «Александром» из Фаязтепа был рассмотрен в японском издании, где приводится и рисунок головы персонажа. К. Танабе в своей краткой заметке предполагает, что персонаж может иметь божественное происхождение, так как голова его окружена нимбом. Японский ученый допускает два толкования: по наличию рогов персонаж может быть идентифицирован либо как Фарро или Вретрагна, либо это может быть фигура человека буддийского вероисповедания с именем Варахран, при том что кушано-сасанидский царь Варахран (Бахрам) изображается в короне, оформленной в виде бараньих рогов. Росписи Фаязтепа Танабе датирует в довольно широких хронологических рамках – II–IV вв. н.э.[22]

В своей работе «Александр Македонский в Бактрии и Согдиане» Э. Ртveладзе идентифицировал этого персонажа как «предполагаемое изображение Александра Македонского в двурогом шлеме»[23]. Впоследствии эта интерпретация была пересмотрена Ф. Грене, предложившего видеть в персонаже не Александра, а «богатую дарительницу, которая сопровождает мужа, идущего рядом со своей лошадью», и несет «коническую вазу»[24]. В небольшой заметке М. Компарети предложил иное толкование сюжета. Привлекая в качестве аналогий к фаязтепинскому изображению произведения сасанидского искусства с портретами в двурогой короне, он выдвинул идею более поздней датировки памятника, а кушанский период (I–III вв.) предложил и вовсе «исключить»[25]. Более поздняя датировка изобразительного комплекса Фаязтепа была поддержана и развита в работах Ло Муцио. В качестве аналогий к персонажу в «двурогой короне» исследователь также приводит образы сасанидского искусства. В частности, было привлечено серебряное блюдо из Государственного Эрмитажа со сценой царской охоты, в которой главный персонаж представлен в рогатой короне. Другой аналогией послужила сасанидская гемма из коллекции Национальной библиотеки (Париж) с портретным изображением царицы (жена Шапура III, 383–388 гг.) в головном уборе, украшенным по центру элементом в виде листа каштана и парой развернутых фронтально бараньих рогов[26].

---

[22] Tanabe 1999, 380–381.
[23] Rtveladze 2002, рис. на стр. 166.
[24] Marchak, Grenet 2006, 959 n. 21.
[25] Compareti 2011, 95–106.
[26] Lo Muzio 2008, fig. 14, 15.



1

2

3

Рис. 1. Фрагмент росписи с персонажами из Фаязтепа: *1* – фото (по: Tanabe 1999, fig. 156); *2* – прорисовка контуров изображений (К. Абдуллаев); *3* – частичная реконструкции мест утрат (по: Iwai 2020)

Эти аналогии, относящиеся к более позднему времени (вторая половина IV в. н.э.), послужили для исследователя одним из аргументов для омоложения изобразительного комплекса Фаязтепа[27]. Изображение двурогой короны как аналогия приводится также и японским исследователем, который тем не менее в своей статье придерживается для комплекса Фаязтепа традиционной[28] хронологии, т.е. датировки первыми веками н.э. Однако в то же время он допускает влияние сасанидского искусства и объясняет это тем, что настенная роспись Фаязтепа создавалась в разные периоды[29].

Ш.Р. Пидаев определяет это изображение как «Александр Великий»[30], ничем не обосновав свою точку зрения. Эти принципиально важные выводы по идентификации образа, и в особенности хронологического сдвига всего изобразительного комплекса Фаязтепа в более поздний период, на основе его реинтерпретации настоятельно требуют повторного и более тщательного иконографического анализа. Обратимся к самой росписи и попытаемся разобраться в особенностях конструкции головного убора, на основе которого идентифицируется сам персонаж, породивший столь оживленные споры в научной литературе (рис. 1, *1–2*). Сразу следует оговориться, что второй «рог» в головном уборе (как он представлен в экспозиции музея) появился в процессе реставрации и реконструкции в месте утраты (рис. 1, *3*).

Фактически изображение составлено из нескольких фрагментов. На них имеются также элементы фигур других персонажей. Соединенные между собой фрагменты представляют композицию, изображающую Будду с адорантами. В середине сохранившейся композиции изображен персонаж с повернутой в сторону Будды головой в сложном уборе (который подробно анализируется ниже). Слева от самого персонажа (справа от зрителя) стоящая бородатая фигура, повернутая вправо.

Фрагмент в целом напоминает часть довольно распространенной в буддийском искусстве многофигурной композиции с центральной фигурой самого Будды и поклоняющихся ему адептов, включающей иногда и изображение различных реальных и фантастических животных. В качестве примера можно привести гандхарский рельеф со сценами из жизни Будды из Национального музея азиатского искусства в Вашингтоне (рис. 2) [31].

---

[27] Lo Muzio 2008, 189–206.

[28] Под словом «традиционной» я подразумеваю дату, предложенную автором раскопок Альбаумом, которой придерживались и другие исследователи советского и постсоветского периода, т.е. за начальную дату правления Канишки I берется 78 г. н.э. Между тем в настоящее время почти всеми исследователями начальной датой правления Канишки признан 127 г.н.э. (Falk 2001, 121–136).

[29] Iwai 2020, 135–155.

[30] Pidaev 2019, фотография на страницах 64–65. Следует отметить, что книга Ш.Р. Пидаева представляет собой альбом: краткий текст общего характера сопровождает множество цветных иллюстраций без аннотаций.

[31] National Museum for Asian Art, ранее именовался Frier Gallery of Art and Arthur Sackler Gallery (Washington DC, USA).

Рис. 2. Каменный рельеф с изображением сцен из жизни Будды. Гандхара. II в. н.э. Черной рамкой выделена предполагаемая локализация фаязтепинского фрагмента. *National museum of Asian Art, Washington DC. Wikimedia Commons*

Первое, что привлекает внимание в центральном персонаже, – это необычный для искусства Бактрии того времени ракурс головы, которая показана в трехчетвертном повороте назад. Она наклонена влево и обращена, как и взор, в сторону Будды.

Рисунок наклоненной влево головы персонажа со взглядом, устремленным в сторону Будды, – примечательная особенность этой росписи, и он имеет принципиальное значение для анализа произведения. Интересно было бы проследить происхождение этого приема – приходит ли манера изображения головы с легким наклоном из пластического искусства Гандхары или следует искать истоки в эллинистическом искусстве самой Бактрии? Сюда же можно добавить, что наклонная поза головы внедряется во все жанры изобразительного искусства эпохи эллинизма, включая и малую пластику (терракоты), а также и портретное искусство[32]. В коропластике Согда существует серия изображений – головок так называемого «типа Александра». Они весьма выразительны и легко узнаваемы по нескольким признакам: наклоненная вправо голова с устремленным вверх взглядом, характерный рисунок губ и т.д.[33] Датируются они преимущественно раннесредневековым временем, хотя моделью для них мог служить более ранний образец.

[32] Abdullaev 2017a, 213–253.
[33] Abdullaev 2017b, 172, fig. 16–17.

В фаязтепинской композиции фигура Будды сохранилась частично. Одеяние Будды оранжевого цвета; левое плечо показано плавным контуром. Можно отметить частично сохранившийся глубокий вырез. Над плечом белый нимб, выделенный несколькими параллельными полосками, выкрашенными в разные оттенки. Выше нимба следует голубой фон, на котором сохранилось пятно белого цвета. Судя по соотношению уровней головы персонажа и предполагаемой головы Будды, можно сказать, что он был изображен в сидячей позе.

Голова центрального персонажа на фрагменте показана на белом нимбообразном фоне, однако нет полной уверенности, что это именно нимб. Края его практически не выделены (как, например, рядом расположенное изображение Будды). Свободное пространство окрашено в ярко-голубой цвет. Обнаженные части тела (шея и отчасти грудь) раскрашены в желтовато-оранжевый (ближе к телесному оттенку) цвет. Лицо юное, безбородое, овальной формы, брови и волосы (височный локон) показаны черным цветом. Интересно отметить технику передачи височного локона. Фактура волос показана растушевкой, края их, как и граница прически, размыты. Надо лбом сохранилась полоска черного цвета, передающая основание волос. Правый височный локон виден лишь частично, конец его закручен вверх. Глаза имеют несколько раскосую форму, нижние и верхние веки подчеркнуты тонкой линией; такой же линией показан широкий разлет бровей. Глазное яблоко подкрашено белой краской, радужная оболочка темного цвета, зрачки размечены у правого угла разреза глаз, что создает эффект, что взгляд устремлен на объект, находящийся за плечом персонажа.

На месте левой ушной раковины значительные утраты, которые не позволяют определить ее точную форму. Украшение в виде серьги с подвесками также сохранилось не полностью. Ее верхняя часть из-за утрат не дает возможности говорить определенно о форме (диск, овал?), можно отметить лишь насыщенный красновато-оранжевый цвет (коралл?). Более уверенно можно сказать о четырех цепочках, спадающих вниз от верхней части серьги. Вся эта конструкция напоминает серебряные серьги с коралловыми подвесками, каплевидная форма которых имеет отдаленное сходство с миниатюрной амфорой. Вероятно, что такая же серьга украшала и правое ухо. Следует отметить, что мотив амфоры в украшениях позднеэллинистического (греко-римского) периода является одним из наиболее распространенных. Подвески в виде амфоры на цепочках на дисковидных серьгах можно видеть в комплексе украшений из Таксилы, датированных также греко-римским временем[34]. Следует еще упомянуть серьги в форме птицы с распахнутыми крыльями и четырьмя подвесками

[34] Marshall 1951, II, 624; III, pl. 190, *a, d, f*. Следует сказать, что серьги с подвесками на цепочках встречаются и в более ранний период IV–III вв. до н.э. (см. Treasures of Ancient Bactria 2002, 171. Серьги с подвесками на четырех цепочках, а также мотив «амфоры с ручками в виде дельфинов», явно эллинистического происхождения, были также одними из наиболее популярных украшений среди кочевнического населения Бактрии второй половины II в. до н.э. – II в. н.э. (Mandelshtam 1966, табл. LIX).

на цепочках в виде перлов, происходящие из кочевнических погребений на юге Таджикистана[35].

К идентификации этого образа и определению пола женственного по облику персонажа приходится подходить с осторожностью из-за выделенного белого ореола вокруг головы, напоминающего нимб. Этот элемент, как известно, характерен для иконографии Будды и бодхисатв. Нельзя исключать, что персонаж в тюрбане является донатрисой или адорантом из местной знати[36].

ГОЛОВНОЙ УБОР

Особый интерес представляет головной убор. Прежде чем говорить о форме головного убора, очертания которого сохранились очень плохо, следует обратить внимание, какие цвета использует мастер для его передачи. Мы уже отмечали сохранившуюся темную, почти черную полоску волос, обрамляющих лоб персонажа. Выше этой полоски утрата и лишь в левой части можно видеть, что эта черная полоса переходит в красный цвет. Этот насыщенный красный цвет проходит широкой полосой над головой персонажа поверх прически. Правда, где-то посередине следует белая тонкая полоска, которая, заостряясь, заканчивается в левой части. Далее в правой части белым цветом изображена еще одна деталь головного убора. Деталь эта, почти округлой формы, подчеркнута по контуру тонкой светло-коричневой линией (см. рис. 1, *1*). Пространство между этими образующими полукруг линиями заполнено косыми (поперечно-радиальными) линиями. В средней части мы видим окрашенную красным цветом деталь, как бы происходящую из белого полукруга. Она удлиненной формы насыщенного красного цвета (как и полоса над прической) и спадает вниз до уровня ушной раковины.

Подобный рисунок детали привел некоторых исследователей к заключению, что это изображение рога. В немалой степени такому восприятию исследователей способствовала реконструкция с добавлением второго рога с правой стороны головы персонажа. Однако, несмотря на присутствие аналогичных цветов (белого и красновато-оранжевого) на этом участке, трудно сказать, повторяется ли эта деталь в правой части головы персонажа (см. рис. 1, *3*). И вообще, является ли она рогом? При более пристальном рассмотрении приходит понимание, что округлая деталь с поперечными линиями – не что иное, как полотнище ткани, закрученной в виде жгута в круг – элемент головного убора типа тюрбана. Можно предположить, что тюрбан был скручен из двух кусков материи – соответственно красновато-оранжевого и белого цветов, либо одного

---

[35] Mandelshtam 1966, табл. LIX, 6.

[36] Образ поклоняющихся Будде женских персонажей на Фаязтепа хорошо представлен на южной стене помещения № 6 по нумерации Альбаума и по его же определению «святилища» (по нумерации Аннаева – помещение В8). К сожалению, сохранилась лишь нижняя часть женских фигур (Al'baum 1990, рис. 2), тем не менее их одеяние передает ряд элементов костюма, характерного для местного населения и хорошо отраженного в терракотовой пластике (Abdullaev 2000, 18–30; 2003, 15–38, fig. 1–4).

куска, но выкрашенного в два цвета[37]. Особенность этого тюрбана в том, что скрученный жгутом узел образовывал полукруг белого цвета, в середину которого продевался конец красновато-оранжевой материи. Таким образом, получалось нечто вроде белой «розетки», через центр которой наподобие «султана» продет красный кусок материи.

ТЮРБАНООБРАЗНЫЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ НА ПАМЯТНИКАХ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ

Нельзя сказать, что подобная форма тюрбана была редкостью для изобразительного комплекса региона Бактрии. Напротив, тюрбан был довольно популярным головным убором в среде местной знати. Широкое распространение тюрбана подтверждается рядом памятников настенной росписи и пластического искусства, в том числе терракотовой пластики Бактрии-Тохаристана[38]. Интересна в этом отношении терракотовая фигурка с городища Еркурган (Южный Согд, случайная находка)[39]. Сохранившаяся часть терракоты представляет собой женскую фигуру с шейным и нагрудным ожерельями. Особое внимание привлекает высокий головной убор сложной конфигурации. Он представляет собой тюрбан, возвышающийся над аккуратно зачесанными волосами (рис. 3). Тюрбан состоит из двух округлых рельефов справа и слева над головой; поверхность их покрыта поперечными насечками, явно передающими складки материи.

Второй образец представляет собой налеп у основания ручки керамического сосуда в виде барельефного погрудного изображения бодхисатвы (рис. 4). На голове персонажа один из вариантов этого головного убора с аналогичным элементом[40]. Терракота была найдена в слое над полом одного из помещений городища Еркурган и датируется на основании керамического комплекса V в. н.э.[41] Несмотря на позднюю дату археологического комплекса, есть основания полагать, что прототип изображения был создан в более ранний период (первые века н.э.)[42]. Впоследствии он был переиспользован мастером-керамистом для украшения глиняной посуды[43]. Следует заметить, что между двумя приведенными аналогиями из Еркургана имеются и отличия. Более сложная форма головного убора (тюрбана) на первой фигурке состоит из двух

---

[37] Допустимо и другое толкование: что ткань красного цвета продета в декоративный обруч (показан белым цветом). Такую интерпретацию детали дает Э. Кагэяма, см. ниже прим. 52.

[38] Abdullaev 1998, 161–178.

[39] Высота фигурки 10 см. Терракота была опубликована в: Koshelenko 1985, табл. XXXVIII; Abdullaev, Rtveladze, Shishkina 1991, I, № 468; Suleymanov 2000, 194, рис. 153, *4*; Abdullaev 2015, 168, рис. 141. Находится в фондах Института археологии Академии наук Узбекистана, Самарканд.

[40] Высота налепа 5,5 см. Хранится в фондах Института археологии Академии наук Узбекистана (Самарканд).

[41] Suleymanov 2000, 199, рис. 171, *1*,

[42] Abdullaev 2015, 169–170, fig. 143.

[43] Модель, по которой была создана матрица для дальнейшего репродуцирования данного изображения, была скорее всего из камня или другого твердого материала. Об использовании более древних изображений для создания нового иконографическом ряда см. Abdullaev 2002, 27–36.

Рис. 3. Терракотовая фигурка из Еркургана (по: Abdullaev 2015, fig. 141)

Рис. 4. Налеп у основания керамического сосуда в виде бюста Бодхисаттвы, Еркурган (по: Abdullaev 2015, fig. 66)

декоративных кружков из накрученных полос ткани, расположенных симметрично по бокам. На втором образце тюрбан украшен аналогичным способом, но одним декоративным кружком, расположенным по центру. Напомню, что на фаязтепинском изображении тюрбан украшен аналогичным элементом, расположенным с левой стороны головы персонажа. Все приведенные головные уборы можно классифицировать как тюрбан по одному, но существенному признаку: сложная конструкция с переплетенными полосами ткани как бы водружена на прическу, последняя подчеркнута тщательно моделированной фактурой волос. К этой же категории головных уборов – тюрбанов можно отнести также убор с терракотовой головки из Исмаилтепа (Сурхандарьинская область, хранится в Термезском археологическом музее)[44]. На этом образце тюрбан (рис. 5, *1*) показан в виде скрученного жгута у основания и веерообразного украшения с прямоугольным рельефом по центру в верхней части убора[45].

Территориально близкими аналогиями являются относительно недавно открытые росписи из монастыря Каратепа. Особое внимание привлекают фрагменты с изображением донаторов – мужчин, поклоняющихся Будде. Несмотря

[44] Abdullaev 2015, 97, fig. 66.

[45] Высота головки – фрагмента терракотовой статуэтки – 4,8 см.

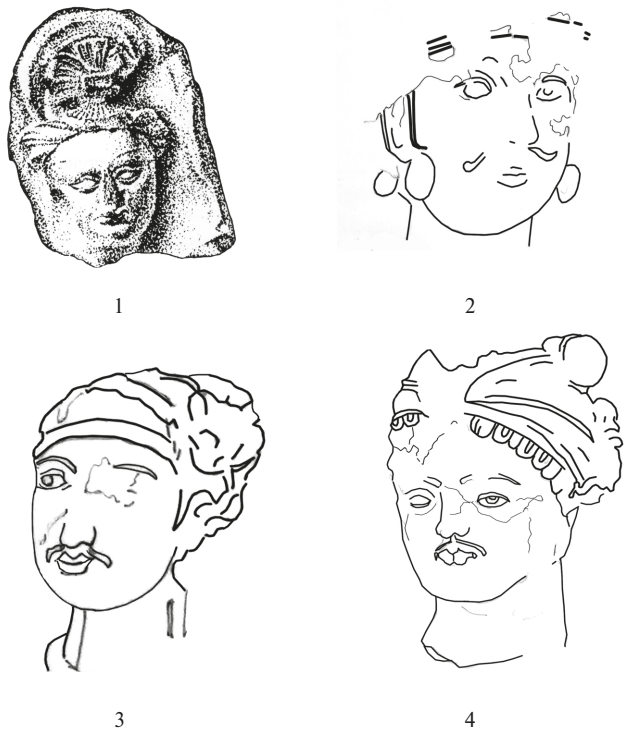


Рис. 5. Изображения тюрбанов: *1* – терракотовая головка из Исмаилтепа (Сурхандарьинская область); *2* – фрагмент настенной росписи из Каратепа. Голова персонажа в уборе типа тюрбана; *3* – фрагмент настенной росписи из Каратепа. Голова персонажа в тюрбане из узких полосок материи; *4* – скульптурная головка из глины в тюрбане. Каратепа. *Прорисовки К. Абдуллаева*

на плохую сохранность, в их головных уборах можно узнать форму тюрбана. На одном из них, наименее сохранившемся, изображен усатый персонаж с гладко выбритым подбородком, с широким разрезом глаз[46]. Из прически виден лишь тонкий спадающий височный локон и тонкая полоска волос надо лбом – остальная часть волос спрятана под тюрбаном. О том, что это тюрбан, можно догадаться по горизонтальным линиям темно-синего цвета, передающим находящие друг на друга складки материи (рис. 5, *2*). Сходную манеру передачи тюрбана демонстрирует другой фрагмент, где головной убор составлен из полос материи, драпирующих верхнюю часть головы. Контуры этих полос подчеркнуты синей краской (рис. 5, *3*). Интересно, что одна из полос проходит по центру лба; на левом боку над ушной раковиной полосы образуют сложнопереплетенный узел тюрбана[47].

[46] Pidaev 2019, рис. на с. 84.
[47] Pidaev 2019, рис. на с. 87.

Тюрбанообразный головной убор показывает и глиняная скульптура Каратепа. Речь идет об относительно хорошо сохранившейся голове молодого мужчины (рис. 5, *4*). У него полноватое лицо с тонкими чертами и небольшими усиками над верхней тонко очерченной губой. Высокий лоб обрамлен рядом мелких черных прядей-завитков[48]. Над ними следует рельефная линия в виде скрученного жгута – основание головного убора. Сам головной убор в верхней части представляет намотанные широкие полосы материи, с левого бока показана деталь дисковидной формы[49].

Наиболее характерен тюрбан для искусства Матхуры и Гандхары, и истоки этого типа головного убора следует искать именно в этих историко-культурных регионах. Раннебуддийские скульптурные произведения со сценами джатак, изображениями донаторов и адорантов, композициями поклонения образу Будды или его символам, украшавшими, как правило, культовые объекты – части парадных ворот (торана) или отдельно стоящие колонны – широко демонстрируют нам этот элемент костюма. В скульптурных произведениях Гандхары мы видим богатое разнообразие типов тюрбана, украшенных порой весьма сложным декором из реальных и фантастических существ, драгоценных камней, узорно сплетенных нитей и т.д. Некоторые из них близки по своим формам к изображению на фаязтепинской росписи, другие отличаются оформлением деталей.

В докушанских изобразительных комплексах Бактрии, т.е. в эллинистический и ахеменидский периоды, подобный тип головного убора практически не встречается[50]. Можно считать, что тюрбан внедряется в бактрийский костюмный комплекс вместе с буддийской культурой и искусством. В качестве примера можно привести архитектурное убранство одного из наиболее ранних памятников буддизма, датированного последней четвертью II в. до н.э. – ступы Санчи. В рельефных композициях этого памятника наиболее часто встречаемым головным убором является именно тюрбан[51].

Среди всего многообразия головных уборов в произведениях гандхарской скульптуры, в частности Буткары, можно выделить два типа тюрбана, которые находят аналогии в терракотовых изображениях Бактрии и Согда. Здесь речь

---

[48] Одинаковые размеры завитков и их шаблонная форма указывают на то, что они оттиснуты в форме. Этот метод в Средней Азии довольно распространен в буддийской скульптуре из глины или гипса; см., например, Turgunov 1989, 81–95.

[49] Тюрбан как форма головного убора имеет длительное применение в буддийском искусстве. Примером этому может служить скульптурная голова из Аджинатепа, хранящаяся в Эрмитаже (инв. № В-1480; Таджикистан, VI–VIII вв. н.э., см. Litvinski, Zeymal 1971).

[50] Предшествующие эпохи Бактрии не отличаются обилием изобразительного материала, относительно, например, кушанского периода, но и имеющийся материал вполне достаточен для характеристики костюма. Здесь в первую очередь следует напомнить изобразительный комплекс «Окского клада» (Dalton 1964), богатую коллекцию докушанского периода музея Михо (Treasures of Ancient Bactria 2002), а также добавить материал из Тахти Сангина (Litvinski 2010). О костюме Бактрии эпохи ахеменидов, включая и головные уборы, см. Abdullaev, Badanova 1998, 189–219.

[51] Marshall, Foucher 1902, pl. I.

Рис. 6. Женский бюст. Прическа с декоративными дисками (обручами). Гандхара, Буткара. Камень. Первые века н.э. *Фото: Лука М. Оливьери*

идет даже не столько о самом тюрбане, сколько о способе его наматывания, расположении и оформлении округлого узла – по центру головы, слева или справа, а также количества узлов – одного или двух. Интересно отметить, что в гандхарской скульптуре этот узел головного убора (тюрбана) иногда трансформируется в самостоятельную декоративную деталь прически, крепящуюся на обруче или ленте (лентах)[52]. Это в полной мере отражено на каменной скульптуре из Буткары (Гандхара), изображающей женскую фигуру (сохранилась лишь верхняя часть), богато украшенную серьгами и ожерельями (рис. 6) [53]. Поверх прически в высоком рельефе показаны две округлые детали наподобие богато украшенных обручей. Верхняя часть одного из них оформлена в виде лотоса с лепестками, спадающими от центра. Ниже следует рельеф из трех рядов перлов. Рельеф второго обруча имеет частые поперечные насечки, а от его центра происходит пышный султан в виде переплетенных нитей. Трудно представить, как могут эти два массивных украшения, даже если учесть, что они сделаны из тонкой материи, крепиться просто на волосах. Более вероятно, что эти два обруча закреплены на широкой ленте, охватывающей прическу в верхней части. И эта лента на скульптуре из Буткары отчетливо показана в виде трех горизонтальных полосок, расположенных над волосами и между обручами.

В этот же круг образов, датируемых первыми веками н.э., можно включить еще один каменный рельеф из Буткары с изображением влюбленной пары на

---

[52] Э. Кагэяма (Kageyama 2021, 39–40, fig. 3, *21*) обратила внимание на тот факт, что на рассматриваемом нами персонаже из Фаязтепа изображены вовсе не «рога», а тип головного убора с украшениями типа обруча (ring). Однако с уверенностью сказать, что скульптура из Буткары, приведенная автором как аналогия, полностью соответствует головному убору Фаязтепа, затруднительно. Если судить по манере изображения поперечных линий, то последний более напоминает скрученный в круг кусок ткани, а не обруч, показанный на гандхарских скульптурах с четко проработанными декоративными деталями.

[53] Две фотографии из Архива Centro Scavi e Ricerche Archeologiche in Asia (IsIAO). Приношу свою благодарность директору Итальянской археологической миссии в Пакистане Луке М. Оливьери за любезно предоставленную возможность их опубликовать.

фоне богато украшенной архитектуры (ложная ниша)[54]. Справа изображена женская фигура в кокетливой позе (рис. 7). В левой руке она держит зеркало и смотрит в него. Правая рука, как бы опираясь локтем о плечо партнера (супруга), придерживает на волосах декоративный обруч. Последний по своим формам аналогичен левому обручу на уже описанной женской скульптуре из той же Буткары.

На каменном рельефе с влюбленной парой женщина, на мой взгляд, показана в момент примерки украшения, между тем как ее партнер держит наготове второе ожерелье (обруч?). Надо думать, что в данной композиции гандхарский мастер уловил момент туалета дамы, когда головной убор еще не представлен полностью. Между тем, первый приведенный нами образец из Буткары являет собой, по всей видимости, окончательный вид головного убора.

Рис. 7. Каменный рельеф из Буткары. Композиция с влюбленной парой на фоне ложной ниши. Гандхара. Первые века н.э. *Фото: Лука М. Оливьери*

Таким образом, у нас есть возможность сравнить эти два образца гандхарской скульптуры с фаязтепинской росписью. Фаязтепинский головной убор более сближается именно с тюрбаном и весь декор его составляет искусно закрученный кусок ткани (белый цвет) с продетым по центру краем отреза (красный цвет). Однако нельзя исключить существование еще одного варианта, при котором закрученная ткань тюрбана продевается в обруч. Головной убор в виде тюрбана становится довольно популярным в костюме местной знати. Отмеченная выше вероятность его появления на территории Бактрии в кушанскую эпоху связана с проникновением сюда буддийского культурного комплекса.

Соединенные вместе фрагменты композиции, помимо центрального персонажа, доносят до нас еще одно изображение. Бородатая мужская фигура расположена в правой части композиции (слева от центрального персонажа). Фигура показана в три четверти, голова в профиль. Необычным является то, что персонаж повернут в противоположную от Будды сторону. Объяснить такую позу персонажа затруднительно. Верхняя часть фигуры показана на фоне оранжевого цвета. Цвет этот ограничивается тонкой черной линией, проведенной вертикально. Оранжевый цвет аналогичен цвету одеяния Будды. Можно лишь предположить, что фигура бородатого мужчины обращена к еще одной

[54] Facenna 1974, 126–176, fig. 40.

фигуре Будды или бодхисатвы (?). Такая композиция известна нам по сцене на южной стене святилища[55]. К этому следует добавить, что Альбаум, говоря о фрагментах завала в этом помещении, а также изображениях на внешних стенах айвана, отмечал сюжеты с людьми и «буддами». У персонажа густая борода с усами темного цвета и такого же цвета волосы, собранные на темени в пучок. От затылка ко лбу идет полоса начельной ленты белого цвета. Мужчина одет в плотно облегающее платье типа туники светло-бежевого цвета с хаотично разбросанным орнаментом в виде белых мелких цветков. Талия стянута широким поясом светло-коричневого цвета (кожа?). По центру на животе прослеживается вертикальная линия, возможно, планка или борт платья.

Прическа с начельной лентой белого цвета – весьма показательный иконографический признак, характерный для кушанского искусства Бактрии, существовавший на протяжении многих веков. Свидетельством этому может служить группа чаганианских послов на западной стене в росписях Афрасиба[56].

Итак, проведенный анализ показывает, что неточная трактовка отдельных деталей изображения склонила многих ученых к ошибочному заключению о сасанидском влиянии, что привело их к радикальному омоложению всего комплекса. Исследователи, предложившие более позднюю датировку, не в достаточной мере уделили внимание нумизматическому материалу, полученному в ходе археологических раскопок. В то же время во многом подтвердились выкладки автора раскопок Л.И. Альбаума о времени функционирования Фаязтепа. Нумизматический материал, полученный Альбаумом, выглядит следующим образом:

Гелиокл – медные подражания тетрадрахмам – 3;
Сотер Мегас (монеты безымянного царя) – 6;
Вима Кадфиз – 5;
Канишка I – 11;
Васудева – 10;
Шапур I – 1;
Хормизд I – 2;
Сасанидо-кушанские – 8.

Монеты более «поздних правителей» (Васудева, Шапур I, Хормизд I и сасанидо-кушаны) были найдены, по словам Альбаума, в «слоях разрушения». Строительство вихары Альбаум относит приблизительно к I в. н.э., принимая за дату Канишки 78 г.[57]

При последующих археологических работах на памятнике были также извлечены монеты, которые в целом подтверждают стратиграфическую картину

---

[55] Al'baum 1990, рис. 2.

[56] Al'baum 1975, 21, рис. 4, табл. VI.

[57] В одной из своих статей Альбаум пишет, что «до строительства [вихары] было когда-то буддийское сооружение с небольшой ступой 3 × 3 м; при сооружении комплекса эта ступа была замурована в тело второй, более грандиозной ступы. Судя по росписям на ступе, а также по другим находкам, можно предположить, что первая ступа относится к 1-му веку до н.э.» (Al'baum 1982, 60; см. также 1974, 57).

памятника, показанную Альбаумом. Нумизматическая коллекция последних раскопок включает следующие монеты:

Сотер Мегас – 1;
Вима Кадфиз – 4;
Канишка I – 5;
Хувишка – 4;
Васудева I – 1[58].

Немаловажное значение для установления хронологических рамок функционирования монастыря Фаязтепа имеют монеты, найденные «в слоях разрушения». В эту группу монет Альбаум включает чекан Васудевы I (10 экз.)[59], Шапура I (241–272–1 экз.), Хормизда I (270–271)[60]. Таким образом, вторую половину III–IV в. в истории памятника трудно назвать временем расцвета буддийского искусства, и тем более временем создания росписей.

В изучении настенных росписей Фаязтепа и их хронологии следует подчеркнуть одну важную деталь. Как показали работы по консервации и реставрации живописи, настенная роспись была однослойной, т.е. нанесена однократно. Следов подновлений живописного слоя обнаружить не удалось[61]. С этой точки зрения предположения о том, что живопись Фаязтепа создавалась в разное время и отражает разные стили[62], не обретают под собой достаточных оснований.

Примеры из сасанидского искусства, приведенные в качестве аналогий к росписям Фаязтепа – рельеф из Бишапура II с изображением шеренги солдат, гемма с изображением женского бюста с рогатой короной, блюдо из Эрмитажа со сценой охоты,– выглядят искусственно притянутыми[63]. Манера изображения, форма обуви и штанов имеют значительные различия. Для изображений фаязтепинской композиции характерна опояска ремней с бляшкой на внутренней стороне ступни, показанной на месте их перекрещивания.

Фрагменты настенных росписей с аналогичными элементами изображений на Каратепа были обнаружены при раскопках южного айвана храмового двора комплекса Б (работы 1969–1971 гг.). Эти сюжетные росписи были вполне обоснованно атрибутированы как произведения кушанского искусства[64]. Шеренгу с фронтально расположенными фигурами с перекрещивающимися ступнями ног можно

---

[58] Annaev Dzh., Annaev T., Gorin A. 2010, 72.

[59] Не совсем понятно, почему Альбаум отнес монеты Васудевы I ко времени упадка («слои разрушения») памятника, если учесть тот факт, что правление этого царя относится все еще к эпохе «Великих кушан» (последние десятилетия II в. н.э.) и предшествует периоду вторжения сасанидских войск в Среднюю Азию. Количество монет Васудевы I (10 экз.) «в слоях разрушения» на Фаязтепа на фоне других нумизматических находок также кажется маловероятным (не опечатка ли?), между тем как последние работы на памятнике дали лишь один экземпляр монеты этого царя.

[60] Al'baum 1990, 26.

[61] Эта информация была получена от руководителя реставрационной группы М.А. Реутовой в устной форме.

[62] Iwai 2020, 145

[63] Lo Muzio 2008, fig. 11.

[64] Staviski 1972, 96–97, рис. 22, 23.

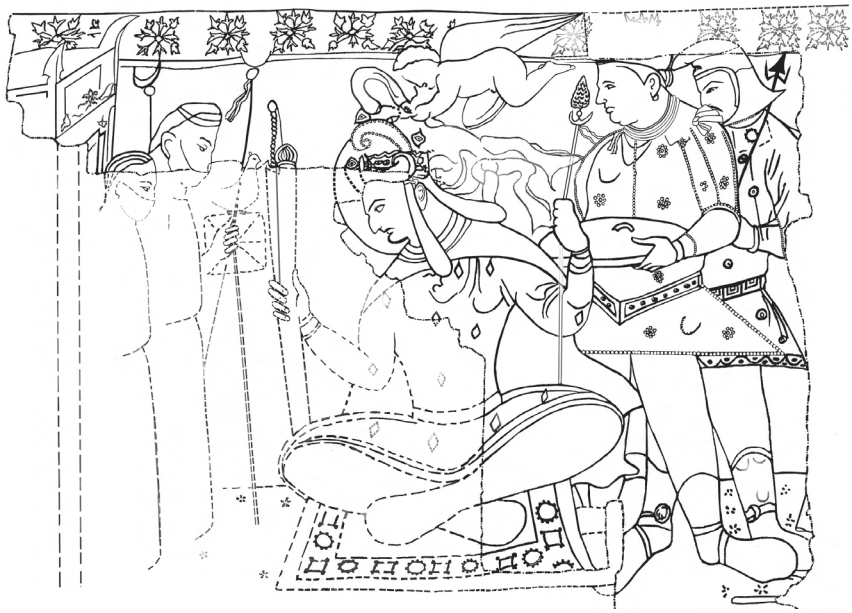


Рис. 8. Прорисовка живописной композиции на ткани с изображением царя Хувишки с приближенными (по: Badanova 2010, рис. 2)

назвать одной из характерных для кушанского искусства особенностей[65]. Помимо Каратепа, хотелось бы привести еще два примера шеренги фигур с перекрещенными ступнями и характерной обувью с бляшкой на внутренней стороне ступни. Первый – это рельефная композиция из Гандхары с изображением кушанского царя Хувишки со свитой в сцене подношения бодхисаттве[66]. Второй пример – живопись на ткани из частной коллекции, запечатлевшая многофигурную композицию с царем (Хувишка) в центре и группой его подданных, обутых в мягкую обувь с ремешками и бляшкой[67], стоящих в вышеописанной позе (рис. 8).

Версия о сасанидском влиянии на фаязтепинские росписи возникла на основе внешнего сходства закрученной драпировки изображенного сложного тюрбана с бараньим рогом. Поскольку в спорном элементе действительно можно усмотреть сходство с рогом, а на симметричном ему месте как раз имеется значительная утрата, увлеченному исследователю трудно не поддаться соблазну и не предположить здесь наличие парной детали. В процессе реставрации и реконструкции второй «рог» так гармонично был вписан в композицию, что уже мало кто помнит, что в оригинале на этом месте была утрата и неизвестно, была ли там парная деталь. Хотя нельзя исключать возможности, что и тюрбан мог иметь как одну, так и две закрученных из ткани спирали, визуально напоминающих рога, но это можно только предполагать.

---

[65] Rosenfield 1967.

[66] Из коллекции Туринского музея Востока (см. Bopearachchi 2005, 19–25, fig. 41; Marshak, Grenet 2006, fig. 7).

[67] Marshak, Grenet 2006, fig. 1–2; Badanova 2010, рис. 1.

Касаясь времени создания настенных росписей Фаязтепа, логичным было бы связать их с периодом наивысшего расцвета в жизни монастыря, который приходится именно на первые века н.э., между тем как III–IV вв. скорее всего отмечены упадком буддийского комплекса. Есть все основания полагать, что именно в кушанский период сосуществуют и процветают два монастыря – Фаязтепа и Каратепа, хотя в первом из них упадок мог начаться несколько раньше, чем во втором. Такая идея была выдвинута на основе изучения древнеиндийских надписей, полученных в результате раскопок этих памятников[68].

Не совсем ясной остается причина упадка монастыря Фаязтепа[69]. Вполне убедительно предположение Альбаума, что это было связано с нашествием сасанидских войск (хронологически эти события приходятся на вторую половину или конец III–IV вв. н.э.). Действительно, если период правления первых сасанидских царей еще не дает прямых свидетельств нетерпимого отношения к другим религиям, то религиозная политика шаханшахов конца III в. н.э. представляется уже не столь толерантной[70] и неоднократно изменяет свою направленность. Ярким примером тому может служить стремительная карьера и огромное влияние при дворе верховного жреца Картира[71]. Это первый и единственный случай в сасанидской истории, когда верховному жрецу было даровано право оставить памятную надпись наравне с царственными правителями Ирана. Речь идет о надписи Картира в Накш-и Рустаме[72]. Как свидетельствует этот памятник, верховный жрец (магупат) при Сасанидах – влиятельный и сильный Картир[73] – проводил более жесткую политику по отношению к чуждым религиям (в отличие, например, от политики кушанских царей)[74].

Не совсем ясным остается статус Старого Термеза и его округи в системе сасанидской империи – были ли они подчинены полностью власти шаханшахов или Кушаншахр номинально входил в сферу политического влияния?[75] Если

---

[68] Vertogradova 1987, 22–23.

[69] Мкртычев связывает запустение монастыря с иссякшим потоком дарений (Mkrtychev 2001, 56). Между тем последние раскопки, по свидетельству Аннаевых (Annaev Dzh., Annaev T. 2010, 64), показали наличие следов пожара, что может указывать на разрушительные действия, возможно, связанные с нашествием сасанидских войск.

[70] Chaumont 1973, 664–710; Boyce 1996, 11–28

[71] Grenet 1990, 87–94.

[72] Gignoux 1972, 177–205.

[73] Lukonin 1966, 65–81; Hinz 1971, 485–499.

[74] В надписи Картира в Накш-и Рустаме (9–10), в частности, говорится, что «Ахриман и девы натолкнулись на великий удар и мучения и вера Ахримана и девов изгнана из страны, и неверие (...) и иудеи, и буддийские жрецы, и брамины, и назареи, и христиане и мандеи и зиндики в стране были разбиты и (их) идолы разбиты, убежища девов разрушены, обители богов воздвигнуты» (пер. С.Ю. Касумовой: Kasumova 1993, 42).

[75] Военные кампании Ардешира I на восток (второй поход) сопровождались захватом ряда территорий, включая Балх, Мерв, Хорезм и др. Табари сообщает, что по возвращении из Мерва в Парс пришли к нему послы царя кушан, царя Турана и Макурана с выражением покорности (см. Lukonin 1987, 210 со ссылкой на Т. Нёльдеке (Nöldeke 1879, 17–18). Об отношениях сасанидского Ирана и Кушанского царства см. также Sami 1975, 146–150; Frye 1975, 151–152.

время упадка деятельности монастырей Фаязтепа и Каратепа теоретически мы можем привязать ко времени завоеваний первых сасанидских царей – начиная приблизительно с середины III в. н.э., то время создания росписей Фаязтепа приходится на II в. н.э. Следует отметить, что где-то к концу IV в. н.э. монастырь частично возвращается к жизни. В пользу этого свидетельствуют археологические данные (включая нумизматический материал – кушано-сасанидские монеты)[76], а также находки индийских надписей (брахми)[77].

Иконография фаязтепинских росписей более всего тяготеет к династийному искусству поры правления кушанских царей Канишки I и Хувишки и образам, близким к их кругу.

Несмотря на то что выбранный нами объект изучения не может отразить в полной мере всю самобытность жанра настенной живописи на территории Старого Термеза, можно с уверенностью говорить, что на территории Северного Тохаристана с его главными памятниками Фаязтепа и Каратепа сложилась собственная школа настенной живописи. Она черпала сюжетное разнообразие как из местной культурной среды, так из произведений гандхарской школы. Тем не менее, как показывает рассмотренный нами образ, необычная поза поклонения с наклоном головы, свойственная традиции эллинистического искусства, сосуществует с принципом фронтальности некоторых других композиций Фаязтепа (роспись на северной стене святилища).

Литература/References

Abdullaev, K. 1998: Buddhist terracotta plastic art in Northern Bactria. *Silk Road Art and Archaeology* 5, 161–178.

Abdullaev, K. 2000: [On the identification of the enthroned figures in Kushan coroplastic art (On the material of Payenkurgan fortress in Northern Bactria]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 18–30.
Абдуллаев, К. К атрибуции тронных изображений в кушанской коропластике (по материалам крепости Паенкурган в Северной Бактрии. *ВДИ* 2, 18–30.

Abdullaev, K. 2002: [Transformation of Greek images in terracotta of Kampyrtepa]. In: *Materialy Tokharistanskoy ekspeditsii* [*Materials of Tokharistan's Expedition*]. Issue 3. Tashkent, 27–36.
Абдуллаев, К. Трансформация греческих образов в терракоте Кампыртепа. В сб.: *Материалы Тохаристанской экспедиции*. Вып. 3. Ташкент, 27–36.

Abdullaev, K. 2003: Nana in Bactrian art. New data on Kushan religious iconography based on the material of Payonkurgan in Northern Bactraia. *Silk Road Art and Archaeology* 9, 15–38.

Abdullaev, K. 2011: [Parthian motives in wall painting of Naksheb and its neighborhood] In: C. Lippolis, St. de Martino (a cura di), *Un impaziente desiderio di scorrere il mondo. Studi in onore di Antonio Invernizzi per il suo settantesimo compleanno*. (Monografie di Mesopotamia, XIV). Firenze, 309–321.
Абдуллаев, К. Парфянские мотивы в настенной росписи Нахшеба (Еркурган и его округа). In: C. Lippolis, St. de Martino (a cura di), *Un impaziente desiderio di scorrere il mondo. Studi in onore di Antonio Invernizzi per il suo settantesimo compleanno*. (Monografie di Mesopotamia, XIV). Firenze, 309–321.

Abdullaev, K. 2015: *Buddhist Iconography of Northern Bactria*. Manohar–New Delhi.

[76] Annaev Dzh., Annaev T. 2010, 64.

[77] Находка фрагмента с письмом брахми на Фаязтепа может быть, по словам Вертоградовой, случайной, «либо что на Фаяз-тепе был очень небольшой поздний период вторичного обживания помещений» (Vertogradova 1987, 28).

Abdullaev, K. 2017a: The royal portrait in Hellenistic Bactria. In: D. Boschung, F. Queyrel (Hrsg.), *Bilder der Macht. Das griechische Porträt und seine Verwendung in der antiken Welt*. Paderborn, 213–253.

Abdullaev, K. 2017b: The image of Alexander the Great in small forms of arts in Bactria (and identification of the depiction of a warrior on the gold clasp from Tillya Tepe). *Ancient West and East* 16, 155–175.

Abdullaev, K., Badanova, E. 1998: Bactrian dress in the Achaemenian period. *Mesopotamia. Rivista di Archeologia, Epigrafia e Storia Orientale Antica* 33, 189–219.

Abdullaev, K., Rtveladze, E.V., Shishkina, G.V. 1991: *Kultura i iskusstvo drevnego Uzbekistana. Katalog vystavki* [*Culture and Art of Ancient Uzbekistan. Exhibition Catalogue*]. Vol. I–II. Moscow.
Абдуллаев, К., Ртвеладзе, Э.В., Шишкина, Г.В. *Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки*. Т. I–II. М.

Al'baum, L.I. 1974: [Excavation of Fayaz-tepe complex (On the base of materials of 1968–1972 years)]. In: V.M. Masson (ed.), *Drevnyaya Baktriya. Predvaritel'nye soobshcheniya ob arkheologicheskikh rabotakh na yuge Uzbekistana* [*Ancient Bactria. Preliminary Reports on Archaeological Investigations in South Uzbekistan*]. Leningrad, 53–58.
Альбаум, Л.И. Раскопки Буддийского комплекса Фаяз-тепе (По материалам 1968–1972 гг.). В кн.: В.М. Массон (отв. ред.), *Древняя Бактрия. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана*. Л., 53–58.

Al'baum, L.I. 1975: *Zhivopis Afrasiaba*. Tashkent.
Альбаум, Л.И. *Живопись Афрасиаба*. Ташкент.

Al'baum, L.I. 1976: [Investigation of Fayaz-tepe in 1973]. In: V.M. Masson (ed.), *Baktriyskie drevnosti* [*Bactrian Antiquities*]. Leningrad, 43–45.
Альбаум, Л.И. Исследование Фаяз-тепе в 1973 г. В сб.: В.М. Массон (ред.), *Бактрийские древности*. Л., 43–45.

Al'baum, L.I. 1982: [About interpretation of Kara-tepe compexes (in the light of excavations of Fayaz-tepe]. In: B. Ya. Staviski (ed.), *Buddiyskie pamyatniki Kara-Tepe v Starom Termeze. Osnovnye itogi rabot 1974–1977 gg.* [*Buddhist Sites of Kara-Tepe in Old Termez. The Main Results of 1974–1977 Works*]. Moscow, 56–63.
Альбаум, Л.И. О толковании каратепинских комплексов (в свете раскопок Фаяз-тепе). В кн.: В.Я. Ставиский (ред.), *Буддийские памятники Кара-Тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1974–1977 гг.* М., 56–63.

Al'baum, L.I. 1986: [Fayaztepa]. In: *Gorodskaya sreda i kultura Baktrii-Tokharistana i Sogda (IV–VIII). Trudy sovetsko-frantsuzskogo kollokviuma 25–30 avgusta 1986 goda* [*Urban Environment and Culture of Bactria-Tokharistan and Sogdia (IV–VIII). Proceedings of Soviet-French Colloquium, 25–30 August 1986*]. Tashkent, 14–15.
Альбаум, Л.И. Фаязтепа. В сб.: *Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда (IV–VIII), Труды советско-французского коллоквиума 25–30 августа 1986 года*. Ташкент, 14–15.

Al'baum, L.I. 1990: [Paintings of Fayaztepa shrine]. In: G.A. Pugachenkova (ed.), *Kultura Srednego Vostoka. Izobrazitelnoe prikladnoe iskusstvo* [*Culture of the Middle East. Applied Art*]. Tashkent, 18–27
Альбаум, Л.И. Живопись святилища Фаязтепа. В кн.: Г.А. Пугаченкова (ред.), *Культура Среднего Востока. Изобразительное прикладное искусство*. Ташкент, 18–27.

Al'baum, L.I. 1992: [Buddhist Vihara of Fayaztepe]. In: *Srednyaya Azia i mirovaya tsivilizatsiya* [*Central Asia and the World Civilisation*]. Tashkent, 11–13.
Альбаум, Л.И. Буддийская Вихара – Фаязтепе. В сб.: *Средняя Азия и мировая цивилизация*. Ташкент, 11–13.

Annaev, Dzh., Annaev, T. 2010: [Architectural and planning structure and dating of the Fayaztepa Buddhist monastery]. In: K. Abdullaev (ed.), *Traditsii Vostoka i Zapada v antichnoy kulture Sredney Azii. Sbornik statey v chest' Polya Bernara* [*The Traditions of East and West in the Antique Culture of Central Asia. Papers in Honor of Paul Bernard*]. Tashkent, 53–66.
Аннаев, Дж., Аннаев, Т. Архитектурно-планировочная структура и датировка буддийского монастыря Фаязтепа. В сб.: К. Абдуллаев (ред.), *Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Сборник статей в честь Поля Бернара*. Ташкент, 53–66.

Annaev, Dzh., Annaev, T., Gorin, A. 2010: [Finds of coins from Fayaztepa]. In: K. Abdullaev (ed.), *Traditsii Vostoka i Zapada v antichnoy kulture Sredney Azii* [*The Traditions of East and West in the Antique Culture of Central Asia. Papers in Honor of Paul Bernard*]. Tashkent, 67–72.

Аннаев Дж., Аннаев Т., Горин А., Монетные находки из Фаязтепа. В сб.: К. Абдуллаев (ред.), *Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Сборник статей в честь Поля Бернара*. Ташкент, 67–72.

Badanova, E.I. 2010: The unique monument of painting of Kushan period. In: K. Abdullaev (ed.), *The Traditions of East and West in the Antique Culture of Central Asia. Papers in Honor of Paul Bernard*. Tashkent, 84–102.

Bernard, P. 1973: *Fouilles d'Aï Khanoum*. Vol. 1. (Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan, 21). Paris.

Betts, A.V.G., Bonnat, M., Kidd, F., Grenet, F., Khashimov, S., Khodzhanijazov, Gh., Minardi, M. 2015: Des divinités avestiques sur les peintures murals d'Akchakhan-Kala, Ouzbekistan. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres* 159/3, 1369–1396.

Bopearachchi, O. 2005: Recent archaeological discoveries from Afghanistan and Pakistan. *Bulletin of Miho Museum* 5, 19–25.

Boyce, M. 1996: On the orthodoxy of Sasanian Zoroastrianism. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 59, 11–28.

Chaumont, M.L. 1973: Conquêtes sassanides et propagande mazdéenne. *Historia* 22, 664–710.

Compareti, M. 2011: A short note on a so-called Iskandar Dhu'l-Qarnayn in a Bactrian painting. In: *Parthica. Incontri di culture nel mondo antico*. Vol. 12. Pisa-Roma, 95–106.

Dalton, O.M. 1964: *The Treasure of the Oxus*. 3rd ed. London.

Gignoux, F. 1972: L'inscription de Kirdīr à Naqš-i Rustam. *Studia Iranica* 1, 177–205.

Grenet, F. 1990: Observations sur les titres de Kirdīr. *Studia Iranica* 19, 87–94.

Hinz, W. 1971: Mani and Kardēr. In: *Atti del convegno internazionale sul tema la Persia nel medioevo (Roma, 31 marzo – 5 aprile 1970)*. Roma, 485–499.

Facenna, D. 1974: Excavations of the Italian Archaeological Mission (IsMEO) in Pakistan: Some problems of Gandharan art and architecture. In: B.G. Gafurov (ed.), *Central Asia in the Kushan Period*. Vol. I. Moscow, 126–176.

Falk, H. 2001: The yuga of Sphujiddhaja and the era of the Kuṣāṇas. *Silk Road Art and Archaeology* 7, 121–136.

Frye, R.N. 1975: Sassanian inscriptions and Kushan history. In: B.G. Gafurov (ed.), *Central Asia in Kushan Period*. Vol. II. Moscow, 151–152.

Iwai, Sh. 2020: Buddhist temples in Tukhāristān and their relationships with Gandhāran traditions. In: W. Rienjang, P. Stewart (eds.), *The Global Connection of Gandhāran Art*. Oxford, 135–155.

Kageyama, E. 2021: Wall paintings from the Fayaztepa Buddhist site. In: E. Kageyama, M.A. Reutova, K. Abdullaev, K. (eds.), *Conservation and Research of Early Buddhist Wall Paintings from the Fayaztepa Site, Southern Uzbekistan*. Nagoya, 5–43.

Kageyama, E., Amridin, B., Abdullaev, K. 2017: For publishing the murals from Fayaz Tepa, South Uzbekistan. *Bulletin of National Research Institute for Cultural Properties.* Nara, 12–13.

Kageyama, E., Amridin, B., Abdullaev, K. 2018: For publishing the murals from Fayaz Tepa, South Uzbekistan. *Bulletin of National Research Institute for Cultural Properties.* Nara, 16–17.

Kageyama, E., Amridin, B., Abdullaev, K. 2019: For publishing the murals from Fayaz Tepa, South Uzbekistan. *Bulletin of National Research Institute for Cultural Properties.* Nara, 10–11.

Kageyama, E., Reutova, M.A. 2017: Mural paintings from the Buddhist site Fayaz Tepa in South Uzbekistan. In: *Proceedings of the Meeting for the Study of Silk Road in 2017.* Tokyo, 5–10.

Kasumova, S. Yu. 1993: *Azerbaydzhan v III–IV vv.: etno-kul'turnaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya* [*Azerbaydzhan in 3rd–4th Cent.: Ethno-Cultural and Social-Economic History*]. Baku.

Касумова, С.Ю. *Азербайджан в III–IV вв.: этно-культурная и социально-экономическая история*. Баку.

Kawasaki, K. 1999: [To the interpretation of thematic painting on Fayaztepa]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane* [*Social Sciences in Uzbekistan*] 3–4, 55–58.

Кавасаки, К. К интерпретации тематической росписи на Фаязтепа. *Общественные науки в Узбекистане* 3–4, 55–58.

Koshelenko, G.A. (ed.) 1985: *Drevneyshie gosudarstva Kavkaza i Sredney Azii* [*The Ancient States of Caucasus and Central Asia*]. Moscow.

Кошеленко, Г.А. (отв. ред.), *Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии*. Москва.

Koshelenko, G.A., Gaibov, V.A. 2011: [Mansur-depe in Parthiaene: Character and purpose of the monument]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 146–155.

Кошеленко, Г.А., Гаибов, В.А. Мансур-Депе в Парфиене: характер и назначение памятника. *ВДИ* 4, 146–155.

Koshelenko, G.A., Lelekov L.A. 1970: [Monumental painting of Mansur-depe]. *Soobschcheniya Vsesoyuznoy Tsentranoy Naucho-issledovatelskoy Laboratorii po konservatsii i restavratsii* [*Reports of All-Union Central Scientific Research Laboratory for Conservation and Restoration*] 26, 141.
Кошеленко, Г.А., Лелеков, Л.А. Монументальная живопись Мансур-депе. *Сообщения ВЦНИЛКР* 26, 141.

Kruglikova, I.T. 1986: *Dilberdzhin. Khram Dioskurov* [*Dilberdjin. The Temple of Dioscuri*]. Moscow.
Кругликова, И.Т. *Дильберджин. Храм Диоскуров*. Москва.

Litvinski, B.A. 2010: *Khram Oksa v Baktrii (Yuzhny Tadjikistan)*. T. 3. *Iskusstvo. Khudozhestvennoe remeslo. Muzykalnye instrumen*t [The Temple of Oxus in Bactria (Southern Tadjikistan). Vol. 3. Art, Artistic Crafts. Musical Instruments]. M.
Литвинский, Б.А. *Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан)*. Т. 3. *Искусство. Художественное ремесло. Музыкальные инструменты*. М.

Lo Muzio, C. 2008: Remarks on the paintings from the Buddhist monastery of Fayaz Tepe (Southern Uzbekistan). *Bulletin of the Asia Institute* 22, 189–206.

Lo Muzio, C. 2014: The legacy of Gandhāra in Central Asian painting. In: J.A.B. Hegewald (ed.), *In the Shadow of the Golden Age, Art and Identity in Asia from Gandhara to the Modern Age*. Berlin, 115–138.

Litvinski, B.A., Zeymal, T.I. 1971: *Adzhina-Tepa: Arkhitektura. Zhivopis. Skulptura* [*Adjina-Tepa. Architecture. Painting. Sculpture*]. Moscow.
Литвинский, Б.А., Зеймаль, Т.И. *Аджина-Тепа: Архитектура. Живопись. Скульптура*. М.

Lukonin, V.G. 1966: [Kartir and Mani]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 65–81.
Луконин, В.Г. Картир и Мани. *ВДИ* 3, 65–81.

Lukonin, V.G. 1987: *Drevniy i rannesrednevekovy Iran. Ocherki istorii kulitury* [*Ancient and Early Medieval Iran. Essays on History and Culture*]. Moscow.
Луконин, В.Г. *Древний и раннесредневековый Иран. Очерки истории культуры*. М.

Mandelshtam, A.M. 1966: *Kochevniki na puti v Indiyu* [*Nomads on the Way to India*]. Moscow.
Мандельштам, А.М. *Кочевники на пути в Индию*. (МИА, 136). М.

Marshak, B., Grene, F. 2006: Une peinture Kouchane sur toile. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres* 150/2, 947–963.

Marshall, J. 1951: *Taxila. An Illustrated Excavations*. 3 vols. Cambridge.

Marshall, J., Foucher, A. 1902: *The Monuments of Sāñchī*. Vol. 2. London.

Mkrtychev, T.K. 2001: [Buddhism in Termez]. In: E.V. Rtzeladze (ed.), *Termez – drevniy i novy gorod na perekrestke velikikh dorog* [*Termez – Ancient and Modern City on the Crossroads of the Great Roads*]. Tashkent, 56.
Мкртычев, Т.К. Буддизм в Термезе. В сб.: Э.В. Ртвеладзе (ред.), *Термез – древний и новый город на перекрестке великих дорог*. Ташкент, 56.

Nöldeke, Th. 1879: *Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden. Aus der arabischen Chronik des Tabari übers und mit ausfühlichen Erläuterungen und Ergänzunen versehn*. Leiden.

Pidaev, Sh.R. 2006: [Investigation of the Fayaztepa Stupa]. In: *Konservatsiya i restavratsiya ruin Fayaztepa* [*Conservation and Restoration of the Ruins of Fayaztepa*]. Tashkent, 40–41.
Пидаев, Ш.Р. Исследование ступы Фаязтепа. В сб.: *Консервация и реставрация руин Фаязтепа*. Ташкент, 40–41.

Pidaev, Sh. 2019: *Uzbekisutan no bukkyō bunka isan. Rokuichi Shobō* [*Buddhist Cultural Heritage in Uzbekistan*]. Nara.

Pidaev, Sh., Annaev, T., Fussman, G. 2011: *Monuments Bouddiques de Termez. Catalogue des inscriptions sur poteries.* Paris.

Rosenfield, M.J. 1967: *The Dynastic Arts of the Kushans*. Berkeley.

Rtveladze, E.V. 2002: *Aleksandr Makedonskiy v Baktrii i Sogdiane* [*Alexander the Macedonian in Bactria and Sogdiana*]. Tashkent.
Ртвеладзе, Э.В. *Александр Македонский в Бактрии и Согдиане*. Ташкент.

Sami, A. 1975: Kushan in the days of the Sassanian empire according to the Pahlavi inscription of Naksh-I Ristam. In: B.G. Gafurov (ed.), *Central Asia in Kushan Period*. Vol. II. Moscow, 146–150.

Suleymanov, R.H. 2000: *Drevniy Nakhsheb* [*Ancient Nahsheb*]. Tashkent.
Сулейманов, Р.Х. *Древний Нахшеб*. Ташкент.

Staviski, B. Ya. 1972: [Works on Kara-Tepe in 1970–1971]. In: *Buddiyskiy kultovy tsentr Kara-tepe v Starom Termeze* [*Buddhist Cult Center of Kara-Tepe in Old Termez*]. Moscow, 67–100.

Ставиский, Б.Я. Работы на Кара-Тепе в 1970–1971 гг. В сб.: *Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе*. М., 67–100.

Tanabe, K. 1999: Fragments of Buddhist donors from Fayaz-tepe, Uzbekistan (No. 156). In: K. Tanabe, K. Maeda (ed.), *New History of World Art, Oriental Art*. Vol. 15. Tokyo, 380–381.

Treasures of Ancient Bactria 2002: *Treasures of Ancient Bactria. Miho Museum Exhibition Catalogue*. Kyoto.

Turgunov, B.A. 1989: [Excavation of the second Buddhist temple on Dalverzintepe (preliminary report). In: G.A. Pugachenkova (ed.), *Antichnye i rennesrednevekovye drevnosti Yuzhnogo Uzbekistana v svete novykh otkrytiy Uzbekistanskoy iskusstvovedcheskoy ekspeditsii* [*Ancient and Early Medieval Antiquities of Southern Uzbekistan in the Light of New Discoveries of Uzbekistan Fine Arts Expedition*]. Tashkent, 81–95.

Тургунов, Б.А. Раскопки второго буддийского храма на Дальверзинтепе (предварительное сообщение). В сб.: Г.А. Пугаченкова (ред.), *Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. В свете новых открытий Узбекистанской искусствоведческой экспедиции*. Ташкент, 81–95.

Vertogradova, V.V. 1987: [Certain problems of investigation of Indian Epigraphic material from Kara-tepe]. *Informatsionnyy byulleten' MAIKTSA* [*Bulletin of the International Association for the Study of Culture of Central Asia*]. Issue 13. Moscow, 26–27

Вертоградова, В.В. Некоторые проблемы изучения индийского эпиграфического материала из Кара-тепе. *Информационный бюллетень МАИКЦА*. Вып. 13. М., 26–27.

Yarosh, V.N. 1996: [Study of the composition of binding materials for wall paintings and sculptures in Kara-Tepe]. In: B. Ya. Staviski (ed.), *Buddiyskie kompleksy Kara-tepe v Starom Termeze. Osnovnye itogi rabot 1978–1989* [*Buddhist Complexes of Kara-tepe in Old Termez. The Principal Results of the Works 1978–1989*]. Moscow, 282–286.

Ярош, В.Н. Изучение состава связующих материалов стенных росписей и скульптуры Кара-тепе. В сб.: Б.Я. Ставиский (ред.), *Буддийские комплексы Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1978–1989*. М., 282–286.

Yarosh, V.N., Meerov, L.A. 1996: [Investigation of inorganic materials of painting and sculpture of Kara-Tepe]. In: B. Ya. Staviski (ed.), *Buddiyskie kompleksy Kara-tepe v Starom Termeze. Osnovnye itogi rabot 1978–1989* [*Buddhist Complexes of Kara-tepe in Old Termez. The Basic Results of the Works 1978–1989*]. Moscow, 274–281.

Ярош, В.Н., Мееров, Л.А. Исследование неорганических материалов живописи и скульптуры Кара-тепе. В сб.: Б.Я. Ставиский (ред.), *Буддийские комплексы Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1978–1989*. М., 274–281.

Vestnik drevney istorii
82/1 (2022), 101–116
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/1 (2022), 101–116
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910013043-0

ГОРОДА ЮГО-ВОСТОКА РИМСКОЙ БРИТАНИИ: ИМПЕРИАЛИЗМ, ТРАДИЦИИ И ОСОБЕННОСТИ УРБАНИЗАЦИИ

А.Е. Барышников

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

E-mail: baryshnikov85@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2343-8537

Статья посвящена проблеме урбанизации юго-востока римской Британии. В центре внимания находятся крупные города региона: Лондиний, Камулодун, Веруламий, Каллева, Новиомаг, Вента бельгов и Дуроверн. Несмотря на значительные сходства в развитии каждый из рассматриваемых городских центров представляет собой особенный вариант римско-британского урбанизма, специфика которого определялась несколькими группами факторов. Ключевые факторы можно условно обозначить как *римский* (деятельность провинциальной администрации, активность выходцев с континента), *бриттский* (воля и возможность местных элит включаться в процесс урбанизации, стремление бриттов, живущих в городах, сохранить свои идентичности) и *географический* (расположение поселения, его связь с системами коммуникаций, с доримскими центрами). В каждом конкретном случае римско-британского урбанизма влияние этих факторов оказывалось разным, что предопределяло специфику развития и судьбу поселения.

Ключевые слова: Лондиний, Камулодун, Веруламий, Каллева, Новиомаг, Вента бельгов, Дуроверн, урбанизация, римско-британский урбанизм, римский империализм

Данные об авторе. Антон Ералыевич Барышников – кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры истории древнего мира и классических языков Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 20-18-00374.

ROMAN TOWNS OF SOUTH-EAST BRITAIN: ROMAN IMPERIALISM, BRITISH TRADITIONS, AND THE FEATURES OF PROVINCIAL URBANIZATION

Anton Ye. Baryshnikov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: baryshnikov85@gmail.com

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 20-18-00374

The paper considers the urbanization of South-East Roman Britain. It is focused on the so-called 'major' towns: Londinium, Camulodunum, Verulamium, Calleva, Noviomagus, Venta Belgarum and Durovernum. Despite some general features which one can detect in the urban development of the region, each town presents a special case in Romano-British urbanism, largely determined by a number of factors. Key factors can be labelled as 'Roman' (the activity of the provincial administration, the influence of migrants from the continent who settled down in towns), 'British' (the will and ability of local elites to participate in urbanization and urban life, the presence of local population retaining their identities and traditions in urban communities) and 'geographical' (the location of the settlement, its relation to the existing system of communication and trade, connections with the 'old', pre-Roman settlements and centres of religious activity). The pieces of the urban puzzle were laid out in different ways in every case in the south-east of Roman Britain, shaping the development and fate of each town.

Keywords: Londinium, Camulodunum, Verulamium, Calleva, Noviomagus, Venta Belgarum, Durovernum, urbanization, Romano-British urbanism, Roman imperialism

Римский период в истории Британии связан с целым рядом социокультурных, политических и экономических трансформаций. Сущность и характер этих перемен в последние десятилетия стали предметом жарких дискуссий, в которых ряд исследователей настаивал на отказе от привычных оценок и критическом переосмыслении феномена римского империализма. Главной жертвой теоретических сражений пала идея «романизации», такая родная и близкая большинству представителей римско-британской историографии двадцатого века. Еще недавно казавшаяся понятной и убедительной концепция получила ранения, едва совместимые с полноценной жизнью[1].

[1] Краткий обзор дискуссии, не ограничивающейся только римско-британским материалом, см. Baryshnikov 2012a, 2012b, а также 2020. Для понимания современного состояния проблемы и возможных перспектив развития см. новейшую статью Владимира Михайловича (Mihajlović 2019). Отметим, впрочем, что отказ от использования понятия «романизация» и связанных с ним теоретических подходов характерен прежде всего для британской и нидерландской исследовательских школ. Несмотря на то, что на современном этапе к дебатам активно подключились представители других национальных традиций изучения римских провинций и империализма, «антироманизационный» дискурс вряд ли можно признать универсальным для мирового антиковедения.

Впрочем, радикальный пересмотр устоявшихся представлений о процессе превращения острова (равно как и других регионов империи) в часть римского мира затронул не все тезисы, традиционные для рассказов о римской экспансии и ее последствиях. Среди уцелевших оказались сформулированные еще Ф. Хэверфилдом положения об инициированной Римом урбанизации Британии и особой роли городов в социокультурной трансформации региона[2]. Развитие провинциальных городских центров по-прежнему рассматривается в тесной связи с культурно-экономическими и политическим аспектами римского империализма, а сам феномен римско-британского урбанизма понимается как один из непосредственных результатов римской экспансии[3].

ОСТРОВ, ГОРОДА И ИМПЕРИЯ

Взгляды на сущность процесса урбанизации не оставались неизменными[4]. В течение долгого времени господствовало представление о ключевой роли военного фактора в появлении и эволюции городов. Так, Г. Уэбстер, Ш. Фриэр и Дж. Уочер связывали основание и дальнейшее развитие городов с перемещениями частей римской армии и их непосредственным участием в создании провинциальной инфраструктуры[5]. Согласно такой модели, ключевая роль в урбанизации отводилась Риму и его инициативе; города обычно появлялись на месте постоянных лагерей (как колония в Камулодуне), оставленных войсками, либо вырастали из прилегавших к укрепленным пунктам канаб (как в случае с Эбораком). Иная схема была предложена М. Миллеттом, который выдвинул тезис об активном участии бриттских элит в процессах социокультурной трансформации острова. Возникновение городов и распространение городского образа жизни, по его мнению, было во многом связано с желанием части бриттов встроиться в новую реальность, создаваемую империей[6]. Развивая идею о самостоятельной роли бриттских элит, стремившихся перенять элементы имперского образа жизни, Дж. Крайтон дополнил и усложнил построения Миллетта, связав появление ряда поселений юга и востока Британии с деятельностью конкретных правителей и династий, контролировавших данные территории накануне римского вторжения[7].

Подобное изменение интерпретаций вкупе с расширением источниковой базы ставят перед исследователями вопрос о сущности феномена урбанизма в римской Британии. Была ли урбанизация острова единообразным процессом, направляемым и управляемым Римом и/или местными элитами? Какие факторы определяли конкретные варианты развития римско-британских городов?

---

[2] Haverfield 1923, 14–15.

[3] Насколько можно судить, это верно не только для исследований римской Британии, подобные взгляды являются частью общепринятого понимания римского империализма и влияния Римской империи на покоренные территории: см., например, Revell 2009, 42–44; Morley 2012, 55–57; Burton 2019, 87–89.

[4] Краткий, но содержательный обзор см. Creighton 2006, 71–78.

[5] Webster 1966; Frere 1987, 230–231 (первое издание – 1967 г.); Wacher 1975.

[6] Millett 2005, 75, fig. 20 (со ссылкой на Millett 1984). Стоит подчеркнуть, что Миллетт не отрицал «военного» фактора в урбанизации провинции, но указывал на преемственность политической организации обществ доримского и римского времени.

[7] Creighton 2006.

Представляется важным рассмотреть эти вопросы на материале крупных городских центров юго-востока Британии, основание которых относится к первым десятилетиям существования провинции: Лондиний, колонии ветеранов в Камулодуне, Каллеве, Новиомаге, Венте бельгов, муниципии Веруламий, Дуроверне[8].

Выбор Юго-Востока не случаен. Данный регион, часто обозначаемый в литературе как core-region, включает территории, испытавшие на себе более длительное и глубокое влияние римского мира, чем любая иная часть Британии[9]. Именно Юго-Восток был главной целью походов Цезаря и Клавдия, и само географическое положение предопределило его центральное место в будущей провинции. Позже, с постепенным продвижением Рима на запад и север Британии регион стал центром мирной жизни, свободным от сколь-нибудь значимого военного присутствия. Таким образом, именно на юго-востоке Британии мы можем наиболее последовательно и полно проследить историю провинциальных городов от момента их зарождения, практически совпавшего с административной реорганизацией покоренных земель, до самого окончания периода римской власти, выявить факторы, влиявшие на их судьбы, выделить общее и особенное в их развитии.

СЛОВА И АРТЕФАКТЫ: СОСТОЯНИЕ ИСТОЧНИКОВ

Свидетельства античной традиции о городах римской Британии фрагментарны. Лишь три города Юго-Востока – Камулодун, Лондиний, Веруламий – упоминаются Тацитом, который, описывая их незавидную судьбу во время восстания Боудикки, кратко характеризует обстоятельства основания и развитие упоминаемых поселений (Tac. *Ann.* XIV. 32–33)[10]. Другие города региона упоминаются в «Географии» Птолемея и Итинерарии Антонина. Благодаря этим кратким сообщениям возможно установить официальный статус городских центров и соотнести их с конкретными племенами и административными единицами провинции[11].

Еще одну группу источников составляют надписи. В сравнении с другими провинциями империи их число невелико, хотя полевые исследования последних десятилетий (здесь стоит особенно отметить находки Блумберговых табличек в Лондоне) способствовали количественному и качественному обновлению корпуса данных[12]. Распределение эпиграфических свидетельств неравномерно и само по себе выглядит интересной иллюстрацией развития римско-британского

---

[8] Современные Лондон, Колчестер, Силчестер, Чичестер, Уинчестер, Сент-Олбанс и Кентербери соответственно.

[9] О понятии «core-region» применительно к юго-востоку Британии см. Cunliffe 2005, 123; ср. Hill 2007, 16–18.

[10] Различные взгляды на ценность и значение античной традиции для изучения проблема социокультурной трансформации римской Британии см. Mattingly 2006, 26–37; Hurst 2016.

[11] Mattingly 2006, 30–32. Стоит отметить, что традиция применения понятия «tribe» (племя) к этнокультурным общностям древней Британии сейчас подвергается вполне обоснованной критике. См. Moore 2011.

[12] Публикация Блумберговых табличек, обнаруженных во время охранных раскопок в Лондоне в 2010–2014 гг., осуществлена Р. Томлином (Tomlin 2016). Благодаря ей в распоряжении исследователей оказалось 80 новых эпиграфических памятников Лондиния.

урбанизма. Подавляющее большинство надписей (около 700) ожидаемо приходится на Лондиний, торговый и административный центр острова. В случае с остальными городами исследователи вынуждены довольствоваться значительно меньшим объемом данных: для Камулодуна известно 240 надписей, для Каллевы – 155, Веруламия – 113, Дуроверна – 93, Новиомага – 62, и лишь 17 эпиграфических памятников связано с Вентой бельгов[13]. Большинство сохранившихся текстов фрагментарны и кратки, но даже в таком состоянии они позволяют реконструировать ключевые фазы урбанизации региона и проанализировать отдельные аспекты городской жизни.

Наконец, важнейшее значение в общем массиве источников имеют результаты археологических исследований: артефакты и экофакты, остатки строений, отдельные погребения и некрополи, результаты геофизических наблюдений и аэрофотосъемки. Картина распределения этих свидетельств напоминает ситуацию с эпиграфическими источниками: благодаря регулярным археологическим проектам и охранным работам римский Лондон изучен едва ли не больше, чем любой другой город империи[14]. Исследователям также хорошо известны отдельные районы древних Каллевы (на месте которой, к счастью для археологов, не возникло позднейших поселений), Камулодуна и Веруламия; несколько хуже обстоит дело с римскими древностями Чичестера, Уинчестера и Кентербери. Корпус материальных источников, постоянно обновляемый и пополняемый благодаря археологическим изысканиям, позволяет увидеть аспекты городской жизни, незаметные по данным эпиграфики и античной традиции, и является главной движущей силой процесса переосмысления римско-британского урбанизма[15].

При общем взгляде на источники, имеющиеся в распоряжении исследователей римских городов юго-востока Британии, возникает соблазн посетовать на фрагментарность и недостаточную ясность важнейших текстуальных свидетельств, своеобразный характер и «немоту» вещественных памятников, общую неравномерность территориального распределения доступных нам данных. Подобные сожаления лишь отчасти справедливы. В сравнении с другими поселениями римской Британии (за исключением, пожалуй, Йорка/Эборака) городам Юго-Востока повезло: их жизнь нашла отражение в свидетельствах самого разного типа и происхождения, что, при комплексном подходе к изучению данных, помогает исследователям достаточно полно реконструировать региональный урбанизм.

ГОРОДА ИЗВЕСТНЫЕ И НЕИЗВЕСТНЫЕ

Историографическую ситуацию с городами юго-востока провинции можно охарактеризовать выражением «много, но мало». Часть рассматриваемых городов, прежде всего Лондиний, Камулодун, Веруламий и Каллева, неоднократно привлекала

---

[13] Подсчеты и распределение памятников см. Mattingly 2010, 58, tab. 1. Цифры, приведенные в тексте, учитывают, насколько это возможно, все опубликованные надписи вплоть до сентября 2020 г. (времени сдачи в печать ежегодного дайджеста надписей римской Британии, подготовленного Томлином: Tomlin 2020).

[14] Такое мнение приводится, в частности, в недавних работах Л. Уоллес и М. Миллетта (Wallace 2015, xiv; Millett 2016).

[15] Fulford 2015a; Hurst 2016, 112; Swift 2016, 84–86; Wilson 2016, 56–57.

внимание исследователей[16]. Меньше повезло Новиомагу, Дуроверну и Венте бельгов, которые довольно редко становились объектами специального изучения[17].

Хотя истории возникновения и развития отдельных центров региона достаточно хорошо изучены, до недавнего времени практически отсутствовали попытки изучить и теоретически осмыслить урбанизацию Юго-Востока и провинции в целом. В последние 15 лет положение дел начало меняться, благодаря появлению ряда монографий, в которых затрагивались различные аспекты урбанизации Британии и предпринимались попытки перейти к синтезу имеющихся данных. Уже упоминавшийся Дж. Крайтон помещает процесс урбанизации Юго-Востока (прежде всего на примере Новиомага, Камулодуна и Веруламия) в исторический контекст доримской Британии, связывая появление городов как с влиянием Рима, так и с разными политическим практиками местных элит[18]. М. Питтс и Д. Перринг, используя прежде всего юго-восточный материал, рассматривают первые века урбанизации с несколько иной стороны и помещают города в центр комплекса процессов производства и потребления. Именно изменения хозяйства позволяют исследователям дать свою интерпретацию сложного и неоднозначного места городских центров в социально-экономической и культурной трансформации региона[19]. Судьба римско-британского урбанизма в период поздней античности анализируется А. Роджерсом, который попытался оспорить общепринятый тезис о кризисе и упадке городов в IV в.[20] Ему же принадлежит монография, в которой рассмотрены связи провинциальных городских центров с водоемами и влияние последних как на городское пространство, так и на жизнь городского населения[21]. Схожие аспекты – взаимоотношения городов, природных водоемов и искусственных сооружений, без которых невозможно функционирование крупного поселения в империи – стали объектом исследования в книге Дж. Ингейта[22]. Работы Роджерса и Ингейта не сфокусированы исключительно на юго-восточных материалах, хотя они в силу состояния источниковой базы и объективного

---

[16] Ср., например, Wallace 2015; Hingley 2018; Niblett 2001; Crummy 1997; Fulford 2015b. Отметим, что вплоть до последнего времени единственной обобщающей книгой по римско-британскому урбанизму была монография Джона Уочера, первое издание которой увидело свет в 1970-х годах (Wacher 1975). Общий обзор историографии изучения городов юго-востока римской Британии см. Baryshnikov 2016b. В отечественной историографии тема до недавнего времени оставалась практически неизученной: помимо статьи М.С. Садовской о Камулодуне, опубликованной в начале 1990-х годов, можно назвать две диссертации, защищенные уже в XXI в. (см. Sadovskaya 1991; Tikhonova 2005; Baryshnikov 2016a).

[17] Впрочем, ситуация с этими городскими центрами, как кажется, меняется в лучшую сторону: ср. Weekes 2020; King 2020; Biddle 2020. Насколько нам известно (Weekes, личное сообщение), в ближайшее время начнется работа над большой коллективной монографией, посвященной римскому Кентербери. В ней планируется переосмыслить имеющиеся в современной историографии представления о типично римском городе.

[18] Creighton 2006, 123ff.

[19] Pitts, Perring 2006; Perring, Pitts 2013.

[20] Rogers 2011.

[21] Rogers 2013.

[22] Ingate 2019.

значения региона для развития провинции играют важную роль в их реконструкциях и интерпретациях[23].

Несмотря на заметные позитивные сдвиги в изучении городов юго-востока римской Британии и римско-британского урбанизма в целом, задачи обобщения, критического пересмотра существующих реконструкций и применяемых методологий, выявления региональной и провинциальной специфик происходивших трансформаций, создания новой истории городов Юго-Востока, в полной мере учитывающей множественные контексты (региональный, племенной, политический) урбанизации в римское время, остаются чрезвычайно актуальными.

ОТ ОСНОВАНИЯ К ГИБЕЛИ: ХРОНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ РИМСКОЙ БРИТАНИИ

Прежде всего, необходимо кратко охарактеризовать основные этапы исторического развития городов юго-востока римской Британии:[24]

а) с 43 по 50-е годы. Первое десятилетие римской власти, на которое приходится основание большинства городских центров (на данный момент нет ясности со временем и обстоятельствами возникновения Венты, хотя римское присутствие, относящееся к самому раннему периоду завоевания, зафиксировано). Облик первых городов обладал схожими чертами: регулярной планировкой улиц, комплексами форума и базилики, общественными зданиями;

б) 60-е годы. В этот период развитие городов, как и региона в целом, было нарушено восстанием Боудикки. Тацит упоминает о разорении восставшими трех городов провинции: колонии в Камулодуне, Лондиния и Веруламия (Tac. *Ann*. XIV. 32–33). В целом достоверное описание разрушений, приводимое Тацитом, в некоторых деталях все-таки расходится с археологическим материалом. Так, вполне вероятно, что Веруламий был покинут своими жителями до появления восставших и потому не был разрушен подобно Лондинию и Камулодуну[25]. С другой стороны, недавние исследования в Силчестере обнаружили следы пожаров, которые ученые склонны связывать с восстанием Боудикки[26]. Так или иначе, восстание серьезно повлияло на развитие юго-восточного урбанизма: за разрушением последовало десятилетие, характеризовавшееся снижением хозяйственной активности и общим упадком. Счастливым исключением здесь стал Лондиний: поселение на берегу Темзы восстанавливалось быстро, во многом

---

[23] Стоит также отметить, что именно Роджерс подготовил обзорную статью для недавней коллективной монографии о римской Британии: Rogers 2016.

[24] В общих чертах этой периодизации придерживается большинство исследователей: она логична, вполне соответствует данным источников и хорошо увязывается с общей хронологией провинции. С последним обстоятельством можно связать отсутствие в публикациях отдельных разделов, посвященных именно хронологии урбанизма. Термины, обозначающие тот или иной период в развитии городов («Claudian», «Flavian», «Antonine»), используются как всем понятные и не требующие отдельных пояснений. Это хорошо заметно, в частности, в обеих редакциях монографии Уочера (Wacher 1975, 1995).

[25] Подобное подозрение, как кажется, подтверждает одна из обнаруженных в Лондоне табличек (Tomlin 2016: WT45), в которой упоминается поставка продовольствия из Веруламия в Лондиний в 62 г. См. также: Hingley, Unwin 2006, 96; Hoffmann 2013, 101–102.

[26] Fulford, Timby 2000, 568–569; Hoffmann 2013, 102.

благодаря политике провинциальной администрации, решившей сделать его центром возрождающихся территорий (и в частности прокуратора Юлия Классициана, известного как по сообщениям Тацита, так и по надгробной надписи из Лондиния: Tac. *Ann*. XIV. 38. 4; *RIB* I. 12);

в) 70–90-е годы. Новый этап в развитии юго-восточного урбанизма примерно совпадает со временем правления династии Флавиев. С некоторой долей условности этот период можно назвать временем возрождения городов региона, наступившим во многом благодаря политике провинциальных властей (каноническое описание этой политики культурного империализма дано Тацитом в «Жизнеописании Агриколы» – Tac. *Agr.* 21). Города пережили перепланировку, общественные здания были отстроены заново (частично в дереве, частично в камне), произошло заметное оживление хозяйственной жизни. В этот период города, по-видимому, начинают играть бóльшую роль в провинциальной системе власти: Камулодун, сохранив свой статус колонии ветеранов, фактически утратил значение провинциальной столицы (которое теперь перешло к Лондинию), Веруламий и, возможно, Лондиний получили статус муниципия[27], Каллева, Новиомаг, Дуроверн и Вента стали центрами civitates, административных округов, во многом совпадавших с прежними племенными границами;

г) II–III вв. Это время стало периодом подлинного расцвета городов: они растут, постепенно перестраиваются, приобретая все больше черт типичного провинциального города Римской империи. Отдельные неурядицы, подобные пожарам в Лондинии и Веруламии, не оказывали сколь-нибудь серьезного влияния на развитие городов;

д) IV в. Последний этап характеризуется постепенным упадком и запустением городских поселений (так, Каллева уже в следующем столетии оказалась заброшена); причины этому, конечно, следует искать не в жизни самих городов, а в связи с судьбой провинции и империи, переживавших глубокий кризис[28].

Сходства и общие линии в развитии урбанизма на юго-востоке Британии не должны заслонять собой различия, определявшиеся – с самого основания и до конца римского времени – целым рядом факторов. Определить эти факторы можно, если обратиться к анализу отдельных аспектов урбанизации Юго-Востока. Важнейшими для понимания общего и особенного в судьбе городов римской Британии, на наш взгляд, являются вопросы об обстоятельствах и политическом контексте основания поселений и этнокультурном составе населения.

---

[27] Вопрос о формальном статусе Лондиния остается до конца неясным. Многие исследователи допускают, что город мог стать муниципием после 80 г. (см., например, Millett 2016). Томлин, опираясь на эпиграфические свидетельства, полагает, что в начале II в. Лондиний мог стать колонией (Tomlin 2006).

[28] Попытка переосмыслить (и оспорить) существующие представления об упадке городов римской Британии предпринята Роджерсом в уже упоминавшейся монографии (Rogers 2011). Его мысль о необходимости более детальной реконструкции позднейших периодов существования городских центров провинции кажется вполне разумной, чего не скажешь о попытке заменить концепцию «кризиса» идеей «перемен». Критику подхода Роджерса см. Fulford 2013.

ДОБРОВОЛЬНО-ПРИНУДИТЕЛЬНО? ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ УРБАНИЗАЦИИ ЮГО-ВОСТОКА РИМСКОЙ БРИТАНИИ

Благодаря данным античной традиции и археологическим изысканиям современные исследователи могут – с относительной точностью – реконструировать обстоятельства основания большинства городов Юго-Востока (как уже упоминалось, исключение составляет Вента бельгов). На ранних этапах урбанизации только появлявшиеся поселения оказывались связаны с доримскими территориальными oppida – дисперсными поселениями с нерегулярной планировкой и хаотической застройкой[29]. Характер и сущность этих связей были различны. Колония ветеранов в Камулодуне была основана на месте легионного лагеря, который, в свою очередь, был устроен в центре оппидума тринованто в. Она не заменила бриттское поселение, но сосуществовала с ним; в другой части оппидума, в районе Шипен, жизнь обитателей не претерпела серьезных изменений; сакральный комплекс в Госбекс, возникший еще в доримское время, сохранил свое значение религиозного центра. Улицы и общий план римского Веруламия были ориентированы на район Фолли лэйн, где находилось богатое погребение позднего доримского (или раннего римского) времени. Интересный пример римско-британского урбанизма представляет Каллева, где местные элиты, по-видимому, стремились хотя бы отчасти копировать римские стандарты городского устройства. Здесь попытки создать поселение с регулярной планировкой предпринимались за несколько десятилетий до римского завоевания, в начале I в. Римский город стал прямым преемником доримской Каллевы: новая планировка, новые здания и улицы постепенно сменяли структурные элементы бриттского поселения. Похожим образом – но без попыток создать регулярную планировку до прихода Рима – развивались Новиомаг и Дуроверн. Единственным городом, не связанным с доримским временем, был Лондиний, основанный на слабо освоенной, пограничной территории, разделявшей земли различных племен. Местность на берегу Темзы, свободная от сколь-нибудь значимых бриттских поселений, своим удобным расположением привлекла римскую администрацию и торговцев с континента. Возникнув как стратегически важный военный пункт и торговое поселение, Лондиний с самого начала своей истории был в большей степени римским, чем бриттским городом[30].

Кто выступал в качестве главной движущей силы урбанизационных процессов? Самый очевидный ответ – римляне. Но он верен лишь отчасти. Действительно, появление Лондиния и колонии в Камулодуне было непосредственным

---

[29] В последнее десятилетия исследователи все чаще предпринимают попытки либо наполнить понятие «территориальные oppida» смыслом, более адекватно отражающим его сущность, либо отказаться от его использования. См. Pitts 2010; Moore 2017; Garland 2020.

[30] В данном случае мы не касаемся продолжающейся в науке дискуссии о том, какие факторы были основными при основании Лондиния: торговые или военные (основные точки зрения см. Creighton 2006, 93–95; Perring 2011; Wallace 2013; Millett 2016. См. также короткую реплику Р. Хингли: Hingley 2018, 25–27). Для нас важнее, что город появился благодаря деятельности Рима и выходцев с континента, а не в силу активности местного населения.

результатом действий провинциальной администрации. Поселение ветеранов было создано в 49 г. Осторием Скапулой, наместником провинции (Tac. *Ann.* XII. 32), в то время как Лондиний, приходивший в себя после восстания Боудикки, заслужил особое внимание Юлия Классициана, прокуратора провинции, ответственного за восстановление территорий, пострадавших от восстания и его подавления. Вероятно, во многом благодаря его деятельности изменились роли городов в системе властных и хозяйственных отношений: Камулодун утратил значение провинциальной столицы, уступив первенство Лондинию. Оба случая, и Камулодун и Лондиний, показывают, что римская администрация в принятии решений об основании поселений отталкивалась от политического и территориального контекста. Колония была основана на территории, подконтрольной наиболее могущественным (и потенциально враждебным) племенам бриттов, чтобы служить символом новой, имперской власти и обеспечивать контроль покоренных территорий[31]. Ставка на Лондиний могла быть обусловлена как его удобным расположением, так и политическим расчетом: на землях, свободных от традиционной власти какого-либо бриттского сообщества, можно было не опасаться потенциальных выступлений против империи.

Впрочем, появление большинства городов не было просто результатом действий «цивилизованных» римлян; значительную (а в некоторых случаях и определяющую) роль в урбанизации сыграли местные элиты. Так, представитель знати, погребенный в Фолли лэйн (это погребение будет играть важную роль в религиозной жизни муниципия Веруламий), мог быть лидером проримски настроенных катувеллаунов и оказаться причастным к основанию поселения; подобное предположение объясняет, почему его погребение, остававшееся на протяжении столетий важнейшим культовым центром, было так важно для жизни муниципия[32]. С большей уверенностью мы можем говорить о роли Тиберия Клавдия Тогидубна, лояльного Риму царя, имя которого встречается в тексте «Агриколы» и надписи из Чичестера (Tac. *Agr.* 14; *RIB* I. 91)[33]. Он управлял племенами регнов, атребатов и бельгов и, судя по данным археологии, был непосредственно причастен к возникновению римских Каллевы, Новиомага и Венты. Черепичные клейма с именем Нерона, обнаруженные при раскопках в Каллеве, указывают, что Тогидубн не только вкладывал в процесс переустройства региона собственные средства и силы, но сумел заручиться поддержкой императора (*RIB* II. 2482.2–5)[34]. Такое объединение усилий местной элиты и римской администрации приводило к смешению в облике провинциальных городов римских (регулярная планировка улиц, комплексы общественных зданий, строившихся по континентальным образцам) и бриттских (круглые дома,

---

[31] Согласно античной традиции, территории вокруг Камулодуна были заселены племенем триновантов, которые то ли находились в союзе, то ли были подчинены племенем катувеллаунов. К сожалению, на данный момент археологически определить, чем тринованты отличались от катувеллаунов невозможно. См. Pitts, Perring 2006, 193.

[32] Niblett 1999; Creighton 2001, 403. Несколько иную интерпретацию предлагает Мартин Питтс, доказывающий, что погребение следует связывать не с местной аристократией, а с римскими вспомогательными войсками. См. Pitts 2014.

[33] О Тогидубне, его судьбе и карьере см. Baryshnikov 2015.

[34] Fulford 2008, 5–6.

традиция сооружения которых восходила к железному веку) элементов. Подобный синтез римского и бриттского начал в облике и развитии городов сохранился и после смерти Тогидубна, когда его владения были включены в состав провинции в форме трех территориально-административных округов.

Итак, политический контекст урбанизации оказывается не таким простым, как может показаться по знаменитому пассажу из «Агриколы». Возникновение и развитие римско-британского урбанизма определялось не только действиями провинциальной администрации, но также желаниями и возможностями местной знати участвовать в происходивших переменах.

«БРИТТЫ» И «РИМЛЯНЕ»: В ПОИСКАХ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Социальные аспекты римско-британского урбанизма, пожалуй, можно отнести к числу наименее изученных в историографии провинции. Население городских центров, проблемы структуры и этнокультурной идентичности редко становилась предметом специального внимания исследователей. Исключение, пожалуй, составляют разделы в монографиях Э. Берли и Д. Мэттингли, написанные в разное время и на основе разных методологий: в первом случае целью является анализ различных социальных групп, во втором – реконструкция различающихся идентичностей[35]. В подавляющем же большинстве публикаций на первом плане находятся городское пространство и архитектура, хозяйство и технологии. С некоторой долей художественного преувеличения можно сказать, что города в исследованиях – это стены, дороги и здания, но не люди, которые в них трудились, жили и умирали.

Причины такой ситуации следует искать в особенностях источниковой базы. Самые говорящие источники по данной проблематике – надписи – оказываются редким блюдом на столе исследователя. Сохранилось лишь несколько эпиграфических свидетельств, на основе которых можно делать выводы о культурной и этнической принадлежности обитателей городов; стоит отметить, что эти свидетельства касаются лишь небольшой части городского населения. И тем не менее даже не слишком массовая выборка недвусмысленно указывает на мультикультурный и полиэтничный характер крупных городов Юго-Востока. В текстах надписей встречаются выходцы из Италии и Африки (как Марк Фавоний Фацилис и его раб Гимилькон – *RIB* I. 200), из Галлии (подобно неоднократно упоминавшемуся уже Юлию Классициану и его супруге Юлии Пакате), германских земель, из Фракии (как Лонгин Сдапез – *RIB* I. 201), неназванные члены collegia peregrinorum в Каллеве (*RIB* I. 69–71)[36]. Кроме того, корпус эпиграфики (и прежде всего малые бытовые надписи) содержит типичные имена, которые встречаются в западных провинциях империи (например, Юлий Беллатор – *RIB* II, 2419.116), а также, несколько реже, кельтские имена, которые могли принадлежать как бриттам, так и выходцам из Галлии (имя некоего/некой Senu- из Веруламия может служить одним из примеров: *RIB* II. 2501.500). Весьма вероятно, что Таммонии, богатая и влиятельная семья, известная по двум надписям

---

[35] Birley 1980, 115–136; Mattingly 2006, 292–324. Некоторые свои наблюдения Мэттингли развивает с опорой на эпиграфический материал в более поздней публикации: Mattingly 2010.

[36] Frere, Fulford 2002.

из Каллевы, представляет собой пример местной знати, успешно инкорпорировавшейся в провинциальные социальные и властные структуры (*RIB* I. 67, 87)[37]. Однако если оставить в стороне пример Таммониев и ряд потенциально бриттских имен, встречающихся в малых надписях, придется признать, что эпиграфические данные не фиксируют значительного присутствия местного элемента среди городского населения. На наш взгляд, подобное обстоятельство не означает, что бриттов в городах было мало; вполне вероятно, что местное население либо не испытывало потребности, либо не имело возможности оставить свой след в городской эпиграфике.

Вещественные источники также помогают исследователям реконструировать идентичности через анализ повседневных практик, хозяйственной, религиозной и культовой жизни. Учитывая данные эпиграфики, не вызывает удивления, что большинство артефактов представляют собой своеобразный «культурный импорт», который позволял городским сообществам вести римский образ жизни и формировать материальное выражение римской идентичности в провинции Britannia. Археологические свидетельства наглядно демонстрируют процессы распространения средиземноморских обычаев, галльских традиций, латинского языка, классического искусства и общеимперских верований. Впрочем, устойчивость некоторых местных традиций (подобных продолжающемуся с доримского времени производству сосудов с отверстиями в Каллеве или непрекращающейся традиции курганных погребений в Дуроверне[38]) указывает на то, что сообщества городов-центров civitas и Веруламия включали не только мигрантов с континента, но и значительное число бриттов, которые часто предпочитали «держаться корней». Более того, подобная ситуация могла иметь место даже в случае с Камулодуном: на сосуществование бриттов и римлян внутри городского сообщества могут указывать как один из пассажей «Анналов» (Tac. *Ann*. XIV. 32.4), так и археологические свидетельства о ритуальной активности в районе Госбекс, не прерванной римским завоеванием[39].

В целом, имеющиеся источники позволяют увидеть, с одной стороны, мультикультурный характер городских сообществ, с другой – присутствие среди городского населения значительного (и «молчаливого») числа бриттов. Лондиний вновь оказывается исключением из правил: на берегах Темзы находился по-настоящему имперский город, полный мигрантов, иноземных торговцев, должностных лиц из Рима и выходцев из других провинций.

Стоит подчеркнуть, что проблемы, связанные с идентичностями и особенностями социальной структуры городских сообществ, остаются недостаточно изученными, несмотря на наметившиеся в последнее время позитивные сдвиги[40]. Представляется, что вопрос о том, кем были жители юго-востока провинции,

---

[37] Birley 1980, 16.

[38] Fulford, Timby 2001; Wallace, Mullen 2019, 100.

[39] Hawkes, Crummy 1995, 95–105; Forcey 1998, 92–93; Creighton 2006, 61–63, 130–135.

[40] Определенный оптимизм внушает развитие методологии исследования (в частности, остеоархеологии), которое должно уточнить существующие представления. Во всяком случае исследования позднеримского некрополя в Лэнкхиллс (Вента бельгов) и отдельных скелетов из Лондиния внушают определенный оптимизм. См. Booth *et al.* 2012; Redfern *et al.* 2017. Насколько нам известно, подобное исследование начато и на основе материалов из Дуроверна.

должен иметь первоочередное значение в дальнейших исследованиях провинциального урбанизма.

Несмотря на то, что развитие городов юго-востока римской Британии обладает рядом сходных черт, следует помнить, что в нашем распоряжении нет типичного города, который мог бы служить образцом римско-британского урбанизма. В действительности региональный урбанизм представляется внутренне сложным явлением, а возникновение и судьба каждого из названных городских центров определялись целым рядом факторов. Эти факторы можно объединить в три основных группы:

— *римский фактор*, который включает как активность провинциальных должностных лиц, так и влияние переселенцев (торговцев, солдат, ремесленников, авантюристов и других) из других областей империи, приносивших с собой обычаи и традиции, новые для жителей острова;

— *бриттский фактор*, к которому можно отнести желание и способность местной знати участвовать в процессе урбанизации, присутствие в городских сообществах бриттов, сохранявших (хотя бы частично) свои идентичности и привычки;

— *географический фактор* – расположение поселения, его отношение к существовавшим системам коммуникаций и торговли, связи с доримскими населенными пунктами и религиозными центрами.

В каждом случае римско-британского урбанизма мы можем видеть различные комбинации этих факторов. Если стратегически выгодное положение совпадало с особым вниманием провинциальных властей и отсутствием местного влияния, как в случае с Лондинием, то возникал город, в котором преобладало римское начало. Если среди бриттских племен находились элиты, заинтересованные в интеграции в новое провинциальное общество и способные заручиться поддержкой римских властей, появлялся римско-британский город, подобный Каллеве или Веруламию. Неудобное расположение, отсутствие значительного числа мигрантов и активных проримских групп обрекало городское поселение на медленное развитие – такой оказалась судьба Венты бельгов. «Паззл» города в каждом случае собирался несколько иначе, поэтому, возможно, исследователям будет уместнее говорить не о единообразном и общем урбанизме на юго-востоке провинции, но о различных *урбанизмах*.

Литература / References

Baryshnikov, A.E. 2012a: [History of Roman Britain without romanization: the concept of D. Mattingly]. *Studia Historica* 12, 284–295.

Барышников, А.Е. История римской Британии без романизации: концепция Д. Мэттингли. *Studia Historica* 12, 284–295.

Baryshnikov, A.E. 2012b: [Roman Britain and the problem of Romanization: the crisis of the traditional concept and the discussion of new agendas in British classics]. *Vestnik NNGU* [*Bulletin of Nizhny Novgorod State University*] 6(3), 200–211.

Барышников, А.Е. Римская Британия и проблема романизации: кризис традиционной концепции и дискуссия о новых подходах в английском антиковедении. *Вестник ННГУ* 6 (3), 200–211.

Baryshnikov, A.E. 2015: [How many Togidubni are needed to conquer Britain?]. In: *Drevnosti* [*Antiquities*] 13. Kharkov, 38–48.
Барышников, А.Е. Сколько нужно Тогидубнов для покорения Британии? В сб.: *Древности* 13. Харьков, 38–48.
Baryshnikov, A.E. 2016a: *Goroda yugo-vostoka rimskoy Britanii I–II vv. kak tsentry kul'turnogo vzaimodeystviya* [*The Towns of South-East of Roman Britain I–II AD as Centers of Cultural Interaction. Unpublished Thesis*]. Kazan'.
Барышников, А.Е. *Города юго-востока римской Британии I–II вв. как центры культурного взаимодействия*. Дисс. ... канд. ист. наук. Казань.
Baryshnikov, A.E. 2016b: [A study of the towns of Roman Britain in contemporary British historiography]. *Problemy istorii, filologii i kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 2, 128–144.
Барышников, А.Е. Изучение городов римской Британии в новейшей британской историографии. *Проблемы истории, филологии и культуры* 2, 128–144.
Baryshnikov, A.E. 2020: [Deconstructing imperialism: 'Left turn' and features of the contemporary Romano-British studies]. *Vestnik NNGU* [*Bulletin of Nizhny Novgorod State University*] 6, 9–17.
Барышников, А.Е. Разбирая империализм: «левый поворот» и особенности современных исследований римской Британии. *Вестник ННГУ* 6, 9–17.
Biddle, M. 2020: Winchester: A city of two planned towns. In: A.J. Langlands, R. Lavelle (eds.). *The Land of English Kin. Studies in Wessex and Anglo-Saxon England in Honour of Professor Barbara Yorke*. Leiden–Boston, 26–49.
Birley, A. 1980: *The People of Roman Britain*. Berkeley–Los Angeles.
Booth, P., Simmonds, A., Boyle, A., Clough, S., Cool, H.E.M., Poor, D. 2012: *The Late Roman Cemetery at Lankhills, Winchester: Excavations 2000–2005*. Oxford.
Burton, P. 2019: *Roman Imperialism*. Leiden–Boston.
Creighton, J. 2001: Burning kings. *Britannia* 32, 401–404.
Creighton, J. 2006: *Britannia. The Creation of Roman Province*. London.
Crummy, P. 1997: *City of Victory: Story of Colchester – Britain's First Town*. Colchester.
Cunliffe, B. 2005: *Iron Age Communities in Britain: An Account of England, Scotland and Wales from the Seventh Century BC Until the Roman Conquest*. 3rd ed. London–New York.
Forcey, C. 1998: Whatever happened to the heroes? Ancestral cults and the enigma of Romano-Celtic temples. In: C. Forcey, J. Hawthorne, R. Witcher (eds.). *TRAC97: Proceedings of the Seventh Annual Theoretical Roman Archaeology Conference, Nottingham*. Oxford, 87–98.
Frere, Sh.S. 1987: *Britannia: A History of Roman Britain*. 3rd ed. London.
Frere, Sh.S., Fulford, M. 2002: The *collegium peregrinorum* at Silchester. *Britannia* 33, 167–175.
Fulford, M. 2008: Nero and Britain: the palace of the client king at Calleva and imperial policy towards the province after Boudicca. *Britannia* 39, 1–13.
Fulford, M. 2013: A Review of 'Late Roman Towns in Britain. Rethinking Change and Decline' by A. Rogers. *Britannia 44*, 423–424.
Fulford, M. 2015a: The towns of south-east England. In: M. Fulford, N. Holbrook (eds.). *The Towns of Roman Britain: The Contribution of Commercial Archaeology since 1990*. London, 59–89.
Fulford, M. 2015b: Silchester: the town life project 1997–2014: reflections on a long term research excavation. In: T. Brindle, M. Allen, E. Durham, A. Smith (eds.). *Theoretical Roman Archaeology Conference 2014*. Oxford, 114–121.
Fulford, M., Timby, J. 2000: *Late Iron Age and Roman Silchester. Excavations on the Site of the Forum Basilica 1977, 1980–86*. London.
Fulford M., Timby J. 2001: Timing devices, fermentation vessels, 'ritual' piercings? A consideration of deliberately 'holed' pots from Silchester and elsewhere. *Britannia* 32, 293–297.
Garland, N. 2020: The origins of British *oppida:* Understanding transformation in Iron Age practice and society. *Oxford Journal of Archaeology* 39(1), 107–125.
Haverfield, F. 1923: *The Romanization of Roman Britain*. Oxford.
Hawkes C.F.C., Crummy, P. 1995: *Camulodunum 2*. Colchester.
Hill, J.D. 2007: The dynamics of social change in later Iron Age eastern and south-eastern England. In: C. Haselgrove, T. Moore (eds.), *The Later Iron Age in Britain and Beyond*. Oxford, 16–40.
Hingley, R., Unwin, C. 2006: *Boudica: Iron Age Warrior Queen*. London–New York.
Hingley, R. 2018: *Londinium: A Biography. Roman London from its Origins to the Fifth Century*. London.

Hoffmann, B. 2013: *The Roman Invasion of Britain: Archaeology Versus History*. Barnsley.
Hurst, H. 2016: The textual and archaeological evidence. In: M. Millett, L. Revell, A. Moore (eds.), *The Oxford Handbook of Roman Britain*. Oxford, 95–116.
Ingate, J. 2019: *Water and Urbanism in Roman Britain: Hybridity and Identity*. London–New York.
King, A. 2020: Venta Belgarum: What is in the name for Roman Winchester? In: A.J. Langlands, R. Lavelle (eds.). *The Land of English Kin. Studies in Wessex and Anglo-Saxon England in Honour of Professor Barbara Yorke*. Leiden–Boston, 13–25.
Mattingly, D. 2006: *An Imperial Possession: Britain in the Roman Empire, 54 B.C.– A.D. 409*. London.
Mattingly, D. 2010: Urbanism, epigraphy and identity in the towns of Britain under Roman rule. In: V.E. Hirschmann, A. Krieckhaus, H.H. Schellenberg (eds.), *A Roman Miscellany: Essays in Honour of Anthony Birley on His Seventieth Birthday*. Gdansk, 53–71.
Mihajlović, V.D. 2019: Critique of Romanization in classical archaeology. In: C. Smith (ed.). *Encyclopedia of Global Archaeology*. https://doi.org/10.1007/978–3–319–51726–1_3115–1
Millett, M. 1984: Forts and the origin of towns: cause or effect? In: T.F.C. Blagg, A.C. King (eds.), *Military and Civilian in Roman Britain*. Oxford, 65–75.
Millett, M. 2005: *The Romanization of Britain. An Essay in Archaeological Interpretation*. Cambridge.
Millett, M. 2016: Improving our understanding of Londinium. *Antiquity* 90 (354), 1692–1699.
Moore, T. 2011: Detribalizing the later prehistoric past: concepts of tribes in Iron Age and Roman studies. *Journal of Social Archaeology* 11 (3), 334–360.
Moore, T. 2017: Alternatives to urbanism? Reconsidering *oppida* and the urban question in Late Iron Age Europe. *Journal of World Prehistory* 30 (3), 281–300.
Morley, N. 2010: *Roman Empire: The Roots of Imperialism*. London–New York.
Niblett, R. 1999: *R. The Excavation at Ceremonial Site at Folly Lane, Verulamium*. London.
Niblett, R. 2001: *Verulamium: The Roman City of St. Albans*. Stroud.
Perring, D. 2011: Two studies on Roman London: A. London military origins – B. Population decline and ritual landscapes in Antonine London. *Journal of Roman Archaeology* 24 (1), 249–282.
Perring, D., Pitts, M. 2013: *Alien Cities: Town and Country in Roman Essex*. Portslade.
Pitts, M. 2010: Re-thinking oppida: networks, kingdoms and material culture. *European Journal of Archaeology* 13 (1), 32–63.
Pitts, M. 2014: Reconsidering Britain's first urban communities. *Journal of Roman Archaeology* 27, 133–173.
Pitts, M., Perring, D. 2006: The making of Britain's first urban landscape: the case of Late Iron Age and Roman Essex. *Britannia* 37, 189–212.
Redfern, R., Marshall, M., Eaton, K., Poinar, H.N. 2017: 'Written in bone': new discoveries about the lives and burials of four Roman Londoners. *Britannia* 48, 253–277.
Revell, L. 2009: *Roman Imperialism and Local Identities*. Cambridge.
Rogers, A. 2011: *Late Roman Towns in Britain: Rethinking Decline and Change*. Cambridge.
Rogers, A. 2013: *Water and Roman Urbanism: Towns, Waterscapes, Land Transformation and Experience in Roman Britain*. Leiden–Boston.
Rogers, A. 2016: The development of towns. In: M. Millett, L. Revell, A. Moore (eds.). *The Oxford Handbook of Roman Britain*. Oxford, 741–766.
Sadovskaya, M.S. 1991: [Roman colony at Camulodunum. Towards the issue of Romanization of Britain in the first century AD]. *Iz istorii antichnogo obshchestva* [*From the History of the Ancient Society*], 75–86.
Садовская, М.С. Римская колония Камулодун. К вопросу о романизации Британии в I в.н.э. *Из истории античного общества,* 75–86.
Swift, E. 2016: The Development of Artefact Studies. In: M. Millett, L. Revell, A. Moore (eds.). *The Oxford Handbook of Roman Britain*. Oxford, 63–94.
Tikhonova, O.S. 2005: *Rimskiye goroda Britanii epokhi printsipata – Londiniy, Deva, Eborak* [*Roman Towns of Britain During the Principate – Londinium, Deva, Eboracum. Unpublished Thesis*]. Moscow.
Тихонова, О.С. *Римские города Британии эпохи принципата – Лондиний, Дева, Эборак. Дисс. ... канд.ист. наук*. Москва.
Tomlin, R.S.O. 2006: Was Roman London ever a *colonia*? The written evidence. In: R.J.A. Wilson (ed.), *Romanitas: Essays on Roman Archaeology in Honour of Sheppard Frere on the Occasion of His Ninetieth Birthday*. Oxford, 49–63.

Tomlin, R.S.O. 2016: *Roman London's First Voices. Writing Tablets from the Bloomberg Excavations, 2010–2014.* London.
Tomlin, R.S.O. 2020: Inscriptions. *Britannia* 51, 471–525.
Wacher, J. 1975: *The Towns of Roman Britain*. Berkeley–Los Angeles.
Wacher, J. 1995: *The Towns of Roman Britain*. 2nd ed. London.
Wallace, L. 2013: The foundation of Roman London: examining the Claudian fort hypothesis. *Oxford Journal of Archaeology* 32(3), 273–289.
Wallace, L. 2015: *The Origin of Roman London*. Cambridge.
Wallace, L., Mullen, A. 2019: Landscape, monumentality and expression of group identities in Iron Age and Roman East Kent. *Britannia* 50, 75–108.
Webster, G. 1966: Fort and town in early Roman Britain. In: J. Wacher (ed.), *The Civitas Capitals of Roman Britain,* 31–45.
Weekes, J. 2020: Excavations in Westgate Gardens, Canterbury, revealing the changing character of Roman Watling Street, and Durovernum's evolving street layout. *Archaeologia Cantiana* 141, 260–274.
Wilson, P. 2016: Romano-British archaeology in the early twenty-first century. In: M. Millett, L. Revell, A. Moore (eds.), *The Oxford Handbook of Roman Britain*. Oxford, 43–62.

Vestnik drevney istorii
82/1 (2022), 117–132
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/1 (2022), 117–132
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910012760-9

«ЭЛЛИНЫ» ИМПЕРАТОРА ЮЛИАНА: ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ САМОИДЕНТИЧНОСТИ В СРЕДЕ ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

Е.И. Мирошниченко

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: miroshnichenkoeu@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2620-5798

В статье рассматривается идеология сформировавшегося вокруг императора Юлиана в начале 360-х годов кружка позднеантичных интеллектуалов, являвшихся сторонниками традиционной пайдейи и называвших себя «эллинами». На примере воззрений таких представителей этого сообщества, как Юлиан, Либаний и Гимерий, анализируется кризис самоидентичности в среде эллинистов того времени. Исследуется проблема соотношения религиозного и культурно-исторического элемента в «эллинистической» самоидентичности. «Эллинизм» рассматривается в контексте усиливающегося христианства (проблема соотношения классической пайдейи и христианства с точки зрения истории кризиса «эллинизма» анализируется на примере полемики Григория Назианзина против Юлиана). Автор приходит к выводу, что идеологию «эллинизма» разрушает внутренний конфликт между серьезным отношением к религии и процессами метафоризации, которые отделяли религиозную составляющую от литературно-художественной. Этот конфликт использовали христианские интеллектуалы, чтобы присвоить себе классическую пайдейю, результатом чего и была постепенная христианизация «эллинизма».

Ключевые слова: эллинизм, эллины, пайдейя, самоидентичность, позднеантичные интеллектуалы, император Юлиан, Либаний, Гимерий

Данные об авторе. Евгений Игоревич Мирошниченко – аспирант Института истории СПбГУ.

THE *HELLENES* OF THE EMPEROR JULIAN: THE PROBLEM OF CULTURAL SELF-IDENTITY AMONG LATE ANTIQUE INTELLECTUALS

Evgenii I. Miroshnichenko

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

E-mail: miroshnichenkoeu@gmail.com

The article investigates the ideology of the group of Late Antique intellectuals centred around the Emperor Julian in the early 360s. These intellectuals were practitioners of the traditional paideia and called themselves *Hellenes*. The author analyzes the crisis of self-identity among the members of this community on the example of such representatives as Libanius, Himerius and Julian himself. The problem of correlation between religious and cultural elements in the 'hellenic' identity is studied in the context of the rising Christianity and on the example of Gregory Nazianzinus polemical orations against Julian. The author concludes that the ideology of 'Hellenism' was destroyed by the internal conflict between a serious attitude to religion and the spread of metaphorical interpretation. This conflict caused the separation of religious elements of 'Hellenism' from the literary and rhetorical ones. Christian intellectuals such as Gregory and Basil the Great used this tension to 'appropriate' the classical paideia, which resulted in the gradual Christianization of 'Hellenism'.

Keywords: Hellenism, Hellenes, paideia, self-identity, Late Antique intellectuals, Emperor Julian, Libanius, Himerius

В середине и второй половине IV в. в Римской империи происходят настолько фундаментальные изменения в области идеологии и мировоззрения, что некоторые исследователи решаются говорить об этом времени как о культурно-историческом водоразделе: до этого, пишут они, общество считалось «эллинистическим», а после будет считать себя в основном христианским[1]. Какие же условия были необходимы для того, чтобы эллин стал христианином?[2] Каковы причины такой сравнительно резкой смены идентичности (произошедшей буквально за полвека)? В этом и состоит предмет нашего исследования. В данной статье мы рассмотрим один из элементов этого процесса: специфическое сообщество интеллектуалов, сформировавшееся вокруг императора Юлиана. Представители этого сообщества называли себя «эллинами», тем самым демонстрируя свою приверженность старому мировоззрению в пику новому, христианскому. История и идеология этого сообщества весьма показательны для понимания причин кризиса «эллинистического» мировосприятия и торжества христианства.

[1] Gschnitzer, Högemann 2006.

[2] Разумеется, язычество существовало в римском, а потом и в византийском обществе еще столетия спустя (см. Bowersock 1990), но для нашего исследования это нерелевантно, поскольку мы говорим об изменении доминирующей идеологии, которая служила обществу новой моделью мышления и деятельности, а не о количестве обращенных в христианство в IV в.

Исследование кризиса традиционных воззрений, который наблюдается в среде интеллектуалов IV в., требует уточнения термина «эллинизм»[3]. Вокруг этого понятия по отношению к указанному периоду существовала и существует до сих пор некоторая неопределенность среди исследователей. В одних работах слово «эллинизм» используют как синоним «язычества»[4], ссылаясь на то, как якобы его понимали христианские авторы соответствующего периода[5]. В других исследованиях под «эллинизмом» понимается историческая память об античности[6]. Третьи рассматривают «эллинизм» как синоним пайдейи, греческой образованности в позднеантичном мире[7].

На наш взгляд, следует различать для указанного периода «эллинизм» как систему ценностей и эллинизм как культурно-историческую традицию, идущую от времен Александра Македонского[8]. В первом смысле «эллинизм» служил определяющей меткой, по которой в IV в. интеллектуалы-язычники опознавали своих. Это понятие возникает в результате противопоставления классической культуры христианству, стремительно захватывающему сферы политического и культурного влияния. Именно об этом «эллинизме» и пойдет речь в нашей статье.

Ярким выражением «эллинизма» в IV в. стало сообщество интеллектуалов, которое сложилось вокруг императора Юлиана и члены которого называли себя «эллинами» (Ἕλληνες). В «Жизни философов и софистов» Евнапий[9], сам язычник, явно симпатизирующий Юлиану, описывает людей, группировавшихся вокруг императора, в тех же красках, в каких современные ему христиане описывали жизнь египетских монахов: с восхвалением аскетизма и повествованием о чудесах. Евнапий был ярым поклонником императора Юлиана и противником христиан. Неудивительно поэтому, как замечает Штенгер, что он говорил о языческой вере в неразрывном единстве с пайдейей: философы, софисты и врачи

---

[3] Мы намеренно используем такие понятия, как «эллин», «эллинизм», «эллинистический», в кавычках, чтобы обозначить их субъективное, репрезентативное значение для IV в. и тем самым отличить их от ряда объективных понятий (эллин, эллинизм, эллинистический), относящихся к истории этноса и культуры греческого народа (см. на эту тему сборник статей: Konstan, Saïd 2006).

[4] Употребление самого термина «язычество» вызывает много вопросов и поэтому оговаривается особо в исследованиях (Edwards 2004, 211–212; Stenger 2018, 391–410). Мы используем понятие «язычество» для обозначения комплекса поли- и монотеистических верований, которых придерживались в поздней Римской империи группы, оппозиционные христианству.

[5] Ж. Буффартиг, например, прямо говорит, что исследование о том, что такое «эллинизм», очень короткое: эллинизм – это религия (Bouffartigue 1991, 252). Тем не менее следует заметить, что как сами христиане, так и многие язычники не спешили отождествлять язычество и эллинизм, о чем см. далее в связи с полемикой Григория Назианзина против Юлиана.

[6] Goldhill 2006, 114.

[7] Jones 2004, 13–21.

[8] Впрочем, следует оговориться, что в самом термине «эллинизм» изначально была заложена и религиозная составляющая (см. Hall 2002, 189).

[9] Giangrande 1956. См. также подробное исследование этого текста в Penella 1990. Подробные комментарии см. в Becker 2013.

тем более считаются образованными, чем более они религиозны[10]. Следует, правда, оговориться, что нельзя и преувеличивать ненависть Евнапия к христианам: его недовольство вызывало скорее презрение, с которым христиане относились к греческому образованию, чем они сами, и доказательством тому служит тот факт, что он включил в свою книгу повествование и о софистах-христианах (например, о своем учителе риторе Проересии)[11].

Евнапий посвящает часть своего трактата императору Юлиану (специальное сочинение Евнапия о нем до нас, к сожалению, не дошло). Он вписывает Юлиана в традицию неоплатонической философии теургического направления, делая его учеником Эдесия (который, в свою очередь, был учеником Ямвлиха) и Максима (Eunap. *Vit. Soph.* VII. 1. 11–4). В саму Грецию Юлиан едет не за знанием риторики и философии, но ради «великой мудрости, хранимой иерофантом богинь» (ibid. VII. 3. 1)[12]. Этого иерофанта позднее Юлиан сделает членом своего кружка, в который, по сообщению Евнапия, также входили врач Орибасий из Пергама, Эвгемер из Ливии, философ Максим, Хрисанфий из Сард, Приск из Эллады, Саллюстий, возможно, Гимерий и, несомненно, Либаний (ibid. VII. 3. 6–XVI. 1. 12)[13]. Говоря о Либании, Евнапий много рассуждает о его «невероятной эрудиции» и внимательности к острому и точному слову, изяществе его писем и изысканности речей, но нигде не восхваляет его религиозные взгляды, хотя и замечает, что «божественный Юлиан им весьма восхищался» (ibid. XVI. 2. 6). Таким образом, в круг «эллинов» входят интеллектуалы, приверженцы классической пайдейи, но, несмотря на мнение Пенеллы о том, что «эллин» у Евнапия тождествен язычнику[14], вопрос об их увлеченности религией остается открытым.

Одна из центральных проблем, связанных с изучением группы «эллинов», заключается в противоречивости сведений о ее идеологических основаниях. Спектр этих оснований колеблется от полюса религиозной интерпретации (у самого императора Юлиана) до полюса литературной (у ритора Либания). Locus classicus, который обычно приводят исследователи, говоря об «эллинизме» Юлиана, мы находим в его 84 письме (84. 1)[15], адресованном великому жрецу Галатии:

Ἑλληνισμὸς οὔπω πράττει κατὰ λόγον, ἡμῶν ἕνεκα τῶν μετιόντων αὐτόν.

Эллинизм еще пока не осуществляется согласно разуму (или: слову), виной тому мы, его приверженцы.

Что подразумевает в данном случае Юлиан под «эллинизмом»? Очевидно, речь идет не о пайдейе или культурном эллинизме. Мы можем согласиться

---

[10] Stenger 2009, 230–231.

[11] См. Penella 1990, 145.

[12] Об этой же цели, между прочим, сообщает и Григорий Назианзин, который учился в Афинской Академии в то же время, что и Юлиан: «Предлог же был двойной для этого путешествия: первый благовиднейший – обозреть Грецию и ее училища; а другой отдаленнейший и не многим известный – посоветоваться с тамошними жрецами» (Gr. Naz. *Or.* 5. 23. 6–10).

[13] Дж. Бауэрсок называет этот кружок «small group of intellectuals» (Bowersock 1978, 13).

[14] Penella 1990, 141.

[15] Сочинения императора Юлиана цит. по: Bidez, Rochefort, Lacombrade 1932–1964.

с Ж. Буффартигом, который считает, что в данном случае речь идет о культовых языческих практиках, которые ко времени Юлиана пришли в упадок и о возрождении которых он так мечтал[16] (в пользу этого говорят рассуждения Юлиана в последующей части данного письма). В том же письме (Jul. *Ep.* 84. 20–21) Юлиан употребляет слово «эллинист» (ἑλληνιστής), подразумевая под ним последователя «эллинизма», т.е. языческих практик. Для Юлиана противопоставление «эллиниста» христианину – не философская или культурная оппозиция, а именно религиозная.

Можем ли мы на основании этих данных утверждать, что самоидентичность «эллинов» носила у Юлиана религиозный характер? Было бы неверным отвечать на этот вопрос категорически, поскольку для Юлиана, несомненно, важной являлась и культурная составляющая эллинизма. Так, например, в другом письме (Jul. *Ep.* 29. 1) Юлиан использует слово «эллин» (ἕλλην) уже в том историческом, даже этническом, смысле, в котором его использовали другие члены кружка Юлиана, менее склонные к теургии и обрядовым практикам[17].

Историко-культурный (а не религиозный) характер носит термин «эллин» в знаменитой речи, в которой Юлиан обращается к одному из «эллинов», своему верному другу Саллютию (Саллюстию)[18], когда тот был отозван из Галлии и вынужден был покинуть Юлиана (ок. 359 г.; Jul. *Or.* 8. 252 a-b):

Κελτοῖς γὰρ ἐμαυτὸν ἤδη διὰ σὲ συντάττω, ἄνδρα εἰς τοὺς πρώτους τῶν Ἑλλήνων τελοῦντα καὶ κατ᾽ εὐνομίαν καὶ κατὰ ἀρετὴν τὴν ἄλλην, καὶ ῥητορείαν ἄκρον καὶ φιλοσοφίας οὐκ ἄπειρον, ἧς Ἕλληνες μόνοι τὰ κράτιστα μετεληλύθασι, λόγῳ τἀληθές, ὥσπερ οὖν πέφυκε, θηρεύσαντες, οὐκ ἀπίστοις μύθοις οὐδὲ παραδόξῳ τερατείᾳ προσέχειν ἡμᾶς, ὥσπερ οἱ πολλοὶ τῶν βαρβάρων, ἐάσαντες.

Ибо теперь отношу самого себя к кельтам благодаря тебе, мужу, которого я полагаю среди первых из эллинов согласно справедливости и другим достоинствам, а также сообразно превосходному знанию риторики и тому, что ты не лишен опыта в области философии, в которой одни только эллины достигли высочайшего преуспеяния, поскольку руководствовались в познании истины разумом, как, в общем, и следует делать, а не позволяли себе занимать нас сомнительными мифами или странными небылицами, как это принято у многих варваров.

Здесь мы видим, что характерными чертами истинного «эллина» являются не только почитание законов и другие античные добродетели, но и хорошее знание риторики и философии, т.е. классическая пайдейя. Юлиан относит Саллюстия к своим, к «эллинам», тогда как себя, в (риторическом) сравнении с Саллюстием,– к варварам (кельтам). То, что отличие «эллина» от варвара носит культурный, а не религиозный характер, подчеркивается Юлианом и в конце этого фрагмента. Идентичность, таким образом, определяется в рамках культуры, а не религии. Можно предположить, что именно так идентифицировал Юлиан «эллинов» вплоть до прихода к императорской власти и начала своей

[16] Bouffartigue 1991, 252. Ср. у К. Лакомбрада определение юлиановского «эллинизма»: Lacombrade 1958, 29.

[17] Van Nuffelen 2014, 294.

[18] О нем и о проблеме тождественности Саллютия из речи Юлиана и философа Саллюстия см. Bouffartigue 2016, 91–95.

реформаторской деятельности, когда акценты сместились явно в сторону религиозной интерпретации.

Общей для раннего и позднего понимания Юлианом «эллинизма» является идея самого объединения. Юлиан мыслил себя лидером, вокруг которого формируется сообщество последователей. Именно с этой точки зрения следует рассматривать его знаменитый сон про дерево (Jul. *Ep.* 14. 1–2), носящий символический характер и относящийся к периоду жизни Юлиана, когда он еще не стал императором. Г. Бауэрсок понимает это сновидение в контексте возрастающих амбиций юного кузена правящего императора (Юлиан все еще цезарь, и все еще в Галлии)[19], однако нам представляется, что это же дерево может служить символом его роли как объединителя представителей «эллинизма». Сам Юлиан говорил, что не знал, как именно толковать это сновидение (ibid. 14. 2). Возможна также и интерпретация, согласно которой маленькое дерево, за которое так опасался Юлиан во сне,– это «эллинизм», который хотя и находился в упадке, но был укоренен в земле (в языческой религии). Исходя из того, что в ранний период творчества, как мы видели, Юлиан ассоциировал «эллинизм» с классической пайдейей, мы не можем однозначно утверждать, что он двигался от философской интерпретации к религиозной. Вероятнее всего, Юлиан рассматривал «эллинизм» не в качестве исключительно культурного явления, но скорее в качестве особой, удостоверенной философией и традицией в целом, религиозности, причем религиозности греков, эллинов[20]. Более того, мы можем вслед за Х.-Г. Нессельрат охарактеризовать «эллинизм» Юлиана не только как синтез религии и философии, но и как синкретизм того и другого с восточными культами и практиками[21]. Это не был, так сказать, «классический эллинизм», эллинизм культурный. И в этом отношении «эллинизм» Юлиана был гораздо ближе к христианству. Вообще Юлиан был увлечен религиозной стороной вопроса[22] гораздо в большей степени, чем, например, Либаний.

Очевидно, тем не менее, что «эллины», с точки зрения по крайней мере Юлиана, объединялись не только по культурным признакам, но и по религиозным. Юлиан, как известно, отличался особенным отношением к религии. Это отношение было очень личным и может быть охарактеризовано как теургическое[23]. Аскетизм и вера в магию, вообще свойственные скорее религиозным деятелям, чем философам, были распространены в IV в. среди самых разных слоев населения и были выражением общего духа времени[24]. Таким образом, противопоставлять религиозный характер культурному в понимании Юлианом «эллинизма» было бы некорректно. Пайдейя уже включает в себя определенное отношение к старой греческой религии. В свете этого становится понятным, почему многие

---

[19] Bowersock 1978, 17.

[20] Bowersock 1978, 63, 86.

[21] Nesselrath 2013, 79.

[22] Мнение Р. Смита о «непроходимой бездне между христианством и языческими воззрениями Юлиана» касается содержания, а не характера указанных воззрений (Smith 1995, 206).

[23] Athanassiadi-Fowden 1981, 6–7.

[24] Laistner 1967, 3–5; Fox 1986, 65.

христиане долгое время выступали против классического образования: оно отождествлялось (или каким-то образом соотносилось) с язычеством. Характерным примером здесь может служить позиция св. Макрины: ее брат Григорий Нисский с восхищением описывает, что она не желала изучать трагических поэтов и комедиографов по причине «неприличности» страстей, которые они описывали (*Vita Macr.* 3. 9–15). Собственно, знаменитое слово Василия Великого «К юношам о чтении языческих книг» следует рассматривать именно в контексте подозрительности, которую питало большинство христиан к классическому образованию.

Итак, как следует из приведенных фрагментов сочинений Юлиана, термин «эллин» служил ему для обозначения сообщества интеллектуалов, объединенных приверженностью к классическому образованию (пайдейе), неоплатонической философии, риторике и некоторым религиозным воззрениям, которые в противоположность христианству обычно называют «языческими». Это сообщество группировалось в конце 50-х – начале 60-х годов IV в. вокруг Юлиана, а слово «эллины» для него служило не просто самоназванием, но своего рода опознавательным знаком, или, как заметил один исследователь, «культурным шифром»[25].

Самоназвание «эллины», которое, по-видимому, и было впервые применено к группе соратников Юлиана самим императором, имело несколько функций. Во-первых, с помощью этого наименования группа Юлиана дистанцировалась от тех, кто «эллинами» не являлся, т.е. от тех, кто не был приверженцем классической пайдейи, неоплатонической философии и греческой религии (при этом речь идет не только о христианах)[26]. Во-вторых, это самоназвание играло объединяющую роль, демонстрируя те ценности, за которые выступали представители данного движения (прежде всего героизация прошлого, греческая религия и классическое образование). Очевидно, что эти ценности носили субъективный характер, поскольку мало соответствовали реалиям своего времени (история идеализировалась, игнорировался синкретический характер религии, образование смешивалось с теургическими практиками и верой в чудеса, в результате чего менялось представление о пайдейе)[27]. Идеализируя прошлое[28], последователи Юлиана создавали новую идеологию, которая должна была стать основой репаганизации империи при Юлиане. Провал репаганизации был не в последнюю очередь связан с искусственностью идеологии, на которой она базировалась.

Из анализа сочинений Юлиана может показаться, что «эллинизм» в своей основе был причастен теургическим практикам и неоплатонической философии ямвлихианского типа. Но это лишь одна сторона сущности «эллинизма» того времени. Либаний демонстрирует нам, что «эллинизм» мог интерпретироваться не только как религиозное или философское (точнее было бы сказать «религиозно-философское»), но и как культурное, в частности литературное, явление.

---

[25] Stenger 2009, 26.

[26] Юлиан, например, выступал также против некоторых представителей позднеантичной философии, в частности против киников (Browning 1975, 41–143).

[27] О том, как это происходило, можно проследить по формированию образа «Афин как воплощения эллинизма» в период второй софистики (Saïd 2006, 47–60).

[28] Эта идеализация особенно ярко проявляется в речах Гимерия (см., например, Him. *Or.* 1, 2, 5, 6). Речи Гимерия приводятся по изданию Colonna 1951.

Так, например, Либаний в своем знаменитом гимне к Артемиде (Lib. *Or.* 5, ок. 365 г.)[29], который должен был быть выражением его преданности идеалам языческой партии, выстраивает свою похвалу богине в традициях второй софистики[30] и прибавляет к этому вполне нерелигиозное поучение об охоте, которая помогает воспитанию юношей (ibid. 5. 20–21). Конечно, сам гимн должен был служить целям языческой партии, он выражал почитание богини, культ которой был восстановлен Юлианом. И конечно, в этом гимне мы находим историю о чуде, которое совершила Артемида. Либаний рассказывает о том, как он собирался послушать речь одного юноши, посвященную Артемиде, и встал у входа в портик. И в какой-то момент у него вдруг заболели ноги. Он вынужден был отойти в сторону, и тут же сверху на то место, где он только что стоял, упал большой камень с потолка (ibid. 5. 51). Таким образом, богиня спасла своего верного последователя. Эта история вполне могла быть рассказана и каким-нибудь христианином о каком-нибудь святом, который чудесным образом спасает благочестивого юношу. Но вот чего христианин не мог сделать, так это завершить историю о чуде таким пассажем (ibid. 5. 52–53):

Ἀλλ᾽ αὐτὴ ἐσάωσεν, εἶπεν ἂν Ὅμηρος, καὶ παῖδάς τε γονεῦσιν ἀπέδωκεν, ἐμέ τε ἐξείλκυσε σαφῶς τῆς ἐγγὺς οὕτω πληγῆς τῇ περὶ τοῖν ποδοῖν φροντίδι τῷ τε πατρὶ τῷ Διὶ καθαρὸν θανάτων διετήρησε τὸν νεών. Εἰ δ᾽ οὐκ ἐπεκούρει, πόσας ἂν οἰόμεθα δεῦρ᾽ ἐλθεῖν κλίνας ἀναιρησομένας τὸ τῆς πόλεως ἄνθος. Ἔξεστιν οὖν μοι φιλοτιμεῖσθαι κατὰ τὸν Σιμωνίδην. Ἀδελφοὶ δὲ κἀκεῖνον ἔσωζον Ἀρτέμιδος ὁμοπάτριοι. Σιμωνίδῃ μὲν οὖν ἀντ᾽ ᾠδῆς ἐκεῖνα παρὰ τοῖν Διοσκούροιν, ἐμοὶ δὲ ταῦτα καὶ πρὸ ᾠδῆς.

«Она сама спасла нас», как сказал бы Гомер, и вернула детей родителям. Меня она явственно устранила от близкого удара заботой о ногах и тем самым сохранила храм отца своего Зевса чистым от смерти. Если бы она не позаботилась, только представим себе, сколько носилок явилось бы сюда с желающими сорвать цветок полиса? Итак, мне позволено быть честолюбцем по слову Симонида, ведь и его спасли братья, соотечественники Артемиды. Симониду это было [даровано] Диоскурами за песнь, мне же – еще до песни.

На этот пассаж обратил впервые внимание Голдхилл, и весьма проницательно заметил, что таким образом личное событие из жизни Либания становится мифологизированным, и не только посредством рассказа о том, что богиня его спасла, но и с помощью оформления всей истории как биографического анекдота, строящегося по модели рассказа о древнем архаическом певце. Таким образом, оказывается, что «рассказ о религиозном явлении написан через литературную традицию»[31]. Литература здесь, очевидно, доминирует над собственно религиозной традицией. Когда в письме к Постумиану (Lib. *Ep.* 1036) встает вопрос о том, что значит быть «эллином», Либаний принимается пространно рассуждать именно о пайдейе, а не о приверженности классическим верованиям. В частности, «эллин» должен в совершенстве владеть греческим языком, быть начитанным в Гомере, Гесиоде, Демосфене, Фукидиде и других классических авторах. Литературное образование, таким образом, ставится прежде религиозного благочестия.

---

[29] Сочинения Либания цитируются по Foerster 1963.
[30] Nesselrath 2014, 241–267.
[31] Goldhill 2006, 122.

Даже в тех местах из обширного наследия Либания, где он говорит о религиозной стороне «эллинизма», он делает это в общекультурном контексте. Классическим примером так называемой «риторической адаптации»[32] религиозной традиции стал фрагмент из 14 речи, посвященной Юлиану (ок. 362 г.), где Либаний ходатайствует за своего друга Аристофана, впавшего в немилость при Констанции по причине, по всей видимости, участия в каком-то заговоре. Аристофан – благородный гражданин Коринфа. Либаний не просто ходатайствует о снятии обвинений, но и просит Юлиана подыскать для Аристофана какую-нибудь подходящую его достоинству должность. И самым мощным аргументом является апелляция к понятию «эллин», которое для Юлиана служит своеобразной «меткой». Либаний описывает Аристофана как мученика языческой веры, который даже под давлением императора-христианина не отрекся от своей религии. При этом, упоминая религию, он вписывает ее в обычный риторический ряд: религия, законы, риторика и философия (Lib. *Or.* 14. 27):

Πρῶτον μὲν Ἕλλην ἐστίν, ὦ βασιλεῦ· τοῦτο δ’ἐστὶν ἕνα τῶν σῶν εἶναι παιδικῶν. Οὐδεὶς γὰρ οὕτω τῆς αὐτοῦ πατρίδος ἐραστὴς ὡς σὺ τοῦ τῆς Ἑλλάδος ἐδάφους ἐνθυμούμενος ἱερὰ καὶ νόμους καὶ λόγους καὶ σοφίαν καὶ τελετὰς καὶ τρόπαια ἀπὸ βαρβάρων.

Во-первых, он эллин, о царь: то есть один из твоих любимцев[33]. Ибо никто так не любил свое отечество, как ты любишь землю Эллады, обнимая умом ее храмы, законы, красноречие, мудрость, таинства и победы над варварами.

Говоря об упадке образования в эпоху Константина Великого, Либаний отмечает, что «религия (ἱερὰ) и риторика (λόγοι) принадлежат одному целому» (ibid. 62. 8). Таким образом, быть эллином для Либания так же, как и для Юлиана, значит не просто быть причастным определенной пайдейе и говорить и писать на греческом языке, но также и придерживаться определенных религиозных взглядов[34]. При этом, однако, мы не можем говорить о религиозности Либания в том же ключе, в каком говорили о религиозности Юлиана[35]. Как замечает Р. Крибиорэ, религиозные воззрения Либания не оставались неизменными на протяжении всей его жизни. Его обращение к мифам часто носит критический характер, в более поздних сочинениях он может заметить, что та или иная история выдумана, и никогда не проявляет фанатического отношения к почитанию тех или иных богов[36] (вспомним также цитированные выше слова Юлиана о «мифах и небылицах»). Либаний определенно не смешивает культурный эллинизм с религиозным. Его отношение к религии совершенно не религиозное, а скорее литературное. Он использует

---

[32] Stenger 2014, 274.

[33] Здесь, очевидно, слово παιδικός использовано не случайно, оно отсылает к однокоренному παιδεία.

[34] Вообще эллинская идентичность и раньше, в период второй софистики, предполагала уже более многоуровневую систему ценностей, чем просто язык и литературная традиция. Так, например, у Филострата быть «эллином» значит также придерживаться определенного образа жизни, любить мудрость и свободу, иметь вкус к красивым речам (Flinterman 1995, 98.). О религиозном понимании «эллинизма» у Филострата см. также Follet 1991, 205, 214–215.

[35] Marcone 2020, 338.

[36] Cribiore 2013, 205–207.

религию в литературных и перформативных целях настолько, что дает повод исследователю применить к своему творчеству термин «игра»[37]. Искусство слова и сама пайдейя как культурная традиция для Либания выше теургии и культа (и в этом его отличие от Юлиана). Можно ли сделать отсюда вывод, что сообщество «эллинов» выстраивалось как культурное сообщество, а не как единство, оппозиционное христианству? Мы не готовы согласиться с Бернардом Шулером, утверждающим, что единство друзей-эллинов не было выражением религиозной солидарности перед лицом христианства[38]. Мы солидарны скорее с Голдхиллом в его утверждении того, что религия неотделима от «эллинистической» самоидентификации[39]. Если некто называет себя «эллином», он тем самым расписывается в приверженности определенным языческим воззрениям, даже если эти воззрения стали формальным признаком и частью литературного этикета. Именно поэтому отрицание языческих богов (существовавшее в эллинистической культуре и помимо христианства) всегда оказывается отрицанием эллинизма как системы ценностей (прежде всего отрицанием классической пайдейи)[40].

Если бы мы попытались обрисовать в общих чертах идеальный тип «эллина», который присутствует в сочинениях Юлиана и Либания, то мы могли бы сделать вывод, что «эллин» – это человек весьма образованный, начитанный, не лишенный досуга, участвующий в политической, общественной и религиозной жизни, мастер красноречия, философ, ценитель прекрасного. «Эллин» особо трепетно относится к таким старинным учреждениям, как сенат. Он чтит полис[41] и куриальные обязанности, имеет определенные социальные связи, он патриот, и он восхищается классическим языческим прошлым. Тип правильного «эллина» обрисован Дионом Хрисостомом: истинный эллин должен быть человеком полиса и классической пайдейи[42]. Полисность «эллинизма» являлась следствием идеологии эллинистической олигархии, для которой полис, как замечает один исследователь, был «неотъемлемой частью политической, социальной и культурной идентичности»[43].

Почему же возникает необходимость постоянной репрезентации себя в качестве «эллина»? Очевидно, по той причине, что происходит разрыв с самой традицией классического эллинизма. Данный разрыв можно зафиксировать на том этапе, когда представители традиционной пайдейи выражают свой отказ от нее, увлекаясь аскетическими и магическими практиками. Эти процессы в Римской империи начались достаточно рано (уже во II в. представители стоической

---

[37] Stenger 2014, 268–292.

[38] Schouler 1991, 277.

[39] Goldhill 2006, 115. Там же см. про языческие и литературные мотивы в гимне Либания Артемиде (115–124).

[40] Rappe 2001, 406.

[41] Интересно, что первые реформы, которые предпринял Юлиан, были направлены на реанимацию сената и полиса (Bowersock 1978, 73).

[42] Bowie 1991, 197. Любопытно, однако, и то, что у того же Диона мы находим и другую пайдейю, основанную на стоическом самоконтроле и критике классического образования (ibid., 198–199), которая, по-видимому, и послужила подготовкой к принятию христианского аскетизма.

[43] Yıldırım 2004, 41.

школы отказываются от принципов классической пайдейи). Сама популярность христианства отчасти определялась подобными настроениями в обществе интеллектуалов[44]. В результате границы классического образования начинают размываться. Образы богов, к которым философы и софисты сохраняли критическое отношение, временами начинают восприниматься буквально (при наличии аллегорического толкования) и, если можно так выразиться, серьезно. Именно эта серьезность отношения к богам (зафиксированная в текстах Ямвлиха, Юлиана и Прокла)[45] привела христиан к тому, что они стали рассматривать «эллинизм» как форму проявления язычества. На этой волне и происходили беспорядки в Александрии, разрушение Серапеума[46] и гонения на оригенистов[47]. Таким образом, магизм и религиозность в той или иной мере были свойственны даже скептически настроенным интеллектуалам[48], а вера в чудеса в равной мере воодушевляла христиан и язычников.

Итак, «эллины» Юлиана сами принимают отождествление язычества и «эллинизма», которое провоцируют христиане. На острие этого отождествления и происходит знаменитая полемика императора Юлиана и Григория Назианзина[49], которая может служить показательным примером того, какие трудности для самоидентичности представляло в то время понятие «эллинизм». В своих 4–5 речах[50] Григорий обрушивается на традиционное не только для образованных язычников[51], но и для христиан отождествление «эллина» и «язычника». Эти речи явились по сути ответом на обвинения, которые Юлиан адресовал христианам в своем трактате «Против галилеян», где христиане объявляются «отступившими» (ἀποστάντες), которые не следуют традиции «наших эллинов» (παρ’ ἡμῖν τοῖς Ἕλλησιν), т.е. традиции, которую поддерживал круг Юлиана (Jul. *C. Gal.* 43a)[52]. Здесь, как замечает С. Эльм, Юлиан связывает религию и культуру: отступить от религии эллинов значило отступить от всей греческой культуры, перестать быть «эллином» (и стать «галилеянином»)[53]. Свое понимание «эллинизма» Юлиан осуществил в известных законах против христианских учителей, запрещающих преподавать риторику христианам. Эти указы оправдываются им в рамках отождествления эллинизма и языческой религии. Против этих указов и инвектив из

---

[44] Follet 1991, 212.

[45] Millar 2006, 440–441.

[46] Hahn 2008, 336–367.

[47] Clark 1992.

[48] Marcone 2020, 327.

[49] Следует заметить, что Григорий весьма произвольно интерпретирует слово «эллин», игнорируя культурный и литературный подход, который, как мы видели, представлял, например, Либаний (Kurmann 1988, 110).

[50] Bernardi 1983.

[51] Г. Бауэрсок даже считал, что отождествление «эллинизма» и «язычества» началось с Ямвлиха (Bowersock 1978, 84). Ямвлих, несомненно, повлиял на мировоззрение Юлиана и его увлечение теургией. Это влияние было, по всей видимости, настолько основополагающим, что С. Эльм в одной из своих статей даже назвала Юлиана «ямвлихианским философом на троне» (Elm 2017, 57).

[52] Цит. по изданию Masaracchia 1990, 88 (Fr. 3).

[53] Elm 2003, 504–505.

трактата «Против галилеян» и выступает Григорий Назианзин в четвертой и (после смерти Юлиана) в пятой речах[54]. Он разводит понятия «эллинизм» и «язычество», относя первое к сфере пайдейи (т.е. понимает эллинизм в смысле культуры или даже, скорее, языка), а второе – к сфере религии, и таким образом делает образование независимым от религиозной принадлежности. Юлиана он обвиняет в том, что тот объявлял «эллинизм» своим достоянием на том основании, что он и его соратники чтут богов. Поэтому, передавал Григорий мысль Юлиана, удел христиан – «необразованность и невежество» (ἡ ἀλογία καὶ ἡ ἀγροικία) (Gr. Naz. *Or.* 4. 102. 2). Григорий заявляет, что «эллинизм» не имеет отношения к религии, и поэтому христиане тоже могут в нем участвовать (ibid. 4. 103. 1–12).

В пользу своей точки зрения Григорий приводит следующие аргументы. Во-первых, дар слова – это всеобщее достояние, и никакая группа не может присваивать его себе (ibid. 4. 4. 9–11). Отсюда видно, что для Григория «эллинизм» – это прежде всего греческий язык. Он прямо обвиняет Юлиана в том, что тот приписывал эллинизм «язычеству, а не языку» (τῆς θρησκείας ὄντα τὸν Ἕλληνα λόγον, ἀλλ᾽ οὐ τῆς γλώσσης) (ibid. 4. 5. 1–3). Но у Юлиана нет оснований связывать религию с языком. «Из того, что у одних и тех же людей и язык и верования – греческие, еще не следует, чтобы словесность принадлежала верованиям и чтобы поэтому справедливо было лишать нас ее употребления» (ibid. 4. 104. 5–7). Во-вторых, Григорий замечает, что ни одна жреческая коллегия не предписывала своим членам обязательное образование так, как предписывала, например, жертвоприношения (ibid. 4. 103. 10–12). В-третьих, и это чрезвычайно важный момент, на который исследователи редко обращали внимание, Григорий сравнивает образы классического эллинизма с библейскими образами, и доказывает, что вторые имеют преимущество добродетели и человеколюбия (ibid. 4. 115–122). Гомер у Григория «твой» (т.е. Юлианов), а Моисей – «наш»[55]. Греческая религия – это мифы, лживые истории. «Миф – защита отступающих, а не тех, кто смело наступает» (ibid. 4. 117. 9–10). А когда встает вопрос об аллегоричности мифов (аллегоричности, которая использовалась в интерпретации библейских историй и христианскими богословами), то Григорий отвечает, ссылаясь на безнравственность греческих мифов: «Мне кажется, необходимо, чтобы и внешние знаки божественного, и выражения о нем не были неприличны и недостойны означаемого» (ibid. 4. 118. 21–25). Иначе говоря, Григорий, выступая за право христиан участвовать в образовательной системе, отвергает классическую пайдейю, т.е. серьезное восприятие «эллинизма». Именно здесь кроются корни метафоризации греческих богов в христианской литературе последующего времени. И именно отсюда начинается процесс активной христианизации «эллинизма».

Такого рода интерпретация «эллинизма» и позволила христианским интеллектуалам использовать наработки античной пайдейи[56]. Тому же содействовал и друг Григория Василий, что видно из его уже упоминавшегося выше сочинения «К юношам о чтении языческих книг»[57], в котором тот призывает юношей-хри-

[54] Сравнительный анализ биографий и идеологий Юлиана и Григория см. Elm 2012.
[55] «Наша философия» (καθ᾽ ἡμᾶς φιλοσοφία), говорит Григорий (Gr. Naz. *Or.* 4. 23. 6).
[56] Jaeger 1963, 51–76.
[57] Boulanger 2012.

стиан, получающих традиционное образование, относиться с осторожностью к изучаемым текстам, «заимствуя у них все, что полезно, и отвергая все иное» (Bas. *Ad Adul.* I. 6). Саму пайдейю он рассматривает как пропайдейю (ibid. VII. 9), т.е. видит ее ценной не саму по себе, а только лишь как приготовление к вере. Василий предлагает, таким образом, использовать языческую пайдейю, христианизируя «эллинизм»[58]. Вместе с тем Василий применяет к классическим текстам тот же метод герменевтического толкования, который был распространен на Востоке по отношению к текстам священного писания иудеев и христиан и который получил наименование «аллегорического»[59], тем самым содействуя процессу метафоризации языческой религии и превращения ее в литературу[60].

Следует отметить, что этот процесс был частью более обширных мировоззренческих изменений в сфере исторической памяти, происходивших в рассматриваемый период. Не только христианские интеллектуалы относились к мифологии аллегорически, но и сами «эллины». Нам уже встречалось высказывание Юлиана о том, что мифы носят сомнительный характер, а истинные «эллины» руководствуются разумом. Подобное же мнение мы обнаруживаем и у афинского ритора Гимерия, который, по-видимому, на какое-то время присоединился к Юлиану[61] и, возможно, был членом кружка «эллинов».

В дошедших до нас речах Гимерия «эллин» практически всегда тождествен интеллектуалу, придерживающемуся старой пайдейи, безотносительно религиозных воззрений. Так, в одной из речей он сводит эллинизм к пайдейе и следованию законам (παιδεία καὶ νόμοι) (Him. *Or.* 32. 5). В другом месте, восхваляя эллинистический нрав, он включает в него хорошее знакомство с философией Академии и Ликея, умение красиво говорить, а также внешний облик и одежду (ibid. 23. 4–7). Греческий язык, разумеется, играет основополагающую роль (ibid. 39, 5; 17. 4), ведь благодаря ему открывается возможность изучать философские и риторические тексты, которые лежат в основе классического образования. Более того, несмотря на общий гуманистический настрой Гимерия (он был, например, против телесных наказаний в риторических школах – ibid. 54), мы встречаем любопытное свидетельство того, что риторику он ставил выше этики. Разум, говорил он, исцеляется словесными науками и добродетелями, но первые при этом занимают главенствующую позицию (ἄρχουσα καὶ ἐπιστατοῦσα) (ibid. 15. 2).

«Эллинизм» Гимерия еще менее связан с религией, чем «эллинизм» Либания. Тем характернее взгляд Гимерия на миф, который для него уже целиком и полностью не предмет религиозного почитания, а аллегорическая история, метафора. Именно в этом ключе следует понимать, например, рассказ об эроте, иллюстрирующий стремление юношей к изучению риторики (Him. *Or.* 10), или историю про Анакреонта (ibid. 48. 3–5), которая по стилю и функциям в тексте речи ничем не отличается от мифологического повествования. В таком же аллегорическом

---

[58] Подробнее об отношении Василия к «эллинизму»: Impellizzeri 1983, 959–977; Fortin 1996, 137–151.

[59] Rousselle 2001, 385; см. также Dawson 1992.

[60] Любопытно, что и сам Юлиан, несмотря на свой религиозный буквализм, интересуется аллегорическими стратегиями интерпретации греческих мифов (Smith 1995, 25).

[61] Penella 2007, 34.

значении он говорит о двух Афродитах (ibid. 17. 7), о соревновании Афины и Посейдона (ibid. 21), о приключениях Одиссея (ibid. 30) и во многих других случаях. При этом, как и Юлиан, Гимерий замечает, что мифы – это выдуманные истории (ibid. 3. 11), в которые никто не обязан верить. Из мифов риторика черпает свои примеры так же, как она имеет право брать сюжеты из философии (ibid. 3. 1). При этом Гимерий, очевидно, придерживался языческих воззрений. Тем интереснее, что в своем восприятии старой мифологии он мало чем принципиально отличался от своих христианских коллег-риторов (например, от Проересия, с которым у него, вероятно, был конфликт в Афинах[62]).

Таким образом, «эллинизм» представителей кружка Юлиана свидетельствовал не только о стремлении соединить традиционную пайдейю с религиозным пафосом современности, но и (как это ни парадоксально, гораздо в большей степени) о процессах метафоризации самой мифологии, на которой эта пайдейя основывалась. Как стало возможным соединение настолько противоречивых тенденций в одном небольшом сообществе интеллектуалов? Нам представляется, что в данном случае произошла контаминация двух разнонаправленных процессов: усиления культовой и аскетической составляющих религии, с одной стороны, и роста критического отношения к отдельным проявлениям этого усиления, с другой. Последний процесс был, по своей сути, естественной попыткой уравновесить первый. Христианские отцы восприняли этот критический настрой «эллинов» по отношению к мифам, интерес же к культам и аскетике приспособили к своей собственной традиции.

Полемика, возникшая между «эллинами» и христианами в исследуемый период, говорит о той большой значимости, которой обладала античная пайдейя и «эллинизм» как таковой для всех мыслящих людей того времени. Вместе с тем религиозность была уделом не только и часто не столько христиан, сколько язычников и представителей традиционной языческой образованности. При этом уже внутри «эллинизма» происходят процессы метафоризации религиозных верований, религиозная сторона «эллинизма» отделяется от литературно-художественной и собственно образовательной. Этим процессам содействуют христианские интеллектуалы.

После смерти императора Юлиана сообщество «эллинов», судя по всему, прекратило существование. Конечно, во второй половине IV в. продолжали творить такие представители «эллинизма», как Либаний, Фемистий и Гимерий. Однако у нас нет подтверждений, что сохранилось само сообщество «эллинов». Едва ли не о единственном примере организации «эллинов» после Юлиана сообщает нам автор, о котором Евнапий даже не упоминает,– Синесий Киренский (в одном из писем к своему близкому другу, Syn. *Ep.* 101. 75–77). Речь идет о так называемом «панэллинионе» (πανελλήνιον), константинопольском кружке интеллектуалов, который образовался вокруг ритора Троила и существовал, по всей вероятности, в конце IV – начале V в. Об этом кружке известно чрезвычайно мало и только из сочинений самого Синесия. По всей вероятности, этот кружок уже не имел ничего общего с идеологией «эллинов» императора Юлиана и представлял собой попытку соединить элементы традиционной пайдейи с христианством ранневизантийских интеллектуалов.

---

[62] Barnes 1987, 208.

Литература / References

Athanassiadi-Fowden, P. 1981: *Julian and Hellenism. An Intellectual Biography*. Oxford.

Barnes, T.D. 1987: Himerius and the fourth century. In: *Classical Philology* 82/3, 206–225.

Becker, M. (ed.) 2013: *Eunapios aus Sardes. Biographien über Philosophen und Sophisten*. Stuttgart.

Bernardi, J. (ed.) 1983: Grégoire de Nazianze. *Discours 4–5. Contre Julien*. Paris.

Bidez, J., Lacombrade, C., Rochefort, G. (eds.) 1932–1964: *Julien. Œuvres Complètes*. 2 vols. Paris.

Bouffartigue, J. 1991: Julien ou l'hellénisme décomposé. In: S. Saïd (ed.), *Ἑλληνισμος. Quelques jalons pour une histoire de l'identité grecque. Actes du Colloque de Strasburg 25–27 octobre*. Leiden, 251–266.

Bouffartigue, J. 2016: Saloustios. In: R. Goulet (ed.), *Dictionnaire des philosophes antiques*. Vol. 6. Paris, 91–95.

Bowersock, G. 1978: *Julian the Apostate*. London.

Bowersock, G. 1990: *Hellenism in Late Antiquity*. Ann Arbor.

Bowie, E.L. 1991: Hellenes and Hellenism in writers of the early 2nd Sophistic. In: S. Saïd (ed.), *Ἑλληνισμος. Quelques jalons pour une histoire de l'identité grecque. Actes du Colloque de Strasburg 25–27 octobre*. Leiden, 183–204.

Boulanger, F. (éd.) 2012: Basile de Césarée. *Aux jeunes gens: sur la manière de tirer profit des lettres hellénique*. Paris.

Browning, R. 1975: *The Emperor Julian*. London.

Clark, E.A. 1992: *The Origenist Controversy: The Cultural Construction of an Early Christian Debate*. Princeton.

Colonna, A. (ed.) 1951: *Himerius. Declamationes et Orationes*. Roma.

Cribiore, R. 2013: *Libanius the Sophist. Rhetoric, Reality and Religion in the Fourth Century*. London.

Dawson, D. 1992: *Allegorical Readers and Cultural Revision in Ancient Alexandria*. Berkeley.

Edwards, M. 2004: Pagan and Christian monotheism in the Age of Constantine. In: S. Swain, M. Edwards (eds.), *Approaching Late Antiquity*. Oxford, 211–234.

Elm, S. 2003: Hellenism and historiography: Gregory and Julian in dialogue. In: *Journal of Medieval and Early Modern Studies* 33, 493–515.

Elm, S. 2012: *Sons of Hellenism, Fathers of the Church. Emperor Julian, Gregory of Nazianzus, and the Vision of Rome*. Berkeley–Los Angeles–London.

Elm, S. 2017: The letter collection of the Emperor Julian. In: C. Sogno, B.K. Storin, E.J. Watts (eds.), *Late Antique Letter Collections: A Critical Introduction and Reference Guide*. Oakland, 54–68.

Flinterman, J.-J. 1995: *Power, paideia and Pythagorianism. Greek Identity, Conceptions of the Relationship between Philosophers and Monarchs and Political Ideas in Philostratus' Life of Apollonius*. Amsterdam.

Foerster, R. (ed.) 1963: Libanius. *Opera*. 12 vols. Leipzig.

Follet, S. 1991: Divers aspects de l'hellénisme chez Philostrate. In: S. Saïd (ed.), *Ἑλληνισμος. Quelques jalons pour une histoire de l'identité grecque. Actes du Colloque de Strasburg 25–27 octobre*. Leiden, 205–216.

Fortin, E.L. 1996: Christianity and Hellenism in Basil the Great's address Ad Adulescentes. In: J. Brian Benestad (ed.), *The Birth of Philosophic Christianity: Studies in Early Christian and Medieval Thought*. Lanham, 137–151.

Fox, R.L. 1986: *Pagans and Christians*. Suffolk.

Giangrande, J.G. (ed.) 1956: Eunapius. *Vitae sophistarum*. Rome.

Goldhill, S. 2006: Artemis and cultural identity in Empire culture: How to think about polytheism, now? In: D. Konstan, S. Saïd (eds.), *Greek on Greekness. Viewing the Greek Past under the Roman Empire*. Cambridge, 112–161.

Gschnitzer, F., Högemann, P. 2006: Hellas. In: H. Cancik, H. Schneider (eds.), *Brill's New Pauly*. URL: http://dx.doi.org/10.1163/1574–9347_bnp_e506760; accessed on: 14.02.2022.

Hahn, J. 2008: The conversion of the cult statues: The destruction of the Serapeum 392 AD and the transformation of Alexandria into the "Christ-loving" city. In: J. Hahn, S.E. Emmel, U. Gotter (eds.), *From Temple to Church: Destruction and Renewal of Local Cultic Topography in Late Antiquity*. Leiden, 336–367.

Hall, J.M. 2002: *Hellenicity. Between Ethnicity and Culture*. Chicago–London.

Impellizzeri, S. 1983: Basilio e l'Ellenismo. In: *Basilio di Cesarea: La sua età, la sua opera e il basilianesimo in Sicilia*. Vol. 2. Messine, 959–977.

Jaeger, W. 1963: *Das frühe Christentum und die griechische Bildung*. Berlin.
Jones, C.P. 2004: Multiple identities in the Age of the Second Sophistic. In: B.E. Borg (ed.). *Paideia: The World of the Second Sophistic*. Berlin, 13–21.
Konstan, D., Saïd, S. (eds.) 2006: *Greek on Greekness. Viewing the Greek Past under the Roman Empire*. Cambridge.
Kurmann, A. (ed.) 1988: *Gregor von Nazianz. Oratio 4 gegen Julian*. Basel.
Lacombrade, C. 1958: L'hellénisme de Julien et les lettres grecques. *Pallas. Revue d'études antiques* 6, 21–38.
Laistner, M.L.W. 1967: *Christianity and Pagan Culture in the Later Roman Empire*. Ithaka, N.Y.
Marcone, A. 2020: Pagan reactions to Julian. In: S. Rebenich, H.-U. Wiemer (eds.), *A Companion to Julian the Apostate*. Leiden, 326–359.
Masaracchia, E. (ed.) 1990: Giuliano Imperatore. *Contra Galilaeos*. Roma.
Millar, F. 2006: *Rome, the Greek world and the East*. Vol. 3. *The Greek World, the Jews and the East*. North Caroline.
Nesselrath, H.-G. 2014: Libanius and the literary tradition. In: L. Van Hoof (ed.), *Libanius. A Critical Introduction*. Cambridge, 241–267.
Nesselrath, T. 2013: *Kaiser Julian und die Repaganisierung des Reiches. Konzept und Verbilder*. Münster.
Penella, R.J. 1990: *Greek Philosophers and Sophists in the Fourth Century A.D. Studies in Eunapius of Sardis*. Leeds.
Penella, R.J. 2007: *Man and the Word. The Orations of Himerius*. Berkeley–Los Angeles–London.
Rappe, S. 2001: The new math: How to add and to subtract pagan elements in Christian education. In: Y.L. Too (ed.), *Education in Greek and Roman Antiquity*. Leiden, 405–432.
Rousselle, A. 2001: Images as education in the Roman Empire (second-third centuries AD). In: Y.L. Too (ed.), *Education in Greek and Roman Antiquity*. Leiden, 373–403.
Saïd, S. 2006: The rewriting of the Athenian past from Isocrates to Aelius Aristides. In: D. Konstan, S. Saïd (eds.), *Greek on Greekness. Viewing the Greek Past under the Roman Empire*. Cambridge, 47–60.
Schouler, B. 1991: Hellénisme et humanisme chez Libanios. In: S. Saïd (ed.), *Ἑλληνισμος. Quelques jalons pour une histoire de l'identité grecque. Actes du Colloque de Strasburg 25–27 octobre*. Leiden, 267–286.
Smith, R. 1995: *Julian's Gods. Religion and Philosophy in the Thought and Action of Julian the Apostate*. London–New York.
Stenger, J. 2009: *Hellenische Identität in der Spätantike. Griechische Autoren und ihr Unbehagen an der eigenen Zeit*. Berlin–New York.
Stenger, J.R. 2014: Libanius and the "game" of Hellenism. In: L. Van Hoof (ed.), *Libanius. A Critical Introductio*n. Cambridge, 268–292.
Stenger, J.R. 2018: The "pagans" of Late Antiquity. In: J. Lössl, N.J. Baker-Brian (eds.), *Companion to Religion in Late Antiquity*. New York, 391–410.
Van Nuffelen, P. 2014: Not the last pagan: Libanius between elite rhetoric and religion. In: L. Van Hoof (ed.), *Libanius: A Critical Introduction*. Cambridge, 293–314.
Yıldırım, B. 2004: Identities and Empire: Local mythology and the self-representation of Aphrodisias. In: L. Van Hoof (ed.), *Paideia: The World of the Second Sophistic*. Berlin, 23–52.

ПУБЛИКАЦИИ

Vestnik drevney istorii
82/1 (2022), 133–149
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/1 (2022), 133–149
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910010967-6

НАДПИСИ ИЗ РАСКОПОК В ПРИГОРОДЕ АНТИЧНОЙ ГОРГИППИИ

Н.В. Завойкина[1], А.М. Новичихин[2]

[1] *Институт археологии Российский академии наук, Москва, Россия*
[2] *Анапский археологический музей, Краснодарский край, Россия*

[1] *E-mail*: zavoykina@mail.ru [2] *E-mail*: yazamat03@mail.ru

[1] *ORCID*: 0000-0002-0533-3598 [2] *ORCID*: 0000-0001-9878-2431

В статье публикуются четыре надписи из раскопок 1985 г., как предполагается, пригородного святилища Горгиппии (совр. Анапа). Надпись 1 представляет посвятительный акт 160 г. или 170 г. одной из частных ассоциаций города. Сохранность фрагментарная, но она позволяет предполагать, что в эту ассоциацию входило более 50 человек. Надпись 2 содержит список имен, который является, видимо, частью посвящения частной ассоциации Горгиппии. Она датируется серединой II в. н.э. В надписи 2 впервые в боспорской эпиграфике встречается звание категета. Обе надписи содержат наряду с распространенными именами новые варианты сарматских имен, ранее известных в надписях Танаиса первой половины III в. (Χυοζωνακος, Γασαμφλίας), а также группу новых имен, предположительно, из круга скифо-сарматской антропонимии Северного Причерноморья (Αταιγος, Αμψατιος, Μαναγεις, Ναφομφμας, Οκατης). От надписи 3 сохранилась эпонимная формула с именем боспорского царя Савромата II (173/4–210/211 гг.). Фрагменты надписи 4 содержат начало надписи, состоящее из эпонимной формулы и календарной даты. По характеру шрифта она датируется временем правления боспорского царя Евпатора (153/154–173/174 гг.).

Ключевые слова: Боспорское царство, Горгиппия, пригородное святилище, надписи

Данные об авторах. Наталья Владимировна Завойкина – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН, Москва; Андрей Михайлович Новичихин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Анапского археологического музея – филиала ГБУК «КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына», Анапа, Россия.

INSCRIPTIONS FROM THE FIELDWORK AT THE SUBURBAN SANCTUARY AT GORGIPPIA

Natalia V. Zavoykina[1], Andrey M. Novichikhin[2]

[1] *Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*
[2] *Anapa Archaeological Museum, Krasnodar Region, Russia*

[1] *E-mail*: zavoykina@mail.ru [2] *E-mail*: yazamat03@mail.ru

Four inscriptions found in the course of fieldwork at the suburban sanctuary not far from Gorgippia (modern Anapa) in 1985 are published in the article. Inscription 1 is a dedication of a private association, which erected a stele with a text at in the end of August or September AD 161 or 171. It is fragmentary, but may suggest that more than 50 people were members of the association. Inscription 2 contains a list of names and apparently represents a part of a dedication of a private association at Gorgippia. It is dated to the middle of the second century AD. Along with common Greek, Anatolian, and North-Iranian names that are well-known in the Bosporan region in the Roman period, both inscriptions contain new variations of Sarmatian names previously mentioned in the inscriptions of Tanais from the first half of the third century AD, as well as new names which can be tentatively assigned to the Scythian and Sarmatian anthroponomy in the Northern Black Sea Region (Αταιγος, Αμψατιος, Μαναγεις, Ναφομφμας, Οκατης). Only an eponymous formula with the name of the Bosporan king Sauromates II (AD 173/174–210/211) has survived in inscription 3. Fragments of the eponymous formula and calendar date are found in inscription 4. It can be dated by palaeographic criteria to the reign of the Bosporan king Eupatoros (AD 153/154–173/174).

Keywords: Bosporan kingdom, Gorgippia, a suburban sanctuary, inscriptions

В апреле 1985 г. археологический отряд Анапского музея под руководством Н.Д. Нестеренко и при участии одного из авторов проводил охранные раскопки участка прокладки коммуникационной траншеи на территории военного городка в 1,5 км к юго-востоку от городища Горгиппия. В раскопе, представлявшем собой квадрат 5 × 5 м[1], была открыта вымощенная плинфой площадка, ориентированная краями по сторонам света. К юго-западу от площадки находился частично перекрывавший ее каменный завал, из которого при раскопках было извлечено около 150 мраморных фрагментов скульптур и плит с надписями, судя по всему, преднамеренно разбитых[2]. В публикациях материалов раскопок было высказано предположение, что исследованный участок являлся частью святилища в предместье Горгиппии[3]. Скульптурные фрагменты принадлежат четырем разным памятникам. Среди них выделяются обломки мраморного рельефа, изображавшего, практически в натуральную величину,

[1] Границы раскопа были ограничены проезжей дрогой и стеной одного из домов.
[2] Полевой шифр ДОС-85, находки хранятся в Анапском археологическом музее, коллекция КМ 7283.
[3] Kharaldina, Novichikhin 1994, 207; 2000, 68; Novichikhin 2011, 69.

всадника на коне[4]. Е.А. Савостина датирует рельеф I в. н.э.[5] Находка при раскопках пантикапейского обола типа «голова Аполлона – орел на молнии»[6] дает основания считать, что предполагаемое святилище начало функционировать в первой половине I в. до н.э. или несколько позднее. Наличие на одной из плинф энглифического клейма в виде так называемой тамги боспорского царя Аспурга может указывать, что культовый комплекс был сооружен или благоустраивался в период его правления[7]. Находка серебряной подвязной фибулы с узкой ножкой, близкой изделиям 3 группы по классификации А.К. Амброза[8], указывает предполагаемое время разрушения святилища – III–IV вв.н.э. Наиболее вероятным представляется, что оно было уничтожено одновременно с Горгиппией в 239 г.н.э. нашествием варваров, после которого античный город и его округа долгое время не функционировали.

Одним из значимых открытий при раскопках святилища стало обнаружение четырех фрагментированных греческих надписей[9].

Надпись 1 собрана из 14 фрагментов мраморной плиты (рис. 1). Их суммарная толщина 3–4 см. Лицевая поверхность плиты отшлифована. Текст вырезан без линеек, но достаточно аккуратно. Высота букв варьируется от 1–1,3 см до 1,5 см (*фи*). Расстояние между строками: 0,4 см – 0,8 см. Между именами вырезаны точки-разделители начиная с стк. 7.

Текст

1 Βασιλεύοντος βα[σιλέως Τιβερίο]υ Ἰουλίου Εὐπ[άτορος φιλοκαί]-
σαρος καὶ φιλορωμ[αίου, εὐσεβοῦ]ς, ἔτους Ϛ[ΞΥ? μηνὸς Γορ]-
π[ι]αίου Α΄ ἐπὶ Φαρ[νακίωνος Π]όθου Νεοκλ[έους τοῦ ἐπὶ τῆς Γορ]-
γιππείας θεασ[εῖται οἱ περὶ ἱερέα Χ]υοζωνακο[ν - - - - - καὶ συναγω]-
5 γὸν Πάβαν Φαρν[άκου καὶ] φροντιστὴ[ν] - - - - - - - - - - - - - - - - - -
Θεόδοτος Ἀγᾳ[θοῦ], - - - - - - - - - - [Κ]ᾰλλισθέν[ου],- - - - - - - - - -
Πόθου, Πόθος - - - - - - ου, Ἀγᾳθοῦ[ς] - - - - - - - - - - - - - - - - - - -
Σ[αρ]υκ[ος] - - - - - - - - -,[Ἀπολ]ᾰ̀ώνιο[ς] - - - - - - - - - - - - - - - - - -
[Π]οτηγό[ς] - - - - - - - - -, [Φαρνακί?]ων - - - - - - – - – - -, [Κοσσο?]-
10 ῦς Φιλίσ[κου], -
Συμμ[άχου], -[Γαδίκ?]-
ιος - [Βα]σιλικό̣[ς] - - - - - - - - - - - -
[Χρηστί?]ων Πάπα, Δάσ[εις - - - - - - – -]α, Ἀθηνό[δωρος Πό-]
[θου?], Φαρνάκης Κοθίν[ου, Σαν?]ώκας Δα- - - - - - - -,[Παντα]-
15 [λέ?]ων Φαρνάκου, Ποτ[ηγός] - - - - - - - - - -, [Γ]ασαμφλία[ς] *vac.*
[Σ]ωσ<ί>α Χρηστοῦ[ς], - - - - - - - - - [Ἀπολ]λών[ιος] - - - - - - -

---

[4] Kharaldina, Novichikhin 1994, 207, рис. 8; 9; 2000, 68, рис. 8; 9; Novichikhin 2011, 69, рис. 1; 2; Savostina 2012, 244, 245, рис. 199; 200.

[5] Savostina 2012, 245.

[6] Zograf 1951, табл. XLIII, *20*; Anokhin 1986, табл. 9, *214*.

[7] Novichikhin 2011, 70; Zavoykina, Novichikhin, Konstantinov 2018, 680–692.

[8] Ambroz 1966, 64, табл. 11, *11*.

[9] Работа с надписями № 1 и 2 существенно осложнялась тем, что две различные по палеографическим признакам надписи в экспозиции Анапского музея были объединены более 25 лет назад в одну надпись и надежно закреплены на стене выставочного зала. На рис. 2 плиты видны два металлических шарнира, которые фиксируют надпись на стене снизу.

Рис. 1. Посвятительная надпись фиаситов 161 г. или 171 г. *Фото и реконструкция авторов, 2018 г.*

[Πολύκ]ριτος Ἡδύ[κου], - Φίλων-
[ος], Γ̣λύκων Δ - - - - - - - - - - - - - - - - - - - [? Ἀθηνόδ]ωρου, Ἀπο-
[λλᾶς? Ἰ]λία, Ἄτ<τ>α[ς Πόθο?]υ, Μί[δαχος? Β΄], [Μα?]στοῦς Γο-
[ργία?], - - - - - -ων Δ - - - - - -, [Γό]κων [- - - - - - ε]ι, Ζαζζοῦ[ς]
[Δάδα?], Γλυκ[αρίων?]- - - - - -, [Με]λάν[ιππος - ? -]κ̣ρ̣ά̣τει, *vac.*
[Ἀλέξαν]δρο[ς] - [Σκόζ?]ος Ἀτ-
[τακού]α, Π- ο -
[Ἀγαθο?]ῦς Ἀζία, [Γοσήτλ]ει[ς Ἀκ]άσα, - - - - - - - - - - - - - - - - -
- - - - - - Θίακας - - - - - - - - [Β]άγδο[χο]ς Φα[ρνάκου?], [Χρη]-
[στο?]ῦς Π[άππου?] -

1. В середине строки после лакуны видна правая часть *ипсилона*. 2. После лакуны перед концевой *сигмой* сохранилась нижняя часть вертикальной гасты; в конце строки перед сколом виден в верхнем поле левый край горизонтальной гасты. 4. В ΘΕΑΣ после *сигмы* видны верхний и нижний края горизонтальных гаст *эпсилона*. 5. От *фи* в ΦΡΟΝΤΙΣΤΗ видна на камне нижняя часть вертикальной гасты. 6. После ΑΓ видна левая часть *альфы*. 7. Скол с правой стороны частично уничтожил *омикрон* в конце строки. 8. После ΥΣ виден край нижней горизонтальной черты. 12. В ΣΙΛΙΚΟ утрачены верхние края букв, от *омикрона* сохранилось левое полукружье перед сколом. 14. Перед ΩΚΑΣ виден край нижней гасты. 21. Сохранились верхние части *каппы, ро, альфы* перед ΤΕΙ, далее до конца строки следует пустое поле. 22. В конце строки перед *сигмой* видно правое полукружье *омикрона*.

Перевод: В царствование царя Тиберия Юлия Евпатора, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, в году 457 (или 467) и месяце Горпиейе, 1 дня, при Фарнакионе, сыне Пофа,

сыне Неокла, наместнике Горгиппии, фиаситы во главе со жрецом Хюозонаком сыном - - - и синагогом Пабом, сыном Фарнака, и фронтистом - - -; Феодот, сын Агафуса, - - - сын Каллисфена, - - - сын Пофа, Поф сын - - -, Агафус сын - - -, Сарик (?) сын - - -, Аполлоний сын - - -, Потег сын - - -, - - -он сын - - -, Коссус сын Филиска, - - - сын Симмаха,- - - Гадикий сын - - -, Басилик сын - - -, Хрестион сын Папа, Дасий сын - - -, Афенодор сын Пофа, Фарнак сын Кофина, Санок сын Да- - -, Панталеон сын Фарнака, Потег сын- - -, Госамфлий сын Сосия, Хрестус сын - - -, Аполлоний сын - - -, Поликрит сын Гедика, - - - сын Филона, Гликон сын Д- - -, - - - сын Афенодора, Аполлай сын Илия, Аттас сын Пофа, Мидах сын Мидаха, Мастус сын Горгия, - - - он сын Д- - -, Гокон сын - - -ея, Задзус сын Дада, Гликарион сын - - -, Меланипп сын - - -кратея, Александр сын - - -, - - - сын - - -, Скоз сын Аттакова, П- - - сын - - -, - - - сын - - -о-, Агафус сын Азия, Гасетлий сын Акаса, - - - сын - - -, - - - сын - - -, Фиак сын - - -, Багдох сын Фарнака, Хрестус сын Паппа - - -.

В стк. 1–3 надписи сохранилась частично эпонимная формула с именем боспорского царя Евпатора. Она включает основные элементы царской титулатуры и встречается в ряде боспорских документов середины I – первой половины III в. н.э. (*CIRB* 1239, 1241, 1260, 1260а). Эпонимная формула показывает, что длина строк надписи варьируется от 42–45 букв (стк. 2–3) до 51 буквы (стк. 1, 4). В конце стк. 2 выбита календарная дата по боспорско-вифинской эре. От цифры года сохранилась только левая часть *дзеты*. С учетом постановки надписи в царствование Евпатора (154–173/174 гг. н.э.[10]) цифра года может быть восстановлена либо как ZNY (457 г. б.э. = 160/161 г. н.э.), либо как ZΞY (467 г. б.э. = 170/171 г. н.э.). Упоминание после цифры года 1-го числа месяца Горпиейя, предпоследнего месяца боспорского календаря, который начинался с полнолуния в августе по современному летоисчислению, указывает, что установка надписи приходится на конец лета – начало осени 161 г. или 171 г. Новая надпись имеет и третий хронологический репер – она датируется правлением Фарнакиона, сына Пофа, сына Неокла, наместника Горгиппии. Он идентичен Фарнакиону, сыну Пофа, сына Неокла, наместнику Горгиппии, надписи *CIRB* 1129 А+Г[11]. Последняя надпись, вероятно, относится к 173/174–180-м годам, т.е. к начальному периоду правления Савромата II[12].

Лакуна в стк. 4 после θεασε- уничтожила 13–14 букв. Восстанавливаем θεασε[ῖται], *фиаситы*. Это слово свидетельствует о принадлежности надписи к документам частных ассоциаций Горгиппии. Номинатив θεασεῖται предлагаем исходя из аналогичных падежных форм личных имен рядовых фиаситов, перечисленных в стк. 6–26. В пространство после θεασε[ῖται] вполне умещается фраза [οἱ περὶ ἱερέα Χ]υοζωνακο[ν - - -], стандартное начало списков членов правления частных сообществ на Боспоре (*CIRB* 1129[13], 1134, 1135 и пр.). В имени жреца сообщества утрачена начальная буква и левая часть *ипсилона*. Имя Χυοζωνακος встречено впервые в антропонимии Горгиппии. Оно представляет ранний вариант греческой

---

[10] Frolova 1971, 62; 1997, 145.

[11] Smirnova 2001, 356; Zavoykina 2013, 259.

[12] В пользу высказанного мнения свидетельствуют отличия в палеографии надписи *CIRB* 1129 А+Г от надписи 1. В частности, отсутствуют точки-разделители между словами, украшения сведены к минимуму и прослеживается более строгий, монументальный стиль в начертании букв.

[13] Уточнение чтения см. Zavoykina 2013, 259.

транслитерации сарматского имени Χωδόνακος, отмеченного в надписях Танаиса во второй четверти III в.[14] (*CIRB* $1280_{15–16}$, $1284_{12–13}$). Новые варварские имена не имели устойчивой фонетической традиции в греческом языке боспорских надписей, поэтому в имени Χυοζωνακος наблюдаются расхождения с его же вариантом из Танаиса. В частности, в 1 слоге вместо дифтонга ου резчик вырезал, видимо ошибочно, буквы υο. Во втором слоге стоит ω вместо ο; подобная замена встречается в языке боспорских надписей первых веков[15]. Чередование согласных δ и ζ отмечалось и прежде в сарматских именах Боспора (*CIRB* $36Б_{27,}$ 1263_{9}, $1278_{23,}$ 1281_{18}, $1282_{8,}$ 1288_{7})[16]. Замена *омеги* на *омикрон* в третьем слоге имени Χυοζωνακος является следствием утраты количественных различий гласных в греческом языке первых веков[17]. Отчество жреца сообщества утрачено, оно состояло из 4–5 букв. Далее в стк. 5 упоминаются синагог Паб, сын Фарнака, и фронтист, имя которого не сохранилось. Отметим, что Πάβας Φαρνάκου Τράγου упоминается в списке имен второй половины II в. н.э. из Горгиппии (*CIRB* 1179_{42}). С стк. 6 начинается список рядовых фиаситов, их имена стоят в nom. sing. В одной строке умещается примерно по три полных имени. Упоминание каждого отдельного лица выделено точками в надписи (7–20 строки). В целом, имена рядовых фиаситов из новой надписи обычны для ономастикона Горгиппии II – первой половины III в. н.э. Прежде всего это большая группа панэллинских, а также ряд североиранских (Фарнак, Фарнакион и пр.) и анатолийских имен (Папп, Дад, Поф и т.п.), которые прочно вошли в боспорскую антропонимию римского времени. В начале стк. 6 восстанавливаем предположительно имя Σ[αρ]υκ[ος?]. Известны варианты этого имени с разной корневой огласовкой: Σαρίακος[18], Σάρακος (*CIRB* 1287), а также fem. Σαρύκη (*CIRB* 512). В стк. 12 восстанавливаем имя [Βα]σιλικό[ς], которое впервые встречается в ономастиконе Горгиппии. Это имя отмечено в надписи из Том (*IScM* II 83; ср. антропоним Βασιλίσκος). В стк. 13 предполагаем чтение имени Δάσ[εις - - - - - - -] α, поскольку имя Δάσεις отмечено только в Горгиппии (*CIRB* $1145_{4–5, 7}$)[19]. От отчества Дасия, которое состояло из 7–8 букв, на камне сохранилось окончание -α. В конце стк. 14 сохранились буквы ΩΚΑΣΔΑ, которые предположительно читаем как [Σαν?] ώκας Δα- - - -, (Сан?)ок сын Да...[20]. Возможны и другие варианты восстановления личного имени: [Φ]ωκᾶς, [Ἡρ]οκᾶς. В стк. 15 вырезано имя [Γ]ασαμφλία[ς]. В третьем слоге этого имени после *сигмы* стоит *альфа*, а не *эпсилон*, как предполагалось в реконструкциях этого антропонима в надписях *CIRB* 1157, 1170 А, $36 А_{14}$,– во всех случаях на месте *эпсилон* присутствуют лакуны. От отчества Гасамфлия сохранились буквы -ΩΣΑ- в начале стк. 16. Скол в начале строки уничтожил 1–2 буквы, поэтому предполагаем здесь чтение [Σ]ωσ<ί>α (ср. *CIRB* 1179_{22}) или

---

[14] О предполагаемой этимологии этого имени см. Abaev 1979, 309: Hod-.

[15] Dovatur 1965, 801, § 4.6.

[16] Dovatur 1965, 808, § 3.3.

[17] Dovatur 1965, 801, § 4.7, 4.8.

[18] Встречено в надписях из Малой Скифии (*LGPN* IV, Σαρίακος).

[19] Zavoykina, Novichikhin, Konstantinov 2018, 682.

[20] В списке имен из Горгиппии *CIRB* 1180_{2} отмечается имя Σανόκας (= Σανόχας). Полагаем, что вследствие утраты в первые века количественных различий греческими гласными стала возможна замена *омикрона* на *омегу* в имени [Σαν]ώκας.

[Σ]ώσα – gen. doricus от личного имени Σωσᾶς. В стк. 19 предположительно восстанавливаем Ἄτ<τ>α[ς Πόθο?]υ на основании упоминания аналогичного имени в списке имен *CIRB* 1134_{24}. Далее предполагаем чтение Μί[δαχος? Β΄], поскольку оно удачно располагается в лакуне. Завершает эту строку предположительно имя Маста, сына Горгия, [Μα?]στοῦς Γο[ργία]. Восстановление отчеств фиаситов в gen. sing. -ᾱ, таких как Δάδα, Γοργία, объясняется тем, что в боспорских надписях получает распространение в первые века gen. doricus у мужских имен на -ας, который в надписях предшествующего времени из этого государства встречается нечасто. В конце стк. 21 восстанавливается предположительно имя [Με]λάν[ιππος]. Оно прежде не встречалось в надписях Горгиппии. Далее в строке следуют буквы ҚṚẠTEI. После *йоты* и до края плиты располагается пустое поле длиной в 3 буквы. Это наблюдение подводит к выводу, что ҚṚẠTEI является завершающей частью отчества предполагаемого Меланиппа. Однако в боспорских надписях форма gen. sing. на -κρατει имени собственного встречается впервые. Номинативная форма подобного имени должна быть [- ? -]κράτεις вместо [- ? -]κράτης. Очевидно, что мы имеем дело с отступлением от грамматических норм эллинистического койне. Еще раз подобное отступление встречается в имени Χρήστεις, которое передает, видимо, форму Χρήστης в надписи № 2_{10} настоящей публикации. В стк. 22–23 восстанавливаем [Σκό?]ος Ἀτ[τακού]α на основании упоминания аналогичного имени в надписи синода *CIRB* $1135_{8–9}$. В стк. 24 предполагаем чтение [Γοσήτλ]ει[ς Ἀκ]άσα, которое отмечается в списке имен *CIRB* 1142_{13}. В стк. 25 вырезано имя Θίακας, отчество не сохранилось. Оно встречается впервые в ономастиконе Горгиппии[21]. Далее восстанавливаем по остаткам букв иранское имя Βάγδαχος, которое известно по списку фиаситов *CIRB* 1279_{26} из Танаиса. В начале стк. 26 восстанавливаем предположительно [Χρηστο?]ῦς Π[άππου?] на основании упоминания аналогичного имени в надписи *CIRB* $1179_{54–55}$ второй половины II в. н.э. из Горгиппии.

Надпись 2 собрана из 13 фрагментов (рис. 2). Один небольшой фрагмент представляет собой часть левого края плиты, остальные 12, складывающиеся в единый блок, образуют ее правый нижний угол. Толщина плиты 3–4 см. Лицевая сторона отшлифована. Высота букв 1,3–1,5 см; расстояние между строками – 0,7–0,8 см. Строки вырезаны без предварительной разметки одним резчиком, но ввиду экономии места он расположил буквы в 15–24 строках более убористо и вырезал их мельче. В результате в 1–14 строках располагается по два полных имени, а в 15–24 строках – по три имени. Также в пользу этой версии свидетельствует сходное начертание большинства букв надписи, различаются они лишь размерами. Очевидные отличия встречаются в заключительных (23–24) строках: курсивная *сигма*, *омега* с сильно закругленными внутрь несомкнутыми краями овала, *каппа* с укороченными усиками, *альфа* с косой перекладиной; *фи* с маленьким узким овалом. Подобные формы букв в конце документа, как представляется, вызваны стремлением резчика вместить весь текст на поверхность плиты. По всей видимости, места не хватило, поэтому имя Александр, расположенное в конце надписи у нижнего края плиты, дано без отчества.

[21] *LGPN* I, Θίακος (Крит).

Рис. 2. Нижняя часть посвятительной надписи фиаситов времени правления царя Евпатора. *Фото авторов, 2018 г.*

Шрифт надписи в целом строгий, четкий, с минимальными украшениями букв в виде небольших утолщений на краях гаст. Из общего ряда несколько выбиваются изображения *сигмы*, *альфы*, *капы, фи* в стк. 23–24, но они не нарушают общей геометризации форм букв. Все буквы равновеликие, за исключение *омикрона* – в начальных строках надписи он вырезан одной высоты с буквами в строке, однако в строках 11, 13, 14–20 его диаметр уменьшается почти вдвое (ок. 0,8 см). Обращает внимание, что надпись 2 несколько отличается по начертанию от букв надписи 1, датированной 161 г. или 171 г.: нет горизонтальной гасты под верхней частью *ипсилон*; имеются маленький *омикрон* и лунарная *сигма*; нет точек-разделителей между именами; центральная гаста *эты* не касается боковых вертикалей; *омега* изображена в виде полукруга без резко загнутых внутрь краев, от которых в стороны отходят горизонтальные гасты. В целом перечисленные особенности характерны для надписей середины II в. н.э.[22] К этому временному отрезку мы относим и надпись 2.

Текст

1 -
- Δ̣ιόφαν-
[τος?] - Ἀθηνό-
[δωρος -ο]υ, Καλοῦς
5 -ς Ἀπολ-
[λωνίου?], - Πόθ[ο]υ,̣

[22] Boltunova, Knipovich 1962, 24; Boltunova 1968, 68–69.

Πο̣θεῖ[νος - - - - - - - - - - - - - - - -Ποθίσ?]κ̣ου,
Ἔρως [Ὁμψ]άλακ[ου], - - - - - - - [Γλύκ]ω̣ν Ἀπολ-
λων[ίου, Χρη]σ̣τίων Πόθ̣[ου, Ποθί]σκος Ἀδελ-
φ<ί>ο[υ], - - - - - Χ̣οζεκίου, Φαρνακ[ί]ων Φαρνάκου,
- - - - - -[Πο]θίσκου, Χρήστεις Πανταλέωντος,
[- - - - - - - ο]υ, Ἀρίστων Χρήστου, Συβληγους
- - - - - - -, [Ε]ὔτυχος Β΄, Μαναγεις Πανταλέων-
[τος], [Ἀγαθ?]οῦς Κρατείνου, Πόσιος Δ̣ιοφάντου,
[- - - - - Ἀπ]ολλόδοτου, καθηγητής Ἀπολλώνιος (καὶ) Παπίας υἱοι Νοσ[τ]ίμ-
[ου], - - - - - Κ̣οσ<σ>ίνα, Εὔτυχος [Σ]άσα, Ἄττας Χορηγίωνος, Νεοκλῆς
[- - - - -]ο̣υ, Ἔρως Πάππου, Φιλέρως Ἀθηνοδώρου, Ἴλαρος Ἀρδαράκου,
[- - - -]ας Φαρνακίωνος, Πάπας Μηνοφίλου, Χαρίτων Πόθου, Πόθος Γλύ-
[κω]νος, Γλυκαρίων Νείκα, Ῥόδων Αταιγου, Αμψατιος Μυρείνου,
[- - - - -]ς Χρηστίωνος, Ἀγαθοῦς Αἰνεία, Ναφομφμας Τειμο-
[θέου?, Διό]φαντος Κο̣σ<σ>ίνα, Ποθεῖνος Χρηστίωνος, Θαχαμφλί-
[ας - - - - - ω]νος, Κισσῆς Θεοτείμου, Φανδάρ[α]σμος Ἀπόλλωνος,
[- - - - - - - - - - -] Νεοκλέους, Ἄτ<τ>ας Τειμόθεου, Πτυγ<γ>άς Ἄττα, Ἀγαθοῦς
[- - - - - -, Κοθ]ίνας Ψυχαρίωνος, Οκατης Ἀπολλώνιου, Ἀλέξανδρος.

1. В конце строки виден нижний край вертикальной гасты. 6. В конце строки после ΠΟΘ видна нижняя часть ножки *ипсилона*. 8. После ΑΛΑ видны нижние края гаст *каппы*. 10. После ΦΟ скол по краю фрагмента, перед ΟΖΕΙΚΟΥ видны нижний и верхний края косых гаст *хи*, после ΦΑΡΝΑΚ-*1*- видна нижняя правая горизонтальная гаста *омеги*. 11. После ΧΡΕΣΤΕ вверху и внизу скола видны края *йоты*. 14. В конце строки от ΔΙΟΦΑΝ сохранились верхние части букв над разломом плиты. 15. После ΥΙΟΙ сохранились частично буквы Ν̣ΟΣ̣-*1*-ΙΜ̣.

Перевод: ...Диофант сын - - -, Афенодор сын - - -, Калус сын - - -, - - - сын Аполлония (?), - - - сын Пофа, Пофин сын - - -,- - - сын Пофиска (?), Эрос сын Омпсалака,- - - Гликон сын Аполлония, Хрестион сын Пофа, Пофиск сын Адельфия, - - - сын Ходзекия, Фарнакион сын Фарнака, -- - сын Пофиска, Хрестий сын Панталеонта, -- - сын - - -, Аристон сын Хреста, Сиблегус сын - - -, Эвтих сын Эвтиха, Манагий сын Панталеонта, Агафус сын Кратина, Посий сын Диофанта, - - - сын Аполлодота, *категет* Аполлоний (и) Папий сыновья Ностима, - - - сын Косина, Эвтих сын Саса, Атт сын Хоригиона, Неокл сын - - -, Эрос сын Паппа, Филерос сын Афенодора, Илар сын Ардарака,- - - сын Фарнакиона, Пап сын Менофила, Харитон сын Пофа, Поф сын Гликона, Гликарион сын Ника, Родон сын Атайга, Ампсатий сын Мирина, - - - сын Хрестиона, Агафус сын Энея, Нафомфм сын Тимофея (?), Диофант сын Коссина, Пофин сын Хрестиона, Тахамфлий сын - - -она, Киссий сын Феотима, Фандарасмос сын Аполлона, - - - сын Неокла, Аттас сын Тимофея, Птигг сын Атта, Агафус сын - - -, Кофин сын Психариона, Окат сын Аполлония, Александр.

Чтение имен в стк. 9–10 показывает, что строки с 1 по 14 содержат 31–32 буквы. Реконструкция 19 и 21 строк дает основания считать, что строки с 15 по 24 содержали по 43–45 букв каждая. Надпись 2 содержит имена, характерные для ономастикона Горгиппии II в.– ок. 239 г. Основное число представлено панэллинскими именами, а также рядом иранских, фракийских и анатолийских имен, которые к указанному времени прочно вошли в список антропонимов жителей боспорских городов. В стк. 9–10 упоминается Пофиск, сын Адельфия: [Ποθί]σκος Ἀδελφ<ί>ο[υ]. В отчестве оказалась пропущена ударная *йота*. Пропуск ударных гласных в словах – явление нередкое в боспорских надписях и происходит, видимо, из-за ошибок резчика[23]. Имя

[23] Ср. Φιλ<ά>ρσενε (*CIRB* 529), Ἀντισθ<έ>νου (*CIRB* 707), Φαρν<ά>κου (*CIRB* 648) и пр.

Ἀδέλφιος встречено впервые среди имен горгиппийцев. Оно известно по эпитафии из Эдессы[24]. Далее лакуна уничтожила имя жителя Горгиппии из пяти букв, но сохранилось его отчество Χοζεκίου. Имя Χοζέκιος – это вариант написания иранского имени Ходе́кιος (*CIRB* 1140$_7$)[25]. В списке имен из Горгиппии, близком по времени к публикуемой надписи, упоминается, видимо, потомок этого же Ходекия – Сармат, сын Ходекия (*CIRB* 1140$_7$). В стк. 10 упомянут Φαρνακ[ί]ων Φαρνάκου. Этот же житель Горгиппии, по всей видимости, назван в стк. 3 надписи фиаса, по мнению А.И. Болтуновой, датирующейся серединой II в. н.э.[26] В стк. 11 вырезано Χρήστεις вместо Χρήστης[27]. Обе формы в боспорской ономастике не были прежде известны, в отличие от популярного имени Χρῆστος. В стк. 12 упоминается варварское имя Συβληγους. Оно довольно редкое (встречается в списке имен середины II в. из Горгиппии)[28]. Предполагается его иранское происхождение[29]. В стк. 13 упомянут Μαναγεις Πανταλέων[τος]. Имя Μαναγεις новое в группе варварских антропонимов Боспора на -εις[30]. Прямых аналогий имени обнаружить не удалось. Сарматские имена Ραμαναγος[31], Φλιμαναγος / Φλειμανακος[32] отмечены в ономастике Ольвии, Пантикапея, Танаиса II–III вв., и вторым композитом в них является μαναγ- / μανακ-, восходящий, как предполагается, к авест. **manah*[33]. Это наблюдение позволяет предполагать связь имени Μαναγεις со скифо-сарматским миром Северного Причерноморья. В стк. 15 упомянут род занятий Аполлония, сына Настима – καθηγητής. Это слово использовалось философскими школами для обозначения их наставника, руководителя (*IG* II^2 3793; *SEG* 43:24; *IDelos* 1801)[34]. В римское время оно встречается в том же значении в надписях коллегий эфебов из городов Малой Азии (*IG* XII, 5 39$_2$; *SEG* 39:1243$_{24}$); в посвящениях сообществ исполнителей священных гимнов из святилища Аполлона в Кларосе[35]; в посвящениях частных лиц в честь наставников-категетов[36]. Христос именуется категетом (καθηγητής) в Евангелии от Матфея (23:8–10). Таким образом, письменные источники свидетельствуют, что слово καθηγητής употреблялось в значении «наставник, руководитель» в негосударственных ассоциациях в позднеэллинистическое и римское времена. Контекст упоминания категета Аполлония среди списка личных имен горгиппийцев в надписи 2 подводит к предположению, что ближайшими аналогиями для трактовки этого слова могут выступать упомянутые документы частных сообществ. В них категет – это наименование наставника, руководителя эфебов или наставника исполнителей

---

[24] *LGPN* IV, Ἀδέλφιος; Tataki 1994, 30.
[25] Zgusta 1955, 168, § 253.
[26] Boltunova 1968, 67.
[27] *MAMA* V Lists I (i): 182, 150. О греческих именах на -εις см. комментарий к надписи 1.
[28] Boltunova 1968, 68, стк.10. Это же имя предположительно восстанавливается в надписях *CIRB* 1134, 1209 (= *LGPN* IV, Συβληγους).
[29] Boltunova 1968, 69.
[30] Список см. Tokhtas'ev 2007, 102–103.
[31] Karyshkovskiy 1962, 143–144.
[32] Zgusta 1955, § 241.
[33] Harmata 1970, 90.
[34] Подробнее Raubitschek 1949, 99–100.
[35] *SEG* 37:968$_{12}$; 39:1243$_{24}$; Macridy 1912, 54, n° 27; Keil 1951, 294, Nr. 62b.
[36] *MAMA* VII 358; Balland 1981, 64; *IGUR* II 675; *IG* XIV 2454.

гимнов. Итак, в надписи 2 слово καθηγητής обозначает наставника, руководителя и является скорее всего званием в неизвестном ближе частном сообществе Горгиппии. В стк. 15 упоминается имя Ностима, отца категета Аполлония и Папия: καθηγητής Ἀπολλώνιος (καὶ) Παπίας υἱοι Νοσ[τ]ίμ[ου]. Имя Νόστιμος впервые встречено в ономастиконе Горгиппии. Оно отмечается в надписях из городов Македонии, Западной Ионии[37]. От следующего имени сохранилось отчество Κοϙ<σ>ίνα, которое упоминается еще раз в стк. 21. Здесь имеет место пропуск второго спиранта. Еще дважды наблюдается в надписи 2 пропуск повторящихся согласных в именах Ἄτ<τ>ας и Πτυγ<γ>άς (см. ниже). Предполагаем, что в надписи вместо грамматически правильных форм этих имен зафиксированы варианты Κοσίνας (ср. *CIRB* 1138$_2$), Ἄτας, Πτυγάς. Формы gen. sing. Κοσίνα, Σάσα, Νείκα (стк. 15, 16, 19) объясняются распространением в боспорских надписях gen. doricus (-ᾱ) у мужских имен на -ας в римское время. Передача ι через ει отмечается в именах Κρατεῖνος < Κρατῖνος (стк. 14) и Νείκας < Νίκας (стк. 19). Имя Νείκας является новым в ономастиконе Горгиппии. Оно известно в форме Νικᾶς в Херсонесе Таврическом[38], в городах Македонии, Ионии, Вифинии[39]. В целом отмеченные грамматические и фонетические отклонения вполне обычны для греческого языка боспорских надписей I в. н.э. – III в. н.э.[40] В стк. 19 упоминаются два новых негреческих имени – Αταιγος и Αμψατιος. Имя Αταιγος обнаруживает в основе параллели со скифским именем Ἀτέας, Αταιας (*SEG* 44:669)[41], восходящим, как полагает С.В. Куланда вслед за М. Фасмером и В.И. Абаевым, к иран. **hat/θia-*, «истинный»[42]. По мнению Ю.Г. Виноградова, имя Αταης восходит к *Αταιης, эквиваленту имени Αταιας, но с другим окончанием[43]. С.Р. Тохтасьев предположительно связывал эти имена с иран. *ăta-, «отец, папа»[44]. Аргументация специалистов в области древнеиранского языкознания представляется более обоснованной, поэтому предполагаем, что имя Αταιγος образовано от иран. **hat/θia-* посредством суффикса -αγ, который играл заметную роль в образовании скифских и сарматских имен[45]. В имени Αμψατιος обращает внимание то, что его основа находит соответствие с основой имен Ἄψακος / Ἄσπακος, которая восходит к **afs* (αψ) < иран. ** aspa-, «конь»*[46]. Возможно, имя Αμψατιος образовано с помощью приставки *am-* (< авест.**ham)*[47], обозначающей совместимость или соответствие, и восходит к слову *am-afsa (< **ham-aspa*). Высказанная гипотеза позволяет предполагать связь имени Ампсатий с сарматской антропонимией Боспора. В стк. 20 впервые встречается в античном ономастиконе еще одно негреческое имя Ναφομφμας. Вероятных аналогий среди негреческих имен Северного Причерноморья найти не удалось. В стк.

---

[37] *LGPN* IV, Νόστιμος; Va, *s.v.*
[38] Solomonik 1978, № 1271, 1272, 1273.
[39] *LGPN* IV, Νικᾶς; Va, *s.v.*
[40] Dovatur 1965, 803, § 8.2, 814, § 6.2, 3.
[41] Vinogradov 1997, 158.
[42] Kulanda 2016, 54–55.
[43] Vinogradov 1994, 104, no. 1.
[44] Tokhtas'ev 2012, 253.
[45] Abaev 1979, 291, 342–343.
[46] Harmata 1970, 86–87; Abaev 1979, 281.
[47] Abaev 1979, 277, 290.

22 вырезан антропоним Κισσῆς, встреченный впервые в боспорской ономастике. Он известен также в Локрах Эпизефирских[48] и употреблялся, хотя и редко, наряду с более распространенной формой Κίσσος[49]. Далее в стк. 22 упоминается имя Φανδάρ[α]σμος, которое эквивалентно антропониму Φανδάραζος (*CIRB* $1179_{29–30}$)[50]. Появление формы Φανδάρασμος является скорее всего следствием нестабильности в греческой транслитерации этого варварского имени. В стк. 23 предполагаем чтение популярного имени Ἄτ<τ>ας (*CIRB* $1134_{18, 24}$, 1138, 1140, 1143, 1144, 1186, 1189 и пр.), в котором пропущена вторая *ay*. Нельзя исключать чтение имени Ἀτᾶς, встреченного на золотом перстне II–III вв. н.э. из Пантикапея[51]. Далее в стк. 23 упоминается имя Πτυγάς (= Πτυγ<γ>άς), образованное, возможно, от сущ. πτύγξ. В начале стк. 24 скол уничтожил перед заключительной частью личного имени -ινος не более 4–5 букв, поэтому восстанавливаем отчество Агафуса как В΄ и далее имя [Κοθ]ίνας. Имя Кофин свойственно ономастикону Горгиппии первых веков (*CIRB* 1134_{23}, $1145_{3–4}$, 1157, 1166, 1179_{55}). Далее в этой же строке вырезано неизвестное прежде имя Οκατης.

В надписи 2 встречено несколько новых негреческих имен: Αταιγος, Αμψατιος, Μαναγεις, Ναφομφμας, Οκατης. Все они сопряжены с обычными греческими именами или отчествами[52]. Вопрос о происхождении имен Манагий, Атайг, Ампсатий более или менее ясен. Остальные имена связаны, видимо, с негреческим населением, обитавшим к востоку от Горгиппии, в Предкавказье. Однако они нуждаются в дополнительном исследовании.

Надпись 3 состоит из семи фрагментов тонкой (1,2 см) плитки из белого мрамора со следами воздействия огня (рис. 3). Размеры фрагментов: 1–2 фр. – 7 × 3,5 см, 3–5 фр. – 14,7 × 4,5 см, 6 фр. – 5,3 × 3 см, 7 фр. – 6 × 4 см. Плитка тщательно отшлифована с лицевой и оборотной сторон. Края аккуратно оббиты, но не отшлифованы. Надпись вырезана по тонким линиям горизонтальной разметки. На одном из фрагментов ниже строки имеется одиночная линия разметки. Буквы аккуратные, четкие. Высота – 1,2–1,3 см. Расстояние между строками – 0,4 см. Палеографические особенности: симметричная *альфа* с изломанной перекладиной, *омега* в виде дуги с загнутыми внутрь концами и двумя горизонтальными черточками внизу, *эта* с короткой, не доходящей до вертикалей перекладиной, круглые полноразмерные *омикрон* и *тета*, *сигма* с сильно выступающими влево горизонталями. Концы линий букв снабжены апексами. По характеру шрифта надпись близка горгиппийским документам времени правления Савромата II. Одним из важным «признаков времени» выступает форма *омеги* в 2 и 8 строках.

Текст

1. [Ἀγ]αθῇ τύχῃ
   Βασιλε[ύοντο]ς βασιλέως Τιβε[ρίου Ἰου]-
   [λί]ο[υ] Σ̣[αυρομάτου φι]λο̣χ̣[αίαρος καὶ]

---

[48] *LGPN* IIIa, Κισσῆς.

[49] Ср., например, Ἀνδροκλῆς (*IG* X, 2.1 4; *IosPE* I^2 463) и Ἄνδροκλος (*IGBulg* I^2 420).

[50] *LGPN* IV, Φανδάραζος.

[51] Shkorpil 1904, 115–116, № 240 (= *LGPN* IV, Ἀτᾶς).

[52] Подобное явление представлено в надписях первых веков из городов Азиатского Боспора. Список примеров см. Zavoykina 2021, 81–86.

Рис. 3. Фрагмент, предположительно, посвятительной надписи времени правления Савромата II. *Фото авторов, 2018 г.*

[φιλορωμαίου εὐσεβοῦς, - - - - - - - - -]
5. -
- - - - - - - N - - - - - - - - - - - - - - - - - -
- - - - - - - PO - - - - - - - - - - - - - - - - - -
[ἐ]ν τῶ[ι ... ἔτει καὶ μηνὶ - - -]

---

1. От начальной *беты* видна нижняя часть. 2. От *сигмы* сохранилась верхняя часть, после ΛΟ сохранилась верхняя часть К. 7. После Р видна верхняя часть О. 8. После Т сохранилась правая часть Ω.

Перевод: В добрый час! В царствование царя Тиберия Юлия Савромата, друга цезаря и друга римлян, благочестивого - - - в году... и месяце - - -

Размер надписи в 8 строк восстанавливаем предположительно. Надежно реконструируются начало надписи, содержащее эпонимную формулу с именем царя Савромата II, и ее заключительная часть с фрагментом календарной даты (ср. *CIRB* 74_{1-4}, 1134_{1-3}). Центральная часть надписи утрачена за исключением незначительного фрагмента с остатками двух строк. Расположение эпонимной и календарной датировок в разных частях надписи характерно для посвятительных и строительных боспорских надписей первых веков. Условия находки надписи 3 на территории предполагаемого загородного святилища Горгиппийского полиса позволяют предположительно отнести этот документ к посвятительным актам.

Надпись 4 представлена фрагментом правого верхнего угла массивной мраморной плиты, профилированной сбоку (рис. 4). Боковая сторона тщательно

Рис. 4. Фрагмент манумиссии или надписи частного сообщества времени правления царя Евпатора. *Фото авторов 2018 г.*

отшлифована, на лицевой стороне, сильно пострадавшей от воздействия огня, также видны следы шлифовки. На верхней части плиты, несущей следы отески,– поперечный пропил. Задняя сторона плиты не обработана. Размер 12 × 10,5 × 6,5 см. Сохранились окончания четырех начальных строк надписи. Надпись вырезана по линиям горизонтальной разметки. Буквы четкие, ровные. Высота букв – 1,2 см, расстояние между строками – 0,4 см. Палеографические особенности: симметричная *альфа* с изломанной перекладиной, овальный *омикрон*, *ипсилон* с декоративной перекладиной под развилкой. Концы букв снабжены апексами, причем у *ипсилона* они создают впечатление свисающих усиков. Указанные элементы придают шрифту некоторую парадность. Аналогии встречаются в документах эпохи правления царя Евпатора середины – третьей четверти II в. н.э [53].

Текст

1. [Βασιλεύντος βασιλέως Τιβερίου Ἰου]λίου
   [Εὐπάτορος φιλοκαίσαρος καὶ φιλορω]μαίου
   [εὐσεβοῦς ἔτους ... μηνός - - - - - - - -]ου ΕΚ΄
   - Φαρ[ν]-
5. [άκης?] - - -
4. После ФАР скол уничтожил справа одну букву.

Перевод: В царствование царя Тиберия Юлия Евпатора, друга цезаря и друга римлян, года ..., месяца ... 25 дня, - - - Фарнак (?) - - -

[53] *CIRB Album* 1260, фотографии публикуемых надписей № 1 и 2.

Сохранившиеся окончания 1–3 строк в правой части надписи относятся к эпонимной формуле с именем правящего царя и календарной дате. Структура эпонимной формулы известна из боспорских надписей I–III вв. (*CIRB* 69, 70, 76, 1124, 1126, 1281, 1283 и пр.). Она содержит полное имя правящего царя и основные элементы его титулатуры. Календарная дата после эпонимной формулы встречается, главным образом, в боспорских манумиссиях и надписях частных сообществ из Горгиппии (*CIRB* 1134, 1135, 77+1136[54], надпись 1 настоящей публикации). Реконструкция стандартной эпонимной формулы, содержащей имя царя Евпатора[55], в стк. 1–2 показывает, что строки надписи 4 содержали 34–35 букв. В конце стк. 4 сохранились буквы ΦΑΡ, которые предположительно могут быть началом личного имени или отчества одного из североиранских имен на Φαρν-, популярных на Боспоре в римское время: Φαρνάκης, Φαρναχίων[56]. Не исключено восстановление и менее распространенных имен Φάρναρνος (*CIRB* 1121), Φάρνης (*CIRB* 745), Φαρνόξαρθος (*CIRB* 1245_{15}, 1278_{19}, 1282_{12}, 1286).

Литература / References

Abaev, V.I. 1979: [Scythian and Sarmatian dialects]. In: *Osnovy iranskogo yazykoznaniya.* Kn.I. *Drevneiranskie yazyki* [*Basic Iranian Linguistics.* Vol. I. *Ancient Iranian Languages*]. Moscow, 272–364.
Абаев, В.И. Скифо-сарматские наречия. В кн.: *Основы иранского языкознания.* Кн. I. *Древнеиранские языки*. М., 272–364.

Ambroz, A.K. 1966: *Fibuly Yuga evropeyskoy chasti SSSR II v. do n.e. – IV v. n.e.* [*Fibulae of the European South of SSSR, II BC – IV AD*]. Moscow.
Амброз, А.К. *Фибулы Юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э.* (САИ, Д1–30). М.

Anokhin, V.A. 1965: [Coins of Scythian king Atayas]. *Numizmatika i sfragistika.* Vyp. 2 [*Numismatics and Sphragistics.* Issue 2]. Kiev, 3–15.
Анохин, В.А. Монеты скифского царя Атея. *Нумизматика и сфрагистика*. Вып. 2. Киев, 3–15.

Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora* [*The Coinage of Bosporus*]. Kiev.
Анохин, В.А. *Монетное дело Боспора*. Киев.

Balland, A. 1981: *Fouilles de Xanthos*. Vol. VII. *Inscriptions d'époque impériale du Létôon.* Paris.

Boltunova, A.I. 1968: [New inscription from Gorgippia and some notes about an organization of state revenue management in the Bosporan kingdom]. *Eirene* VII. *Studia Graeca et Latina*, 67–76.
Болтунова, А.И. Новая надпись из Горгиппии и несколько замечаний об организации управления государственными доходами Боспорского царства. *Eirene* VII. *Studia Graeca et Latina*, 67–76.

Boltunova, A.I., Knipovich T.N. 1962: [An essay on development of the Greek lapidary scripts in Bosporus]. *Numizmatika i epigrafika* [*Numismatics and Epigraphy*] 3, 3–31.
Болтунова, А.И., Книпович Т.Н. Очерк развития греческого лапидарного письма на Боспоре. *НЭ* 3, 3–31.

Dovatur, A.I. 1965: [A short essay of grammar of Bosporan inscriptions]. In: V.V. Struve *et al* (eds.), *Korpus bosporskikh nadpisey* [*Corpus inscriptionum regni Bosporani*]. Moscow–Leningrad, 797–831.
Доватур, А.И. Краткий очерк грамматики боспорских надписей. В кн.: В.В. Струве и др. (ред.), *Корпус боспорских надписей*. М.– Л., 797–831.

---

[54] Kalashnik 1970, 148–152.

[55] Предположение, что в эпонимной формуле могло стоять имя царя Савромата II (173/174–210/211 гг.), не позволяют принять особенности начертания букв в надписи № 4, в частности *ипсилон* с горизонтальной гастой под развилкой.

[56] В совокупности оба имени упомянуты более 130 раз в боспорских надписях I–III вв. (*LGPN* IV, *s.v.*).

Frolova, N.A. 1971: [Coinage of Bosporan king Eupator (AD154–170)]. *Numizmatika i epigrafika* [*Numismatics and Epigraphy*] 9, 62–75.
Фролова, Н.А. Монетное дело боспорского царя Евпатора (154–170 гг. н.э.). *НЭ* 9, 62–75.
Frolova, N.A. 1997: *Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.e. – seredina IV v. n.e.* Chast' I. *Monetnoe delo Bospora 49/48 g. do n.e.– 210/211 g. n.e.* [*The Coinage of Bosporus (BC mid. I c. – mid. IV c. AD)*. Pt.I. *The Coinage of Bosporus 49/48 BC – 210/211 AD*]. Moscow.
Фролова, Н.А. *Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.)*. Ч.I. *Монетное дело Боспора 49/48 г. до н.э.– 210/211 г. н.э.* М.
Harmata, J. 1970: *Studies in the history and language of the Sarmatians.* (Acta Universitatis de Attila József Nominatae. Acta Antiqua et archaeologica, 13). Szeged.
Kalashnik, Yu.P. 1970: [Inscriptions No 77 and 1136 of the Bosporan Corpus (*CIRB*)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 148–152.
Калашник, Ю.П. К надписям КБН, 77 и КБН, 1136. *ВДИ* 4, 148–152.
Karyshkovsky, P.O. 1962: [Materials to the Corpora of ancient inscriptions of Sarmatia and Tauris]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 141–154.
Карышковский, П.О. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды. *ВДИ* 3, 141–154.
Keil, J. 1951: Die Inschriften. In: *Forschungen in Ephesos.* Bd. IV, Ht. 3. *Die Johanneskirche.* Vienna, 275–295.
Kharaldina, Z. Ye., Novichikhin, A.M. 1994: [Ancient collections of the Anapa museum]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 200–212.
Харалдина, З.Е., Новичихин, А.М. Античные коллекции Анапского музея. *ВДИ* 2, 200–212.
Kharaldina, Z.E., Novichikhin, A.M. 2000: [Ancient collections of the Anapa museum]. In: T.V. Smaglyuk, Z.N. Lemyakina, A.M. Novichikhin, N.D. Nesterenko (eds.), *Gorgippiyskiy sbornik* [*Gorgippian Collected Articles*]. Anapa, 60–75.
Харалдина, З.Е., Новичихин, А.М. Античные коллекции Анапского музея. В сб.: Т.В. Смаглюк, З.Н. Лемякина, А.М. Новичихин, Н.Д. Нестеренко (ред.), *Горгиппийский сборник*. Анапа, 60–75.
Kulanda, S.M. 2016: *Skify: yazyk i etnogenez* [*Scythes: Language and Ethnogenesis*]. Moscow.
Куланда, С.М. *Скифы: язык и этногенез*. Москва.
Macridy, Th. 1912: Antiquités de Notion II. *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Institutes in Wien* 15, 36–67.
Novichikhin, A.M. 2011: [Aboraca]. In: *Istoriko-arkheologicheskiy al'manakh*. Vyp. 10 [*Historical and Archaeological Almanac.* Issue. 10]. Armavir–Moscow–Krasnodar, 68–73.
Новичихин, А.М. Аборака. В сб.: *Историко-археологический альманах.* Вып. 10. Армавир–Москва–Краснодар, 68–73.
Raubitschek, A.E. 1949: Phaidros and his Roman pupils. *Hesperia* 18/1, 96–103.
Savostina, E.A. 2012: *Ellada i Bospor. Grecheskaya skul'ptura na Severnom Ponte* [*Hellas and Bosporus. Ancient Greek Sculpture in the North Pontus*]. Simferopol'–Kerch.
Савостина, Е.А. *Эллада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте*. (БИ. Suppl. 8). Симферополь–Керчь.
Shkorpil, V.V. 1904: [Report about the archaeological investigations in Kerch and its suburbs in 1902]. *Izvestiya imperatorskoy arkheologicheskoy komissii* [*Proceedings of the Imperial Archaeological Commission*] 9, 73–177.
Шкорпил, В.В. Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 году. *ИИАК* 9, 73–177.
Smirnova [Zavoykina], N.V. 2001: [Royal governors in Gorgippia]. *Drevnosti Bospora* [*Bosporan Antiquities*] 4, 350–367.
Смирнова [Завойкина], Н.В. Наместники Горгиппии. *ДБ* 4, 350–367.
Solomonik, E.I. 1978: *Graffiti antichnogo Khersonesa* [*Graffiti on Black-gazed Ware from Ancient Chersonesus*]. Kiev.
Соломоник, Э.И. *Граффити античного Херсонеса (на чернолаковых сосудах)*. Киев.
Tataki, A.B. 1994: *Macedonian Edessa*: *Prosopography and Onomasticon*. Athens.
Tokhtas'ev, S.R. 2007: [To onomastics of the Ancient Black Sea. XX: notes for morphology]. In: I.V. Tunkina (ed.), *ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Antikovedchesko-istoriograficheskiy sbornik pamyati*

Ya.V. Domanskogo [*EYXARISTHRION. Collection of Studies in the Ancient History and Historiography in memoriam of I.V. Domanskiy*]. Saint Petersburg, 82–118.

Тохтасьев, С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья. XX: Заметки по морфологии. В сб.: И.В. Тункина (ред.), *ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я.В. Доманского*. СПб., 82–118.

Tokhtas'ev, S.R. 2012: *Etnicheskaya i demograficheskaya istoriya antichnogo Severnogo Prichernomor'ya po dannym epigraphiki i onomastiki* [*Ethnical and Demographical History of the Ancient Black Sea Region Based on Epigraphical and Onomastic Data*]. Saint Petersburg.

Тохтасьев, С.Р. *Этническая и демографическая история античного Северного Причерноморья по данным эпиграфики и ономастики*. СПб.

Vinogradov, Ju.G. 1994: New inscriptions on lead from Olbia. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 1/1, 103–111.

Vinogradov, Ju.G. 1997: *Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Swarzmeerraumes.* Mainz.

Zavoykina, N.V. 2013: *Bosporskie fiasy: mezhdu polisom i monarkhiey* [*The Bosporan* thiasoi: *Between Polis and Monarchy*]. Moscow.

Завойкина, Н.В. *Боспорские фиасы: между полисом и монархией*. М.

Zavoykina, N.V., Novichikhin, A.M., Konstantinov, V.A. 2018: [New dedicatory inscription of king Aspourgos from Gorgippia]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 78/3, 680–692.

Завойкина, Н.В., Новичихин, А.М., Константинов, В.А. Новая посвятительная надпись Аспурга из Горгиппии. *ВДИ* 78/3, 680–692.

Zavoykina, N.V. 2021: [Representatives of the Sarmatian-Alanian world in the cities of the Asian Bosporus in the 2nd–3rd cent. AD]. *Hypanis. Trudy otdela klassicheskoy arkheologii IA RAN* [*Hypanis. Papers of the Classical Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Scienses*] 3, 72–96.

Завойкина, Н.В. Представители сармато-аланского мира в городах Азиатского Боспора. *Hypanis. Труды отдела классической археологии ИА РАН* 3, 72–96.

Zgusta, L. 1955: *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste: die ethnischen Verhältnisse, namentlich das Verhältnis der Skythen und Sarmaten, im Lichte der Namenforschung*. Praha.

Zograf, A.N. 1951: *Antichnye monety* [*Ancient Coins*]. Moscow–Leningrad.

Зограф, А.Н. *Античные монеты*. (МИА, 16). М.– Л.

Vestnik drevney istorii
82/1 (2022), 150–161
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/1 (2022), 150–161
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910013940-7

КЛАД БРОНЗОВЫХ МОНЕТ ВРЕМЕНИ МИТРИДАТА VI С ПОСЕЛЕНИЯ ВЫШЕСТЕБЛИЕВСКАЯ 3 НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

М.Г. Абрамзон[1], Д.А. Карпов[2], А.Б. Колесников[3]

[1, 3] *Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия;*
[1] *Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия*
[2] *Центр реставрации и сохранения памятников, Саратов, Россия*

[1] *E-mail*: abramzon-m@mail.ru [2] *E-mail*: dakar9@yandex.ru [3] *E-mail*: abkolesnikov60@mail.ru

[1] *ORCID*: 0000-0001-6111-048X [2] *ORCID*: 0000-0002-4880-9787 [3] *ORCID*: 0000-0002-3548-5170

В ходе раскопок поселения Вышестеблиевская 3 (Таманский полуостров) в 2018 г. был обнаружен небольшой клад бронзовых монет времени Митридата VI. В его состав входили боспорские анонимные оболы (18 экз.) и тетрахалки Фанагории (1), Амиса (1) и Синопы (3). Авторы полагают, что комплекс скорее всего представляет кошелек наемника, несшего службу в одном из царских гарнизонов, дислоцированных на хоре для защиты зерновых районов. Редкая находка кошелька с медными боспорскими и понтийскими монетами крупных номиналов является новым важным свидетельством денежного обращения Боспора и исторического контекста эпохи Митридатовых войн.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Митридат VI Евпатор, монетные клады, денежное обращение, жалование наемника

Данные об авторах. Михаил Григорьевич Абрамзон – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН, директор НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова; Дмитрий Анатольевич Карпов – кандидат исторических наук, научный сотрудник ООО «Центр реставрации и сохранения памятников»; Андрей Борисович Колесников – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН.

Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РНФ № 22-28-00057.

A HOARD OF BRONZE COINS FROM THE AGE OF MITHRADATES VI FROM VYSHESTEBLIEVSKAYA 3 SETTLEMENT ON THE TAMAN PENINSULA

Mikhail G. Abramzon[1], Dmitriy A. Karpov[2], Andrey B. Kolesnikov[3]

[1, 3] *Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;*
[1] *Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia*
[2] *Center for the Restoration and Conservation of Monuments, Saratov, Russia*

[1] *E-mail*: abramzon-m@mail.ru... [2] *E-mail*: dakar9@yandex.ru... .[3] *E-mail*: abkolesnikov60@mail.ru

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 22-28-00057

During the excavations at Vyshesteblievskaya 3 Settlement (the Taman peninsula) in 2018, a small hoard of bronze coins from the age of Mithridates VI was found. It consisted of 18 anonymous Bosporan obols, and tetrachalkoi of Phanagoria (1), Amisus (1), and Sinope (3). The authors argue that the assemblage must have been the purse of a mercenary who served in one of the royal garrisons stationed in the *chora* to protect grain-producing areas. This rare find of a purse with copper Bosporan and Pontic large-denomination coins provides important new evidence on the monetary circulation in the Bosporus and the historical context of the age of the Mithridatic Wars.

Keywords: Cimmerian Bosporus, Mithradates VI Eupator, coin hoards, currency, mercenary's salary

Поселение «Вышестеблиевская 3»[1] античного времени находится на равнине между ст. Вышестеблиевской и Старотитаровской (Темрюкский район Краснодарского края), в 2,5 км к востоку от первого (см. карту). Я.М. Паромов, открывший памятник в 1982 г., определил его как сельское поселение II–III вв. н.э., через территорию которого проходила древняя дорога, ведущая на север – в Фанагорию[2]. Микрорельеф памятника заметно снивелирован многолетней плантажной распашкой[3]. В 2013–2020 гг. на памятнике, попавшем в зону реконструкции участка Северо-Кавказской железной дороги, проводились охранно-спасательные раскопки на площади свыше 50 000 м^2 на южной окраине поселения[4]. Материалы новейших исследований позволили уточнить размеры поселения (540 × 500 м) и датировать время его существования V в. до н.э. – III в. н.э. Кроме того, особенности выявленных объектов (более 400) в совокупности с комплексом многочисленных находок свидетельствуют о том, что данный памятник был не просто сельским поселением. Большое количество глиниц, комплекс крупных зерновых ям, соединенных вентиляционными штреками, находки каменных архитектурных деталей, в том числе мраморных, и многочисленных фрагментов черепицы в совокупности с целой группой культовых находок и рядом других признаков позволяют предположить, что в середине

[1] Paromov 1992, 556–558, № 175. В настоящее время – объект археологического наследия «Поселение Вышестеблиевская-3» (гос. № 4848).
[2] Paromov 1992, 556–558, 563.
[3] Paromov 1992, 558; Karpov 2019, 46.
[4] Kashaev 2014a; 2014b; Karpov 2019, I.

V–II вв. до н.э. данное поселение могло являться храмовым или административным комплексом с фундаментальными каменными постройками и развитой инфраструктурой культового, производственного и складского предназначений. Этому могло способствовать и его выгодное местоположение в центре микрорегиона, насыщенного синхронными археологическими памятниками. Так, только в радиусе 5 км от Вышестеблиевской 3 зафиксировано уже 18 сельских поселений античного времени, или многослойных памятников с античными слоями. Большинство из них, включая и рассматриваемое поселение, были окружены земельными наделами и соединены единой сетью древних дорог, которые, в конечном счете, вели в Фанагорию. На основном пути, связывавшем столицу Азиатского Боспора с крупными сельскими поселениями[5], располагавшимися на северном берегу лимана Цокур, и стояло поселение Вышестеблиевская 3[6]. Предположительно, в V–I вв. до н.э. оно относилось к сельской округе столицы Фанагории[7].

В ходе работ на памятнике в 2017–2018 гг.[8] было найдено 135 монет IV–I вв. до н.э., из которых 33 относятся ко времени Митридата VI (они же являются самыми поздними). Особый интерес представляет небольшой клад боспорских анонимных оболов и тетрахалков Фанагории, Амиса и Синопы, растащенный при плантажной распашке: в квадратах Г69 и Д69 раскопа зафиксировано скопление из 16 оболов[9], остальные монеты найдены в соседних квадратах. Следов контейнера не выявлено; комплекс скорее всего хранился в мягкой таре и представляет содержимое кошелька. Клад поступил в фонды Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника (далее – ВКИКМЗ)[10].

Кроме клада (кошелька) здесь же был найден десяток других монет времени Митридата: пантикапейские халки с треножником и звездой[11] (4 экз.) и тетрахалки типа «Дионис/тирс поперек треножника»[12] (4 экз.), а также серебряные драхмы Фанагории с тирсом на реверсе[13] (2 экз.). Эти монеты, сохранившиеся заметно хуже, не имеют отношения к кладу[14].

---

[5] Karpov 2019, I, 49. Особо выделяются размерами поселения Вышестеблиевская 1 и Старотиторовская 7, площадь которых достигает соответственно 31 и 30 га (Paromov 1992, 554, 604).

[6] Karpov 2019, I, 49.

[7] Kashaev 2014b, 29.

[8] Исследование проводилось археологической экспедицией АНО «Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия» под руководством Д.А. Карпова.

[9] Karpov 2019, I, 139, 156.

[10] Инв. № ВКИКМЗ КП-200293–200296, 200303, 200439, 200442–200449, 200487–200498, 200494–200500, НВФ арх.–29261, 29407. Авторы выражают искреннюю благодарность за помощь в работе с фондами Н.В. Быковской, заместителю генерального директора ВКИКМЗ.

[11] Инд. № описи 493, 571, 572, 629. Ср. Frolova, Ireland 2002, pl. I, 1–26; *SNG BM* I 941–944.

[12] Инд. № 602, 634, 648 – Anokhin 1986, № 202a; 675 – Anokhin 1986, № 202.

[13] Инд. № 599, 655. Ср. Anokhin 1986, № 205a.

[14] Например, одна из фанагорийских драхм I в. до н.э. (инд. № 655) случайно попала в яму начала IV в. до н.э., которая первоначально предназначалась для хранения зерна, а позднее использовалась для сброса керамического боя и прочего мусора. Karpov 2019, III, 31.

Всего в кошельке оказалось 23 монеты, почти все очень хорошей сохранности. Абсолютное большинство составляют боспорские анонимные оболы (18 экз.), из которых половина несет наиболее часто встречаемую монограмму (табл. I, *1–9*), на остальных – монограммы , , , , , , , . Подобно всем другим кладам аналогичного состава (см. ниже) комплекс включает боспорскую городскую медь, представленную единственным тетрахалком Фанагории нач. I в. до н.э.[15] или 95–86 гг.[16] (табл. II, *19*), а также 4 понтийских тетрахалка типа «Зевс/орел на молниях», из которых один принадлежит чекану Амиса (табл. II, *20*), три – Синопы (табл. II, *21–23*). Этот вид понтийской меди датируется М. Прайсом 85–65 гг. до н.э.[17], Ф. де Каллатаем, пересмотревшим хронологию понтийской меди,– 95–90(?) гг. до н.э.[18] Таким образом, публикуемый комплекс представляет выборку из обращения бронзовых монет только крупных номиналов, в отличие от большой группы митридатовских кладов, связанных исключительно с хорой и состоящих из массы боспорских мелких медных монет. Наиболее поздними в тех комплексах являются пантикапейские халки типа «треножник / звезда» конца II – начала I в. до н.э. и часто понтийская медь митридатовского времени[19].

ДРУГИЕ КЛАДЫ АНОНИМНЫХ ОБОЛОВ И ПОНТИЙСКОЙ МЕДИ

На данный момент нам известно 38 боспорских кладов митридатовского времени, которые по своему составу и датам тезаврации делятся на несколько групп[20]. Большинство их состоит из мелких медных номиналов Пантикапея и Фанагории IV–I вв. до н.э. (нередко с незначительным количеством привозных монет, главным образом понтийских). Они были сокрыты, как отмечено выше, на хоре – в 80-е и первой половине 70-х годов I в. до н.э.[21]

Другую, немногочисленную группу образуют клады, подобные найденному: всего четыре комплекса бронзовых монеты старших номиналов – оболов и тетрахалков (см. табл. 1). Основу их составляют анонимные оболы, сопровождаемые небольшим количеством боспорской и понтийской городской меди старших номиналов[22]. Обращает внимание, что в отличие от комплексов предыдущей группы, часто очень крупных и состоящих из медной мелочи, клады (вернее, кошельки) анонимных оболов имеют скромные размеры и почти всегда связаны с городами.

---

[15] Датировка по Frolova, Ireland 2002, 13.
[16] Датировка по Callataÿ 2007, 286, tab. 12.
[17] *SNG BM* I 1220–1231 (Амис), 1543–1544 (Синопа).
[18] Callataÿ 2007, 286, tab. 12.
[19] Abramzon, Novichikhin 2018, 341, табл. 2.
[20] *CH* XI, 115–147A–E.
[21] Abramzon, Novichikhin 2018, 340–346.
[22] Исключение составляет только Патрейский клад 1950 г. (*IGCH* 1146), в котором соседствуют 40 анонимных оболов, 2 пантикапейских обола и 36 понтийских монет.

Таблица 1

Клады анонимных оболов и понтийской меди

№ п/п	Состав клада	Тиритака (1935 г.)[23]	Мирмекий (1949 г.)[24]	Патрей (1950 г.)[25]	Вышестеблиевская 3 (2018) г.
1.	Анонимные оболы (Anokhin 1986. № 212 сл.)	+	12	40	18
2.	Пантикапей, Мен/Дионис и пантера (Anokhin 1986. № 201)		1	2	
3.	Фанагория, Артемида/лань (Anokhin 1986. № 194)				1
4.	Амис, Арес/меч, тетрахалк (*SNG BM* I 1147–1165)		1		
5.	Амис, Зевс/орел, тетрахалк (*SNG BM* I 1231)				1
6.	Синопа, Зевс/орел, тетрахалк (*SNG BM* I 1543–1549)		2	34	3
7.	Неопределенные понтийские центры, Афина/Персей (как *SNG BM* I 1166), оболы			2	
8	Не определенные			4	
Всего:		?	16	82	23

Определение датировки этих комплексов зависит от решения вопросов о длительности чеканки анонимных оболов и хронологии понтийской меди митридатовского периода. Поскольку эти вопросы дебатируются уже много десятилетий[26], имеет смысл ограничиться несколькими замечаниями.

Во-первых, по-видимому, следует пересмотреть датировку чеканки анонимных оболов временем с конца II в. по 63 г. до н.э., предложенную Н.А. Фроловой и С. Айрлэндом, насчитавшими на оболах 57 монограмм чиновников царской администрации, ответственных за ежегодный выпуск[27]. Открытие новой монограммы ⋹ позволило даже отнести гипотетически начало чеканки оболов с таким числом монограмм к 110/109 г. до н.э., т.е. к первому году правления Митридата на Боспоре[28]. Между тем правильно отмечается схожесть многих монограмм, оче-

[23] *IGCH* 1145; *CH* XI 140. Точных сведений о составе нет, кроме того что в кладе «много анонимных оболов». См. Kharko 1952, 361–362.

[24] *IGCH* 1146; *CH* XI 141.

[25] *IGCH* 1147; *CH* XI 142.

[26] О дискуссии характера чеканки и датировки см. Abramzon, Frolova 2007–2008, 256–261.

[27] Frolova, Ireland 2002, 24–31. Гипотеза о том, что каждая монограмма обозначает один год чеканки, является дискуссионной.

[28] ВКИКМЗ. Инв. № КП-178076, КН-7217; см. Abramzon, Bykovskaya 2019, 139, табл. 8, *149*. А.Н. Зограф (Zograf 1951, 187) также высказывал предположение о том, что чеканку анонимных оболов можно распространить на все правление Митридата на Боспоре.

видно соответствующих одному имени, что позволяет сократить их число до около 20–25. Полагая, что чеканка анонимных оболов прекратилась после смещения Махара в 65 г. до н.э., и отсчитав назад 20–25 лет, Т.Н. Смекалова получила примерно 90–85 гг. до н.э. как исходную дату чеканки этих монет, т.е. время Первой Митридатовой войны (89–85 гг.); далее, в 65–63 гг. анонимные оболы спешно перечеканивались в пантикапейские оболы с Аполлоном и орлом на молниях[29]. Мы также выделяем 20–25 монограмм, и отсчет от 63 г.[30] дает дату – 88 или 83 гг., т.е. время Первой или в начале Второй Митридатовой войны.

Во-вторых, соглашаясь с тем, что чеканка анонимных оболов предназначалась в основном для военных целей[31], категорически невозможно принять идею о том, что последние выпускались в Понте и специально завозились на Боспор вместе с понтийскими медными монетами. Основой для такого сомнительного вывода послужили факты совпадения ряда монограмм на анонимных оболах и понтийских монетах, а также интерпретация данных РФА (рентгенофлуоресцентного анализа) монетного сплава, выявившего, что только треть анонимных оболов чеканилась из «чистой» меди, остальные – из латуни, подобно понтийским монетам[32], среди которых, кстати, также немало медных. Но в Понте анонимные оболы не обращались и в южнопонтийских кладах не встречаются, в то время как на Боспоре они известны в большом количестве[33]. Латунь же в качестве монетного сплава использовалась еще в конце чеканки Спартокидов; одновременно заимствовались понтийские типы раннемитридатовского времени[34]. После вхождения

---

[29] Smekalova 2019, 644–648. Мы считаем, что анонимные оболы с типом Диониса, с которым ассоциировался Митридат-Дионис, чеканились до самой смерти царя в 63 г. и только затем появился тип Аполлона на пантикапейских оболах и тетрахалках времени Фарнака (63–49/48 гг.), чья конфронтация с отцом нашла отражение в смене монетного типа. Кстати, на реверсе статеров Фарнака также фигурирует Аполлон (Frolova, Ireland 2002, Pl. XVII, *1–16*). К.В. Голенко (Golenko 1960, 39–40) полагал, что оболы с Аполлоном и орлом чеканились во второй половине правления Фарнака – в 54/53–51/50 гг. параллельно с золотыми статерами. Н.А. Фролова и С. Айрлэнд (Frolova, Ireland 2002, 31) также связывали эту чеканку с Фарнаком, датируя ее временем после 63 г.

[30] Такую конечную дату анонимной чеканки поддерживает ряд исследователей. См. Frolova, Ireland 2002, 31; Callataÿ 2007, 286, tab. 12.

[31] Эту мысль высказывает еще А.Н. Зограф (Zograf 1951, 188); против см. Golenko 1960, 38. В пользу военного характера чеканки говорит и огромный клад из Полянки 1985 г., который, возможно, представлял собой жалование гарнизону поселения (Smekalova 2019, 644). Публикуемый комплекс представляет, на наш взгляд, кошелек наемника одного из подразделений, которые располагались гарнизонами на укрепленных поселениях хоры для защиты зерновых районов Боспора и обеспечения поставок зерна Митридату VI (см. Saprykin 2010, 86). Другими примерами находок монет для жалования гарнизонам митридатовских наемников, дислоцированных в сельских поселениях на перекрестках стратегических дорог, служат Фонталовский (1963 г.) и Темрюкский (2018 г.) клады, см. Abramzon *et al*. 2021, 35–38.

[32] Smekalova 2019, 649.

[33] Golenko 1960, 37; 1965, 44–45.

[34] Например, рог изобилия между шапками Диоскуров, увенчанных звездами (Anokhin 1986, № 175).

Боспора в состав Понтийского царства значительная часть боспорских монет конца II – начала I в. до н.э. была отчеканена из «желтой» меди[35]. Использование для чеканки боспорской монеты латуни, общность дионисийских типов и элементов боспорской и понтийской монетной типологии, равно как и активное поступление понтийской медной монеты на Боспор после 90 г. до н.э.[36], свидетельствуют об унификации торговли, экономики, монетного дела и денежного обращения Понта и Боспора в митридатовский период[37] и, возможно, о дефиците металла на монетном дворе, судя по перечеканке части понтийских монет в боспорские.

Безусловно, чеканка анонимных оболов продолжалась до конца правления Митридата VI, а их обращение – и после смерти царя, при Фарнаке, и даже Асандре. Как свидетельствуют составы кладов из Керчи (1945–1965 гг.)[38] и Полянки (1984, 1985 гг.)[39], часть анонимных оболов, избежавшая массовой перечеканки при Фарнаке в оболы Пантикапея с Аполлоном и орлом на молниях[40], продолжила свое хождение вплоть до времени Асандра (49/48–21/20 гг.). Одновременно сохранились в обращении и единичные городские оболы, а также понтийские тетрахалки (часто служившие материалом для перечеканки в тетрахалки Асандра)[41].

Клады из Тиритаки и Мирмекия мы суммарно датируем 80-ми – 63 г. до н.э., а кошелек из Патрея 1950 г.– 63 г. до н.э.: он найден в мощном слое пожара, как и кошельки из царской резиденции в Фанагории, сгоревшей во время антимитридатовского восстания[42]. Фанагорийские (2007–2009 гг.) и патрейские (1950 и 1998 г.[43]) кошельки были открыты в руинах эллинистических зданий, погибших в пожарах, по-видимому, при одних и тех же обстоятельствах, связанных с операциями Митридата против боспорян в 63 г. до н.э.[44]

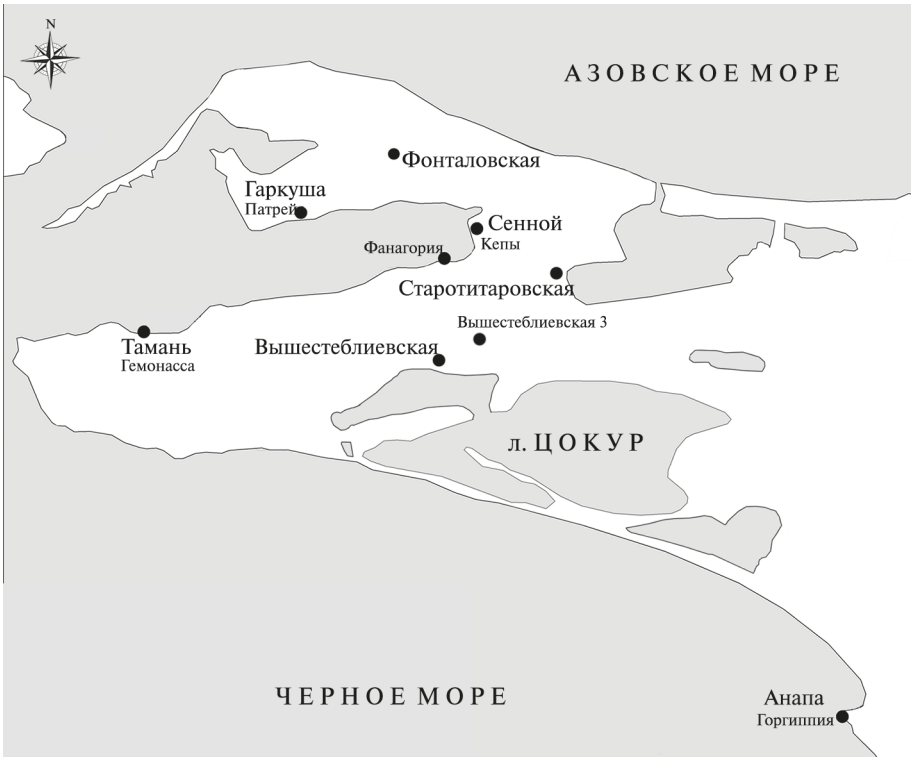
Новейшие археологические исследования на хоре Фанагории фиксируют угасание интенсивности жизнедеятельности в конце II в. – первой четверти I в. до н.э., и даже прекращение существования целого ряда поселений[45]. Этой участи не избежало и поселение Вышестеблиевская 3, в истории которого выявлен перерыв в I в. до н.э.[46]

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Итак, место находки кошелька связано с территорией крупного сельского поселения Вышестиблиевская 3, находящегося в центре зернового микрорегиона, через который проходил один из главнейших стратегических путей Таманского

---

[35] Nesterenko 1987, 81–83.
[36] Callataÿ 2005, 136.
[37] Saprykin 2007.
[38] *IGCH* 1147; *CH* XI 148.
[39] Ireland, Frolova 1999, 31–39; Abramzon, Frolova 2007–2008, 255–277; Kovalenko 2010, 203–216; *CH* XI 154, 155.
[40] Anokhin 1986, № 214; *SNG BM* I 945.
[41] Zograf 1951, 188.
[42] *CH* XI 145–147.
[43] *CH* XI 144.
[44] Abramzon, Kuznetsov 2015, 54–55.
[45] Garbuzov, Zavoykin 2009, 166.
[46] Karpov 2019, I, 48–49.



Карта. Таманский полуостров. Местоположение поселения Вышестеблиевская 3

полуострова, соединявший Фанагорию с поселениями в ее сельской округе. Синдика и азиатские области около нее представляли самые хлебородные районы Боспора, обеспечивавшие зерном армию Митридата VI (Strab. VII. 4. 6). Близость рассматриваемого микрорегиона к огромному массиву меотских племен создавала угрозу для бесперебойных поставок хлеба в малоазийские владения Митридата и требовала его защиты. По-видимому, в узловых пунктах сети главных дорог Таманского полуострова размещались небольшие контингенты митридатовских наемников[47] (присутствие их, например, в самой Фанагории подтверждено известным декретом о наемниках). Анонимные оболы и дидрахмы из плохого серебра предназначались именно для жалования воинам. Особенности локализации и состава подобных монетных комплексов позволяют с большой долей уверенности говорить о этом.

Археологический контекст публикуемого клада не включает на данном участке раскопа объектов I в. до н.э. Здесь найдено множество зерновых ям V–II вв. до н.э., которые позднее использовали для сброса мусора. Эта южная окраина поселения была хозяйственной зоной храмового или административного комплекса, где добывали глину и хранили зерно, а позже сбрасывали в эти ямы мусор, в основном черепицу, битые амфоры и коропластику, и т.д. Возможно, сокрытие кошелька связано с активизацией

[47] Saprykin 2010, 86.

враждебного Митридату сирако-меотского союза в Прикубанье и аорсов в Закубанье и Прикаспии; к тому же в 81–80 гг. до н.э. войско Митридата было разгромлено ахейцами. Сложная военная ситуация требовала защиты хлебородных районов Синдики[48]. Таким образом, новый комплекс анонимных оболов и понтийской меди, четвертый, известный нам, представляет достаточно редкую находку, выступая ценным свидетельством денежного обращения и исторического контекста эпохи.

КАТАЛОГ[49]

I. БОСПОР

Анонимная чеканка. 89/88–63 гг. до н.э.

Л.с. Голова Диониса в плющевом венке вправо. *О.с.* Лук в горите, в поле монограмма. Оболы.

№ п/п	Инв. № ВКИКМЗ	Вес, г	Размер, мм	Примечания
1.	КП-200293	17,6	25	*О.с.* Слева ⫛. Frolova, Ireland 2002, pl. XIII, *12*; Classical Numismatic Group, Inc. Electronic Auction 345. Lot 260; Roma Numismatics Ltd. E-Sale 43. Lot 124
2.	КП-200487	14,2	25	*Л.с.* Общий штемпель с № 1. *О.с.* Та же монограмма. Ср. Anokhin 1986. № 212; https://bosporan-kingdom.com/212-3041/103.html
3.	КП-200294	16,0	23	*О.с.* Та же монограмма. Изд.: https://bosporan-kingdom.com/212-3041/153.html
4.	КП-200444	13,3	25	*О.с.* Та же монограмма
5.	КП-200443	14,0	24	*О.с.* Та же монограмма
6.	КП-200449	15,5	25	*О.с.* Та же монограмма. Ср. *SNG BM* I 948; *SNG PSMFA* 1353; https://bosporan-kingdom.com/212-3041/129.html
7.	КП-200488	16,1	25	*О.с.* Та же монограмма. Ср. Frolova, Ireland 2002, pl. XIII, *5a*; *SNG PSMFA* 1347
8.	КП-200446	15,5	26	*О.с.* Та же монограмма. Ср. https://bosporan-kingdom.com/212-3041/98.html
9.	КП-200494	14,7	22	*О.с.* Та же монограмма. Ср. Frolova, Ireland 2002, pl. XIII, *3*; https://bosporan-kingdom.com/212-3041/37.html
10.	КП-200295	16,0	25	*О.с.* Слева ⫛. Ср. *SNG PSMFA* 1351
11.	КП-200296	15,2	22	*О.с.* Слева ⅄. Ср. Frolova, Ireland 2002, pl. XIV, *11*
12.	КП-200303	19,0	24	*О.с.* Слева ⅄. Ср. Bibliothèque nationale de France. Notice n° FRBNF41830769 – https://bosporan-kingdom.com/212-3048/18.html
13.	КП-200447	17,0	23	*О.с.* Справа ⅄. Ср. Abramzon, Frolova 2007–2008, табл. 68, *19*; Classical Numismatic Group, Inc. Electronic Auction 281 (Jun 20, 2012). Lot 94; https://bosporan-kingdom.com/212-3051/19.html

[48] Saprykin 2010, 89.

[49] Номерам монет в каталоге соответствуют номера в таблицах.

№ п/п	Инв. № ВКИКМЗ	Вес, г	Размер, мм	Примечания
14.	КП-200448	15,9	23	*О.с.* Слева . Ср. Frolova, Ireland 2002, pl. XIV, *13*; https://bosporan-kingdom.com/212-3045/8.html
15.	КП-200442	17,2	25	*О.с.* Та же монограмма. Ср. Frolova, Ireland 2002, pl. XIV, *15*; Anokhin 1986. № 212д (л.с.); Classical Numismatic Group, Inc. Auction Mail Bid Sale 84 (05.05.2010). Lot 573 (л.с.)
16.	НВФ арх.–29261	13,5	26	*О.с.* Слева . Ср. wolmar.ru Аукцион VIP № 236 (12.05.2011). Лот 1307; Classical Numismatic Group, Inc. Electronic Auction 293. Lot 87; https://bosporan-kingdom.com/212-3042/7.html; https://bosporan-kingdom.com/212-3042/8.html. Плохая сохранность
17.	НВФ арх.–29407	17,8	24	*О.с.* Слева . Ср. Abramzon, Frolova 2007–2008, табл. 72, *140*; *SNG PSMFA* 1357; the National Museum in Warsaw. Identyfikator: 155711 MNW (https://bosporan-kingdom.com/212-3043/27.html.); https://bosporan-kingdom.com/212-3043/16.html
18.	КП-200445	16,2	27	*О.с.* Слева . Ср. Frolova, Ireland 2002, pl. XIV, *1*

Фанагория. 95–86 гг.н.э.

Л.с. Голова Артемиды вправо. *О.с.* Лань лежит влево; ΦΑΝΑΓ[Ο ΡΙ]Τ[ΩΝ]. Тетрахалк.

19.	КП-200500	7,0	24	Ср. *SMG BM* I 1000; Frolova, Ireland 2002, pl. III, *4–7*

II. ПОНТ И ПАФЛАГОНИЯ

Амис. 85–65 гг. до н.э.

Л.с. Голова Зевса вправо. *О.с.* Орел на молниях влево; ΑΜΙΣΟΥ. Тетрахалк.

20.	КП-200497	8,5	20	*О.с.* Слева , справа звезда. Ср. *SMG BM* I 1231; *SNG Stancomb* 707.

Синопа. 85–65 гг. до н.э.

Л.с. Голова Зевса вправо. *О.с.* Орел на молниях влево; ΣΙΝΩΠΗΣ. Тетрахалки.

21.	КП-200495	7,9	18	*О.с.* Слева . Ср. *SNG Stancomb* 802.
22.	КП-200439	9,5	19	То же.
23.	КП-200499	7,9	18	*О.с.* Слева , справа звезда. Ср. *SMG BM* I 1544; *SNG Stancomb* 803.

Литература / References

Abramzon, M.G., Bykovskaya, N.V. 2019: *Antichnye monety. Dovoennaya kollektsiya, peredannaya Federativnoy Respublikoy Germanii* [*Ancient Coins. The Pre-War Collection Returned by the Federal Republic of Germany*]. Kerch.
Абрамзон, М.Г., Быковская, Н.В. *Античные монеты. Довоенная коллекция, переданная Федеративной Республикой Германии*. (Из собрания Восточно-Крымского историко-культурного заповедника. Нумизматическая коллекция, 3). Керчь.

Abramzon, M.G., Frolova, N.A. 2007–2008: *Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet*. T. I. *1834–2005 gg.* [*Corpus of the Bosporan Hoards of Ancient Coins*. Vol. I. *1834–2005*]. Simferopol–Kerch.
Абрамзон, М.Г., Фролова, Н.А. *Корпус боспорских кладов античных монет*. Т. I. *1834–2005 гг.* (Боспорские исследования, Suppl. 2). Симферополь–Керчь.

Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. 2015: *Monetnye klady vremeni Mitridata VI Evpatora s khory Fanagorii* [*Coin Hoards of the Mithridates VI Eupator's Time from the Chora of Phanagoria*]. Moscow.
Абрамзон, М.Г., Кузнецов, В.Д. *Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фанагории*. (Фанагория. Результаты археологических исследований, 3). М.

Abramzon, M.G., Novichikhin, A.M. 2018: [Two hoards of the Mithridatic period from the southeastern outlying districts of the Bosporus (2014)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 78/2, 333–348.
Абрамзон, М.Г., Новичихин, А.М. Два монетных клада митридатовского времени с юго-восточной окраины Боспора (2014 г.). *ВДИ* 78/2, 333–348.

Abramzon, M.G, Novichikhin, A.M., Saprykina, I.A., Smekalova, T.N. 2021: *Klad bosporskikh didrakhm iz stanitsy Fontalovskaya (IGCH 1143): zhalovanie naemnikov epokhi Mitridatovykh voyn?* [*A Hoard of Bosporan Didrachms from the Village of Fontalovskaya (IGCH 1143): The Mithridatic Wars' Time Mercenaries' Salary?*]. Moscow.
Абрамзон, М.Г., Новичихин, А.М., Сапрыкина, И.А., Смекалова, Т.Н. *Клад боспорских дидрахм из станицы Фонталовская (IGCH 1143): жалование наемников эпохи Митридатовых войн?* (Археометрия Причерноморья, 5). М.

Anokhin, V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora* [*The Coinage of Bosporus*]. Kiev.
Анохин, В.А. *Монетное дело Боспора*. Киев.

Callataÿ, F. de 2005: Coins and archaeology: the (mis)use of Mithridatic coins for chronological purposes in the Bosporan area. In: V. Stolba, L. Hannestad (eds.), *Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC*. (Black Sea Studies, 3). Aarhus, 119–136.

Callataÿ, F. de 2007: La révision de la chronologie des bronzes de Mithridate Eupator et ses conséquences sur la datation des monnayages et des sites du Bosphore Cimmérien. In: A. Bresson, A. Ivantchik, J.-L. Ferrary (eds.), *Une koinè pontique. Cités grecques, sociétés indigènes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s.a.C. – IIIe s.p.C.)*. (Ausonius Mémoires, 18). Bordeaux, 271–308.

Frolova, N., Ireland, S. 2002: *The Coinage of the Bosporan Kingdom: From the First Century BC to the Middle of the First Century AD*. (BAR International Series, 1102). Oxford.

Garbuzov, G.P., Zavoykin, A.A. 2009: [Ancient rural area: the formal description and potentialities of historical interpretation]. *Drevnosti Bospora* [*The Antiquities of Bosporus*] 13, 141–175.
Гарбузов, Г.П., Завойкин, А.А. Античная сельская территория: формальное описание и возможности исторической интерпретации. *ДБ* 13, 141–175.

Golenko, K.V., 1960: [From the history of coinage on the Bosporus in the I^st century BC]. *Numizmatika i epigrafika* [*Numismatics and Epigraphy*] 2, 28–40.
Голенко, К.В. Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н.э. *НЭ* 2, 28–40.

Golenko, K.V. 1965: [On the nature of the minting of the Bosporan anonymous obols]. *Numizmatika i sfragistika* [*Numismatics and Sphragistics*] 2, 41–49.
Голенко, К.В. О характере чекана боспорских анонимных оболов. *Нумизматика и сфрагистика* 2, 41–49.

Ireland, S., Frolova, N.A. 1999: Two hoards of Bosporan coins of the 1st century BC from the ancient settlement of Poljanka (Kerch). *Hermathene* 166, 31–39.

Karpov, D.A. 2019. *Otchet o provedenii v 2017–2018 gg. v Temryukskom rayone Krasnodarskogo kraya okhrannykh arkheologicheskikh raskopok na territorii vyyavlennogo ob"ekta arkheologicheskogo naslediya "Poselenie Vyshesteblievskaya-3", raspolozhennogo v zone kompleksnoy rekonstruksii uchastka Severo-Kavkazskoy zheleznoy dorogi* [*Report on the 2017–2018 Salvage Archaeological Works at the Site "Vyshetebliyevskaya-3 Settlement" (the Temryuk District of the Krasnodar Territory), Located in the Zone of Complex Reconstruction of a Section of the North Caucasus Railway*]. Vol. I–XXII. Archive of the Institute of Archaeology, RAS. F-1. R-1. No. 62001–62022. Saratov.
Карпов, Д.А. *Отчет о проведении в 2017–2018 гг. в Темрюкском районе Краснодарского края охранных археологических раскопок на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Вышестеблиевская-3», расположенного в зоне комплексной реконструкции участка Северо-Кавказской железной дороги*. Т. I–XXII. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 62001–62022. Саратов.

Kashaev, S.V. 2014a: *Otchet o rezul'tatakh arkheologicheskikh issledovaniy Tamanskogo otryada Bosporskoy ekspeditsii IIMK RAN v 2013 g. v Temryukskom rayone Krasnodarskogo kraya (na pamyatnike arkheologii poselenie Vyshesteblievskaya-3)* [*Report on the Results of the 2013 Archaeological*

Research by the Taman Detachment of the Bosporan Mission of the Institute of History of Material Culture, RAS, in the Temryuk District, Krasnodar Territory (at the Archaeological Site "Vysheste-blievskaya-3 Settlement")]. Archive of the Institute of Archaeology, RAS. F-1. R-1. No. 40621–40628. Saint Petersburg.

Кашаев, С.В. *Отчет о результатах археологических исследований Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2013 г. в Темрюкском районе Краснодарского края (на памятнике археологии поселение Вышестеблиевская-3)*. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 40621–40628. СПб.

Kashaev, S.V. 2014b: [Excavations of the Vyshesteblievskaya-3 settlement in 2013]. In: O.I. Boguslavskiy (ed.), *Aktual'naya arkheologiya 2. Arkheologiya v sovremennom mire: v kontakte i v konflikte. Tezisy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh. Sankt-Peterburg, 21–22 aprelya 2014 g.* [*Actual Archaeology* 2. *Archaeology in the Modern World: in Contact or Conflict. Abstracts of the International Scientific Conference of Young Scientists. Saint Petersburg, April 21–22, 2014*]. Saint Petersburg, 26–30.

Кашаев, С.В. Раскопки поселения Вышестеблиевская-3 в 2013 г. В сб.: О.И. Богуславский (ред.), *Актуальная археология 2. Археология в современном мире: в контакте и в конфликте. Тезисы Международной научной конференции молодых ученых. Санкт-Петербург, 21–22 апреля 2014 г.* СПб., 26–30.

Kharko, L.P. 1952: [Coins from the 1935–1940 excavations at Tyritake and Myrmecium]. *Bosporskie goroda* [*Bosporan Cities*]. Pt. 1. Moscow–Leningrad, 361–362.

Харко, Л.П. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. *Боспорские города*. Ч. 1. (МИА, 25). М.– Л., 361–362.

Kovalenko, S.A. 2010: [Coin hoards from the settlement of "Polyanka". Addendum]. In: T.N. Jackson, I.G. Konovalova, G.R. Tsetskhladze (eds.), *Gaudeamus igitur: sbornik statey k 60-letiyu A.V. Podosinova* [*Gaudeamus igitur: Studies to Honour the 60th Birthday of A.V. Podossinov*]. Moscow, 203–216.

Коваленко, С.А. Клады монет с поселения «Полянка». Addendum. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова, Г.Р. Цецхладзе (ред.), *Gaudeamus igitur: сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова*. М., 203–216.

Nesterenko, N.D. 1987: [Notes on the currency of Bosporan copper coins in the last quarter of the 2nd century BC]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 74–84.

Нестеренко, Н.Д. Заметки по денежному обращению меди Боспора последней четверти II в. до н.э. *ВДИ* 2, 74–84.

Paromov, Ya.M. 1992: *Arkheologicheskaya karta Tamanskogo poluostrova* [*Archaeological Map of the Taman Peninsula*]. Moscow.

Паромов, Я.М. *Археологическая карта Таманского полуострова*. (Депон. в ИНИОН РАН. № 47103 от 01.10.1992 г.). М.

Saprykin S. Ju. 2007: The unification of Pontos: the bronze coins of Mithradates VI Eupator as evidence for commerce in the Euxine. In: V. Gabrielsen, J. Lund (eds.), *The Black Sea in Antiquity. Regional and Interregional Economic Exchange.* (Black Sea Studies, 6). Aarhus, 195–208.

Saprykin S. Yu. 2010: [Late Hellenistic and Roman periods (1st century BC – 3rd century AD)]. In: G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov (eds.), *Ancient Heritage of Kuban*. Vol. 2. Moscow, 80–132.

Сапрыкин, С.Ю. Позднеэллинистический и римский периоды (I в. до н.э.– середина III в. н.э.). В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани*. Т. 2. М., 80–132.

Smekalova, T.N. 2019: [New data on the Bosporan coinage in the time of Mithradates VI]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 79/3, 640–652.

Смекалова, Т.Н. Новые данные о чеканке Боспора времени Митридата VI. *ВДИ* 79/3, 640–652.

Zograf, A.N. 1951: *Antichnye monety* [*Ancient Coins*]. Moscow.

Зограф, А.Н. *Античные монеты*. (МИА, 16). М.

Табл. I. Вышестеблиевская 3. Клад монет митридатовского времени ©
Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник. Фото А.Б. Колесникова, 2020 г.

Вестник древней истории, том 82 № 1
(вклейка к статье М.Г. Абрамзон, Д.А. Карпов, А.Б. Колесников, стр. 150–161)

Табл. II. Вышестеблиевская 3. Клад монет митридатовского времени ©
Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник. Фото А.Б. Колесникова, 2020 г.

Вестник древней истории, том 82 № 1
(вклейка к статье М.Г. Абрамзон, Д.А. Карпов, А.Б. Колесников, стр. 150–161)

Vestnik drevney istorii
82/1 (2022), 162–183
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/1 (2022), 162–183
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910010663-2

МАЛОИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА В ИСТОРИИ ЕГИПТОЛОГИИ: РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ В ИНОСТРАННЫХ ЭКСПЕДИЦИЯХ В ЕГИПТЕ

В.В. Стрекаловский, А.В. Флоров и Н. Мельников

М.А. Лебедев

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: maximlebedev@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1524-2083

Статья посвящена работе и судьбам нескольких эмигрантов из России, которые внесли заметный вклад в публикацию знаковых древнеегипетских памятников из Саккары, Гизы и Луксора. Бывший царский офицер В.В. Стрекаловский был одним из основных участников эпиграфического проекта в часовне визиря Мерирука, издание материалов из которой заложило новые стандарты публикации рельефов Древнего царства. Инженер А.В. Флоров проработал 9 лет у подножия пирамид Гизы, отвечая за фиксацию архитектуры в экспедиции Гарвардского университета и бостонского Музея изобразительных искусств; со временем он стал самым опытным иллюстратором в составе эпиграфического проекта Чикагского университета в Луксоре. Его коллега Н. Мельников на протяжении 6 лет был иллюстратором в Гизе. Появление белоэмигрантов в составе иностранных экспедиций в Египте – следствие не только политических событий на пространствах бывшей Российской империи, но и усложнения самой методики полевых исследований в Нильской долине в первой половине XX в., увеличившего спрос на квалифицированные технические кадры в археологии. Их вклад в изучение древнеегипетской цивилизации не должен быть забыт современными отечественными специалистами.

Ключевые слова: история египтологии, Саккара, Гиза, Карнак, Мединет Абу, русская эмиграция, археология, эпиграфика

Данные об авторе. Максим Александрович Лебедев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

A LITTLE-KNOWN PAGE IN THE HISTORY OF EGYPTOLOGY: RUSSIAN EMIGRANTS IN FOREIGN MISSIONS IN EGYPT

V.W. Strekalovsky, A.V. Floroff, and N. Melnikoff

Maksim A. Lebedev

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

E-mail: maximlebedev@mail.ru

The paper brings attention to the work and lives of a number of Russian emigrants who contributed significantly to the publication of prominent ancient Egyptian monuments at Saqqara, Giza, and Luxor being involved in the US archaeological and epigraphic projects in Egypt during the 1930s–1960s. A former officer V.V. Strekalovsky was an important member of the epigraphic project in the chapel of Mereruka, which developed new standards for the publication of Old Kingdom relief decoration. A former engineer A.V. Floroff had worked for nine years at the foot of the Giza pyramids recording architecture at the Harvard University – Boston Museum of Fine Arts mission directed by G.A. Reisner, before becoming the most experienced illustrator of the Oriental Institute (Chicago University) epigraphic project at Luxor. His colleague N. Melnikoff worked for six years as an illustrator at Giza. The author argues that the presence of White Russian emigrants in international missions in Egypt was one of the natural results of the development of the fieldwork methodology in the Nile Valley in the first half of the twentieth century. Although the fieldwork experience of Russian emigrants did not affect the development of the national school of Oriental studies, their contribution to the study of ancient Egyptian civilization should not be neglected by contemporary Russian specialists.

Keywords: history of Egyptology, Saqqara, Giza, Karnak, Medinet Habu, Russian emigration, archaeology, epigraphy

В первой половине XX в., когда в долине Нила велись беспрецедентные по своим масштабам археологические и эпиграфические исследования, в Египте оказались более 6 тыс. русских эмигрантов. Некоторых застигло в Египте начало Первой мировой войны, но большинство бежали в эту северо-африканскую страну из России уже после революции. К середине 1920-х годов значительная часть наших соотечественников покинула Египет в поисках новой жизни в Европе, Америке или Австралии, и в стране на Ниле осталась лишь небольшая, но сплоченная община: в Каире ее численность оценивалась примерно в 900 человек, в Александрии – порядка 600[1]. Среди них были выдающиеся египтологи, невозвращение которых нанесло существенный удар по отечественному востоковедению. Широко известно, что в Каире нашел свой второй дом основатель отечественной египтологии Владимир Семенович Голенищев, который в 1917–1947 гг. являлся профессором Каирского университета, где основал кафедру египтологии. С 1924 г. в преподавании ему помогал Владимир Михайлович Викентьев – еще один видный русский египтолог, лишившийся возможности

[1] Bellin 2019.

или не пожелавший вернуться в Москву. В.М. Викентьев работал в Каирском университете вплоть до своей смерти в 1960 г., воспитав вместе с В.С. Голенищевым не одно поколение собственно египетских археологов и египтологов[2]. В 1940 г. в Каир из оккупированной нацистами Франции бежал Александр Николаевич Пьянков, ставший научным сотрудником Французского института восточной археологии[3], где до этого уже работал В.С. Голенищев.

Немало среди русских эмигрантов в Египте было людей, которые во время жизни в России никак не были связаны с изучением нильских цивилизаций, но, оказавшись на этой древней земле, увлеклись египетской историей и оказались в той или иной степени вовлечены в научную работу. Так, с Французским институтом восточной археологии в Каире сотрудничал знаток французского языка и любитель истории Олег Васильевич Волков (1913–1987, Каир), интересовавшийся ранними путешественниками и исследователями Египта[4]. Другой пример – чета археологов Лукьяновых, которая была весьма известна в Каире[5]. Наконец, некоторые выходцы из России благодаря своим инженерным знаниям и/или художественным талантам стали участниками иностранных археологических и эпиграфических проектов. Работа в археологии была для них скорее всего не только увлекательным занятием, но и в значительной степени способом заработать на жизнь, ведь многие русские эмигранты в Египте были серьезно стеснены в средствах[6]. Их имена сегодня известны гораздо меньше, чем имена работавших вдали от Родины русских египтологов, однако трудами этих людей был сделан немалый вклад в публикацию знаковых древнеегипетских памятников. Среди таких специалистов были Всеволод Стрекаловский, Александр Флоров и Николай Мельников. Задача настоящей статьи – пролить свет на судьбы этих людей и отдать дань уважения их вкладу в развитие современных знаний о Древнем Египте.

Лучше всего задокументирована судьба Всеволода Владимировича Стрекаловского (Vcevold Strekalovsky) (1901, Пётркув-Трыбунальски, совр. Польша – 1990, Дедем под Бостоном, США) – бывшего гардемарина, участника Гражданской войны, служившего под командованием А.И. Деникина и П.Н. Врангеля, старшего сына жандармского полковника и художника Владимира Алексеевича Стрекаловского. Самые краткие сведения о семье художников Стрекаловских можно

---

[2] Tomashevich 1998; Belyakov 2018, 101–104.

[3] Daumas 1967.

[4] См., например, Volkoff 1967; 1970; 1972.

[5] По своему первому образованию Григорий Иванович Лукьянов (1885, Москва – 1945, Каир) был математиком и специалистом в области авиации. Однако к тридцатилетнему возрасту он решил резко изменить свою жизнь и в 1917 г. закончил Археологический институт в Москве, где ранее познакомился со своей женой – Е.С. Лукьяновой (Елагиной) (1888, Москва – 1967, Монреаль). Оказавшись в Египте, Г.И. Лукьянов претендовал на то, чтобы называться египтологом, каковым, безусловно, не являлся. Какое-то время он служил архивариусом Александрийской патриархии, но основным его занятием, судя по всему, была перепродажа египетских древностей в музейные и частные коллекции. Его супруга изучала византийское искусство. Подробнее см. Belyakov 2018, 106–107; 2019.

[6] Belyakov 2000; 2008; 2018; Goryachkin 2010.

найти в работах, посвященных русской эмиграции[7]. К ним теперь можно добавить информацию, предоставленную автору Всеволодом Всеволодовичем Стрекаловским, сыном одного из героев настоящей статьи[8]. По его словам, из России Стрекаловские были эвакуированы несколькими рейсами, которые организовали союзники. В.В. Стрекаловский был вывезен из Севастополя французами и оказался в Тунисе. Вся остальная семья – отец, мать и двое братьев – были эвакуированы британцами в Египет. Спустя примерно год В.В. Стрекаловский воссоединился со своими родственниками в Каире. Там Всеволод, как и его братья Николай и Роман, пошел по стопам отца, став художником. Этому способствовало, в частности, общение Стрекаловских с известным русским иллюстратором Иваном Яковлевичем Билибиным (1876–1942), который жил в эмиграции в Каире с 1920 по 1925 г.[9] Отец семейства В.А. Стрекаловский расписывал вместе с И.Я. Билибиным русскую домовую церковь в Каире, а Всеволод стал учеником знаменитого мастера. Когда И.Я. Билибин покинул Каир и перебрался в Париж, В.В. Стрекаловский последовал за ним и продолжил обучаться художественному мастерству во Франции. Другим его учителем стал французский художник-ориенталист Рожер Бреваль[10].

В 1927 г. В.В. Стрекаловский вернулся к семье в Каир. Его братья занимались технической иллюстрацией в каирском госпитале Каср эль-Айни, а Всеволод стал сотрудничать с Каирским геологическим музеем. Через музей он принял участие в крупном проекте по геологическому описанию территории Египта, которое проводилось под руководством Уильяма Фрэйзера Хьюма. Благодаря работе с геологами В.В. Стрекаловский познакомился с директором Восточного института Чикагского университета Джеймсом Генри Брэстедом, который заметил художественный талант русского эмигранта и пригласил его в новый проект своего института – эпиграфическую экспедицию в Саккаре. Так в возрасте тридцати лет В.В. Стрекаловский начал участвовать в копировании рельефов в знаменитой часовне Мерирука, визиря царя Тети (ок. 2374–2354 гг. до н.э.; рис. 1). Полевым директором экспедиции был не египтолог, а антиковед, архитектор и археолог Прентис Дуэлл, получивший известность незадолго до начала проекта благодаря копированию росписей в этрусских гробницах. Работа в часовне Мерирука велась при щедрой финансовой поддержке предпринимателя Джона Дэвисона Рокфеллера (младшего) с зимы 1930/1931 г. по 1937 г. В.В. Стрекаловский входил в состав экспедиции с самого ее начала[11]. Проект стал частью большой программы Восточного института Чикагского университета по публикации наиболее важных эпиграфических памятников Древнего Египта[12]. Она была инициирована Дж. Брэстедом в 1924 г. и продолжает реализовываться по сей день.

---

[7] Bellin 2019, 347; Belyakov 2008, 226–230; 2018, 98.

[8] Всеволод Всеволодович Стрекаловский ныне проживает в пригороде Бостона. Он продолжил семейную традицию, став художником и архитектором. Автор выражает ему искреннюю благодарность за дополнительные сведения о его семье.

[9] Belyakov 2009.

[10] Laumois 1938.

[11] Breasted 1933, 147.

[12] Brovarski 1996, 32.

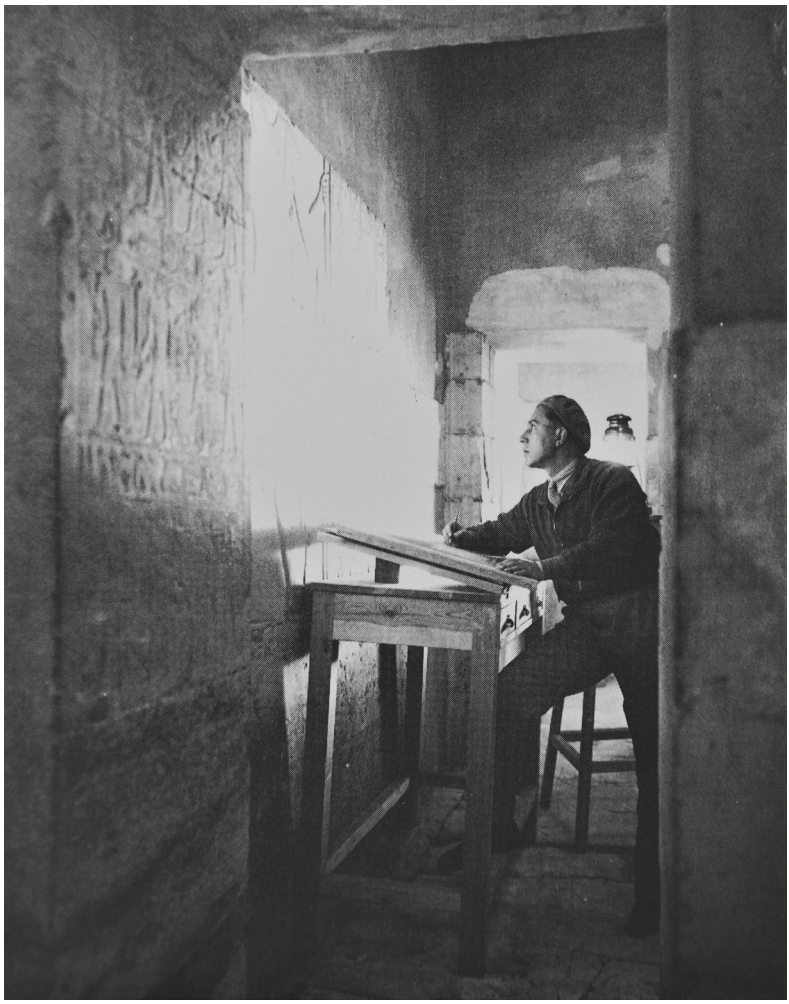


Рис. 1. В.В. Стрекаловский копирует рельеф с изображением Мерирука и его жены Уатетхетхор. Фото начала 1930-х годов из личного архива (предоставлено сыном художника В.В. Стрекаловским)

В целом, процесс копирования, в который был вовлечен В.В. Стрекаловский (рис. 2–3), соответствовал принципам, уже выработанным к тому времени благодаря эпиграфическим исследованиям Чикагского университета в Фивах. С тех пор суть чикагского метода в целом остается неизменной и заключается в следующем: памятник тщательно фотографируется с использованием широкоформатных камер. Отпечатанные в уменьшенном масштабе снимки обводятся профессиональными художниками-иллюстраторами. Каждая прорисовка неоднократно сверяется на месте одним или несколькими опытными египтологами, которые знакомы с иконографией и палеографией памятника. После каждой сверки художник корректирует рисунок, внося правки эпиграфистов. Итоговый вариант отбеливается художником в соответствии с принятыми графическими приемами

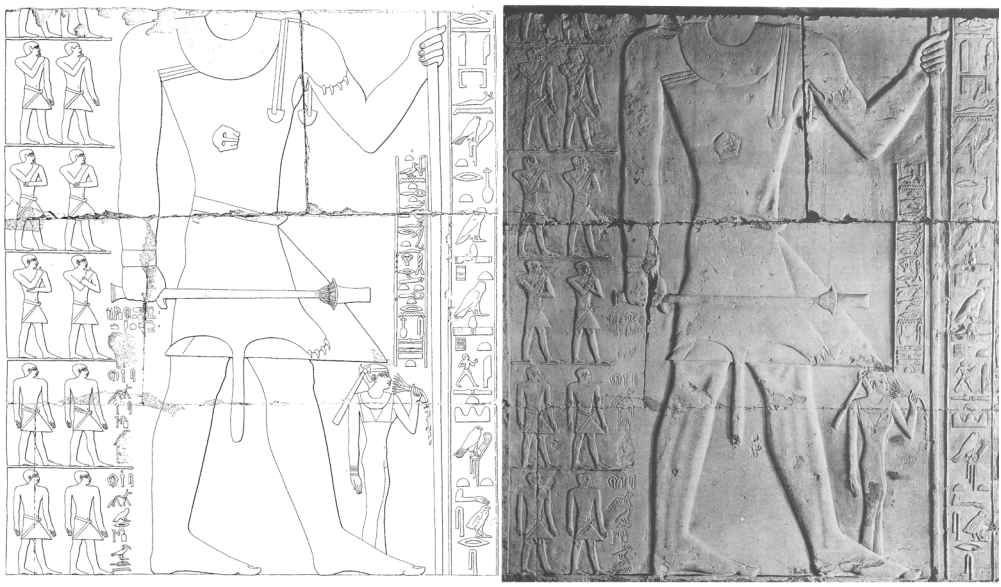


Рис. 2. Прорисовка рельефа с изображением Мерирука и его жены Уатетхетхор, выполненная В.В. Стрекаловским, в сравнении с фотографией Л.Ф. Томпсона, по которой делалась обводка. По: Duell 1938a, pl. 26–27

и условными обозначениями[13]. Там, где такой подход возможен и оправдан, он позволяет получать очень качественный результат, органично сочетающий документальную точность с профессиональным видением египтолога и художественной выразительностью рисовальщика[14].

Тщательно изучив опыт предшественников и современные ему эпиграфические проекты, Дж. Брэстед пришел к выводу, что в случае с гробницей Мерирука стандартные графические прорисовки рельефов и надписей должны сочетаться с качественными фотографиями и цветными рисунками. Такой подход, по его мнению, должен был дать читателю максимально полную информацию об оформлении часовни, начиная с пластических характеристик отдельных фигур и знаков и заканчивая сохранившимися остатками полихромии и характером разрушений[15].

---

[13] Breasted 1933, 205–212. Сегодня те же принципы специалисты чикагской школы разрабатывают уже в рамках цифровой эпиграфики (Vértes 2014).

[14] Однако такой подход был и остается доступен далеко не всем экспедициям: он очень дорог, затратен по времени и не для всех памятников одинаково хорошо подходит. Метод создавался для копирования качественных монументальных рельефов, но он не всегда оправдан при работе с небольшими или сильно пострадавшими рельефами и росписями, а также с поверхностями со сложным профилем – например, с колоннами. Альтернативой чикагскому методу традиционно считается прорисовка текстов и изображений в масштабе 1 : 1 на различного типа кальке. Такой метод условно называется «карнакским», так как долгое время и последовательно использовался французской экспедицией в Карнаке (хотя свое начало он берет еще во временах Г. Картера). Подробнее см. Thiers 2020.

[15] Duell 1938a, XVII–XVIII.

Рис. 3. Изображение Мерирука, скопированное В.В. Стрекаловским темперными красками. По: Duell 1938b, pl. 183

В работе участвовали семь художников и фотограф Л.Ф. Томпсон. Им помогали четверо египтологов-эпиграфистов: Ч.Ф. Нимс, К. Сеел, Дж. Брэстед и Г. Нельсон. Не считая архитектурных чертежей, в итоговую публикацию вошло 219 иллюстраций: 103 фотографии, 101 черно-белая прорисовка и 15 цветных рисунков. В.В. Стрекаловский в рамках проекта выполнял как черно-белые прорисовки, так и рисунки темперными красками тех рельефов, что сохранили свой цвет. В общей сложности ему принадлежало 25 иллюстраций: 19 линейных прорисовок и 6 цветных рисунков. Это второй по объему вклад в иллюстративный материал обоих томов после С.Р. Шеферда, который подготовил 33 черно-белых прорисовки и 5 цветных рисунков. Не всем планам П. Дуэлла было суждено осуществиться. В публикацию по итогам проекта не вошли рельефы из часовен жены Мерирука Уатетхетхор (Сешсешет) и его сына Меритети (Мери), которые были частью той же гробницы[16]. Не осуществились тогда и гораздо более масштабные планы Чикагского университета перейти после гробницы Мерирука к не менее знаменитым гробницам Чи, Птахотепа и Кагемни[17]. Причины, конечно, были разнообразны, но главными оказались смерть Дж. Брэстеда в 1935 г. и сокращение финансирования.

В 1939 г. на публикацию часовни Мерирука[18] вышли две рецензии крупных египтологов, которые по-разному взглянули на многолетний труд интернациональной саккарской команды. Первая принадлежала Уильяму Стивенсону Смиту, который, являясь специалистом

[16] Они будут опубликованы лишь спустя 70 лет (Kanawati, Abder-Razik 2004; 2008).
[17] Breasted 1933, 147.
[18] Duell 1938a; 1938b.

по искусству Старого царства и имея некоторый опыт копирования в цвете рельефов из Гизы[19], с трудом скрывал свой восторг и энтузиазм: «Никогда прежде рельефы Старого царства не воспроизводились столь удачно в таких масштабах и с такими прекрасными прорисовками, подробно сопровождаемыми фотографиями и цветными иллюстрациями. Данные тома, как кажется, реализовали тот идеал, к которому стремились все публикации египетских рельефов». В своей рецензии он остановился на нескольких важных сценах и не жалел комплиментов в адрес художников: «Любой признает высокий технический уровень, проявленный в иллюстрациях мистером Дуэллом и его коллегами, мистером Шефердом и мистером Стрекаловским»[20].

Вторая рецензия была написана опытным издателем древнеегипетских гробниц, сотрудником музея Метрополитен Норманом де Гарис Дэвисом и носила более сдержанный характер[21]. Это был взгляд специалиста, который к тому времени вот уже несколько десятилетий вместе со своей женой и коллегами копировал сложные гробничные изображения (преимущественно в фиванском некрополе, но также в Саккаре[22] и Гизе[23]). Он отметил отсутствие критического анализа текстов и сцен[24], а также индекса, что, безусловно, затрудняет работу с публикацией. К иллюстраторам у опытного художника не было серьезных претензий, не считая единичных стилистических замечаний (но не к рисункам В.В. Стрекаловского), а также того, что прорисовки не всегда передают степень грубости, с которой были выполнены некоторые изображения. Однако он высказал два упрека по поводу общей концепции подачи материалов: *1)* учитывая высоту рельефов в гробнице Мерирука, многие линии, условно показывающие тень, выглядят слишком тонкими, из-за чего прорисовки имеют ограниченную графическую выразительность; *2)* поскольку цвета пигментов за тысячелетия неминуемо изменяются, для общего представления об оригинальной полихромии следовало бы ограничиться одной-двумя иллюстрациями с восстановленными цветами; полтора десятка рисунков, которые передают реально сохранившиеся цвета, по мнению Дэвиса,– лишь потакание вкусам широкой публики. Если первое замечание вполне справедливо, то второе не кажется продуктивным. Кстати, сам Дэвис предложенному совету в то время уже не следовал, копируя именно сохранившиеся, а не восстановленные цвета даже в тех случаях, когда они очевидным образом уже претерпели изменения[25]. В целом же опытный художник и египтолог признавал, что издание часовни Мерирука заложило новые стандарты публикации древнеегипетских рельефов: «Давайте подведем в этом случае такой итог:

---

[19] Weeks 1995, color pl. 6b, 7a-b, 8.

[20] Smith 1939, 348. Издание оказалось столь выдающимся по качеству не только из-за таланта художников, но и благодаря использованию при печати процесса коллотипии, передававшего глубину и нюансы цвета.

[21] Davies 1939, 223–224.

[22] Davies 1900; 1901.

[23] Roth 1995, pl. 155–160.

[24] Современная публикация текстов из часовни Мерирука и некоторых недостающих прорисовок вышла в свет лишь в начале XXI в. (Kanawati *et al.* 2010; 2011).

[25] См., например, Davies 1935.

никогда прежде читатель столь полно не погружался в древний памятник, никогда ему не предоставлялось более надежной возможности получить ответы на вопросы, которые он мог бы задать, никогда у него не было шанса получить ощущения столь близкие к тем, что он испытал бы при встрече с памятником вживую»,– писал он в заключении[26].

Работа в американской экспедиции имела для В.В. Стрекаловского серьезные личные последствия, поскольку именно там он встретился с антиковедом и художественным продюсером Анной Дуэлл, женой полевого директора экспедиции Прэнтиса Дуэлла. Результатом этой встречи в 1991 г. было то, что, со слов Антонины Николаевны Стрекаловской, бывшей жены художника Николая Владимировича Стрекаловского, записал В.В. Беляков: «Всеволод, как и Николай, зарабатывал, так сказать, практическим рисованием. Только не на медицинскую, а на историческую тему. Например, для музеев. Приглашали его и археологические экспедиции. В одной из таких экспедиций Всеволод познакомился с американкой и влюбился в нее. Он развелся со своей русской женой и уехал за американкой в Америку. А там она развелась со своим мужем, и они поженились»[27].

Сегодня события тех лет можно восстановить с несколько большей точностью. К моменту знакомства с Анной Дуэлл В.В. Стрекаловский был женат на русской эмигрантке, бывшей балерине Марине Коссовой (Marina Kossoff), которая стала секретарем и документалистом американской экспедиции в Саккаре. История любви, развернувшаяся на фоне копирования рельефов в гробнице Мерирука, разрушила обе семейные пары – и Дуэллов, и Стрекаловских. В 1934 г. Всеволод Владимирович покинул проект и уехал вместе с Анной в Париж, где они обвенчались. Затем молодые супруги переехали в Великобританию. Марина Коссова осталась работать в Саккаре.

Дальнейшую судьбу В.В. Стрекаловского позволяют восстановить некролог Анны Стрекаловской, скончавшейся в 1986 г.[28], многочисленные заметки в бостонской прессе и информация, предоставленная автору сыном художника. В 1937 г. супруги переехали в США, поселившись в пригороде Бостона. Первые годы жизни в Америке В.В. Стрекаловский продолжал работать художником и устраивал выставки своих работ[29]. Однако с начала 1940-х годов он занялся ресторанным бизнесом, а также сотрудничал с Массачусетским технологическим институтом, где в годы Второй мировой войны участвовал в налаживании производства радаров для войск союзников. Семья Стрекаловских активно участвовала в общественной жизни штата Массачусетс, имена супругов регулярно появлялись в местной прессе в связи с благотворительными мероприятиями, концертами и выставками[30]. В годы Великой Отечественной войны Стрекаловские неоднократно участвовали в сборе

[26] Davies 1939, 224.

[27] Подробнее о рассказе А.Н. Стрекаловской см. Belyakov 2008, 226–230.

[28] The Boston Globe, 03.02.1986, p. 47.

[29] The Boston Globe, 04.09.1937, p. 3; The Palm Beach Post, 06.02.1940, p. 9.

[30] См., например, The Palm Beach Post, 02.02.1940, p. 10; The Boston Globe, 02.04.1957, p. 14; 27.04.1959, p. 24; 06.10.1977, p. 72.

средств для советских солдат[31]. Несколько раз В.В. Стрекаловский возвращался в Египет, где посещал отца и братьев[32], однако с археологами он больше не сотрудничал. Умер Всеволод Владимирович в 1989 г. в возрасте 88 лет.

По некоторым данным, египетские работы В.В. Стрекаловского хранятся не только в Чикаго, но и в Гарварде[33]. Подтверждений этому нам найти не удалось, хотя предпосылки для сотрудничества с Гарвардским университетом действительно имелись. В 1930-х годах Гарвард совместно с Музеем изобразительных искусств в Бостоне финансировал раскопки в Гизе. По утверждению П. Дуэлла, который сам был выпускником Гарварда, между научными коллективами американских экспедиций в Саккаре и Гизе было дружеское сотрудничество и они много помогали друг другу[34]. В.В. Стрекаловский был одним из ведущих художников в саккарском проекте, поэтому скорее всего уже с самого начала 1930-х годов он был неплохо знаком с участниками экспедиции в Гизе. Поскольку творческая семья Стрекаловских занимала видное положение в небольшой и весьма сплоченной русской общине Каира, не исключено, что именно В.В. Стрекаловский ввел в круг американских египтологов другого героя нашей статьи – Александра Викторовича(?) Флорова[35] (рис. 4).

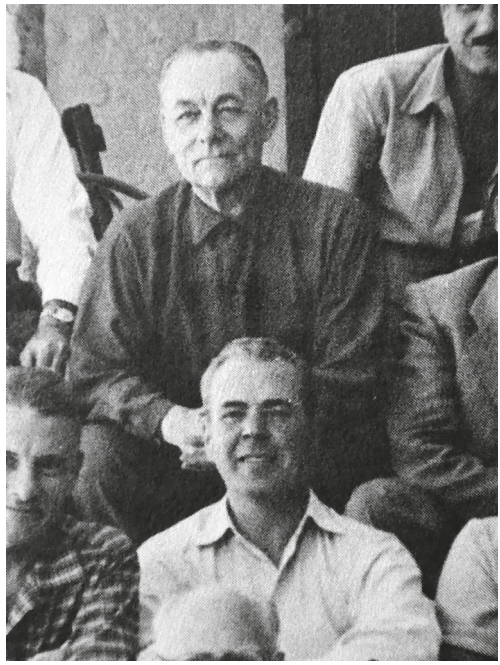


Рис. 4. А.В. Флоров (в середине в верхнем ряду) в окружении коллег по эпиграфическому проекту Восточного института Чикагского университета в Луксоре. По: Wilson, 1972 (без стр.)

Имена инженера Александра Флорова (Alexander V. Floroff) и иллюстратора Николая Мельникова (Nicholas Melnikoff)[36] отечественным специалистам известны мало, хотя в течение многих лет на них в значительной степени держалась документация одной из легендарных археологических экспедиций в Египте – экспедиции

---

[31] The Boston Globe, 10.12.1941, p. 21; 23.01.1942, p. 17; 09.10.1942, p. 19; 03.05.1943, p. 10; 31.03.1944, p. 12.

[32] Брат Николай в 1955 г. переехал из Каира в Бостон, а Роман Стрекаловский скончался в Каире в 1973 г.

[33] Bellin 2019, 347; Belgorodskaya *et al.* 2014, 1905.

[34] Duell 1938a, VII.

[35] В русскоязычной литературе существует разночтение: фамилия передается то как Флоров, то как Флеров, см. Shchennikov 1994; Belyakov 2018, 79, 235. В латинизированной транскрипции фамилия всегда передавалась как Floroff.

[36] Отчества этих двух эмигрантов в известной нам американской документации не появляются, что затрудняет их идентификацию среди однофамильцев (см. ниже).

у подножия пирамид Гизы под руководством Джорджа Эндрю Райзнера. В 1910–1930-х годах Дж. Райзнер был, пожалуй, одним из самых прогрессивных археологов из тех, что вели раскопки в долине Нила[37]. Методика его работы была значительно сложнее той, что применяли большинство современников[38]. Именно Дж. Райзнер ввел в практику ближневосточной археологии стратиграфические разрезы и раскопки по слоям[39]. Он же стал первым в Египте методично использовать фотографию для поэтапной фиксации процесса раскопок[40]. Единая система нумерации архитектурных комплексов, тщательный и подробный учет находок и полевой документации также были необычны для египетской археологии того времени.

А.В. Флоров и Н. Мельников присоединились к экспедиции Дж. Райзнера в 1930-х годах. Основной источник сведений о работе двух наших соотечественников – это оцифрованный экспедиционный архив, содержащий тысячи фотографий, чертежей, рисунков и дневниковых записей[41]. Первое упоминание А.В. Флорова в полевом дневнике относится к 11 июня 1934 г.: «Сегодня прибыл мистер Флоров и начал рисовать шахты мастабы [G] 7650»[42]. В одном из своих писем в египетский Департамент древностей Дж. Райзнер привел краткую биографию А.В. Флорова: «Александр Флоров, русский. Геодезист и иллюстратор. Получил образование в Институте сельского хозяйства и лесоводства г. Ново-Александрия[43] в России (диплом в 1915 году). Работал геодезистом на службе у российского правительства. Призван в армию в 1915 году. Присоединился к экспедиции в 1934 году»[44].

К этому можно добавить, что – по свидетельству самого А.В. Флорова[45] – он был офицером царской армии, в Первую мировую войну сражался на турецком фронте, а в Гражданскую войну – в войсках А.И. Деникина. После поражения Добровольческой армии он вместе с ранеными был эвакуирован британцами

---

[37] Дж.Э. Райзнер (1867, Индианаполис – 1942, Гиза) начал полевые исследования в Египте в 1899 г., а в 1902 г. возглавил основной проект своей жизни – археологическую экспедицию в Гизе (с 1905 г. спонсировалась Гарвардским университетом и бостонским Музеем изобразительных искусств). Крупномасштабные раскопки на Западном и Восточном плато Гизы, а также близ пирамиды Менкаура велись до 1937 г., а ограниченные раскопки продолжались почти до самой смерти исследователя в 1942 г. Официально экспедиция была завершена в 1947 г.

[38] Manuelian 1990–1991, 17–18.

[39] Wilson 1964, 144–150; Lacovara 1981, 120; Browman, Givens 1996, 85–86; Browman, Williams 2013, 229; Lacovara *et al.* 2020.

[40] Manuelian, Reisner 1992.

[41] URL: http://giza.fas.harvard.edu; дата обращения: 20.02.2022.

[42] Документ HUMFA_Arabic_diary_23_p1802. Здесь и далее даются ссылки на оцифрованные документы из архива экспедиции Дж. Райзнера: URL: http://giza.fas.harvard.edu; дата обращения: 20.02.2022.

[43] Современный г. Пулавы на юго-востоке Польши.

[44] Автор сердечно благодарен П. де Мануэлиану за копию письма Дж. Райзнера от 22.01.1937.

[45] Сегодня в нашем распоряжении есть два кратких источника, которые сохранили воспоминания русского эмигранта о своей жизни. В 1954 г. с А.В. Флоровым в Луксоре общалась американка Маргарет Белл Камерон (Cameron 2001, 37–38), а в начале 1970-х годов с ним встречался советский журналист В.Ф. Щенников (Shchennikov 1994).

из восточного Причерноморья в Египет. Через полгода к нему в Каир перебралась его мать, бывшая в Первую мировую войну сестрой милосердия (скончалась в Каире в 1953 г.). Прежде чем попасть в экспедицию в Гизе, он выполнял различные работы для британских военных, расквартированных в стране на Ниле.

Мы точно не знаем, как А.В. Флоров оказался в команде Дж. Райзнера. Сыграл ли в этом какую-то роль В.В. Стрекаловский, как мы предположили выше[46], или же к этому привели какие-то другие обстоятельства, например связи бывшего царского инженера и офицера с британскими военными, однако сам приход в экспедицию русского эмигранта, вероятно, напрямую был связан с уходом из нее британского морского офицера Н.Ф. Уиллера. Именно Уиллер на протяжении 8 лет, вплоть до 1933 г., был геодезистом и архитектором проекта, выполняя также некоторые обязанности археолога[47]. А.В. Флоров сменил его на следующие 9 лет, став последним геодезистом и архитектором экспедиции. В это время, несмотря на прогрессирующую потерю зрения, Дж. Райзнер активно писал и редактировал первые три тома своей фундаментальной «Истории некрополя Гизы»[48]. Поскольку работу над рукописями Дж. Райзнер активизировал именно в 1934 г. (в результате настойчивого давления со стороны Департамента древностей и руководства Музея изобразительных искусств в Бостоне), не исключено, что нашего соотечественника египтолог взял на работу именно для систематизации и оформления архитектурной части своего главного научного труда. Учитывая то значение, что придавал Дж. Райзнер архитектуре гробничных комплексов, можно полагать, что новый член экспедиции пользовался его исключительным доверием.

Русский эмигрант создавал для американских раскопов системы опорных точек с помощью метода триангуляции, вычерчивал планы и архитектурные разрезы гробниц, шахт и погребальных камер, сводил планы раскопанных объектов вместе. В лице А.В. Флорова Дж. Райзнер приобрел сотрудника, который

---

[46] У этой версии есть косвенное подтверждение. В последние годы жизни Дж. Райзнер много общался еще с одним русским эмигрантом – Борисом Лысенко. Возможно, последний был родственником Ольги Лысенко – жены Романа Стрекаловского (брата В.В. Стрекаловского). Эвелин Перкинс, секретарь Дж. Райзнера, описывала его как образованного молодого человека, который регулярно бывал в лагере по вечерам и читал почти ослепшему американскому археологу детективные романы (Дж. Райзнер всю жизнь увлекался детективами и оставил после смерти коллекцию из нескольких тысяч книг). О близости Б. Лысенко и А.В. Флорова к Дж. Райзнеру в последние годы его жизни говорит тот факт, что первый заверял в качестве свидетеля завещание американского археолога от 16.12.1940 г., а второй заверял более поздний вариант завещания от 16.04.1941 г. См. документ HUMFA_ED40_11_1010. Автор благодарен П. де Мануэлиану за возможность ознакомиться с текстами неопубликованных писем Э. Перкинс с упоминаниями Б. Лысенко от 16.09.1939 и 15.03.1941. Об Ольге Лысенко см. Belyakov 2018, 224.

[47] В последние годы работы Н. Уиллера в Гизе у него возникали конфликты с Дж. Райзнером. Американский археолог даже вынашивал планы перевести Уиллера на работу в Департамент древностей на место скончавшегося в 1931 г. С.М. Фёрса (личное сообщение П. де Мануэлиана).

[48] Планы по публикации своих материалов Дж. Райзнер обнародовал в первом томе своей серии (Reisner 1942, IX).

полностью отвечал за фиксацию архитектуры. Он не только чертил сам, но и проверял рисунки и описания своих коллег, в том числе на арабском языке[49]. Методика работы А.В. Флорова видна по его черновым записям, предварительным наброскам и итоговым иллюстрациям. Подступаясь к новому большому архитектурному комплексу, он начинал с карандашных заметок, архитектурных обмеров и схематичных набросков. Затем приходило время для чертежей, которые делались на миллиметровой бумаге. Часть из них А.В. Флоров рисовал и проверял на месте, другие вычерчивал явно вдали от памятника, руководствуясь сделанными обмерами, схемами и фотографиями. Такой подход неминуемо означал известную степень обобщения и потерю деталей, которые сегодня считаются важными. Современные исследователи нередко находят последовательные упрощения в чертежах А.В. Флорова. Впрочем, это была не вина архитектора, а особенность эпохи. Большое число одновременно раскапываемых и заново расчищаемых памятников иначе зафиксировать, очевидно, было попросту невозможно. Стоит помнить и общие методологические установки археологов того времени, которые интересовались преимущественно выстраиванием типологии выявленных комплексов, а не изучением их индивидуальных архитектурных особенностей.

При всем этом бывший царский инженер занимался не только иллюстрациями: он оценивал надежность древних конструкций и безопасность работы в них[50], участвовал в разборке закладов при входе в погребальные камеры[51] и *сердабы* (помещения или ниши для статуй)[52], рисовал скелеты[53], вынимал после фиксации ценные артефакты[54], проводил тонкую зачистку и работал с хрупкими находками[55] – иными словами, выполнял обязанности археолога. А.В. Флорова, видимо, живо интересовали археологические находки и сам процесс их обнаружения. В дневниковых записях его коллег-археологов мы неоднократно находим упоминания того, как даже в ходе проведения архитектурных обмеров древних гробниц он находил различные артефакты: фрагмент известнякового бассейна для возлияний (19 июня 1935 г.)[56], фрагменты рельефов (13 июля 1938 г.)[57], каменное орудие из гранита (5 октября 1940 г.)[58] и т.д.

Как уже отмечалось, А.В. Флоров принимал самое непосредственное участие в подготовке к публикации «Истории некрополя Гизы». Работа над текстом и иллюстрациями, которые должны были обобщить результаты нескольких десятилетий раскопок, порождала множество вопросов (особенно в случаях с не до конца изученными или плохо задокументированными памятниками). Поэтому А.В. Флорову приходилось на месте проверять и дополнять архитектурные

---

[49] Документ HUMFA_Arabic_diary_27_p2142.
[50] Документ HUMFA_ED39_12_849.
[51] Документы HUMFA_Arabic_diary_24_p1831 и HUMFA_Arabic_diary_24_p1834.
[52] Документ HUMFA_Arabic_diary_25_p1961.
[53] Документ HUMFA_Arabic_diary_24_p1911b.
[54] Документы HUMFA_ED35_04_032 и HUMFA_Arabic_diary_24_p1915.
[55] Документ HUMFA_Arabic_diary_26_.
[56] Документ HUMFA_Arabic_diary_25_p1972.
[57] Документ HUMFA_ED38_07_724.
[58] Документ HUMFA_ED40_08_1009.

описания и делать чертежи уже ранее раскопанных комплексов, в том числе шахт и погребальных камер, часть из которых приходилось расчищать заново[59]. Однако его главная заслуга состояла в другом. На плечи нашего соотечественника легло составление генеральных планов всех раскопанных комплексов на Восточном[60] и Западном плато Гизы[61], а также в некрополе в каменоломнях Менкаура[62]. Задача была нетривиальная, так как памятники, которые нужно было нанести на общие планы, раскапывались в разное время, разными людьми, с разным качеством документации на протяжении около 30 лет. Какие-то гробницы были хорошо видны, какие-то приходилось заново расчищать, но в итоге планы были сведены и результатами этой работы исследователи Гизы продолжают пользоваться по сей день: именно генеральные планы русского эмигранта лежат в основе электронных чертежей, которые уточняют и дополняют современные экспедиции.

А.В. Флоров подготовил значительную часть иллюстраций для первого тома «Истории некрополя Гизы»[63] и принимал деятельное участие в работе над текстами Дж. Райзнера для второго и третьего томов. Черновые варианты планировавшихся изданий полны его рукописными уточнениями и исправлениями. Они относятся в основном к периоду между 1940 и 1942 г. и касаются преимущественно размеров, архитектурных описаний и этапности строительства раскопанных комплексов, а также неточностей в полевой нумерации[64].

Н. Мельников (рис. 5) появился в экспедиции позже А.В. Флорова и, возможно, по его рекомендации. Самый ранний документ в экспедиционном архиве, свидетельствующий о присутствии Н. Мельникова в американском лагере у пирамид, – это общая фотография, сделанная 11 мая 1937 г. во время празднования 70-летия Дж. Райзнера[65]. Русский эмигрант сидит рядом с дочерью американского исследователя, Мэри Райзнер[66], и выглядит довольно молодым человеком. В дневниковых записях коллеги Н. Мельникова называли его только по имени – Николай (Nicholas) или мистер Николай[67]. Судя по всему, с членами экспедиции Н. Мельников вел себя несколько проще, чем А.В. Флоров, или был моложе своего соотечественника, который в тех же дневниках всегда назван по фамилии.

Н. Мельников выполнял в экспедиции обязанности иллюстратора: перебеливал чертежи А.В. Флорова, в том числе генеральные планы американских раскопок, сам чертил отдельные комплексы, рисовал керамику и находки, копировал

---

[59] Документы HUMFA_Arabic_diary_25_p1957 и HUMFA_ED39_12_849.

[60] Reisner 1942, map 3.

[61] Brovarski 2001, fig. 1.

[62] Документ HUMFA_EG010039.

[63] Reisner 1942.

[64] См., например, документы HUMFA_UM26, HUMFA_UM43, HUMFA_UM206, HUMFA_UM223, HUMFA_UM1862, HUMFA_UM1912, HUMFA_UM2271, HUMFA_UM3141, HUMFA_UM3197, HUMFA_UM3217, HUMFA_UM3217, HUMFA_UM3872, HUMFA_UM4005, HUMFA_UM4201, HUMFA_UM4213, HUMFA_UM4216 и HUMFA_UM4219.

[65] Документ HUMFA_A7874_NS.

[66] В 1938 г. Н. Мельников сделает карандашный портрет М. Райзнер. См. документ HUMFA_A8024_NS.

[67] Документы HUMFA_ED40_02_024 и HUMFA_ED40_11_1010.

Рис. 5. Н. Мельников (у стеллажа) среди других участников экспедиции в Гизе (слева направо: Ф.О. Аллен, Дж.Э. Райзнер, Н. Мельников, Х. Хандрик и Мохамед С. Ахмед). Снимок из египетского журнала المصور [Аль-Муссауар], № 740 за 16.12.1938 (без стр.)

рельефы, а в свободное время делал художественные наброски. Работы Н. Мельникова показывают, что он явно тяготел к чертежам, возможно, благодаря техническому образованию, которое мы, впрочем, можем только предполагать. Особенно удачно у него выходили архитектурные иллюстрации и рисунки находок, в частности керамики. Вместе с тем прорисовки эпиграфических материалов, выполненные русским эмигрантом, порой демонстрируют излишне уверенную руку и содержат существенные неточности. Следует отметить и характерную особенность работы самого Райзнера, которая проявилась не только на раскопках в Гизе, но и на других памятниках (в частности, в царских некрополях в Судане), – отсутствие системного подхода к фиксации эпиграфического и иконографического материала. Американский исследователь интересовался преимущественно архитектурой и находками, а рельефы и росписи занимали его обычно лишь в рамках общей типологии и в привязке к архитектуре. Изображения и тексты из раскопанных Дж. Райзнером гизехских гробниц регулярно фотографировались, что, безусловно, было очень важно, однако копировали их непоследовательно, от случая к случаю, без единой методики[68].

[68] Последовательная публикация текстов и изображений из изученных Дж. Райзнером гробниц началась спустя более 30 лет после его смерти, причем большая часть опубликованных прорисовок делалась впервые. Отметим, что среди множества художников и эпиграфистов, принявших участие в этой работе в разные годы, была

Копирование рельефов Н. Мельниковым вполне укладывалось в эту общую картину. Русский эмигрант был занят преимущественно прорисовкой текстов и изображений на разрозненных фрагментах и архитектурных элементах, найденных в процессе раскопок. Многие копии таких небольших обломков делались на месте в масштабе 1:1[69]. Одновременно Н. Мельников копировал некоторые крупные архитектурные элементы – барабаны, ложные двери, архитравы. В его рисунках прослеживается определенное влияние чикагской школы, например характерный способ изображать повреждения или использование фотографий при обводке. Однако в целом они очень далеки от превосходных прорисовок В.В. Стрекаловского и его коллег, так как при их создании нарушались основные принципы эпиграфической иллюстрации. Во-первых, рисунки Н. Мельникова далеко не всегда проверялись кем-то из коллег-египтологов[70]. Во-вторых, использованные фотографии часто не были ортогональными, поэтому прорисовки сохраняют значительные перспективные искажения[71]. Кроме того, на некоторых прорисовках не хватает важной технической информации – масштаба и/или номера находки[72]. В итоге прорисовки рельефов Н. Мельниковым содержат неточности и упущения, которых в других обстоятельствах можно было бы избежать. Значительную часть таких прорисовок, особенно сделанных по фотографиям, использовать в публикациях можно было лишь в крайнем случае[73]. С началом Второй мировой войны в экспедиции скорее всего уже не было людей, готовых обучать и направлять Н. Мельникова: Райзнер был почти слеп и мало интересовался рельефами, его заместитель Френсис Олкот Аллен оказался вынужден сочетать работу в Гизе с военной службой, а художник Хансмартин Хандрик не был египтологом.

С 1939 г. научный состав экспедиции оказался в изоляции в Каире, но продолжал работать даже в период немецких налетов (на время воздушных тревог ученые укрывались в скальных гробницах, а руководитель экспедиции переселился в скальную гробницу LG 71 на Восточном плато). Дж. Райзнер скончался в своем лагере у подножия пирамид 6 июня 1942 г. В ограниченном объеме гарвардский лагерь продолжал функционировать и после его смерти, однако в условиях войны поддерживать проект становилось все сложнее. Оба русских эмигранта числились

потомок эмигрантов из России, американская художница Хелен Василевская (см. Weeks 1995, color pl. 2в–с; 4b).

[69] Некоторые копии попросту вычерчивались, поэтому прорисовками, строго говоря, не являются, см., например, документ HUMFA_EG021441.

[70] Примеры непроверенных прорисовок: HUMFA_EG021438, HUMFA_EG02230 и HUMFA_EG022416. Пример проверенной прорисовки: HUMFA_EG021563. Пример прорисовки, проверенной после экспедиции Дж. Райзнера: документ HUMFA_EG021533.

[71] См., например, документы HUMFA_EG020865, HUMFA_EG020868 и HUMFA_EG022727.

[72] См., например, документы HUMFA_EG021440, HUMFA_EG021391 и HUMFA_EG020904.

[73] Можно предположить, что они делались исключительно для того, чтобы донести основную информацию о рельефе или находке до человека, который уже не мог вглядываться в черно-белые снимки,– стремительно терявшего зрение Дж. Райзнера.

в составе экспедиции до 1943 г., когда директор Музея изобразительных искусств предложил рассчитать их в связи с отсутствием новой работы[74].

Достоверных данных о судьбе Николая Мельникова после Гизы нам, увы, найти пока не удалось. Его отчество в известной нам американской документации не отражено, а фамилия была весьма распространенной, поэтому любые возможные идентификации пока под вопросом. В общем склепе под русской часовней на кладбище греческого православного монастыря Святого Георгия в Старом Каире, где захоронены многие бедные русские эмигранты, в том числе египтолог В.М. Викентьев, есть краткая надпись без дат: «Мельников Н.Л.»[75]. Тот ли это Мельников, что работал у великих пирамид Гизы?

О жизни и карьере А.В. Флорова известно больше. В 1950 г. он пошел по стопам В.В. Стрекаловского и на долгие 15 сезонов связал свою судьбу с эпиграфическими исследованиями Восточного института Чикагского университета в Луксоре[76]. В качестве художника он копировал рельефы в Карнаке[77] и заупокойном храме Рамсеса III в Мединет Абу[78] (рис. 6). В 1957 г. в результате Суэцкого кризиса, из-за которого египетское правительство не пустило в страну британских художников, проживавший в Египте русский эмигрант остался единственным иллюстратором в Мединет Абу. Не исключено, что он принимал участие и в других американских проектах, хотя в целом работа в эпиграфической экспедиции в Луксоре требовала круглогодичной занятости (в межсезонье шла обводка сделанных копий). Последний сезон в Луксоре А.В. Флоров провел в 1964–1965 гг., после чего ушел на пенсию[79]. К тому моменту бывший царский инженер был самым опытным иллюстратором чикагской школы в Египте[80].

В начале 1970-х годов советский журналист В.Ф. Щенников побывал в библиотеке «Русского клуба» на улице Имад эд-Дин в Каире. В то время библиотекой заведовал пожилой эмигрант Александр Викторович Флоров (Флеров). Очевидно, что он и был тем самым специалистом, проработавшим почти четверть века в американских экспедициях. Это подтверждается следующими данными. Из статьи В.Ф. Щенникова мы знаем, что заведующий библиотекой А.В. Флоров (Флеров) был близко знаком с Екатериной Александровной фон Шлипп – хозяйкой известного среди русских эмигрантов дома отдыха в Хелуане[81]. А из сообщения Фатхи Файяда, египтянина, выкупившего этот пансионат примерно десятилетие

---

[74] Edgell 1943, 16.

[75] Belyakov 2018, 225.

[76] Вот какое впечатление А.В. Флоров произвел в этот период своей жизни на американскую путешественницу М.Б. Камерон: «Чудной неразговорчивый джентльмен, предпочитающий одиночество. Однако он был очень душевен со мной в один из дней в храме [Мединет Абу], заварив мне чашку чудесного крепкого Nescafé и рассказав историю своей жизни» (Cameron 2001, 38).

[77] Oriental Institute Epigraphic Survey 1954; 1981.

[78] Oriental Institute Epigraphic Survey 1957; 1963; 1964; 1970.

[79] Nims 1963–1964; 1964–1965, 21.

[80] Nims 1970–1971, 7–8.

[81] Shchennikov 1994.

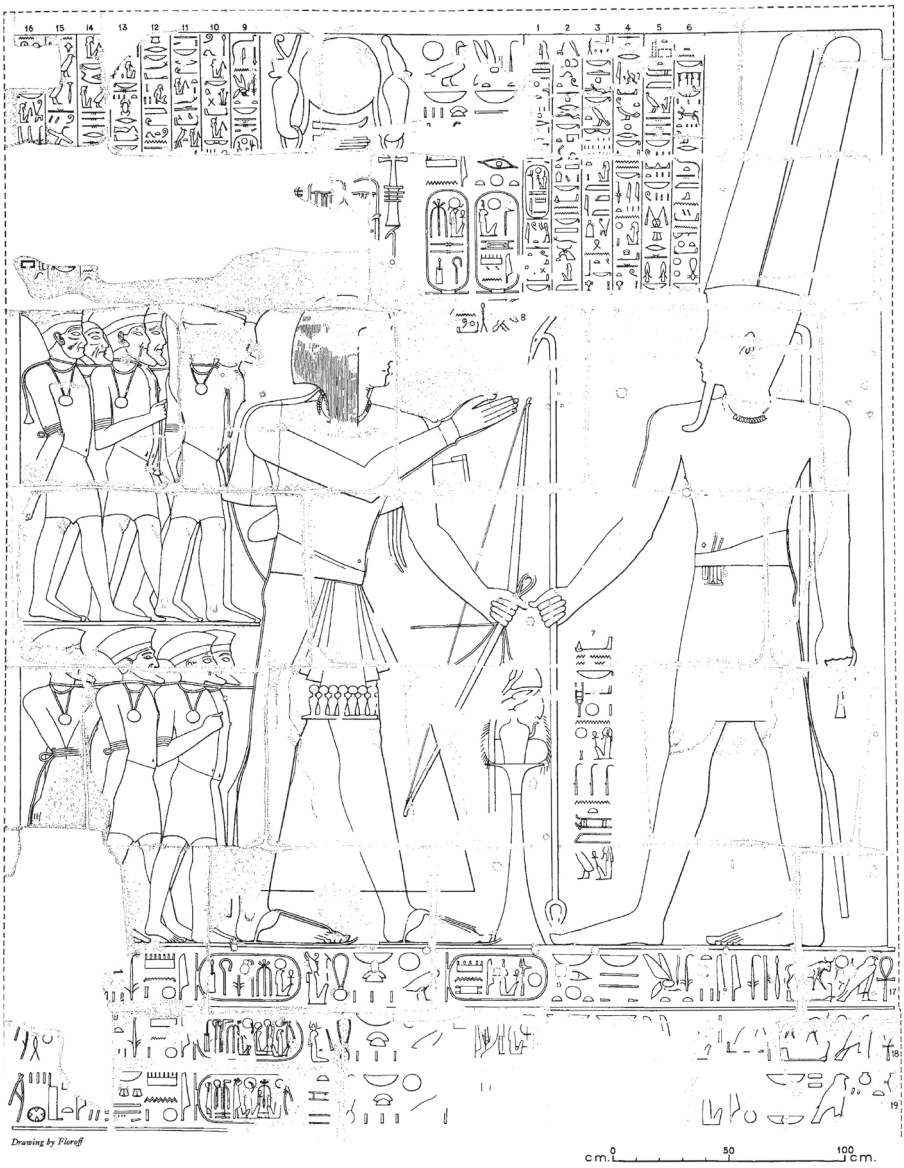


Рис. 6. Рамсес III дарует пленных врагов богу Амону-Ра. Прорисовка рельефа из Мединет Абу, выполненная А.В. Флоровым. По: Oriental Institute Epigraphic Survey 1970, pl. 621

спустя, нам известно, что дружный с Е.А. фон Шлипп и часто посещавший ее Александр Флоров работал некогда с археологами в Луксоре[82].

Неподалеку от общего склепа, где захоронены В.М. Викентьев и Н.Л. Мельников, есть отдельная могила, принадлежащая Александру Викторовичу Флорову,

[82] Belyakov 2008, 245–249.

который скончался в Каире 25 октября 1979 г. в возрасте 91 года[83]. В архиве Чикагского университета хранится фотография Александра Флорова (фото 48126, негатив 31875), в подписи к которой значится, что отчество иллюстратора в английской транскрипции начиналось на букву V: Alexander V. Floroff. Кажется, что все сходится. Однако есть устное свидетельство все того же Фатхи Файяда о том, что работавший с археологами Александр Флоров якобы уехал в 1985 г. из Египта в США и поселился в Чикаго[84]. Нет ли здесь какой-то неточности или стремления выдать желаемое за действительное и стоит ли такому свидетельству доверять – сказать уже сложно. Следов А.В. Флорова в Чикаго нам пока найти не удалось.

Судьбы В.В. Стрекаловского, А.В. Флорова и Н. Мельникова напоминают судьбы некоторых других русских инженеров, фотографов и художников, оказавшихся в эмиграции на Востоке и внесших затем значительный вклад в сохранение и публикацию наследия древних цивилизаций. Так, можно вспомнить выдающегося фотографа Бориса Дубенского (Boris Dubensky) и художника Ивана Герасимова (Ivan Gerasimoff), которые вместе с выходцем из Российской империи польского происхождения, фотографом Станиславом Недзветским (Stanisław Niedźwiecki), работали в те же 1930-е годы в археологических экспедициях в Иране[85].

Появление русских эмигрантов в составе иностранных археологических и эпиграфических экспедиций на позициях иллюстраторов сегодня кажется вполне закономерным и объясняется, видимо, самой логикой организации такого рода проектов. С деятельности Флиндерса Питри и развития технических средств фиксации информации, в частности фотографии, началось совершенствование методики раскопок в Египте и повышение требований к полевой документации. Происходившие изменения были непосредственно связаны с затянувшимся переходом египетской археологии от этапа антикварианизма к типологическому этапу[86]. Однако нововведения развивались на фоне сохранения больших масштабов археологических работ. В начале XX в. это неминуемо привело к росту численности технического персонала экспедиций и, как следствие, дефициту кадров в данной сфере. Особенно остро эта проблема стояла перед молодыми египтологическими школами, к которым относилась, в частности, американская. В 1910–1930-х годах иностранные институты, а также отдельные археологические и эпиграфические проекты в Египте постепенно начали вкладывать средства и силы в подготовку местных кадров – как египтологов, так и технических специалистов. Последние требовались для ведения отдельных раскопов, составления первичной полевой документации, фотофиксации, создания иллюстраций. Характерным примером здесь была деятельность Французского института восточной археологии и неоднократно упоминавшегося Дж. Райзнера, которые последовательно делали ставку на квалифицированные (и более дешевые) египетские кадры. Неожиданное появление в Каире в начале 1920-х годов белоэмигрантов из России, многие из которых владели европейскими языками, обладали техническими

[83] Belyakov 2018, 235.
[84] Belyakov 2008, 245–257.
[85] Gürsan-Salzmann 2007, 34–35; Mousavi 2012, 186–187.
[86] Orton *et al.* 1993, 3–14; Weeks 2008, 12–13.

знаниями и художественными навыками, и при этом с точки зрения транспортной логистики и проживания могли быть приравнены к местным жителям[87], не могло не привести к тому, что часть из них оказалась востребована в археологии.

Приобретенный нашими соотечественниками богатый опыт копирования изображений и надписей, археологической иллюстрации, знание специфики египетских археологических памятников и архитектуры, наконец, знание арабского языка и культуры – все это, к сожалению, в той непростой исторической ситуации оказалось потеряно для отечественного востоковедения. Советские египтологи и археологи не смогли закрепиться в Египте ни после революции 1952 г., ни после двух сезонов Нубийской экспедиции АН СССР в 1961–1963 гг. Первые регулярные раскопки отечественных специалистов в Египте начались во второй половине 1990-х годов. Сотрудникам этих проектов пришлось многому учиться на собственных ошибках. Преемственности не получилось, но память о русских эмигрантах, внесших свой вклад в изучение древнеегипетской цивилизации, безусловно, следует хранить. Уже хотя бы потому, что она позволяет увереннее стоять на древней египетской земле современным отечественным специалистам, не так тушеваться при сравнении отечественных полевых достижений в Нильской долине с достижениями других национальных школ. Чтобы это продемонстрировать, достаточно вернуться к началу нашего повествования. В 1936 г. бывший царский инженер Александр Флоров, эмигрант в составе экспедиции Райзнера, начал делать план часовни Кахерптаха в Гизе (G 7721)[88]. Вряд ли он мог предполагать тогда, что ровно через 80 лет гробница Кахерптаха окажется на территории российской концессии[89] и что архитектор уже российской экспедиции закончит начатое им дело. Однако это произошло. Такое совпадение, конечно, вполне случайно, но хочется все же осторожно верить, что подобные пересечения судеб в пространстве древних памятников восстанавливают некоторую историческую справедливость – насколько о такого рода справедливости вообще можно говорить – в отношении непростой судьбы нашей науки в XX в.

Литература / References

Belgorodskaya, L.V., Tishchenko, E.V., Belgorodskaya, T.A. 2014: Modern American visual image of Russian history. *Journal of Siberian Federal University: Humanities & Social Sciences* 7/11, 1901–1909.

Bellin, V.V. 2019: [Life of the Russians in Egypt]. In: P.E. Kovalevskiy, *Zarubezhnaya Rossiya* [*Foreign Russia*] *1920–1970.* Nizhny Novgorod, 345–349.
Беллин, В.В. Жизнь русских в Египте. В кн.: П.Е. Ковалевский, *Зарубежная Россия 1920–1970.* Нижний Новгород, 345–349.

Belyakov, V.V. 2000: *Priyutila Afrika Zhar-ptitsu* [*Africa Housed the Firebird*]. Moscow.

---

[87] Ср., например: «Мы были рады заполучить опытного археологического иллюстратора, тем более что нам повезло найти такого, который проживает в Египте: бедный старый Восточный институт [Чикагского университета] находит для себя очень обременительным перемещать [каждый раз] людей через Атлантику туда и обратно» (Cameron 2001, 37–38).

[88] Документ HUMFA_EG022466 в электронном архиве Дж. Райзнера: URL: http://giza.fas.harvard.edu; дата обращения: 20.02.2022.

[89] Российская археологическая экспедиция в Гизе Института востоковедения РАН (директор – Э.Е. Кормышева).

Беляков, В.В. *Приютила Африка Жар-птицу*. М.
Belyakov, V.V. 2008: *Russkiy Egipet* [*Russian Egypt*]. Moscow.
Беляков, В.В. *Русский Египет*. М.
Belyakov, V.V. 2009: *I. Ya. Bilibin v Egipte: 1920–1925* [*I. Ya. Bilibin in Egypt: 1920–1925*]. Moscow.
Беляков, В.В. *И.Я. Билибин в Египте: 1920–1925*. М.
Belyakov, V.V. 2018: *Russkaya emigratsiya v Egipte (1920-e – 1980-e gg.). Istoriya. Dokumenty. Nekropol'* [*Russian Emigration in Egypt (1920s-1980s). History. Documents. Necropolis*]. Saint Petersburg.
Беляков, В.В. *Русская эмиграция в Египте (1920-е – 1980-е гг.). История. Документы. Некрополь*. СПб.
Belyakov, V.V. 2019: [G.I. Lukyanov: touches to a portrait]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN* [*Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*] 3 (9), 163–169.
Беляков, В.В. Г.И. Лукьянов: штрихи к портрету. *Вестник Института востоковедения РАН* 3 (9), 163–169.
Breasted, J.H. 1933: *The Oriental Institute*. (The University of Chicago Survey, 12). Chicago.
Brovarski, E. 1996: Epigraphic and archeological documentation of Old Kingdom tombs and monuments at Giza and Saqqara. In: N. Thomas (ed.), *The American Discovery of Ancient Egypt: Essays.* Los Angeles, 25–43.
Brovarski, E. 2001: *The Senedjemib Complex*. Pt. 1: *The Mastabas of Senedjemib Inti (G 2370), Khnumenti (G 2374), and Senedjemib Mehi (G 2378)*. (Giza Mastabas, 7). Boston.
Browman, D.L., Givens, D.R. 1996: Stratigraphic excavation: the first "New Archaeology". *American Anthropologist: New Series* 98/1, 80–95.
Browman, D.L., Williams, S. 2013: *Anthropology at Harvard. A Biographical History, 1790–1940.* (Peabody Museum Monographs, 11). Cambridge (MA).
Cameron, M.B. 2001: *Letters from Egypt and Iraq: 1954.* (Oriental Institute Special Publications, 71). Chicago.
Daumas, F. 1967: Alexandre Piankoff (1897–1966). *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale* 65, 227–230.
Davies, N. de G. 1900: *The Mastaba of Ptahhetep and Akhethetep at Saqqareh*. Pt. I: *The Chapel of Ptahhetep and the Hieroglyphics*. London.
Davies, N. de G. 1901: *The Mastaba of Ptahhetep and Akhethetep at Saqqareh*. Pt. II: *The Mastaba: The Sculptures of Akhethetep*. London.
Davies, N. de G. 1935: *Paintings from the Tomb of Rekh-mi-Rēʿ at Thebes*. New York.
Davies, N. de G. 1939: [Rev.] The mastaba of Mereruka, parts I, II, by the Sakkarah expedition. *Journal of Egyptian Archaeology* 25/2, 223–224.
Duell, P. (ed.) 1938a: *The Mastaba of Mereruka*. Pt. I: *Chambers A 1–10.* (University of Chicago Oriental Institute Publications, 31). Chicago.
Duell, P. (ed.) 1938b: *The Mastaba of Mereruka*. Pt. II: *Chambers A 11–13, Doorjambs and Inscriptions of Chambers A 1–21, Tomb Chamber, and Exterior*. (University of Chicago Oriental Institute Publications, 39). Chicago.
Edgell, G.H. 1943: Annual report of the director 1943. *Annual Report (Museum of Fine Arts, Boston)* 68, 11–25.
Goryachkin, G.V. 2010: *Russkaya Aleksandriya: Sud'by emigratsii v Egipte* [*Russian Alexandria: The Fate of the Emigration in Egypt*]. Moscow.
Горячкин, Г.В. *Русская Александрия: Судьбы эмиграции в Египте*. М.
Gürsan-Salzmann, A. 2007: *Exploring Iran: The Photography of Erich F. Schmidt, 1930–1940.* Philadelphia.
Kanawati, N., Abder-Razik, M. 2004: *Mereruka and his Family*. Pt. 1: *The Tomb of Meryteti*. (Australian Centre for Egyptology. Reports, 21). Oxford.
Kanawati, N., Abder-Razik, M. 2008: *Mereruka and his Family*. Pt. 2: *The Tomb of Waatetkhethor*. (Australian Centre for Egyptology. Reports, 26). Oxford.
Kanawati, N., Woods, A., Shafik, S., Alexakis, E. 2010: *Mereruka and his Family*. Pt. 3/1: *The Tomb of Mereruka*. (Australian Centre for Egyptology: Reports, 29). Oxford.
Kanawati, N., Woods, A., Shafik, S., Alexakis, E. 2011: *Mereruka and his family*. Pt. 3/2: *The Tomb of Mereruka.* (Australian Centre for Egyptology: Reports, 30). Oxford.
Lacovara, P. 1981: The Hearst excavations at Deir-el-Ballas: the eighteenth dynasty town. In: W.K. Simpson, W.M. Davies (eds.), *Studies in Ancient Egypt, the Aegean, and the Sudan: Essays in Honor of Dows Dunham*. Boston, 120–124.
Lacovara, P., D'Auria, S., Elias, J.P. (eds.) 2020: *George Andrew Reisner. Archaeological Fieldwork in Egypt: A Method of Historical Research*. New York.

Laumois, A. de 1938: *Roger Bréval: un pionnier de l'art français en Egypte*. Le Caire.
Manuelian, P. der 1990–1991: Boston at Giza: 1902–1990. The Museum of Fine Arts' race against time in the shadow of the pyramids. *KMT: A Modern Journal of Ancient Egypt* 1/4, 10–21.
Manuelian, P. der, Reisner, G.A. 1992: George Andrew Reisner on archaeological photography. *Journal of the American Research Center in Egypt* 29, 1–34.
Mousavi, A. 2012: *Persepolis: Discovery and Afterlife of a World Wonder*. Boston–Berlin.
Nims, Ch.F. 1963/1964: The epigraphic survey. *Oriental Institute Annual Report for 1963–1964*, 8.
Nims, Ch.F. 1964/1965: The epigraphic survey. *Oriental Institute Annual Report for 1964–1965*, 21–22.
Nims, Ch.F. 1970/1971: The epigraphic survey. *Oriental Institute Annual Report for 1970–1971*, 6–8.
Oriental Institute Epigraphic Survey 1954: *Reliefs and Inscriptions at Karnak*. Vol. III. *The Bubastite Portal*. (University of Chicago Oriental Institute Publications, 74). Chicago.
Oriental Institute Epigraphic Survey 1957: *Medinet Habu*. Vol. V: *The Temple Proper*. Pt. 1: *The Portico, the Treasury, and Chapels Adjoining the First Hypostyle Hall with Marginal Material from the Forecourts*. (University of Chicago Oriental Institute Publications, 83). Chicago.
Oriental Institute Epigraphic Survey 1963: *Medinet Habu*. Vol. VI: *The Temple Proper*. Pt. 2: *The Re Chapel, the Royal Mortuary Complex, and Adjacent Rooms with Miscellaneous Material from the Pylons, the Forecourts, and the First Hypostyle Hall*. (University of Chicago Oriental Institute Publications, 84). Chicago.
Oriental Institute Epigraphic Survey 1964: *Medinet Habu*. Vol. VII: *The Temple Proper*. Pt. III: *The Third Hypostyle Hall and All Rooms Accessible from It with Friezes of Scenes from the Roof Terraces and Exterior Walls of the Temple*. (University of Chicago Oriental Institute Publications, 93). Chicago.
Oriental Institute Epigraphic Survey 1970: *Medinet Habu*. Vol. VIII: *The Eastern High Gate with Translation of Texts*. (University of Chicago Oriental Institute Publications, 94). Chicago.
Oriental Institute Epigraphic Survey 1981: *Temple of Khonsu*. Vol. 2: *Scenes and Inscriptions in the Court and the First Hypostyle Hall with Translations of Texts and Glossary for Volumes 1 and 2*. (University of Chicago Oriental Institute Publications, 103). Chicago.
Orton, C., Tyers, P., Vince, A. 1993: *Pottery in Archaeology*. Cambridge.
Reisner, G.A. 1942: *A History of the Giza Necropolis*. Vol. I. London–Cambridge (MA).
Roth, A.M. 1995: *A Cemetery of Palace Attendants Including G 2084–2099, G 2230+2231, and G 2240*. (Giza Mastabas, 6). Boston.
Shchennikov, V.F. 1994: [Egypt. Grateful memory about Russians]. *Aziya i Afrika segodnya* [*Asia and Africa Today*] 4, 58–60.
Щенников, В.Ф. Египет. Благодарная память о русских. *Азия и Африка сегодня* 4, 58–60.
Smith, W.S. 1939: [Rev.] The mastaba of Mereruka, by the Sakkarah expedition, under the field directorship Prentice Duell: the University of Chicago Oriental Institute publications, Vol. XXXI. *American Journal of Archaeology* 43/2, 348–350.
Thiers, Ch. 2020: The so-called Karnak method. In: V. Davies, D. Laboury (eds.), *The Oxford Handbook of Egyptian Epigraphy and Palaeography*. Oxford, 316–328.
Tomashevich, O.V. 1998: [Note on Vladimir Vikentiev (on materials of the Archive of the A.S. Pushkin SMFA)]. In: O.I. Pavlova (ed.), *Drevniy Egipet. Yazyk – kul'tura – soznanie. Po materialam egiptologicheskoy konferentsii 12–13 marta 1998 g.* [*Ancient Egypt. Language – Culture – Perception. Materials of the Egyptological Conference 12–13 March 1998*]. Moscow, 255–285.
Томашевич, О.В. Слово о Владимире Викентьеве (по материалам Архива ГМИИ им. А.С. Пушкина). В сб.: О.И. Павлова (ред.), *Древний Египет. Язык – культура – сознание. По материалам египтологической конференции 12–13 марта 1998 г*. М., 255–285.
Vértes, K. 2014: *Digital Epigraphy*. Chicago.
Volkoff, O.V. 1967: *Comment on visitait la vallée du Nil: les « Guides » de l'Egypte*. Le Caire.
Volkoff, O.V. 1970: *A la recherche de manuscrits en Egypte*. Le Caire.
Volkoff, O.V. 1972: *Voyageurs russes en Egypte*. Le Caire.
Weeks, K.R. 1995: *Mastabas of Cemetery G 6000, Including G 6010 (Neferbauptah), G6020 (Iymery), G 6030 (Ity), G 6040 (Shepseskafankh)*. (Giza Mastabas, 5). Boston.
Weeks, K.R. 2008: Archaeology and Egyptology. In: R.H. Wilkinson (ed.), *Egyptology Today*. Cambridge–New York, 7–22.
Wilson, J.A. 1964: *Signs and Wonders upon Pharaoh: A History of American Egyptology*. Chicago–London.
Wilson, J.A. 1972: *Thousands of Years: An Archaeologist's Search for Ancient Egypt*. New York.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Vestnik drevney istorii
82/1 (2022), 184–194
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/1 (2022), 184–194
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910014566-5

ДВЕ НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО АРХЕОЛОГИИ АФГАНИСТАНА

R. ALLCHIN, W. BALL, N. HAMMOND (eds.). The Archaeology of Afghanistan (new edition). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019. 711 p. ISBN978–1–4744–5047–8; W. BALL. Archaeological Gazetteer of Afghanistan (revised edition). Oxford: Oxford University Press, 2019. 682 p. ISBN: 978–0–19–927758–2

В 2019 г. в сфере археологии Афганистана произошли два важных события: переизданы и значительно дополнены две указанные книги. Так как работы увидели свет практически одновременно и дополняют друг друга, представляется логичным объединить рецензии на них в одном тексте.

Как и первое издание[1], «Археология Афганистана» в хронологическом порядке знакомит читателя с важнейшими современными концепциями древнейшей, древней и средневековой истории, основными достижениями в изучении памятников Афганистана. В качестве иллюстраций в ней опубликованы фотографии памятников, важнейших находок и произведений искусства, есть и топографические планы с рисунками. Но настоящая сокровищница планов и карт – это «Археологический справочник Афганистана». В нем, как и в первом его издании[2], в алфавитном порядке приведены все известные на данный момент археологические памятники Афганистана. Расположение памятников отмечено на географических картах, для многих из них приводятся топографические планы. Продуманная система указателей позволяет комбинировать данные двух книг и получать таким образом первичное представление о любом периоде, регионе или памятнике археологии Афганистана.

«Археология Афганистана» состоит из двух предисловий, двух введений, девяти глав, примечаний, обширного списка литературы и небольшого аналитического указателя, в котором к некоторым темам даны связанные с главной темой подтемы, например фигурки: антропоморфные, птиц, рогатого скота, женщин, коз и т.д. Помимо традиционного, в книге дано и значительно более дробное оглавление, позволяющее быстро найти любую тему и всякий памятник, упомянутые в тексте.

В первой главе дан географический очерк региона. Главы со второй по четвертую посвящены доисторическим периодам и описанию немногочисленных конкретных памятников этого времени. В главах пять и шесть обозреваются памятники от раннего железного века до начала исламского периода. Эти главы самые крупные по объему, характеризуются четкой структурой подачи материала: исторический обзор, описание поселений и характеристика предметов материальной культуры, памятников искусства, эпиграфики, нумизматики. В седьмой и восьмой главах рассматриваются памятники исламского периода вплоть до эпохи Тимуридов включительно. Эти главы имеют иную структуру: изложение также начинается с исторического очерка, но далее следует обзор памятников архитектуры, скомпонованный по периодам/династиям и историческим провинциям. Особое внимание уделено сохранившимся архитектурным

Благодарю А.И. Иванчика за помощь в получении книг для рецензирования и своего учителя, П.Б. Лурье, за внимательную редактуру.

[1] Allchin, Hammond 1978.

[2] Ball, Gardin 1982.

памятникам. Вероятно, решение о том, какую структуру использовать в той или иной главе, зависело от полноты исследования проблемы. Заключение выделено в девятую главу.

Первое предисловие к книге написано нынешним директором Национального Музея Афганистана Мухаммадом Фахимом Рахими (с. XXXVII–XXXVIII). Оно представляет собой хвалебную рецензию на книгу и обращено к одной из важнейших частей целевой аудитории – афганской интеллигенции. Второе предисловие написано Нормандом Хэммондом, одним из основных авторов и редактором первого издания книги (с. XXXIX–XL). Вкупе с двумя введениями к изданиям первому и второму (с. 1–19 и 10–14) оно дает яркий образ идеи и процесса создания книги, а также краткий очерк истории археологических исследований Афганистана. Во введении к нынешнему изданию указываются его основные отличия от предыдущего, специально отмечено, что перед читателем – коллективная монография и вмешательство редакторов в тексты разных авторов сведено к минимуму.

Первая глава книги – это сжатый, но информативный географический очерк Афганистана (с. 15–61). Его авторы, София Боулби и Кевин Уайт, отмечают, что до сих пор не представляется возможным с достаточной степенью точности реконструировать палеоклимат страны, поэтому во многом приходится полагаться на материалы соседних регионов. Важно, по мнению авторов, что после 500 г. до н.э. значимых климатических изменений не наблюдается. В обзоре описываются природные зоны Афганистана: высокие горы, предгорья и холмы, равнины и низины, речные поймы и пустыни. Описание каждой из них сопровождается упоминанием доступных природных ресурсов. Затем дается обзор жизненных укладов, типов жилищ, кочевых маршрутов, видов взаимодействия кочевого, полукочевого и оседлого населения. Особенный интерес представляет раздел, в котором сравниваются современные и древние методы ведения хозяйства и указываются основные предметы традиционной торговли: фрукты, каракуль, шкуры, шерсть, хлопок, ляпис-лазурь. Авторы предупреждают, что все приведенные этнографические данные основаны на довоенных исследованиях, поскольку новых пока не проводилось.

В главе «Палеолит», написанной Ричардом С. Дэвисом, дана история изучения памятников этого периода в Афганистане, начавшегося практически только после 1951 г., ставятся вопросы, актуальные для современного исследователя. Среди них такие: каково место Афганистана на «палеолитической» карте мира? Когда там появляется человек? Какие природные зоны были обитаемы? Как менялся климат в плейстоцене? Были ли обитаемые зоны заброшены в период последнего оледенения? Как приспосабливались к такой географически разнообразной зоне охотники-собиратели? Как они участвовали в неолитической революции? Ответ на поставленные вопросы предполагает четкую реконструкцию последовательных исторических событий, выявить которую можно лишь в результате масштабных раскопок. Пока же известные данные можно свести к следующему.

К нижнему палеолиту, вероятно, относится только стоянка Дашти-Навур, на которой в ходе поверхностных сборов найдены чопперы и скребки. Сравнительный материал имеется на памятниках в Таджикистане, Грузии, Индии.

Средний палеолит представлен в основном данными разведок, и единственные раскопки проводились в 1966 г. на памятнике Дарраи-Кур. Достоинством памятника является наличие четкой стратиграфии, образованной отложениями протекающего рядом ручья. В ходе раскопок обнаружено около 8 000 каменных орудий, височная кость гоминида (неандерталец? сапиенс?), а также около 80 ямок от когда-то вкапывавшихся здесь кольев и три захоронения коз. Правда, ямы от кольев и захоронения коз относятся к неолиту, т.е. значительно более позднему периоду, а средний палеолит представлен только каменной индустрией.

Лучше всего в Афганистане изучены памятники верхнего палеолита. Стоянки этого времени расположены в областях к северу от Гиндукуша, в полусухих степях, где в год выпадает менее 250 мм осадков. Одна группа памятников открыта в предгорьях на высоте от 700 до 1 100 м, в местах, идеально подходящих для охоты и разведения овец и коз. Другая группа – в степях к северу от Ташкургана на высоте около 370 м над уровнем моря. Единственный изученный памятник эпипалеолита – второй слой Ак-Купрука, датируемый благодаря радиокарбоновому анализу временем около 16 000 лет назад (нижележащий слой памятника относится к верхнему палеолиту).

Глава кончается выводами о нехватке данных и необходимости широкого исследования памятников этого времени. Действительно, если обратиться к данным, приведенным в «Археологическом справочнике Афганистана», становится ясно, что изучение памятников палеолита на территории Афганистана находится если не в зачаточном состоянии, то на очень ранней

стадии, хотя провинции Балх и Кундуз изучены в этом отношении не в пример лучше других регионов. В «Археологическом справочнике» приведено всего два плана палеолитических памятников: Дашти-Навур (266, нижний палеолит) и Хазар-Сум в Хайбаке (425, эпипалеолит), но неясно, к какому периоду эти планы относятся, ведь памятники многослойны.

Третья глава «Развитие Цивилизации Окса к северу от Гиндукуша» является единственной новой частью книги по сравнению с первым изданием (с. 61–99). Она написана Анри-Полем Франкфором, Бертилем Лионэ, Кэмероном А. Петри и Джимом Г. Шэффером. Глава состоит из введения, в котором дается история исследований, и двух частей. В первой части авторы приводят характеристику памятников периодов неолита и халколита, рассматривают вопросы перехода населения к оседлому образу жизни и доместикации животных. Во второй части преимущественно на материалах раскопок Шортугая рассматривается социально стратифицированное общество, памятники которого обозначаются как Цивилизация Окса, или Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (БМАК).

На примере раскопок трех памятников, давших обильный остеологический материал,– Гари-Мар, Гари-Асп и Дарраи Кур – разбирается процесс доместикации животных. Раскопки других неолитических памятников в Афганистане не проводились, они известны только по разведкам. Но и раскопанные памятники необходимо изучать заново, так как повторное обращение к материалам выявило, что многие находки из них принадлежат более поздним периодам.

Отдельные разделы посвящены характеристике ранних пастушеских и земледельческих сообществ, сопоставлению афганского материала с материалами из соседних стран. В качестве аналогий приводятся памятники из Средней Азии (Джейтун, Гиссар, Кельтеминар), Ирана (Санги-Чакмак, Тепе Яхья и др.), Пакистана (Мехргарх). В последнем разделе этой части главы на материалах разведок в долине Талукан (провинция Тахар) рассматривается переход к обществу с достаточно сложной социальной стратификацией, датируемый авторами в районе 3 500–2 500 гг. до н.э. Впрочем, такой переход скорее постулируется, чем доказывается анализом материала.

Вторая часть главы посвящена анализу планомерных исследований в северо-восточном Афганистане, к востоку от Ай-Ханум, которые в 1976 г. проводил Анри-Поль Франкфор. Раскопки Шортугая и разведки в его окрестностях позволили прийти к заключению, что на равнине к востоку от Ай-Ханум, вероятно, в эпоху средней бронзы (2 500–1 500 гг. до н.э.) существовала разветвленная сеть ирригационных каналов. Центром этой земледельческой области было сравнительно большое протоурбанистическое поселение Шортугай, окруженное множеством небольших селений. В стратиграфии Шортугая выделены четыре основные фазы, причем первые две дают материал, имеющий ярко выраженный хараппский облик. В дальнейшем хараппские черты в материальной культуре Шортугая постепенно пропадают и она приобретает облик, все более схожий с тем, что авторы называют Цивилизацией Окса, или Бактрийско-Маргианским археологическим комплексом (БМАК). Интересно, что подъемный материал из окрестностей Шортугая находит аналогии в материале только трех верхних периодов основного памятника. Четких датировок фаз Шортугая не приведено, а даты по C^{14} дают достаточно широкий диапазон: от 2 500 до 1 700 г. до н.э.

Сам памятник состоит из двух тепе, А и В, причем первое более древнее, хараппского времени, а второе постиндское. Отмечено, что на другой стороне Пянджа российские и таджикские археологи обнаружили во многом синхронное поселение и могильник Фархор. Керамический материал Шортугая каталогизирован, и на основании около 20 тысяч фрагментов сделана типология сосудов. Помимо этого, выполнено множество анализов – петрографический, археоботанический, палеозоологический. Изучению подверглись остатки производства и обработки металлов. Материал нескольких погребений, обнаруженных на тепе В, послужил предметом небольшого палеоантропологического исследования. Особо следует отметить палеоэкологическое исследование, согласно результатам которого сбор урожая с полей вокруг Шортугая требовал около 40 000 трудодней, причем их можно было бы обеспечить, если бы 1 300 человек работали в течение месяца. По мнению авторов, вряд ли таким было число обитателей только центрального поселения, скорее всего это общее число обитателей всего земледельческого оазиса. Причиной возникновения на южном берегу Окса земледельческого оазиса и протоурбанистического поселения авторы считают потребность в первичной обработке ляпис-лазури, поступавшей из копей Бадахшана, чему свидетельства – остатки мастерских по обработке камня и металла, обнаруженные на памятнике.

Помимо Шортугая в главе кратко рассматриваются материалы Ак-Купрука и Дарраи-Кур. Достаточно бегло описываются укрепления Дашлы 1, храм и дворец на Дашлы 3, приведены фотографии наиболее значительных находок, кратко описаны некрополи рядом с памятниками, включая более поздние впускные погребения.

Последний раздел главы посвящен материалу из грабительских раскопок, который в изобилии можно найти на нелегальных антикварных рынках. К сожалению, прекратить разграбление памятников Афганистана в современных политических условиях невозможно. Заканчивается глава перечислением результатов работ и некоторыми важными выводами: *1)* подтверждена ранняя (2500–2400 гг. до н.э.) дата возникновения Цивилизации Окса/БМАК и время ее завершения (1600–1400 гг. до н.э.), хотя более дробная хронология этого периода еще не разработана; *2)* термин «Бактрийско-Маргианский археологический комплекс» (БМАК) авторы отвергают, предпочитая использовать термин «Цивилизация Окса»; *3)* с набором новых данных можно обсуждать то, как сложилась эта цивилизация, ведь теперь собраны материалы со всей территории ее распространения, от Талукана до Саразма, от Шортугая до Геоксюра; *4)* памятники Шортугай и Фархор на противоположном берегу Пянджа были местом контактов индской цивилизации с цивилизацией Окса; *5)* и *6)* – нет однозначных свидетельств, позволяющих связывать конец Цивилизации Окса с миграцией индоариев, поэтому возможны альтернативные версии ее упадка – изменения климата, разрыв торговых связей и прочее.

Четвертая глава «Развитие Гильмендской цивилизации к югу от Гиндукуша» написана Кэмероном А. Петри и Джимом Г. Шэффером (с. 161–260). Она практически полностью посвящена описанию памятника Мундигак и связям его обитателей с внешним миром. В качестве дополнения упоминаются раскопки Саид-Кала тепе и некоторых других памятников, которые все вместе входят в Цивилизацию Гильменда, распространенную на значительной территории нынешней пустыни Регистан, а также в иранских Кермане и Систане (Тепе Яхья, Шахдад, Шахри-Сохте, Конар Сандал).

Обзор раскопок Мундигака дан весьма подробно: с фотографиями и планами раскопов, рисунками керамики, описанием основных находок, разбором стратиграфии и планиграфии, хронологии, для определения которой используется датировка по C^{14} (не всегда это удачно, иногда даты слишком широки, этот метод явно требует дополнительного обдумывания в условиях региона).

Мундигак состоит из пяти холмов-тепе. При раскопках выделены пять периодов обживания, причем первые три изучены весьма ограниченно, шурфами, широкими площадями вскрывались только поздние слои памятника. Датировки трех ранних периодов укладываются в пределах 5-го тысячелетия до н.э.

Наибольшего внимания заслуживает период Мундигак-IV (3000–2400 гг. до н.э.), слои которого выявлены на нескольких холмах. На одном из них к этому периоду относится монументальный храм (?), на другом – постройка, которую интерпретируют как руины укрепленного дворца. Между этими холмами располагалась жилая застройка раннеурбанистического вида. Авторы предполагают, что противопоставление укрепленного дворца на холме и нижнего города предвосхищает структуру «арк–шахристан», характерную для более позднего времени (с. 184). Расположение храма в некотором отдалении предполагает противопоставление духовной и светской властей. Постройки четвертого периода Мундигака погибли в пожаре, после которого поселение долго стояло заброшенным, а жители, возможно, переместились на территорию, где располагается современный город Кандагар.

Значительно позднее в железном веке (найдены артефакты из железа) на месте дворца 4-го периода на холме А строится монументальное здание, стены которого были раскрашены в белый и красный цвета. При исследовании в здании не было обнаружено очагов, да и вообще следов хоть какого-то обживания. После запустения этой постройки поселение окончательно забрасывается.

Помимо Мундигака в главе кратко рассматриваются такие памятники, как Саид-Кала, Нади-Али, Дех Мораси Гундай и кандагарская Шахри-Кухна. Периоды I–III на Саид-кала соотносят на основании сходства керамического материала с периодами Мундигак III–IV. К сожалению, абсолютная хронология памятника проблематична, т.к. даты по C^{14} дают слишком большой разброс, а некоторые образцы, возможно, были перепутаны. Дех Мораси Гундай дает и того меньше информации, а памятник Нади-Али относится к более позднему периоду (2400–1700 гг. до н.э.). Ранние слои Шахри-Кухна в Кандагаре могут также относиться к тому

же времени, но исследовать их невозможно в силу того, что они перекрыты мощными позднейшими напластованиями (вплоть до периода современного обживания).

Материал Мундигака сравнивается с материалом памятников пакистанского Белуджистана (Кили Гуль Мухаммад), Ирана (Шахри-Сохте, Тепе Яхья, Бампур), Туркмении (Геоксюр, Намазга). По большей части сравнения касаются керамики и практически не затрагивают иные сферы материальной культуры. Авторы встраивают Мундигак в контекст межрегиональной торговли ляпис-лазурью в качестве узлового распределительного пункта, из которого ее перевозили в регион Инда, юго-востока Ирана и далее на запад в Междуречье. Кроме того, как отмечают авторы, украшение стен дворца периода Мундигак IV гофрами является, возможно, следствием влияния месопотамского Урука.

Завершая обзор главы, следует отметить, что у читателя не возникает впечатления о Цивилизации Гильменда как о крупном и географически распространенном явлении, сопоставимом с Цивилизацией Окса из предыдущей главы. Возможно, это связано как со структурой самой главы, так и с характером представленного в ней материала, ограниченного Мундигаком, и практически отсутствием иных крупных поселений этого времени (по крайней мере, в границах Афганистана).

Пятая глава «Железный век, ахеменидский и эллинистический периоды» написана Ворвиком Боллом, Саймоном Гленном, Бертилем Лионэ, Дэвидом В. МакДаулом и Маурицио Таддеи (с. 260–344). Ее условно можно разделить на четыре части. В первой приводится краткий исторический обзор периода, во второй разбираются памятники раннего железного века и ахеменидского времени, в третьей – памятники эллинистического периода, а заключительная часть главы посвящена эпиграфике и нумизматике.

Первая часть главы с обзором исторических сведений начинается с обсуждения проблемы наличия государственности в доахеменидской Бактрии и кончается приходом в Афганистан и Среднюю Азию юэчжей в 120-е годы до н.э.[3]

Вторая часть главы о памятниках раннего железного века и ахеменидского периода построена на подробных исследованиях в Восточной Бактрии и отрывочных данных по другим регионам страны. В 1974–1978 гг. Жан Клод Гарден проводил разведки в Восточной Бактрии. В результате его исследований выяснилось, что в этом регионе практически нет материала периода Яз-I (ранний железный век, 1400–900 гг. до н.э.), но широко представлен материал периода Яз-II (доахеменидское время). Выше Ай-Ханума по течению Пянджа располагается памятник Кухна-Кала, относящийся к этому периоду. Слои периода Яз-II открыты и в Кундузе, в долине Талукан. Полноценных раскопок здесь не проводилось, тем не менее делаются выводы, что в период Яз-II материальная культура на территории Бактрии становится унифицированной, а население растет, что, по мнению авторов, свидетельствует о существовании государственности в Бактрии до Ахеменидов.

---

[3] На с. 260 встречается странный фрагмент текста: «Бактрия в одиночку поставляла в ахеменидскую армию 30,000 кавалерии и платила в казну империи ежегодно по 300 талантов, самую большую дань среди всех провинций империи».

Здесь мы сталкиваемся с занятной историографической коллизией. Авторы книги ссылаются на главу «Media and Achaemenid Iran» во втором томе труда «History of Civilizations of Central Asia», написанную М.А. Дандамаевым (Dandamaev 1994). В ней он приводит цифры выплат дани центральноазиатских сатрапий в шахскую казну, в том числе и дань Бактрии – 300 талантов (ibid., 54). Но если обратиться к критическим изданиям текста Геродота (III. 92), и к новейшему Уилсона (Wilson 2015), и к традиционному Худе (Hude 1908), то оказывается, что там написано ἑξήκοντα καὶ τριηκόσια τάλαντα, т.е. 60 да 300 талантов. Тем не менее в немецком переводе Геродота Теодора Брауна (Braun 1958), а также в русском переводе А.Г. Стратановского (Stratanovskiy 1972), который в предисловии указывает, что пользовался немецким переводом Брауна, написано «300 талантов». Во встречавшихся мне переводах Геродота на иные языки размер дани указан верно. Видимо, дело в том, что М.А. Дандамаев при написании главы для «History of Civilizations of Central Asia» обращался либо к немецкому, либо к русскому переводам, не проверив оригинальный текст. Уже в своей книге 2013 г. он исправил досадную ошибку (Dandamaev 2013, 149). К сожалению, англоязычным читателям этот труд остался неизвестен. Слова «самую большую дань среди всех провинций империи» вызывают только недоумение, так как при беглом просмотре сумм дани других сатрапий становится ясно, что это вовсе не так.

Про остальную часть Бактрии авторы пишут менее подробно, хотя и приводят небольшие обзоры Алтын-тепе и Алтын-Дильяр-тепе, интерпретируемых авторами вслед за В.И. Сарианиди как летние дворцы. На с. 274–275 отмечается, что круглый план городов, ведущий свое происхождение от, возможно, Дашлы-3, является серьезной инновацией, берущей свое начало именно в Средней Азии. Авторы отказываются от подробного разбора «Сокровища Окса» (Амударьинский клад), справедливо полагая местом его происхождения либо храм на Тахти-Сангине, либо городище Тахти Кобад на правом, таджикском, берегу Амударьи. Очень кратко описан крупный город ахеменидского времени Чашмаи-Шафа в долине Балхаба.

Памятники ахеменидского периода в остальных районах Афганистана рассмотрены менее подробно. Интересны развалины Старого Кандагара (Шахри-Кухна), где обнаружены две эламские таблички, происходящие из скрытого в этом городе ахеменидского архива.

Раздел об эллинизме естественным образом концентрируется на раскопках Ай-Ханум, но не упущены и другие регионы страны. В первую очередь важны сравнительно недавние раскопки Балха, проведенные в 2004–2008 гг. миссией DAFA на Тепе Заргаран, где были обнаружены коринфские и ионические капители колонн и руины эллинистического храма. Упоминается и наличие эллинистических слоев в Бегараме. В окрестностях Кандагара этот период представлен эпиграфическими материалами на греческом. Интересен также расположенный в относительной близости от него небольшой памятник Мохатар, являвшийся, предположительно, эллинистическим храмом.

Раздел, посвященный Ай-Ханум, обильно насыщен планами, фотографиями, подробным разбором стратиграфии, описанием строительных периодов, планиграфии и т.д. Немного внимания уделяется дворцу или административному комплексу, который мог быть резиденцией монарха, возможно, Евкратида или Гелиокла, и местом сбора Совета старейшин. Особо отмечается геройон, построенный в первый период существования города между 330–303 гг. до н.э. Внутри геройона имеется надгробная надпись с именем Кинеаса, вероятного основателя города. Много места уделено храму с уступчатыми нишами. Самый ранний из пяти строительных периодов храма соответствует и самому раннему этапу развития города. Окончательный план храма напоминает месопотамские образцы селевкидского периода, а ранние перестройки сохранились плохо. Другие значимые здания Ай Ханум упомянуты, но не описаны. В двух абзацах охарактеризован некрополь города.

Раздел об эллинистических памятниках вне Афганистана вписывает афганский материал в общесреднеазиатский контекст. При этом основная масса неафганского материала – это раскопки в Средней Азии, опубликованные в основном по-русски. Видимо, это обстоятельство предопределило структуру этой части как основанную на обзорном труде Р. Мэирс[4].

Последний раздел главы – это разбор эпиграфических и нумизматических источников. К ахеменидскому времени относятся вышеупомянутые таблички из Кандагара на эламском языке, а также корпус арамейских документов самого конца ахеменидского правления. Достаточно подробно разбираются надписи династии Маурьев, в особенности правителя Ашоки. Разбираются и греческие надписи. В нумизматической части упомянуты немногочисленные ахеменидские монеты, кратко описаны основные находки эллинистических монет, такие как монетный корпус Ай-Ханум или потрясающие воображение монетные клады Мир Заках I и II.

Глава 6 «От Кушан до тюркских династий» написана Ворвиком Боллом, Оливье Бордо, Дэвидом В. МакДауэлом, Николасом Симс-Уильямсом и Маурицио Таддеи (с. 344–460). В целом ее структура повторяет структуру предыдущей пятой главы: сначала дано историческое введение от вторжения юэчжей до вторжения арабов, далее следует основной раздел о поселениях, материальной культуре, архитектуре и искусстве с особо выделенными пассажами о памятниках буддийского искусства, эпиграфике и нумизматике.

Исторический обзор, основанный на последних публикациях, оперирует данными недавних открытий и исследований. Он особенно ценен, так как полного сведéния последних данных в целостный нарратив, насколько мне известно, пока не проводилось (исключение – книга Резахани, которая в значительной степени игнорирует археологический материал и строится на нумизматических данных[5]).

[4] Mairs 2011.

[5] Rezakhani 2017.

Раздел с описанием археологических памятников предваряется тезисом, что период от начала кушанского времени до арабского завоевания привлекал внимание в основном монументальной и культовой архитектурой, объектами искусства. Материальная культура осталась практически неизученной, потому что для ее изучения необходимы достаточно дорогостоящие раскопки широкими площадями рядовых построек, а получаемый массовый материал обычно не производит должного впечатления на широкую общественность, в отличие от раскопок храмов или дворцов. Из-за этого обстоятельства труднее найти финансирование для подобных раскопок. В связи с этим многие выводы не окончательны, так как построены не на твердой базе обобщения широких социально-экономических данных, а на умозрительных суждениях об идеологической и политической сферах древнего общества. Следует признать, кроме того, что в очень малой степени оказались учтены результаты работ Советско-Афганской археологической экспедиции, причем даже на таком эталонном памятнике, как Дильберджин[6].

Авторы последовательно разбирают наиболее значимые памятники упомянутого периода. Это Беграм-Каписа, памятники в окрестностях Кандагара, Вардак, Джагату, Харвар, многочисленные памятники в районе Кабула, Раги-Биби. К сожалению, совсем немного написано про недавние раскопки Мес-Айнака. Хороший обзор посвящен Сурх-Коталу и Рабатаку, двум династическим храмам Кушан со знаменитыми надписями. К этому перечню следует добавить памятник Чахаршамбе-тепе, обнаруженный неподалеку от Баглана Джонатаном Ли. Интересны также исследования в окрестностях Балха, в частности система укреплений, предположительно, кушанского или кушано-сасанидского времени, протянувшаяся на километры вдоль Амударьи и служившая для защиты от кочевников. К сожалению, ни один из упомянутых памятников не описан столь же подробно, как, например, Ай-Ханум в предыдущей главе. Правда, следует заметить, что краткие описания различных типов памятников дают читателю представление о широком разнообразии материала.

Значительное место в книге уделено вопросам буддийского искусства. В первую очередь разбирается гандхарская скульптура. Перечислены и описаны проблемы, связанные с ней: недокументированные раскопки прошлого, деятельность грабителей, поддерживаемая большим спросом коллекционеров, частые подделки. Нестабильная политическая ситуация в Пакистане и Афганистане, и особенно на границе стран, сама по себе представляет проблему и не дает возможности справиться с задачами охраны культурного наследия. Гандхарской скульптуре посвящены многочисленные работы. Высказываются по поводу ее происхождения и авторы рецензируемой книги. Они приводят три основные теории ее происхождения: продолжение традиций эллинизма, работа пришлых римских мастеров, влияние восточного эллинизма Ирака, Леванта, Западной Парфии, Пальмиры. Все три теории, по мнению авторов, имеют различные доказательства, не противоречат друг другу, а, напротив, взаимодействуют.

Небольшой раздел посвящен настенным росписям, основная часть которых происходит из Бамиана и относится к VII–VIII вв. Упоминаются также росписи Духтари-Нуширвана, Фундукистана, Тепе Сардар, Хадды, Гульбияна, Дильберджина. Хрупкость и сложность сохранения этого вида памятников особенно ставит его под угрозу в условиях современного Афганистана. Несмотря на множество иллюстраций в главе (более ста!), собственно росписям посвящено всего пять из них.

Вопросам повседневной жизни уделен совсем небольшой раздел, в котором рассматриваются в основном пещерные пастушеские стоянки.

Подробнейший обзор посвящен бактрийским надписям Афганистана. Не только перечислены и кратко описаны уже давно известные надписи из Дашти-Навура, Сурх-Котала, Рабатака, Дильберджина и пр., но добавлены и сравнительно недавние открытия, в частности надпись на серебряном сосуде, в которой упоминается известный по надписям Рабатака и особенно Сурх-Котала Нукунзук. Много внимания уделяется бактрийским документам на мягких материалах, их значению в качестве исторического источника, хронологии. Одним абзацем со множеством ссылок охарактеризована проблема «даты Канишки», консенсус по которой, как кажется, установился на 127/128 г. н.э. Еще два абзаца посвящены бактрийским надписям из Джагату и Урузгана, кратко разобраны надписи письмом кхароштхи и шарада.

Краткий, но вполне информативный обзор с учетом новейших исследований посвящен кушанским и кушано-сасанидским монетам. На этом фоне достаточно странно смотрится явно устаревший раздел о монетах периода господства в Афганистане различных хуннуских

[6] Обобщение результатов раскопок см. Munchaev *et al.* 2014.

образований и тюрок, который редакторы не посчитали возможным обновить[7]. В целом глава дает достаточно ясное представление о степени изученности доисламского периода в истории Афганистана. Сам объем главы, количество примечаний и ссылок свидетельствуют о том, что именно этот период более всего привлекал внимание исследователей.

Главы 7 (с. 460–546) и 8 (с. 546–609) «От возвышения ислама до вторжения монголов» и «От монголов до Моголов» написаны Ворвиком Боллом и Клаусом Фишером. Структурно и тематически главы очень близки, поэтому рассмотреть их следует вместе. Во вступительных частях обеих глав дается небольшой исторический обзор, после которого авторы приступают к описанию групп памятников в соответствии с хронологическими (периоды, затем династии) и/или географическими (различные историко-культурные области и провинции Афганистана) критериями. Разбираются практически исключительно сохранившиеся архитектурные памятники, иные аспекты материальной культуры освещены слабо.

От раннеисламского периода в Афганистане сохранилось немного памятников. Один из них – мечеть Нух Гумбад под Балхом, в штуковом рельефе которой очень ярко прослеживаются цветочные орнаменты Сасанидского времени.

Среди самых ярких памятников домонгольского времени следует упомянуть Лашкари-Базар, обширный и яркий архитектурный комплекс Газневидского периода, расположенный на берегу реки Гильменд и сохранившийся без позднейших наслоений. Здесь на площади около 7 км^2 раскиданы руины дворцов и военных бараков. Неподалеку от дворцового комплекса, на мысу между Аргандабом и Гильмендом, находится Калаи-Буст, целый город с арком, шахристаном и рабадом, относящийся к тому же периоду.

Достаточно подробно на протяжении обеих глав рассматривается архитектура минаретов. Авторы отмечают тесное взаимодействие северо-западной Индии и Афганистана в этой сфере. Именно в газневидском зодчестве, как считают авторы, следует искать корни могольской архитектуры минаретов. В целом газневидская архитектура рассматривается в контексте общего культурного возрождения, пришедшегося на это время. Авторы не проходят мимо и знаменитого газневидского круга поэтов: так, в примечании 63 приведен английский перевод стихотворения Фаррухи Систани с описанием дворца.

Кроме памятников газневидской династии, в седьмой главе рассматривается и архитектура пришедшей ей на смену гуридской. Текст поделен между описаниями религиозной архитектуры – минаретов (особенное внимание уделяется Джамскому) – и фортификационных сооружений – множества руин крепостей, занимавших основные стратегические высоты и особенно хорошо исследованных в области Гур, между реками Герируд и Фаррахруд, и в Бамиане.

Материал, рассмотренный в главе 8, помимо памятников архитектуры дополняется новыми источниками, практически неизвестными в предыдущих главах. Это в первую очередь рукописи и другие письменные источники, анализ структуры городов и проч. К сожалению, раскопок памятников этого периода проведено недостаточно, все исследования сводятся к разведкам и изучению стоящих на поверхности архитектурных памятников. На материалах Систана проведен анализ эволюционного развития разных типов сводов. Значительное внимание уделено Герату в целом как городу с сохранившимся планом, с загородным комплексом *мусаллы* (*намазгох*, разросшийся *мазар*). Чуть менее подробно рассмотрены Балх, Мазари-Шариф и Газни.

В целом, две упомянутые главы больше похожи на обзор не археологических, а архитектурных памятников, дошедших в той или иной степени сохранности до нашего времени. Предметы материальной культуры (предметы быта, продукция ремесел) рассматриваются лишь в виде небольших дополнений. Каких-либо серьезных обобщений в 7-й и 8-й главах найти не удается, тем не менее отдельные ценные замечания по развитию тех или иных архитектурных элементов многочисленны.

Заключение в форме девятой главы (с. 609–620) написано Рэймондом Аллчином и Норманом Хэммондом. В нем даются основные выводы для каждой из глав и сформулирован главный вывод для всей книги: Афганистан еще полон неизведанного, его непременно надо исследовать еще долго и очень тщательно.

Вторая рецензируемая книга, «Археологический справочник Афганистана», устроена совсем иначе. Это справочное издание, составленное одним автором, а не коллективная монография, что позволяет отказаться от развернутой рецензии и описать лишь принцип работы с ним.

---

[7] Исчерпывающий обзор хуннуских монет см. Vondrovec 2014.

После приятно ностальгического предисловия, повествующего о создании и публикации первого издания, размещен каталог памятников, разделенный на две части. Первая часть – это памятники, уже опубликованные в первом издании и сохранившие свои номера. Французские тексты переведены на английский, уточнены географические координаты, обновлена библиография, иногда дополнены описания. Вторая часть состоит из памятников, занесенных в каталог впервые. Здесь отсчет начинается с 2000 номера и оформление статей такое же, как и в первой части. Всего в справочнике даны описания 2100 памятников, сгруппированных примерно в 1600 статей.

К книге приложено 99 карт. На 22 из них показано распределение памятников по периодам, а на остальных 77 – их географическое распределение по регионам страны. Все карты созданы специальным картографическим отделением Чикагского Университета, занимающимся Афганистаном.

Помимо карт в книге важное значение имеют указатели. Это и список памятников, сгруппированных по периодам, и список коллекций, хранящихся в музеях, и погодный список полевых работ с указанием регионов, раскопанных памятников, фамилий исследователей. Существенную помощь оказывает глоссарий афганских слов и терминов, правда, без указания языка происхождения, хотя помимо дари имеются и паштунские, и тюркские слова. Самый важный, на мой взгляд, указатель – перечень памятников по категориям: города, крепости, форты, отдельно стоящие стены, скульптура, оружие, монеты и т.д., и т.п. Этот указатель прекрасно дополнен тематической библиографией, в которой выделены различные категории и виды литературы и источников.

Приведем аналитическую сводку материалов «Археологического справочника», соответствующих шестой главе в «Археологии Афганистана», т.е. самым изученным периодам от Великих Кушан (75–225 гг.н.э.) до раннего ислама (включая тюркский период, 650–850 гг.).

В целом к этим периодам относятся около 1300 учтенных в «Археологическом справочнике» памятников. На время Великих Кушан приходится около 180 памятников, на кушано-сасанидское время – около 125 памятников, на раннесасанидское – примерно 270 памятников, на эфталитский период – около 200 памятников, на позднесасанидский – снова около 270, на период тюркского каганата приходится 140 памятников, на период более поздних тюркских династий – 75 и на период Омейядского и Аббасидского халифатов – всего 34 памятника.

Интересны данные по географическому распределению памятников. Так, северо-западный Афганистан, провинции Герат, Бадгис и северный Фарах на протяжении указанных периодов оставались малонаселенными – количество памятников варьируется от 5 до 15. На юго-западе Афганистана, в районе Систана и по рекам Гильменд и Аргандаб, особенно вблизи Кандагара, количество памятников значительно больше. Так, в Систане 16 памятников имеют слои II в., около 45 – III в., еще около 45 – слои V в. и примерно 55 памятников относятся к VII в. В период Омейядского халифата количество памятников снижается до 25. По реке Гильменд, восточнее 63-го меридиана и до устья реки Аргандаб включительно, ко II в. относятся 16 памятников, к III–IV вв. – 22 памятника, к V в. – 21 памятник, к VII в. – 25 памятников, а ко времени Омейядского халифата – всего 2. По реке Аргандаб в районе Кандагара во II в. существовало 16 памятников, в III–IV вв. их уже 27, в V в. – 21, к VII в. их становится 17, а в период господства тюрок – 16. Отдельно стоит рассмотреть район Газни, в котором сопоставимое количество памятников – 14 – появляется только начиная с III в. Для V–VII вв. зафиксировано 12 памятников, а для тюркского периода – 10.

Наибольшее количество памятников зафиксировано в восточном Афганистане, разделенном хребтами Гиндукуша на два обширных района: историческую Южную Бактрию-Тохаристан (нынешние Балх, Кундуз, Тахар, Саманган и северный Баглан) и исторический Кабулистан (провинции Кабул и частично Парван, Каписа, Вардак, Нангархар, Лагман и Логар). Район Бамиана к западу от Чарикара должен рассматриваться отдельно.

Памятников ранее II в. на территории Кабулистана практически не зафиксировано. Во II в. их появляется сразу много – около 60. В III в. их количество составляет 26, а к IV и V вв. достигает 40. В V в. их количество сокращается почти до 25, а в VII в. при тюркских правителях снова достигает 40. Район Джелалабада выделяется как особый только в кушанский и кушано-сасанидский периоды. Район Бамиана к западу от Чарикара до V в. практи-

чески не заселен, там зафиксировано всего 2 памятника. В V–VII вв. их количество увеличивается уже до 7, а в тюркское время – до 20.

Обширный регион равнинной Бактрии изучен, вероятно, в Афганистане лучше других, поэтому во все периоды в нем фиксируется довольно большое количество памятников, около 100 и более, причем бóльшая их часть – на востоке Бактрии, где проводил исследования Ж-К. Гарден. Памятники в долинах Пули-Хумри и Самангана появляются во время Великих Кушан и их количество вплоть до VII в. колеблется от 5 до 9. В VII в. оно снижается до 4, а затем до 3. Этот регион теоретически соответствует Кадагстану и Робу, упоминаемым в бактрийских документах из Северного Афганистана[8].

В качестве иллюстрации к другому принципу работы с Газеттиром приведем статистическую роспись обнаруженных памятников, относящихся к доисламскому периоду от Кушан в долинах Баглана и Самангана.

Из 28 обозначенных на карте памятников Самангана только 6 могут быть предположительно датированы в пределах от II до IX в. Из них два памятника – это системы искусственных пещер с элементами сасанидских росписей (305 Духтари-Нуширван, 425 Хазар-Сум), два фортификационных сооружения неясной датировки (492 Кафыр-кала, 835 Калаи-Бала), один небольшой буддийский монастырь (1135 Тахти-Рустам), а также предполагаемое место находки бактрийских документов (2230 поселок Руй).

В Баглане из 23 обозначенных на картах памятников 13 могут быть датированы указанным периодом. Четыре памятника могут быть интерпретированы как буддийские святилища или ступы (169 Чам Кала, 689 Лили Тепе, 1232 Вазирабад, 2136 Хваджа-Лангар), три – как династийные святилища эпохи Великих Кушан (944 Рабатак, 1123 Сурх-Котал, 2023 Чахаршамбе-тепе), два – как крепости, причем датировка одной из них установлена нечетко (630 Кухна-Масджид, 2030 Чим-Кала), еще два – как остатки значительных по площади урбанистических поселений (86 Баглан Шахри-Кухна, 846 Калаи-Гури). Отметим также скальный рельеф сасанидского времени (2227 Раги-Биби) и пещеры с материалами буддийского характера (2260 Тахти-Падшах).

В заключение следует описать структурные проблемы обеих книг. В «Археологическом справочнике» и в «Археологии Афганистана» приняты разные системы написания названий памятников. Отчасти это естественно, т.к. они написаны с разными целями, относятся к разным видам историографических источников и изданы в разных издательствах, тем не менее написания типа Kuk-Jar («Археологический справочник», с. 635) и Kok-Jar («Археология Афганистана», с. 64) стоило бы, вероятно, унифицировать.

Авторы не используют дариязычную литературу. Конечно, невозможно учесть все, но полное игнорирование афганской историографии по вопросам археологии Афганистана выглядит странно. Неустроенность жизни в Афганистане сказывается и на качестве и количестве местной археологической литературы, тем не менее оригинальные работы на дари выпускаются[9]. Паштоязычная археологическая литература Афганистана мне неизвестна.

Ни в одной из рецензируемых книг также не учтена одна из последних работ И.Т. Кругликовой[10], в которой приведены списки памятников севера страны с множеством карт и планов. Странным кажется и отсутствие в «Археологии Афганистана» полноценной главы об истории исследований. Возможно, стоило бы несколько расширить разделы, написанные на эту тему в предисловиях к первому и второму изданиям.

Естественно, ни одно из этих замечаний нисколько не умаляет значения двух рецензируемых трудов для изучения археологии Афганистана в современных условиях. Обе книги просто обязаны стать настольными для любого специалиста в этой области. «Археологический справочник» значительно упростит поиск библиографии и справочных данных об отдельных памятниках, а «Археология Афганистана» даст читателю ясное представление как о состоянии исследований в целом, так и о современных концепциях и интерпретациях имеющихся фактов.

---

[8] Sims-Williams, de Blois 2018, 12.
[9] Āçār-e bāstānī 1392.
[10] Kruglikova 2005.

Литература / References

Allchin, F.R., Hammond, N. (eds.) 1978: *The Archaeology of Afghanistan: From the Earliest Times to the Timurid Period*. London–New York–San Francisco.

Āçār-e bāstānī 1392 (2013): *Āçār-e bāstānī mes-'ainak: natāej-e moqaddamāti-ye kāwushā-ye bāstānšenāsān-e tājik-o afğān* [*Ancient Artefacts of Mes-Aynak: Preliminary Results of Excavations of Tajik and Afghan Archaeologists*]. Kabul.

Ball, W., Gardin, J.-C. 1982: *Archaeological Gazetteer of Afghanistan*. Vol. I–II. Paris.

Braun, Th. 1958: *Das Geschichtswerk des Herodotos von Halikarnassos*. Leipzig.

Dandamaev, M. 1994: Media and Achaemenid Iran. In: J. Harmatta (ed.), *History of Civilizations of Central Asia*. Vol. II. *The Development of Sedentary and Nomadic Civilizations: 700 B.C. to A.D. 250.* Paris, 35–64.

Dandamaev, M.A. 2013: *Akhemenidskaya imperiya: sotsial'no-administrativnoe ustroystvo i kul'turnye dostizheniya* [*Achaemenid Empire: Social and Administrative Structure and Cultural Achievements*]. Saint Petersburg.
Дандамаев, М.А. *Ахеменидская империя: социально-административное устройство и культурные достижения*. СПб.

Hude, K. (ed.) 1908: *Herodoti historiae*. Oxford.

Kruglikova, I.T. 2005: [The exploration of archaeological sites performed by the members of Soviet-Afghanistan expedition (SAE) in the north and the north-west of Afghanistan in 1969–1976]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Problems of History, Philology, Culture*] 15, 309–437.
Кругликова, И.Т. Разведка археологических памятников, проводившаяся сотрудниками Советско-Афганской археологической экспедиции (САЭ) на севере и северо-западе Афганистана в 1969–1976 гг. *Проблемы истории, филологии, культуры* 15, 309–437.

Mairs, R. 2011: *The Archaeology of the Hellenistic Far East: A Survey*. (BAR International Series, 2196). Oxford.

Munchaev, R.M., Koshelenko, G.A., Gaibov, V.A. 2014: [A Kushan city of Bactria (Some results of the Soviet-Afghan archaeological expedition)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 24–45.
Мунчаев, Р.М., Кошеленко, Г.А., Гаибов, В.А. Кушанский город Бактрии (По результатам работ советско-афганской археологической экспедиции). *ВДИ* 1, 24–45.

Rezakhani, Kh. 2017: *ReOrienting the Sasanians: East Iran in Late Antiquity*. Edinburgh.

Sims-Williams, N., Blois, F. de 2018: *Studies in the Chronology of the Bactrian Documents from Northern Afghanistan*. Wien.

Stratanovskiy, G.A. 1972: *Gerodot. Istoriya v 9 knigakh* [*Herodotus. History in 9 Books*]. Leningrad.
Геродот. *История в 9 книгах*. Пер. Г.А. Стратановского. Л.

Vondrovec, K. 2014: *Coinage of the Iranian Huns and Their Successors from Bactria to Gandhara (4th to 8th Century CE)*. Vol. I–II. Wien.

Wilson, N.G. (ed.) 2015: *Herodoti historiae*. Oxford.

Vikentiy A. Parshuto,
The State Hermitage,
Saint Petersburg, Russia
E-mail: vaparsthuto@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0006-1826

В.А. Паршуто,
лаборант отдела Востока
Государственного Эрмитажа,
Санкт-Петербург, Россия

Vestnik drevney istorii
82/1 (2022), 195–204
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/1 (2022), 195–204
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910013588-9

D.J. BREEZE, W.S. HANSON (eds.). The Antonine Wall: Papers in Honour of Professor Lawrence Keppie. (Archaeopress Roman Archaeology, 64). Oxford: Archaeopress, 2020. 494 p. ISBN: 9781789694505

Изучение римской провинции Британия сейчас переживает настоящий расцвет: появление новых концепций и пересмотр старых идей идут рука об руку с развитием и совершенствованием исследовательских техник и методологий. Хорошей иллюстрацией этих процессов может служить недавно опубликованный сборник статей, объединенный общим объектом изучения – Валом Антонина[1]. Книга вышла в честь профессора Лоуренса Кеппи, известного исследователя Римской Империи и севера Британии в римскую эпоху, бывшего до недавнего времени хранителем музея Хантериан при университете Глазго. Кеппи принадлежит ряд важных публикаций, касающихся римских памятников Шотландии, проблем римской эпиграфики, культуры и военного дела[2]. В сборнике приняли участие ведущие исследователи римской Британии и Империи, а также коллеги Кеппи по музею – Дэвид Бриз, Уильям Хэнсон, Ник Ходжсон, Линдси Алласон-Джонс, Эрик Граафсталь, Александр Мейер и др. Всего сборник включает 32 статьи и отличается большим тематическим разнообразием: здесь нашлось место как анализу конкретно-исторического материала, так и историографическим работам.

С точки зрения содержания книгу можно разделить на две крупных части. Первая включает в себя 10 статей, в центре которых находятся историография и научная популяризация истории Антонинова вала. Эта часть, на наш взгляд, несколько менее ценна по сравнению со второй. В нее входят 22 статьи, наглядно иллюстрирующие прогресс современных исследований северных границ провинции и потому особенно важные для реконструкции и переосмысления истории не только римской Британии, но также всей империи.

К первой группе можно отнести публикации друзей и коллег Кеппи по музею: в частности, работу о музейных экспонатах от Фрейзера Хантера (с. 233–253), текст Иена Брауна о музее сэра Джона Клерка (с. 377–393), рассуждения о важности простых прогулок для поиска новых объектов от Джеймса Уокера, статью Джеффа Бейли и Джеймса Мирнса об изучении стены Антонина собирателем древностей и исследователем Джоном Андерсоном (с. 394–415). Особого упоминания заслуживают презентации научно-популярных проектов – видеореконструкции римской жизни на основе монумента Верекунды (с. 416–419), мультимедийного мобильного приложения, позволяющего путешествовать «по стене», и опыта воссоздания исторического облика Вала Антонина с опорой на различные изображения. Кроме того, благодаря привлечению данных геолокации удалось создать мобильное приложение. В нем с помощью встроенных и привязанных к геолокационным точкам информационным советам и статьям о том, что там находилось прежде, у интересующегося человека появляется возможность совершить путешествие почти по Римской Британии[3]. Еще одним текстом со схожим посылом

[1] Вал Антонина – линия римских военных укреплений, протянувшаяся на 62 км (42 римские мили) от Олд-Килпатрика до Кэрридена, что находится примерно на широте современных Эдинбурга и Глазго. За дату его возведения принято считать 142 г. (*RIB* 2192), когда по приказу Антонина Пия под руководством губернатора римской Британии Лоллия Убрика римляне создают новые укрепления. Вопросы назначения, бытования и контекста существования Вала остаются дискуссионными.

[2] Keppie 1979; 1984; 1986; 1991; 1998 и многие другие.

[3] Connecting museums and site Advanced Limes Applications – a Creative Europe project (URL: http://alapp.eu/en/particulars/; дата обращения: 2.02.2022).

является статья Патриции Уик, представляющая собой описание успехов и перспектив проекта, связанного с местами мирового наследия (World Heritage Site). В эту же группу можно включить статью-рассказ Иена Брауна о том, как Вальтер Скотт использовал в одном из эпизодов в своих книгах реальную историю, связанную с ошибкой антиковеда (уже упомянутого сэра Джона Клерка), который принял овчарню за остатки римского лагеря.

Особенного внимания заслуживает вторая группа статей. Она в полной мере отражает современное состояние исследований Антонинова вала и позволяет увидеть современные тенденции в изучении этого памятника и северных регионов провинции Британия. В связи с этим представляется необходимым подробнее рассмотреть тексты, относящиеся к данной части сборника.

Открывает ее вступительная статья Уильяма Хэнсона и Дэвида Бриза (с. 9–36), представляющая собой обобщающий обзор историографии Антонинова вала и знакомящая читателя с существующим уровнем исследований самой северной границы провинции, общепринятыми взглядами на прошлое территории, окружавшей вал, на историю контактов римлян и местного населения, с современным состоянием памятников пограничья. Публикация также содержит описания основных сооружений вала (как крупных – forts, так и небольших – fortlets), реконструкцию системы приграничных дорог. Дополненная картами и планами-схемами, эта часть статьи оказывается необходимым текстом для тех, кто только начинает знакомство с Антониновым валом. Важной частью статьи Хэнсона и Бриза являются обзор высказанных в историографии мнений по поводу планирования и сооружения Вала, а также краткая характеристика дискуссии о том, соответствовал ли финальный результат исходным замыслам римской администрации[4] или же первоначальный план претерпел изменения в процессе строительства[5]. Сама дискуссия, как подчеркивают исследователи, не пришла к единому знаменателю, поэтому важно рассмотреть обе точки зрения. В целом статья Хэнсона и Бриза создает общую рамку, которая значительно упрощает дальнейшее восприятие текстов.

Следующая за обзором статья Майри Дэвис сразу демонстрирует важность междисциплинарного подхода в современных исследованиях границ римской Британии (с. 37–46). С помощью методов геоморфологии, климатических и дендроморфологических данных автор реконструирует различные аспекты жизни общин, обитавших на территории, где в дальнейшем была возведена стена. Использование новейших методов позволило Дэвис не только описать саму среду обитания, но также проследить ее трансформацию с течением времени и связать этот процесс со свидетельствами о развитии натурального хозяйства и демографическом росте в регионе. Помимо конкретных выводов данная работа важна тем, что показывает потенциал применения естественно-научных методов для изучения ранее неизвестных социально-экономических аспектов истории местного населения и позволяет увидеть, как развитие центральных частей провинции влияло на периферию.

Проблемы бриттских сообществ пограничья рассматриваются в статье Лесли Макиннес (с. 47–60). Исследовательница рассуждает о влиянии, которое стена оказала на местное население, оказавшееся в зоне строительства, и на сам окружающий ландшафт. Опираясь на анализ доступных данных, она воссоздает ключевые моменты взаимодействия римлян с местными племенами, связывая их с развитием региональных обществ в доримское время. Кроме этого, Макиннес подробно обсуждает влияние объекта на местный ландшафт и события, которые последовали за оставлением Вала. Автор приходит к выводу, что к моменту создания укреплений в этих местах действовала двойственная система взаимоотношений, где часть местного населения могла мирно сосуществовать и взаимодействовать с римскими войсками, в то время как другая часть организовывала сопротивление завоевателям. Исследование Макиннес показывает, что анализ контактов сообществ разного типа между собой и опыта воздействия имперского строительства на окружающие Вал территории и природу пограничья может быть полезен для дальнейшего изучения северных границ провинции. Он позволяет раскрыть темы, связанные с идентичностью, а также взаимовлиянием культур, на основе которого можно делать выводы о дальнейших последствиях такого рода контактов.

Статья Ричарда Брикстока (с. 61–66) представляет собой анализ (с использованием статистических методов) нумизматических находок и также проливает свет на особенности быта в римских поселениях в предантониновский период. Исследователь составил «монетный про-

[4] Poulter 2009, 117–24; Graafstal, Breeze, Jones, Symonds 2015, 54–69; Symonds 2017, 144–146.
[5] Gillam 1975, 51–56.

филь» Вала и соотнес обнаруженные на его территории монеты с синхронными материалами из Камелона и Ньюстеда. Как отмечает Брикстоk, несмотря на заметные сходства в распространении монет на Антониновом валу и в рассматриваемых пунктах, источники указывают на наличие хронологически более ранней активности в районе будущего Вала. Это позволяет не только уточнить хронологию событий, приведших к сооружению укреплений, что само по себе важно, поскольку восстановление временных рамок и уточнение дат в истории острова остается проблемным вопросом, но и показывает, как римская культура распространялась за прежние северные границы провинции. Благодаря этим наблюдениям в распоряжении исследователей появляется более точная реконструкция кросс-культурного взаимодействия и контактов между представителями римского воинского сообщества и местным населением.

Коллективное исследование Ника Хэннона, Лин Уилсон и Даррела Рола (с. 67–85) является примером археометрического подхода к изучению Вала. Его применение, как видно по тексту, требует больших усилий и привлечения специалистов самого разного профиля для определения возраста и происхождения археологических объектов физико-химическими методами. В ходе анализа полученных данных ученым удалось сделать несколько выводов касательно расположения фортов вдоль стены. Среди них можно выделить общие и частные: *1)* небольшие форты (fortlets) расположены в интервалах размером в милю; *2)* использование стандарта pes monetalis[6]; *3)* система, по которой расположены форты, была установлена, отталкиваясь от параметров, рассчитанных непосредственно на линии стены; *4)* расстояние между основными фортами составляет от 11,2 до 14,5 км; *5)* расстояние между фортами говорят о наличии трех основных зон строительства; *6)* разные зоны использовали разные системы измерений; *7)* первая и вторая зоны обустраивались независимо друг от друга; *8)* для определения коррелятивных данных в зоне 3 требуется дополнительная работа; *9)* размещение камней с указанием расстояний, система малых и больших фортов были устроены также независимо друг от друга. Малые форты (fortlets) Уолтинг Лодж и Крой Хилл не рассматривались в исследовании. Наиболее важной частью этой статьи можно назвать не столько выводы об устройстве границы, сколько саму постановку вопроса о существовании различных оборонительных систем и зонирования при строительстве укреплений. Это наблюдение позволяет по-новому посмотреть на наши представления о том, как римляне создавали и укрепляли пограничные зоны, указывает на влияние на процесс строительства не только ландшафта, но даже различных элементов укреплений вдоль границы.

Более точечный (в географическом смысле) подход к исследованиям мы можем видеть в статье Ребекки Джонс (с. 86–95), которая рассматривает структуру форта Бар Хилл. Она сравнивает его устройство с фортом Крой Хилл, привлекает материалы исследований Каслхилла и Бирсдена, а также обращается к эпиграфике – плитам с указанием расстояний (distance slabs). Джонс отмечает, что у форта Бар Хилл есть особенность, заключающаяся в наличии более ранней (предантониновской) планировки. Если наличие подобных ранних построек подтвердится для других объектов у стены, то возникнет вопрос о пересмотре существующих представлений о планировке и создании Вала, выработке нового концептуального аппарата, который помог бы точнее реконструировать жизнь Вала. Идея Джонс о возможном прообразе/праоснове стены Антонина напоминает ситуацию с дорогой Стенйгет и валом Адриана и потому заслуживает особого внимания и перепроверки. Кроме того, статья ставит вопрос о практической цели ряда построек Антонинова вала, что делает ее частью одной из наиболее активных дискуссий не только о конкретной провинции, но также о границах империи в целом.

Иконографическая проблематика находится в фокусе внимания Луизы Кэмпбелл (с. 196–109). Ее статья посвящена скульптурам, обнаруженным при стене Антонина. Значительную часть текста составляет подробное введение, в котором рассматриваются подробности, связанные с полихромией при создании скульптур, и возможное использование цвета на богато украшенных плитах, найденных во время раскопок. Но наиболее значимая часть статьи связана с применением РФ-спектрометра, благодаря которому удалось обнаружить использование определенных цветов как символьной системы, где, например, желтый и красный репрезентовали силу и власть, что позволяет отметить следование неким канонам в искусстве для создания определенных образов. Это говорит не только о сугубо научной важности изучения иконографических аспектов истории Антонинова вала, но и о возможностях реконструкции и публичного представления древних объектов сообществу исследователей и широкой аудитории.

[6] Keppie, Walker 1981, 161; Hanson, Maxwell 1986, 122; Woolliscroft 1996, 160.

Статья Иена Фэрриса (с. 110–120) посвящена проблемам репрезентации трудовых будней легионеров. Основным источником здесь также выступают скульптурные изображения на плитах. Автор детально анализирует рельефы, украшающие посвящения и надписи с указанием расстояний, стремясь выявить и концептуализировать основные черты символического языка, связанного с военными достижениями и религиозной жизнью гарнизона Вала. Особое внимание уделяется связям со схожими свидетельствами, происходящими с другой провинциальной границы – стены Адриана. Кроме того, Фэррис привлекает источники из разных районов провинции и Империи: изображения на колонне Траяна и чашу из Радж. Изученные автором визуальные свидетельства позволяют восстановить различные аспекты самого процесса строительства Вала, а также сделать ряд наблюдений об особенностях жизни и этических ценностях, характерных для римской армии в Британии. Заметно, что этим познавательный потенциал данного круга источников не исчерпывается, они могут улучшить понимание различных аспектов бытования границ и пограничных сообществ.

Структурные аспекты Антонинова вала и новые подходы в их изучении находятся в фокусе коллективной статьи Тани Романкевич, Карен Милек, Криса Бекетта, Бена Рассела и Райли Снайдера (с. 121–141). Статья включает подробные планы и схемы укреплений Стены, описание технических особенностей сооружений (фундамента, дренажной системы) и приспособленности конструкций к погодным условиям, сравнительный анализ использованных строительных материалов (важный для понимания отличий глиняных структур от дерновых), а также предположения, как вся система фортификаций содержалась в порядке. Столь детальный разбор ценен сам по себе, но авторы не останавливаются на фиксации фактов. Сделанные ими наблюдения о разнообразном и сложном устройстве Вала, о его неоднородной и изменявшейся структуре, как представляется, практически подтверждают предположение об изначальном плане и последующих изменениях в нем. Выводы авторов свидетельствует о необходимости нового взгляда на проблему исходного замысла и реализации проекта Антонинова вала, что в дальнейшем может привести к более глобальным изменениям в нашем понимании взаимоотношений между Римом и провинцией. Такой подход и выводы делают статью исключительно полезной для рассмотрения и частных проблемных вопросов, и масштабных обобщающих исследований.

Цели сооружения и назначения Вала Антонина рассматриваются в статье голландского исследователя Эрика Граафсталя (с. 142–185). Его статья во многом является реакцией на состояние современных исследований стратиграфии стены, которые могли бы продемонстрировать, как сооружение стены было связано с особенностями топографии и другими факторами, но, к сожалению, в силу недостаточной полноты оставляют много вопросов без ответа. Граафсталь детально разбирает структуру и систему организации Вала, функциональные требования постройки, для указания особенностей и демонстрации полученных результатов использует контурные карты и карты с перепадами высот, а также информацию с лидара (LiDAR). Основной вывод исследователя в том, что проектировщики и строители стремились создать цепь с возможностью непрерывного оповещения между основными частями стены. Именно это может объяснить такую особенность, как своеобразное «отсоединение» форта Бар Хилл от основного вала (в сравнении с другими фортами). Отдельное внимание Граафсталь уделяет так называемым «крылатым стенам» при Бэлмайдли и Мамриллс, высказывая предположение, что такая черта может указывать на более раннюю в сравнении с основным комплексом дату создания этих фортов. Кроме того, в работе Граафсталя на основании анализа устройства отдельных фортов и их локализации предлагается уточненная хронологическая картина создания различных участков Вала.

Наконец, суммируя данные надписей, стратиграфический материал и сравнивая Вал Антонина с прочими лимесами империи, Граафсталь приходит к выводу, что фортификационные сооружения Вала Антонина были самым продвинутым с технологической точки зрения приграничным укреплением. По мнению автора, они благодаря сложной планировке и рассредоточению ключевых пунктов представляли собой реализацию нового концепта наблюдения и реагирования. Таким образом, подчеркивается особое положение приграничных укреплений. Это же позволяет получить представление о новых методиках, которые внедряли римляне, и выдвинуть предположение о практической проверке новых теоретических подходов. Благодаря данной статье можно предположить, как применялись данные технологии в дальнейшем на других границах, что требует дополнительного исследования структур.

В статье Граафсталя представлен, вероятно, наибольший объем информации и анализа данных в сборнике, а комплексное рассмотрение и методика в целом, а также сам подход к исследованию позволили не только ответить на поставленные вопросы, но и наметить путь для дальнейших исследований в этой области.

Краткая статья Гордона Максвелла и Уильяма Хэнсона посвящена Саммерстону и проблемам устройства временных лагерей (с. 193–200). Привлекая результаты аэрофотосъемки и полевых работ, они не только проанализировали особенности этого типа сооружений, но также дали подробное описание устройства малого форта (fortlet). Кроме того, им удалось доказать использование pes monetalis, что, в свою очередь, свидетельствует о существовании общего плана при строительстве стены и ее укреплений.

Еще одной «маленькой» проблеме небольших фортов (fortlet) уделяет внимание в своей статье Мэттью Саймондс (с. 201–217). Он сравнивает эволюцию их конструкции на Верхнегермано-ретийском лимесе, Валах Адриана и Антонина. Автор фокусирует свое внимание на различных деталях построек – от размеров и внутреннего устройства до внешнего ландшафта. Также в статье имеются указания на различия самих границ, что позволяет точнее представить общую картину системы лимесов Империи. Отдельную ценность имеет иллюстративный материал статьи, дающий детальное представление о ходе изменений в планах построек на примере всех типов изученных фортов.

Исследование позволяет сделать вывод о том, что изменения в устройстве фортов были, однако они в основном имели частный характер, в то время как основной замысел и воплощение оставались схожими. Это подтверждает существование общего плана и в то же время некую свободу выбора в принятии решений в тех случаях, где возникала необходимость, с точки зрения руководителя процесса на местах. В целом статья Саймондса вновь напоминает о необходимости крупного компаративного исследования, в котором нашли бы отражение как сходства, так и различия различных границ Империи, поскольку именно в мелких деталях и несоответствиях могут проявиться подробности, связанные с повседневными проблемами.

Статья Уильяма Хэнсона и Ричарда Джонса (с. 218–232) представляет собой обзор представлений о малом форте Каслхилл, зафиксированных на ранних картах и появившихся благодаря геофизическим исследованиям и использованию лидара. В то время как каждый из описанных методов позволял открыть различные аспекты строительства и существования укреплений, именно их комплексное использование дало наиболее информативные результаты. Хэнсон и Джонс привели дополнительные аргументы в пользу выдвинутой почти полвека назад гипотезы Дж. Гиллама[7], согласно которой наибольшие изменения в планировку форта были внесены в ходе самого процесса его строительства. Таким образом, мы видим некоторые уточнения в имеющейся в современной науке хронологической картине событий, связанных с созданием стены. Также их выводы подтверждают обоснованные внешними причинами изменения, которые в итоге превалируют над изначальными планами и позволяют предположить, что план мог создаваться на основе предположений, а не тщательного изучения местности, от которой в итоге зависело строительство. Однако следует отметить, что в предыдущем исследовании было отмечено, что для подобных изменений не было ограничений.

В своей статье Дональд Бейтсон (с. 254–262) анализирует клад денариев из Киркинтиллох[8], обнаруженных в конце XIX в. Автор критически пересматривает прежние записи о находке, делает более детальный обзор нумизматического материала и полемизирует с предшественниками по поводу места клада в нумизматической коллекции Шотландии, а также ведет дискуссию о том, как клад соотносится с фортом Киркинтиллох, близ которого он был найден. Как отмечает Бейтсон, клад состоит из 64 монет, 49 из которых могут быть описаны более или менее подробно; содержание клада можно датировать началом 150-х годов, что позволяет приписать его ко времени существования Антонинова вала. Подобная атрибуция позволяет увеличить имеющийся монетный профиль этого периода в истории провинции без дальнейших выводов, которые можно было бы сделать в исследовании. Однако в статье отмечается ценность кла-

[7] Gillam 1975, 51–56.

[8] Lion Foundry Company Ltd. 1895. Illustrated Catalogue of Cast Iron Manufactures Vol. 1 (2nd ed.). Kirkintilloch: EDLC Archives GD10/7/1/1/2 (URL: https://archiveshub.jisc.ac.uk/data/gb1015-gd10/gd10/7/1/1/2; дата обращения: 2.02.2022).

да в качестве источника для дальнейшего изучения вопросов, связанных с нумизматическими и экономическими исследованиями Римской Британии.

Пол Бидвелл, опираясь на богатую историографическую традицию и вновь обнаруженные источники, предпринял попытку описать механизмы внешних поставок зерновых и керамики в Шотландию времен Антонина (с. 263–185). Кроме того, в статье поднимается вопрос о хранении фуража – для изучения этой проблемы Бидвелл обращается к примеру Саус Шилдс. Анализ доступных данных о поставках в период до прихода к власти Антонина показывает, что наибольший объем снабжения поступал в центральные части острова. В пограничных областях, судя по керамике, около половины сосудов относилось к импорту. Значительное внимание в статье уделяется анализу проблемы местного производства и его связи с обеспечением гарнизона Вала, а также факторам, влиявшим на логистику.

Несмотря на объем проделанной автором работы, пока остается неясным, как именно работала система поставок. Наблюдаемые на основе источников качественные и количественные изменения могут означать наличие трудностей в организации поставок на более отдаленные территории или проблемы с местным производством, в связи с чем вопрос о том, как вообще была организована система снабжения провинциального гарнизона, остается открытым.

Один из составителей сборника и ведущий исследователь пограничья римской Британии, Дэвид Бриз, в своей статье (с. 286–299) обращается к изучению армии на стене Антонина, ее силе и значении. Несмотря на то что эта тема кажется исследованной, не стоит забывать, что последние крупные работы, в которых можно найти сколь-нибудь самостоятельный и подробный анализ военной проблематики Антонинова вала, были написаны около 40 лет назад[9]. Таким образом, Бриз ставит перед собой задачу вновь собрать и последовательно рассмотреть источники, связанные с фортами стены, первостепенное значение среди которых имеют данные археологии и эпиграфики.

Сравнительный анализ различных параметров зданий на территории фортов позволил Бризу произвести примерные расчеты количественного состава подразделений пограничья. Наглядным результатом этой работы стала таблица с примерными размерами гарнизонов для каждого укрепленного пункта. Особое внимание он уделяет роли гражданского (в основном местного) населения в жизни пограничья и его взаимодействию с римскими силами в разные моменты существования Вала. Полученные данные могут стать подспорьем для работ, связанных с социальным составом провинции.

Бриз также поднимает вопрос о том, что побудило императора Адриана оставить северные завоевания Траяна, а также о том, как эти решения могли соотноситься с дальнейшим устройством стены Антонина, обращая внимание на проблему возможной нехватки легионов в провинции. Особое внимание он уделил роли небольших фортов (fortlets) в организации и функционировании приграничных сил. Доступная исследователям информация, подчеркивает Бриз, свидетельствует о развитии системы военного контроля, но не о враждебности местного населения. В то же время количественное распределение военных подразделений говорит о необходимости защиты границы в различных ее частях по всей протяженности линии укреплений.

Сложный вопрос о выборе материала для строительства стены поднимает Ник Ходжсон (с. 300–312). Чтобы ответить на него, ученый обратился к рассмотрению двух стен, существовавших в провинции, и провел компаративный анализ некоторых структурных элементов границ. Одним из ключевых пунктов данной статьи представляется попытка выяснить, как существовали территории, оставшиеся за новой стеной вне границ империи, и, в частности, в чем заключалось использование Вала Адриана. Автор указывает на то, что тот не был полностью заброшен, когда часть армии (Ходжсон отдельно рассматривает вопрос о том, какая именно часть) была переведена на более северные рубежи. Таким образом, статья Ходжсона в некоторых своих тезисах перекликается с исследованием Дэвида Бриза и дополняет ее.

Автор отмечает, что, учитывая подготовку и процесс перехода с границы на границу, следует считать, что выбор дерна в качестве основного материала не входил в изначальный план, а одна каменная стена должна была прийти на смену другой. Смену материала он при этом объясняет некими неизвестными внешними событиями, которые заставили Рим поторопиться с исполнением замысла переноса границы и, как следствие, привели к использованию более простого в обработке материала. Все происшедшее с Антониновым валом в дальнейшем стало

[9] Hanson, Maxwell 1986; Davies 1980, 255–277.

опять же реакцией на внешнеполитические события, имевшие место в империи в конце правления Антонина. Полезной представляется таблица со сведениями о количественном составе гарнизонов двух стен, составленная автором на основе данных о размерах приграничных строений (и дополняющая подсчеты Бриза в предыдущей статье).

В целом статья Ходжсона содержит иную и, безусловно, весьма интересную точку зрения на привычные рассуждения о различии двух стен. В то же время нельзя сказать, что некоторые «неизвестные события» (some unknown event or events) являются достаточно убедительными доказательствами авторских гипотез.

Статья Энтони Бирли представляет исследование (с. 313–321) фигуры префекта претория во время правления императора Антонина, Марка Гавия Максима. Исследование дополнено приложением, которое описывает новые свидетельства для фаст Британии времен Антонина Пия. Как это свойственно ученому, который ранее проводил полномасштабное просопографическое исследование администрации римской Британии[10], Бирли скрупулезно разбирает и детально анализирует все доступные источники, что позволяет ему выдвинуть ряд предположений о происхождении, семейной жизни и карьерном пути Гавия Максима.

При этом фигура Гавия Максима не интересует Бирли сама по себе, он рассматривает его жизненный путь в контексте событий, происходивших на территории провинции. Так, Бирли предполагает, что именно политический аспект решения о возвращении римской армии на перешеек Форт-Клайд является наиболее важным. Неясные моменты в биографии Гавия позволяют Бирли реконструировать разные варианты его происхождения и карьеры: он мог происходить из семьи, для которой военная служба была основной сферой деятельности из поколения в поколение, или же просто выбрал ее как наиболее перспективную с точки зрения карьерного роста деятельность (и в этом смысле выбор оказался верным). Подобные исследования истории отдельного человека позволяют не только уточнить некоторые частные вопросы политической и событийной истории провинциального пограничья, но также вносят важные дополнения в общую картину истории империи и ее провинций.

Исследования границ идут не только в направлении изучения военных сообществ и связанных с ними укрепленных пунктов. Все больше внимания привлекают те, кто жил в окрестностях за стеной или в ее пределах. Одному из аспектов этой проблемы посвящена статья Уильяма Хэнсона (с. 332–345). Он рассматривает, как была устроена жизнь в *виках,* гражданских поселениях особого типа, расположенных близ римских лагерей. Благодаря новейшим археологическим исследованиям в распоряжении исследователей оказалось множество источников, иллюстрирующих не только жизнь внутри фортов, но и за их пределами. В частности, в фокусе исследования Хэнсона находятся те места, где жили люди, не входившие в состав гарнизона, но жизнь без которых сложно было представить: торговцы, жены и все прочие, кто не нес военную службу. Хэнсон проанализировал устройство этих внегарнизонных поселений, обратив внимание на вопросы о том, что в них могло располагаться и какие функции эти поселения могли выполнять в жизни пограничного региона.

Немаловажное значение в этой статье имеет часть, посвященная захоронениям, религиозным артефактам и другим предметам, что не были связаны с военной деятельностью. Исследователь указывает на небольшое количество гражданских захоронений близ стены и акцентирует внимание на некоторых погребальных монументах (*RIB* I 2182, 2183). Также он анализирует свидетельства на керамике (например, имена гончаров)[11] и мелких находках[12] и особое внимание обращает на ряд алтарей, посвященных богам, относящимся к римским культам (*RIB* I 2149, 2144, 2159, 2160, 2140). Опираясь на эти источники, Хэнсон реконструирует те аспекты повседневной жизни на границе, что не были связаны с непосредственно военными действиями.

Важной представляется попытка Хэнсона сравнить вики при фортах стены Антонина с теми, что были обнаружены при вале Адриана. Автор замечает, что по масштабу и репрезентативности свидетельства с северных территорий не могут сравниться с более южной границей; тем не менее они присутствуют, следовательно, вики существовали и играли определенную роль в жизни пограничья. Это вновь говорит о схожести двух границ провинции. Отсутствие же развитой структуры *виков* при Вале Антонина, вероятнее всего, является следствием недолгого

[10] Birley 2005.
[11] Hartley 2016, 137–145.
[12] Ср. с. 346–365 (см. ниже) и Hodgson 2014, 18–28.

периода использования второй границы и показателем того, что для формирования полноценного обустройства границы требуется больше 20 лет.

Коллективное исследование Линдси Аллэсон-Джонс, Кэрол ван Дри-Мёррей и Элизабет Грин посвящено женщинам Шотландского плоскогорья, по которому проходила линия границы провинции (с. 346–365). На сравнительно скудном материале они анализируют свидетельства о жизни женского населения, структурируя свое исследование в зависимости от типа источников: отдельно рассматриваются эпиграфические и иконографические свидетельства (в основном надгробные надписи, а также серебряная чаша с посвящением и женские скульптурные изображения), обувь (благодаря массовым находкам которой можно работать с размерами и статистикой) и, наконец, мелкие находки, включающие в себя различные аксессуары или бытовые предметы.

Важность этот статьи заключается в том, что основная масса предшествующих исследований игнорировала женское присутствие на Вале в силу сосредоточенности на военной, а значит, мужской сфере жизни границы. Тем не менее жизнь каждого индивида, отраженная в находках археологов, может пролить свет на ранее неизвестные аспекты провинциальной римской жизни. Исследовательницы обращают внимание читателей не только на наличие женщин на границе вообще, но также на то, что женщины могли обеспечивать соблюдение правильного хода ритуалов и захоронений, играли определенную роль в социально-экономической жизни пограничья[13]. Такие выводы представляются сравнительно новыми и могут быть полезны для более общих исследований, будь то выявление особенностей провинции или, наоборот, представление общей для империи картины.

Еще одна социальная группа – ветераны – оказывается в центре внимания Александра Мейера (с. 366–376). Число солдат, служивших на стене Антонина и достигавших статуса ветерана, было, несмотря на все опасности военной жизни, довольно значительным (по подсчетам Мейера, около 350 человек ежегодно). В то же время изучение их как социальной группы затруднено состоянием источников, в частности, отсутствием большого количества находок военных дипломов. Мейер пытается разобраться, в чем причина такой ситуации: могли ли ветераны оставаться в провинции без упоминаний, которые мы могли бы обнаружить, или уезжали оттуда, вследствие чего мы не имеем большого количества свидетельств. Автор оспаривает мнение Маргарет Роксан, которая предположила[14], что дипломы могли быть необходимы только тем, кто уезжал, в то время как большинство предпочитало оставаться рядом с местом службы. Наконец, он приводит статистические данные, основанные на анализе дипломов и других эпиграфических памятников. В целом, как отмечает Мейер, ответ на вопрос о том, почему самих свидетельств так мало, может быть связан с недолгим сроком оккупации северных территорий. Впрочем, дальнейшие археологические исследования могут серьезно изменить представления о ветеранах Антонинова вала.

Практические трудности картирования стены рассматриваются в статье Питера Маккига (с. 432–447). Он детально изучает историю процесса, начиная с конца XIX в. до 1930-х годов, отдельно упомянув важные работы Макдональда (1934), доходит до периода 1980-х годов и затем отмечает современные работы в данном направлении, особое внимание обращая на изменения в подходе к исследованиям. Важным, по мнению Маккига, является вопрос необходимости пересмотра прежних моделей[15], которые устарели в отношении своей точности, поскольку применявшиеся для их построения методы проигрывают в сравнении с современными возможностями, с чем сложно не согласиться[16].

Итак, мы видим, что сборник затрагивает множество самых разных тем и оставляет достаточно вопросов, ответы на которые исследователям еще предстоит найти. Будучи сведенным воедино одной большой темой и фигурой Лоуренса Кеппи, внесшего заметный вклад в развитие британской науки, он раскрывает различные аспекты, которые могут интересовать как широкую публику, так и научное сообщество, являющееся основной целевой аудиторией.

---

[13] Allason-Jones 1999, 41–51; van Driel-Murray 1997, 55–61; Greene 2013, 369–390.

[14] Roxan 1985; 1986, 265–92.

[15] Ordnance Survey 1954–1957; 1980.

[16] В настоящий момент при исследованиях используют лидар (LiDAR), воздушное лазерное сканирование (Airborne Laser Scanning (ALS)), цифровые модели местности (Digital Terrain Models (DTMs)), геолокационные и геоинформационные системы (GPS и GIS).

К несомненным достоинствам сборника относится его тематическая разносторонность: здесь нашлось место и исследованиям, связанным с новейшими методиками, и масштабным обзорам, и небольшим исследованиям частных вопросов, и работам, позволяющим взглянуть на границу с разных сторон.

В то же время нельзя не отметить некоторую неоднородность и разнонаправленность без очевидной логической последовательности, что, вероятно, является следствием самого формата коллективной монографии. Часть работ кажутся не столько полноценными исследованиями, сколько заделом на будущее. Более того, сами авторы, как, например, это делали Ребекка Джонс, Пол Бидвелл или Эрик Граафсталь, подчеркивают, что их исследования нацелены скорее на постановку вопросов, чем на установление некой окончательной истины.

Таким образом, сборник окажется интересным для тех, кто изучает историю провинций Римской империи и проблемы имперских границ, полезен он может быть для археологов и тех, чьи исследовательские интересы лежат в смежных с историей областях. Для исследователей римской Британии он является не просто интересным, но крайне важным и обязательным к изучению.

Литература / References

Allason-Jones, L. 1999: Women and the Roman army in Britain. In: A.K. Goldsworthy, I. Haynes, C.E.P. Adams (eds.), *The Roman Army as a Community: Including Papers of a Conference Held at Birkbeck College, University of London, on 11–12 January 1997.* (Journal of Roman Archaeology, Suppl. 34). Portsmouth, 41–51.

Birley, A.R. 2005: *The Roman Government of Britain.* Oxford.

Davies, J.L. 1980: Roman military deployment in Wales and the Marches from Claudius to the Antonines. In: W.S. Hanson, L.J.F. Keppie (eds.), *Roman Frontier Studies 1979: Papers Presented to the 12th International Congress of Roman Frontier Studies.* (BAR, International Series, 71). Oxford, 255–277.

Gillam, J.P. 1975: Possible changes in plan in the course of the construction of the Antonine Wall. *Scottish Archaeological Forum* 7, 51–56.

Greene, E.M. 2013: Female networks in the military communities of the Roman West: a view from the Vindolanda tablets. In: E. Hemelrijk, G. Woolf (eds.), *Women and the Roman City in the Latin West*. (Mnemosyne, Suppl. 360). Leiden, 369–390.

Hanson, W.S., Maxwell, G.S. 1986: *The Antonine Wall, Rome's North-West Frontier.* (Revised ed.). Edinburgh.

Hartley, K.F. 2016. Mortaria. In: D.J. Breeze, *Bearsden. A Roman fort on the Antonine Wall*. Edinburgh, 129–158.

Hodgson, N. 2014: The accommodation of soldiers' wives in Roman fort barracks – on Hadrian's Wall and beyond. In: L. Allason-Jones, R. Collins, F. McIntosh (eds.), *Life in the Limes: Studies of the People and Objects of the Roman Frontiers.* Oxford, 18–28.

Keppie, L.J.F. 1979: *Roman Distance Slabs from the Antonine Wall: A Brief Guide*. Glasgow.

Keppie, L.J.F. 1984: *The Making of Roman Army from Republic to Empire.* London.

Keppie, L.J.F. 1986: *Scotland's Roman Remains: An Introduction and Handbook*. Edinburgh.

Keppie, L.J.F. 1991: *Understanding Roman Inscriptions.* London.

Keppie, L.J.F. 1998: *Roman Inscribed and Sculptured Stones in the Hunterian Museum University of Glasgow.* (Society for the Promotion of Roman Studies). London.

Keppie, L.J.F., Walker, J.J. 1981: Fortlets on the Antonine Wall at Seabegs Wood, Kinneil and Cleddans. *Britannia* 12, 143–162.

Ordnance Survey 1954–1957: *Antonine Wall. Ordnance Survey 1954–57.* Working Sheets. Folio Collection, National Record of the Historic Environment, Historic Environment Scotland.

Ordnance Survey 1980: *Antonine Wall – 1980 Survey*. 3 vols. Folio Collection, National Record of the Historic Environment, Historic Environment Scotland.

Poulter, J. 2009: *Surveying Roman Military Landscapes Across Northern Britain: the Planning of Roman Dere Street, Hadrian's Wall and the Vallum, and the Antonine Wall in Scotland*. (BAR, British series, 492). Oxford, 117–124.

Roxan, M. 1985: The Roman military diploma. In: P.T. Bidwell, *The Roman Fort of Vindolanda at Chesterholm, Northymberland*. London, 93–102.

Roxan, M.M. 1986: Observations on the reasons for changes in formula in diplomas circa AD 140. In: W. Eck, H. Wolff (Hrsg.), *Heer und Integrationspolitik. Die römischen Militärdiplome als historische Quelle*. Köln–Wien, 265–292.

Symonds, M.F. 2017: *Protecting the Roman Empire: Fortlets, Frontiers, and the Quest for Post-Conquest Security*. Cambridge.

van Driel-Murray, C. 1997: Women in forts? *Jahresbericht der Gesellschaft pro Vindonissa*, 55–61.

Woolliscroft, D.J. 1996: Signalling and the design of the Antonine Wall. *Britannia* 27, 153–177.

Kseniya S. Danilochkina,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

E-mail: danilochkina-ks@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-6961-2764

К.С. Данилочкина,

н.с. лаборатории античной культуры ШАГИ ИОН РАНХиГС,

Москва, Россия

Vestnik drevney istorii
82/1 (2022), 205–212
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/1 (2022), 205–212
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910013561-0

M. GAGARIN. Democratic Law in Classical Athens. Austin: University of Texas Press, 2020. XII, 194 p. ISBN: 978-1-4773-2037-2

Профессор (теперь уже emeritus) Техасского университета (г. Остин) Майкл Гагарин (судя по фамилии, у него есть какие-то русские корни) ныне, безусловно, является крупнейшим специалистом по древнегреческому праву – если не в мировом антиковедении, то, во всяком случае, в англосаксонском. В континентальном европейском аналогичное положение занимает австрийский исследователь Герхард Тюр (впрочем, по нашей оценке, вклад Гагарина в изучение этой проблематики все-таки более значим). Кстати, характерно, что эти два ученых на международных конференциях постоянно вступают в острую полемику друг с другом. Им есть о чем спорить: ведь у них более чем достаточно «точек несогласия» – это обусловлено принципиальными теоретико-методологическими различиями в подходах между представленными ими историко-юридическими школами, о чем еще пойдет речь ниже.

Вот уже четыре десятилетия выход каждой очередной книги М. Гагарина становится событием в науке. А среди этих книг – и интересная монография о своде законов Драконта[1], в которой предложена оригинальная и представляющаяся нам верной трактовка сохранившегося фрагмента этого свода[2], и уникальный общий очерк архаического греческого права[3], ничего даже отдаленно сравнимого с которым с тех пор больше не появилось[4], и лучшее из имеющихся исследований об Антифонте[5], которого иногда называют «первым европейским правоведом»[6], и работа о механизмах законотворчества в Элладе[7], и образцовое издание законодательных памятников из городов Крита с подробнейшим комментарием (в соавторстве)[8]. Новая же его книга по жанру представляет собой изданный автором небольшой курс лекций и, соответственно, ориентирована на достаточно популярное изложение. В ней маститый ученый на склоне лет (ему уже под 80) формулирует ряд долго и тщательно продумывавшихся, даже заветных для него мыслей об особенностях классических афинских правовых норм и практик.

Англосаксонская школа изучения греческого права гораздо моложе континентальной, она сформировалась – если говорить именно о школе, а не об отдельных специалистах – сравнительно недавно (и Майкл Гагарин, между прочим, был в числе тех, кто стоял у ее истоков)[9]. Главная ее отличительная черта заключается в следующем: если континентальная школа понимает греческое право (как и римское, и любое) как набор норм и институтов[10], то англосаксонская – как систему

---

[1] Gagarin 1981.

[2] *IG* I³ 104 (копия конца V в. до н.э.). Гагарин предположил, что этот закон относится, вопреки общепринятому мнению, не только к неумышленным, но и к любым убийствам, является первым в своде, а его начальные слова καὶ ἐάν следует переводить не «и если», а «даже если».

[3] Gagarin 1986.

[4] Книга Hölkeskamp 1999 все-таки значительно у́же по тематике.

[5] Gagarin 2002. Гагарин сделал больше, чем кто-либо, для установления тождества Антифонта-оратора Антифонту-софисту.

[6] Barta 2010, 49.

[7] Gagarin 2008.

[8] Gagarin, Perlman 2016.

[9] О формировании и основных чертах этой школы см. Cohen 2005.

[10] Об этом дает прекрасное представление самый фундаментальный труд по греческому праву – трехтомник Липсиуса (Lipsius 1905–1915). Эта «квинтэссенция континентализма», в сущности, являет собой гигантский каталог институтов. Превалирование институционального подхода присуще данной школе и по сей день. Оно проявляется и у вышеупомянутого Г. Тюра,

социальных практик. Соответственно, право с ее точки зрения абсолютно необходимо изучать не изолированно, а в широком контексте общественной и политической жизни, в которой это право было укоренено (embedded – излюбленное в данной школе выражение). Не скроем, что нам такая базовая установка глубоко импонирует: контекстный анализ правовых реалий, на наш взгляд, ведет к более глубокому и верному их пониманию. Помимо прочего, исследования, написанные в подобном ключе, даже просто интереснее читать.

М. Гагарин – яркий, типичный представитель именно этого исследовательского направления. А в его рамках он по взглядам, пожалуй, ближе всего стоит к С. Тодду[11], не столь близко – к Д. Коэну[12]; еще дальше от него Э. Харрис[13], а наиболее далек П. Родс, который является, если так можно выразиться, в наибольшей степени «континенталистом» из англосаксов. За многие годы работы у Гагарина сложилась тщательно разработанная система представлений о греческом праве, ряд ключевых положений которых переходят у него из работы в работу (преобладание в Элладе процедурного права над субстантивным, возможность установить элементы единства между правовыми системами различных полисов именно на процедурной основе[14], сочетание широко распространенных и общедоступных письменных законодательств с преимущественно устным судебным процессом и др.).

Но обратимся к непосредственному рассмотрению книги «Демократическое право в классических Афинах». Она состоит из введения, предисловия, девяти глав (последняя из которых фактически является заключением, подводящим все основные итоги), списка литературы и указателей. Книга глубоко концептуальна, она, можно сказать, до предела насыщена идеями.

Автор оговаривает, что он совершенно сознательно дал книге такое название, которое у современных правоведов может вызвать недоуменные вопросы. В словосочетании «демократическое право» ныне увидят недопустимое сближение двух категорий из разных, не имеющих друг к другу отношения сфер. Право сегодня принято четко отделять от политики, форм государственного устройства и т.п.; оно не может быть «демократическим» (или, допустим, «олигархическим»). Две главные системы западного права – гражданское право континентальных европейских стран и «обычное право» (common law) англосаксонского мира – родились отнюдь не в условиях демократии. Последнее сложилось в монархической феодальной Британии, первое стало плодом рецепции римского права в позднесредневековой Европе, тоже феодальной и монархической. Тем не менее обе эти системы, не претерпев сколько-нибудь принципиальных изменений, благополучно функционируют в теперешних демократических государствах.

М. Гагарин подчеркивает, что в классических Афинах было совсем не так: там право осознанно воспринималось как неотъемлемая часть демократии. «Демократия, в собственно афинском смысле государственного управления, на всех уровнях контролируемого демосом, рядовыми гражданами, лежит в сердце афинского права... Убежденность афинян в том, что право тоже должно быть демократическим, привела их к созданию правовой системы, которая также предусматривала полное участие[15] и контролировалась рядовыми гражданами, а не учеными знатоками или профессионалами-правоведами» (с. 6). Имеется в виду, что, поскольку афинская демократия была прямой и, в отличие от современных демократий, предполагала реальное, широкое и постоянное политическое участие народа, эти черты переносились и на судебно-правовую сферу. Главной целью права мыслилось благо демократии, демократического полиса и его граждан. Современные правовые системы таких целей вообще не ставят.

«У афинян не было представления об автономной правовой системе. Напротив, они сознательно создали правовую систему, которая являлась интегральной частью их демократической политической системы. Отделение права от государственного управления для них не имело смысла» (с. 20).

Отмеченный выше акцентированный, последовательно проводившийся принцип непрофессионализма в судопроизводстве Афин породил резко негативные высказывания о последнем в нау-

---

и у знаменитого датчанина М. Хансена, который, хотя и публикуется, как правило, по-английски, в идейном плане как раз противостоит англосаксонским историкам права (см. его акцентированную защиту институционального подхода Hansen 1989, 263–269).

[11] Todd 1995.

[12] Cohen 2000.

[13] Harris 2006.

[14] Gagarin 2005.

[15] «...was also fully participatory». В связи с трудностью перевода подобных выражений на русский см. Makhlayuk, Surikov 2016, 478–479 (по поводу Hammer 2015).

ке. М. Гагарин приводит ряд соответствующих цитат из работ антиковедов XIX–XX вв.[16] Постоянно припоминают, что самым «прославленным» деянием афинского суда присяжных стал смертный приговор одному из величайших мыслителей в истории человечества, который притом уж точно не совершил чего-то достойного казни; апеллируют к непривлекательному образу героя аристофановских «Ос» диказта Филоклеона – невежественного, корыстного, циничного старика.

М. Гагарин и не скрывает, что одна из задач его новой книги – дать некую апологию афинской судебно-правовой системы, защитить ее от тех из упреков, которые представляются ему неправомерными. Относительно же Филоклеона и его коллег по гелиее, таких же стариков, составляющих в «Осах» хор, ученый замечает, что не следует относиться к аристофановской пародии как к прямому отображению действительности и формировать на ее основе представление о том, каков был типичный присяжный в Афинах. Обычно, кстати, именно так и делают: в очень многих работах встречается тезис, согласно которому афинские суды в массе своей комплектовались такими вот пожилыми низкостатусными гражданами. Мы, со своей стороны, напомнили бы, что комедии Аристофана – это и в принципе «кривое зеркало». Если пользоваться ими как источником без должной критики – каким перед нами предстанет, скажем, тот же Сократ? В совершенно превратном свете.

По наблюдению М. Гагарина, по своему социальному, возрастному и иному составу суды присяжных демонстрировали, вопреки комедиографу, большое разнообразие и давали, в общем-то, достаточно репрезентативный срез афинского общества в целом[17]. Впрочем, тут, конечно, не обойтись без определенных оговорок. В гелиее не могло быть лиц моложе 30 лет. Кроме того, как уточняет сам же Гагарин (с. 135), в ней, по всей видимости, все-таки должна была быть выше среднепропорциональной доля афинян старшего возраста, а также жителей города и его ближних окрестностей (по сравнению с обитателями отдаленных демов).

В первой главе книги («Демократия», с. 10–33) автор дает характеристику государственного устройства классических Афин. Он выделяет пять его главных черт: абсолютная власть народного собрания, в том числе и в законодательной сфере (по его мнению, она фактически оставалась таковой даже и после учреждения коллегии номофетов в IV в. до н.э.); краткий (как правило, годичный) срок пребывания на своих постах должностных лиц, которые к тому же, за нечастыми исключениями, избирались по жребию; строжайшая ответственность этих должностных лиц, постоянные отчеты; контроль народа над правовым процессом; эгалитаризм. В этой же главе обозначается место судебных институтов в политической системе афинского полиса. По мнению исследователя, гелиея наряду с экклесией была одним из двух наиболее важных органов государства, остальные имели меньшее значение (укажем, что такова же и точка зрения М. Хансена).

Судебную процедуру, практиковавшуюся в Афинах, М. Гагарин характеризует как крайне простую и в силу этого доступную практически каждому. Она следовала схеме «подача искового заявления – несколько предварительных слушаний у компетентного магистрата – суд как таковой, с его состязательным характером». В современных государствах гражданину без помощи профессиональных юристов (как правило, платной и обычно весьма дорогостоящей) трудно, да и почти невозможно возбудить и успешно провести процесс в суде. В Афинах же «вся система... находилась в руках любителей» (с. 25). Законы тоже имели ту особенность (это, впрочем, относится и ко всему греческому миру), что писались ясным и понятным языком, без злоупотребления технической терминологией; соответственно, их интерпретация также не требовала консультаций у специалиста (Гагарин приводит для сравнения неудобочитаемые цитаты из некоторых американских законов – контраст действительно разителен). И в данном смысле, таким образом, афинское право было демократичным.

Вторая глава (с. 34–50) называется «Игра». Так мы предпочитаем переводить оригинальный заголовок «Performance»; это точнее, чем, скажем, «Представление» или «Зрелище»[18]. Речь идет о том, что каждый судебный процесс был, по сути, неким постановочным действом, чем-то вроде

---

[16] Кстати, вечный оппонент Гагарина Г. Тюр тоже принадлежит к критикам афинской системы судопроизводства, которая, по его мнению, являлась «тупиковой», неспособной к развитию (Thür 1995).

[17] Такой вывод делается, в частности, на основании анализа пинакиев – именных судейских табличек (о которых см., например, Boegehold 1995, 59–64).

[18] Исходим из того, что соответствующая античная категория, принадлежавшая арсеналу как судебной риторики, так и театра (греч. ὑπόκρισις, лат. actio), наиболее адекватно может быть передана по-русски как «игра» (см. Surikov 2018, 523–527).

спектакля; неслучайно они активно посещались зрителями[19]. В начале главы автор останавливается на интересном тезисе Э. Холл[20], согласно которому на суды в данном отношении повлиял афинский театр как таковой. Соглашаясь, что черты сходства между двумя феноменами налицо, М. Гагарин указывает и на серьезное различие: в судах «ценой вопроса» была не награда победителю, как на театральных состязаниях, а вещь гораздо более серьезная – судьба человека (подчас даже жизнь). Главной же ошибкой Холл он считает то, что она не учитывает: пресловутая «театральность» была присуща судам у греков даже и тогда, когда до рождения театра в собственном смысле слова было еще очень далеко. В связи с этим напоминает самое раннее свидетельство о судопроизводстве в Элладе – знаменитое изображение тяжбы на щите Ахилла в «Илиаде» Гомера. В этой сцене, в сущности, уже присутствуют все элементы действа – вплоть до наличия зрителей.

Что касается классических Афин, в них стороны в процессе всегда должны были принимать во внимание этих зрителей и их реакцию. В судебных речах часто упоминается поднимаемый ими шум, ропот (θόρυβος), которым они выражали недовольство чем-то из прозвучавшего и который легко мог оказать влияние на выносимый судьями приговор. В этой необходимости для тяжущихся приноравливаться к аудитории автор видит одно из важных следствий характера афинского судопроизводства: содержание речей должно было согласовываться с традициями и ценностями общины. Другим следствием он называет важность риторики в суде.

О риторике в связи с правом подробнее говорится далее, но перед тем следует третья глава, «Переговоры» (с. 51–70). Как известно, во всех обществах в случае возникновения конфликта многие предпочитают разрешить его переговорным путем, не обращаясь в суд, поскольку судебное решение, как правило, нельзя предсказать заранее. Более того, нередко и после возбуждения дела продолжаются переговоры между сторонами; если они увенчиваются успехом, иск отзывается. Речь идет, естественно, о частноправовых процессах. В Афинах такое тоже практиковалось, но, кроме этого, были и случаи, когда переговоры в ходе тяжбы предлагались одной из сторон не для того, чтобы действительно прийти к компромиссу, а с риторической целью усилить свою позицию на суде.

Особенно характерны в этом смысле предложения о пытке (βάσανος) рабов, которых немало в сохранившихся судебных речах. В Афинах снимать свидетельские показания с рабов полагалось только под пыткой, в присутствии представителей обеих тяжущихся сторон. Институт этой пытки хорошо зафиксирован в источниках, но, что интересно, чисто теоретически: не известно ни одного случая, когда бы эта мера была реально применена[21].

В связи с пыткой был разработан ряд риторических стратегий. Например: участник процесса требует от оппонента выдать на пытку раба, который тому почему-либо дорог. Следует отказ, и этот отказ тяжущийся использует в своей судебной речи, заявляя: мой противник не пожелал установить истину посредством пытки, а, стало быть, сам признаёт свою неправоту. Другая стратегия: участник процесса предлагает своих рабов для пытки оппоненту, при том что последнему ясно: никаких новых данных для процесса эта пытка не даст. По этой причине опять же следует отказ, который аналогичным образом используется в своей речи инициатором предложения (точнее, «псевдопредложения»).

Подобные «псевдопредложения» могли звучать не только о пытке. Вот еще один вариант их использования: тяжущийся заявляет, что готов принести клятву, если представитель другой стороны согласится на это. Тот понимает, что если он согласится, то свяжет себя: ему придется принять то, что будет клятвенно заявлено, хотя бы то была полная ложь. Он отказывается, а первый участник риторически обыгрывает это в речи. Иногда с аналогичной целью также предлагали вызвать свидетелей, которые не могли дать относящихся к делу показаний. Во всех таких случаях ожидали не согласия, не компромисса, а именно отказа; подобного рода предложения были направлены не на смягчение ситуации, а на ее обострение.

---

[19] Lanni 1997.

[20] Hall 2006, 353–392.

[21] В одной из речей Антифонта (Antiph. V) обвинители пытают собственного раба, но сугубо частным образом, не пригласив представителей противной стороны, причем пытают, судя по всему, для того, чтобы получить от раба не правдивые, а нужные им показания (а после того убивают раба). Таким образом, данный случай ввиду грубейших нарушений не может быть принимаем во внимание. Ко всей этой проблематике см. Surikov 2012 (со ссылками на литературу вопроса).

В данной связи не можем не припомнить концепцию «агонального права», выдвинутую Д. Коэном[22]: в агональном обществе – каковым, безусловно, являлось древнегреческое – право не сглаживает конфликты, а служит средством их выражения. Впрочем, следует сказать, что М. Гагарин не разделяет этого тезиса.

Четвертая глава, «Риторика» (с. 71–92), начинается с констатации того факта, что древнегреческий судебный процесс с самого начала (так он изображен уже у Гомера) имел своим главным элементом обмен речами, которые произносились тяжущимися сторонами. Уже это приводило к тому, что в нем очень большую роль играл риторический элемент, впоследствии занимавший куда более скромное место как в римском праве, так и в современных правовых системах. Именно засилье риторики в афинских судах всегда было одним из главных объектов критики. Критика эта началась еще в пору функционирования самих афинских судов. Судебную риторику, которая учила, по выражению Протагора, τὸν ἥττω λόγον κρείττω ποιεῖν (Protag. fr. B6b DK), порицали Аристофан в «Облаках», Платон в ряде диалогов (особенно в «Горгии»). То, что она имела дурную репутацию уже в глазах современников, видно из следующего обстоятельства: нередко в речи перед судьями тяжущийся представляет себя неискусным в мастерстве говорить (предполагается, что это ему в плюс), а противника,– наоборот, уж чрезмерно красноречиво выступающим: значит, он – или понаторевший в тяжбах сикофант, или нанял дорогого логографа.

М. Гагарин отмечает, что в эпоху, о которой идет речь, еще не родилась криминалистика (forensic science), которая в наши дни позволяет добывать неопровержимые улики. Доказать что-то безоговорочно было практически невозможно, поэтому весь процесс основывался на соображениях вероятности, правдоподобия. О том, что судебное красноречие имеет целиком вероятностную основу, говорил еще Аристотель в «Риторике». Тяжущиеся состязались в первую очередь в том, кто из них в своей речи сумеет представить судьям более убедительную картину событий. Ведь афинские присяжные, в сущности, черпали всю информацию по делу, которое они судят, только из этих речей: никаких иных источников у них не было, они не изучали перед процессом материалы следствия, как это делается теперь.

Автор не отрицает, что судебная риторика часто ставила задачей эмоциональное воздействие на судей. Впрочем, завершает он данную главу формулировками, характерными для общего апологетического тона книги: «Это не означало, однако, что риторика преобладала над всеми прочими соображениями... Несмотря на важность риторики, она оставалась служанкой, а не госпожой права» (с. 92).

Следующая глава имеет заголовок «Правила и релевантность» (с. 93–114). В ней поднимается проблема, которую автор считает едва ли не главной для всей книги. Критики афинской системы судопроизводства в качестве одного из самых серьезных ее недостатков указывают на то, что тяжущиеся в своих речах сплошь и рядом отклонялись от непосредственного предмета рассмотрения на процессе и начинали пространно говорить о вещах, не относящихся к делу, иррелевантных (восхвалять свои прошлые заслуги, хулить противника и т.п.).

М. Гагарин пытается доказать, что это не так. Он указывает, что в судах действовало правило (хотя, возможно, оно было неписаным), согласно которому выступающие должны были εἰς τὸ πράγμα λέγειν. Но, по его мнению, само понимание релевантности в Афинах было более широким по сравнению с современным[23]. В наши дни, например, будет совершенно неприемлемым, если в суде представитель одной стороны начнет рассуждать о характере своего противника. «Для афинян, однако, характер и предшествующее поведение оппонента тяжущегося помогало воссоздать более полный контекст дела, и, кажется, считалось, что это помогает судьям определить вероятность его вины и невиновности» (с. 110).

Итак, релевантным считался *контекст* дела. Возьмем известный процесс Евфилета, убившего Эратосфена, любовника его жены (Lys. I). В речь, составленную для клиента, опытнейший логограф Лисий включает не только рассказ о самом убийстве. Он подробно останавливается на том, как Евфилет жил со своей супругой, как ее соблазнил Эратосфен, как обманутому мужу стало это известно и т.п. Ибо на самом деле всё это *имеет* отношение к делу. Напротив, «современное право в целом отвергает контекстуализацию факта» (с. 110), что, может быть, и не является достоинством.

---

[22] Он развивал ее в целом ряде работ, см. хотя бы Cohen 1991.

[23] См. аналогичную точку зрения в Rhodes 2004; Lanni 2005.

Автор всё ближе подходит к вопросу о том, соответствовала ли афинская судебно-правовая система принципам «власти закона» (the rule of law[24]). Для этой системы, помимо чисто правовых соображений, имели большое значение категории, в устойчивой, повторяющейся в ораторских речах формулировке обозначаемые τὸ δίκαιον καὶ τὸ συμφέρον, «справедливое и (общественно) полезное». Этим категориям исследователь посвящает две следующие главы книги.

В шестой главе, «Справедливость» (с. 115–131), отмечается, что современные системы права вообще не оперируют такой категорией, как справедливость: она считается опять же лежащей в иной, не правовой плоскости. Решения судов должны быть *законными*; требование, чтобы они при этом были еще и *справедливыми*, не предъявляется. Более того, если соображения справедливости и соображения законности вступают в конфликт (что иногда случается), судья обязан при вынесении приговора руководствоваться последними. Причина ясна: что законно, а что нет – легко установить из самих законов, в то время как справедливость – вещь субъективная, о ней у каждого свои понятия.

В афинских же судах требовалось, чтобы решения были не только законными, но и справедливыми. При этом судьи не оказывались перед каким-либо противоречием, поскольку считалось, что любой закон по определению справедлив. Соответственно, что соответствует закону – то соответствует справедливости, что соответствует справедливости – то соответствует закону. В нынешнем менталитете вполне мыслим поступок несправедливый (т.е. нарушающий нормы морали) и при этом не являющийся незаконным. М. Гагарин цитирует по данному поводу газетную статью о видном американском политике: «Джон Эдвардс сделал много несправедливого в своей жизни... но он не преступал закон» (с. 116). В классических Афинах подобная постановка вопроса была бы невозможной.

Продолжается рассмотрение этого круга проблем в седьмой главе, «Общественные интересы» (с. 132–153). В тех же судебных речах рефреном звучит следующий аргумент: если судьи вынесут по рассматриваемому делу тот приговор, которого требует выступающий, это в дальнейшем послужит государству на пользу, а если не вынесут – это пойдет ему во вред. Другой аспект той же тематики: тяжущиеся часто начинали описывать присяжным свои былые заслуги (например, об исполнении литургий), дабы показать, что они полезные для полиса граждане и суд должен принять это во внимание.

На этом аспекте автор останавливается подробно, демонстрируя, что необходима его нюансировка. Подробный рассказ о своей полезности – вещь сравнительно нечастая. Самый яркий пример – речь Демосфена «О венке» (XVIII), но в ней пространные экскурсы pro domo sua совершенно оправданны, поскольку предмет самого процесса состоит в том, заслужил ли оратор за свою деятельность венок в награду, и его цель – доказать, что заслужил. Обычно же о литургиях и пр. упоминается достаточно кратко, ближе к концу речи, и это долженствует быть лишь одним из второстепенных аргументов, дающихся в дополнение к более важным и релевантным.

На наш взгляд, данный сюжет М. Гагарин разбирает даже чрезмерно детально, анализируя буквально все имеющиеся в судебных речах пассажи такого рода. Он хочет продемонстрировать неправомерность нередко встречающегося суждения (например, Lys. XXX. 1), согласно которому обвиняемый, неспособный доказать свою невиновность, мог тем не менее добиться от присяжных оправдания исключительно через апелляцию к прошлым заслугам. Да, в корпусе сохранившихся речей не обнаруживается ни одного случая, когда перечисление таковых заслуг являлось бы единственным или хотя бы главным доводом защиты. Но подчеркнем здесь слово «сохранившихся». Нужно помнить, что до нас дошла лишь малая (очень малая) толика тех речей, которые произносились в гелиее классических Афин. Как можно исключить, что среди недошедших могли быть и такие, в которых упор делался на то, что говорящий – хороший гражданин? Такое могло случаться, например, у посредственных логографов, наследие которых потому и было утрачено, что не блистало качеством. Ведь то, что мы имеем,– это лучшие речи лучших ораторов, продукт отбора на протяжении многих поколений.

Восьмая глава книги называется «Власть закона» (с. 154–167). Она начинается указанием на фундаментальную монографию М. Оствальда[25], в которой в свое время наиболее подробно был развит тезис о том, что на рубеже V–IV вв. до н.э., после Пелопоннесской войны, олигархических

[24] Это распространенное выражение в политологической литературе нередко также переводят как «верховенство права».

[25] Ostwald 1986.

переворотов и законодательной реформы[26], в Афинах имела место трансформация от «власти народа» к «власти закона». Эта точка зрения была с энтузиазмом принята одними специалистами, другие же с ней не согласились. Позиция же самого М. Гагарина в этом споре оригинальна: он считает, что само это противопоставление надуманно. В Афинах одновременно существовали «власть народа» и «власть закона», и никакого противоречия между ними не ощущалось, поскольку считалось, что, с одной стороны, народ – творец законов, а с другой – законы направлены на благо народа.

Впрочем, основная цель этой главы несколько иная: выяснить, обеспечивалась ли в классических Афинах пресловутая «власть закона». Для этого автор берет из современной политологической литературы развернутое определение «власти закона» и начинает применять содержащиеся в нем критерии к афинской демократии. Как и следовало ожидать, последняя оказывается удовлетворяющей одним из этих критериев (например, равенству всех перед лицом закона) и ни в коей мере не удовлетворяющей другим (например, соблюдению прав человека – о таких в античности просто еще ничего не знали[27]). Впрочем, вся подобная операция представляется нам несколько схоластической: какой смысл оценивать некую систему под углом правил, которые вовсе не для нее писались?

В главе делается следующее заключение: «Афиняне не только верили во власть закона как важную цель, но их правовая система и на практике в большой степени достигала этой цели... Афинское право имело три главные цели, которые, в тогдашнем понимании, были вполне совместимы друг с другом: справедливость, общественное благо и власть закона» (с. 166). Далее М. Гагарин уточняет формулировку: эти три цели были, в сущности, одной тройственной целью – «обеспечивать власть закона в полном афинском демократическом смысле» (с. 167).

В последней, девятой главе («Успех демократического права», с. 168–175) вначале кратко суммируются выводы предыдущих глав, а затем высказываются некоторые итоговые соображения. По словам автора, афиняне воспринимали свою правовую систему как часть своей политической системы (и часть в некоторых отношениях едва ли не самую важную); идея автономного права была бы для них бессмысленной. Понятно, что афинское право было приспособлено к нуждам относительно небольшой общины граждан, для которой характерно прямое политическое участие. Только в рамках такой общины оно и могло нормально работать; невозможно представить, чтобы оно, как римское право, было реципировано в более крупных сообществах. Но интересы этой малой общины данная правовая система обслуживала лучше, чем это делала бы любая иная, будь то римское право или современное западное право. «Афинское право было верной правовой системой для Афин»,– такова завершающая фраза книги (с. 175).

Итак, теперь в распоряжении читателей есть прекрасный теоретический очерк принципиальных черт афинского права, написанный, кстати говоря, ясным и понятным, местами ярким языком, так что он будет вполне доступен и неспециалисту. Мы читали его не только с неослабевающим интересом, но и, не скроем, с подлинным наслаждением – это работа большого мастера (из чего, разумеется, не проистекает, что со всем в ней можно согласиться). Весьма полезен был бы перевод книги М. Гагарина на русский язык, особенно ввиду катастрофического дефицита литературы о греческом праве в нашей стране.

Литература / References

Barta, H. 2010: *«Graeca non leguntur»? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland.* Bd. I. Wiesbaden.

Boegehold, A.L. 1995: *The Lawcourts of Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia*. (The Athenian Agora, 28). Princeton.

Carawan, E. 1998: *Rhetoric and the Law of Draco.* Oxford.

---

[26] О которой см. теперь Carawan 2013. Автор этой книги – ученик М. Гагарина, впоследствии, впрочем, серьезно разошедшийся с ним во взглядах на многие вопросы: законодательство Драконта, интерпретация ряда речей Антифонта (см. прежде всего Carawan 1998).

[27] М. Гагарин остроумно замечает (в предыдущей главе, с. 151–152), что греки вообще мыслили не категориями прав, а категориями обязанностей. Ныне участник процесса может заявить в суде, что он имеет право быть беспристрастно выслушанным судьями. А Демосфен в своих речах ту же мысль формулирует иначе: судьи *обязаны* беспристрастно выслушать его.

Carawan, E. 2013: *The Athenian Amnesty and Reconstructing the Law.* Oxford.
Cohen, D. 1991: Demosthenes' *Against Meidias* and Athenian litigation. In: M. Gagarin (ed.), *Symposion 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte.* Köln, 156–164.
Cohen, D. 2000: *Law, Violence, and Community in Classical Athens.* Cambridge.
Cohen, D. 2005: Introduction. In: M. Gagarin, D. Cohen (eds.), *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law.* Cambridge, 1–26.
Gagarin, M. 1981: *Drakon and Early Athenian Homicide Law.* New Haven.
Gagarin, M. 1986: *Early Greek Law.* Berkeley–Los Angeles–London.
Gagarin, M. 2002: *Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists.* Austin.
Gagarin, M. 2005: The unity of Greek law. In: M. Gagarin, D. Cohen (eds.), *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law.* Cambridge, 29–40.
Gagarin, M. 2008: *Writing Greek Law.* Cambridge.
Gagarin, M., Perlman, P. 2016: *The Laws of Ancient Crete c. 650–400 BCE.* Oxford.
Hall, E. 2006: *The Theatrical Cast of Athens: Interactions between Ancient Greek Drama and Society.* Oxford.
Hammer, D. (ed.) 2015: *A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic.* Malden (MA)–Oxford.
Hansen, M.H. 1989: *The Athenian Ecclesia* II: *A Collection of Articles 1983–1989.* Copenhagen.
Harris, E.M. 2006: *Democracy and the Rule of Law in Classical Athens: Essays on Law, Society, and Politics.* Cambridge.
Hölkeskamp, K.-J. 1999: *Schiedsrichter, Gesetzgeber und Gesetzgebung im archaischen Griechenland.* (Historia-Einzelschriften, 131). Stuttgart.
Lanni, A.M. 1997: Spectator sport or serious politics? Οἱ περιεστηκότες and the Athenian lawcourts. *Journal of Hellenic Studies* 117, 183–189.
Lanni, A. 2005: Relevance in Athenian courts. In: M. Gagarin, D. Cohen (eds.), *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law.* Cambridge, 112–128.
Lipsius, J.H. 1905–1915: *Das Attische Recht und Rechtsverfahren mit Benutzung des Attischen Processes*. Bd. 1–3. Leipzig.
Makhlayuk, A.V., Surikov, I.E. 2016: [Hellas and Rome *sub specie comparationis* (A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic / Ed. by D. Hammer. Malden–Oxford, 2015)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 76/2, 477–489.
Махлаюк, А.В., Суриков, И.Е. Эллада и Рим sub specie comparationis (A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic / Ed. by D. Hammer. Malden–Oxford, 2015). *ВДИ* 76/2, 477–489.
Ostwald, M. 1986: *From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law: Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens.* Berkeley–Los Angeles–London.
Rhodes, P.J. 2004: Keeping to the point. In: E.M. Harris, L. Rubinstein (eds.), *The Law and the Courts in Ancient Greece.* London, 137–158.
Surikov, I.E. 2012: [Antiphontea VII: Judicial torture in Antiphon's speeches]. *Studia historica* 12, 33–60.
Суриков, И.Е. Antiphontea VII: Судебная пытка в речах Антифонта. *Studia historica* 12, 33–60.
Surikov, I.E. 2018: [Phryne made naked by Hyperides, or Rhetoric of gesture in ancient Athens (Towards the problem of nonverbal elements in the discourse)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 78/3, 519–544.
Суриков, И.Е. Фрина, обнаженная Гиперидом, или Риторика жеста в античных Афинах (К вопросу о невербальных элементах дискурса). *ВДИ* 78/3, 519–544.
Thür, G. 1995: Die athenischen Geschworenengerichte – eine Sackgasse? In: W. Eder (ed.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* Stuttgart, 321–331.
Todd, S.C. 1995: *The Shape of Athenian Law.* Oxford.

Igor E. Surikov,
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
E-mail: isurikov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2603-6146

И.Е. Суриков,
д.и.н., г.н.с. отдела сравнительного изучения
древних цивилизаций,
Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

Vestnik drevney istorii
82/1 (2022), 213–216
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/1 (2022), 213–216
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910018435-1

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ – XIII. НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЁННЫЕ 265-летию МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

(Москва, 11–12 декабря 2020 г.)

11–12 декабря 2020 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась международная научная конференция «Классическая филология в контексте мировой культуры – XIII», приуроченная к 265-летию Московского университета. В конференции приняли участие более 20 исследователей из различных вузов и научно-исследовательских учреждений Москвы, Сергиева Посада, Ярославля, а также Рима. Конференция, проведенная он-лайн, объединила специалистов по классической и романской филологии, богословию, истории русской литературы, общему и сравнительно-историческому языкознанию, каноническому праву.

В ознаменование юбилея Московского университета, преподавание в котором в первые десятилетия его существования велось исключительно на латинском языке, одной из задач конференции стало восстановление использования латинского языка как международного языка науки. В силу этого рабочими языками конференции были латинский, на котором читались доклады и велась дискуссия в первый день работы конференции, и русский – для второго дня конференции. Заседание открыл заведующий кафедрой классической филологии МГУ, проф. А.И. Солопов, выступивший с приветственным словом к ее участникам.

Часть выступлений была посвящена традиционным вопросам интерпретации текстов античных авторов и реального комментария к ним. *А.Е. Беликов* (Москва) в докладе «Ora sono discordia» рассмотрел стихи 422–423 из второй книги «Энеиды» Вергилия. Традиционное отнесение существительного sono к прилагательному discordia было подвергнуто критике, так как такая интерпретация предполагала бы чувствительность эпоса к изображению чужестранной речи. Докладчик предложил отнести sono к глаголу signant, что является более естественным с точки зрения как языкового узуса, так и узуса Вергилия. Кроме того, такое понимание данной конструкции хорошо вписывается в контекст событий (прибывшие последними жертвы нападений Кореба узнают врагов и с помощью звукового сигнала предупреждают остальные греческие войска) и не нарушает конвенций эпоса.

Доклад *Э.В. Янзиной* и *О.В. Корнеева* (Москва) «De vocabulis palaestricis ad pancratium pertinentibus» («Спортивная терминология панкратиона») был посвящен рассмотрению практики и терминологии панкратиона, который наряду с борьбой и кулачным боем составлял систему античных единоборств. После краткого экскурса в историю этой атлетической дисциплины в докладе была представлена реконструкция правил, технической и терминологической стороны рассматриваемого вида состязаний. В отдельных случаях для лучшего понимания античных приемов и обозначающих их терминов авторы обращались к описаниям и иллюстрациям, предлагаемым в литературе по современным видам спорта, стараясь избегать при этом стилизации античной практики под современность.

В ряде докладов рассматривалась семантика, морфология и этимология отдельных лексем; при этом специальное внимание было уделено греко-римской топонимии. Доклад *И.Р. Гимадеева* (Москва) «Quomodo domicilium et quae ad id pertinent apud Horatium describantur» («Лексика описания жилища и его частей у Горация») посвящен анализу лексики, используемой Горацием для описания устройства римского дома и его внутреннего убранства. Были рассмотрены лексемы, обозначающие разные типы жилища (domus, aula, regia, casa, deversorium и т.д.), конструктивные элементы дома

(parietes, tectum и пр.), детали планировки (vestibulum, cubiculum, atrium, peristylum, conclavia, ianua, fores, valvae и др.), элементы внутренней обстановки (arca, loculi), предметы религиозного культа (lares, imagines maiorum). Докладчик представил реальный комментарий к некоторым пассажам Горация, вызывающим трудности для понимания.

А.И. Солопов (Москва) в докладе «De urbium oppidorumque nominibus, quae a substantivis alias res significantibus ducta sint, quoque modo in casus inclinentur, adnotatio, exemplo “Trium Tabernarum”» («Названия городов, производные от нарицательных существительных (тип “Три гостиницы”) и особенности их склонения») обратился к вопросу о способах склонения топонимов, образованных от слов, обычно имеющих нетопонимическое значение, типа Tres Arbores (Три дерева). В корпусе Цицерона был обнаружен пока только один такой топоним – Tres Tabernae (Три гостиницы). Помимо Цицерона он встречается только в Новом Завете. Наблюдения за словоупотреблением Цицерона показывают, что для склонения подобных топонимов использовались предлоги: a (ab) для выражения сепарационного значения и ad для выражения локального значения и для обозначения направления.

В выступлении *А.В. Линько* (Москва) «Античные топонимы Киликийской равнины: принципы именования объектов, закономерности переименований и фонетических изменений» был дан обзор топонимии значительной части территории Малой Азии в диахронии от периода Хеттского царства до конца античности, а также рассмотрена типология переименований различных географических объектов.

Четыре доклада касались различных аспектов исторической грамматики и исторического синтаксиса латинского и древнегреческого языков, а также судьбы латинской лексики в романских языках. В докладе *А.М. Белова* (Москва) «De duabus infinitivi historici speciebus apud Graecos» («Два вида исторического инфинитива в древнегреческом языке») была рассмотрена проблема так называемых динамического и декларативного инфинитивов в древнегреческом языке в сравнении с системами латинского и русского языков и были сформулированы семантические критерии различия между этими инфинитивами. Такими критериями являются, во-первых, наличие или отсутствие факта и, во-вторых, различение или неразличение двух разных событий. В докладе были показаны расхождения в интерпретации этих параметров в синтаксисе трех языков.

Е.В. Антонец (Москва) в докладе «De Ciceronis periodo poetica» («О структуре периода в поэзии Цицерона») рассмотрела особенности структуры периода в поэтических произведениях Цицерона, уделяя основное внимание его поэме «Aratea». После краткого обзора античных и современных представлений о периоде автором был представлен анализ типов сложных предложений у предшественников и современников Цицерона – Энния, Луцилия, Лукреция и Катулла и было показано, что именно Энний оказал решающее влияние на конструкции периодов в поэзии Цицерона. С другой стороны, были выявлены отличия в структуре поэтического периода у Цицерона и Энния и продемонстрировано, каким образом, опираясь на ораторскую технику, Цицерон совершенствует поэтический период, в частности используя союзы (quod si, sin autem, nam, at и др.) для связи периодов друг с другом.

Доклад *О.Ю. Школьниковой* (Москва) «Латинские наречия времени iam, semper и др. и их функционально-семантическая дистрибуция в романских языках (на примере французского и итальянского)» был посвящен перераспределению функции выражения абсолютно-отрицательного и абсолютно-положительного значения времени между «потомками» латинских наречий numquam, umquam, iam и semper в романских языках, связанному с дистрибуцией контекста. Во французском языке семантические процессы проходят более динамично и радикально, чем в итальянском, в котором более последовательно развиваются латинские значения.

В докладе *А.А. Трофимова* (Москва) «Подробнее о новых типах рефлексов латинских долгих сонантов» было представлено рассмотрение рефлексации праязыковых долгих сонантов в латинском языке. Наряду с общепринятым рефлексом Rā новая гипотеза, высказанная С.Г. Болотовым, допускает такие возможные рефлексы, как Rī, Rē, Rō. Особое внимание в этой связи привлекли слова flōs и glōs, которые получают при принятии новой реконструкции лучшее объяснение. Были рассмотрены также менее очевидные примеры, в частности, glōria и mōs. Докладчик сделал вывод, что типы рефлексов Rī, Rē, Rō надежны, но принципы их распределения требуют дальнейшего изучения.

На конференции активно обсуждались актуальные проблемы преподавания древних языков и использования древних языков в современной коммуникации. В докладе *А.Г. Следникова* (Ярославль) «De Viuae Latinitatis chrestomathia componenda» («О новой хрестоматии текстов “живой ла-

тыни”») обсуждалось значение дискуссионного термина «живая латынь». Историю и проблематику движения «живой латыни» докладчик представит в текстах хрестоматии, которая готовится им к печати. В выступлении был дан обзор источников и историографии «живой латыни», орфографических особенностей текстов разных ее школ, а также затронут ряд дискуссий между видными представителями движения минувших десятилетий.

Т.Г. Давыдов (Москва) в докладе «Quomodo aspirationis atque consonantium aspiratarum Graecarum pronuntiatus varie praeceptus sit» («О различиях в произношении придыхания и придыхательных согласных в ходе преподавания древнегреческого языка») рассмотрел произношение придыхательных согласных древнегреческого языка в диахроническом аспекте. Был дан обзор изменения артикуляции придыхания и придыхательных в древнегреческом языке в период античности. Докладчик проанализировал национальные традиции произношения: русское («стандартное», «новое восстановленное произношение», церковное произношение), немецкое, англо-американское, итальянское, французское, испанское и современное греческое – и сделал вывод о важности и пользе использования «нового восстановленного произношения» в процессе изучения древнегреческого языка для наиболее корректного отражения звучания древнегреческой речи.

Вопросы истории античной и средневековой литературы были в центре внимания двух докладов. В докладе *Т.Ф. Теперик* (Москва) «Онейротопика греческой трагедии: Еврипид» рассматривалась поэтика сновидения в древнегреческой трагедии в сопоставлении с эпосом. На основе анализа сновидения в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» был сделан вывод о возрастающем психологизме снов у Еврипида по сравнению с его предшественниками. Доклад сопровождался обсуждением трактовки данного сюжета в европейской литературе («Ифигения в Тавриде» И.В. Гете).

Е.В. Матерова (Москва) в докладе «Antiquitatis classicae traditio in Alcuini elegia “Ad cellam meam”» («Античная традиция в элегии Алкуина “К моей келье”») отметила свойственное эпохе Каролингского возрождения стремление учиться у античных авторов, выраженное в воспроизведении античной метрики, в заимствовании литературных жанров и в ориентации на поэтический язык классиков, прежде всего Вергилия. В то же время унаследованные от античности жанры претерпевают трансформацию, и классическая форма служит для выражения нового, христианского, содержания. На примере элегии Алкуина (IX в.) докладчица показала, как традиционные античные топосы – «жалоба изгнанника» и «приятное место» – переосмысливаются христианским поэтом и включаются в текст, который начинается как античная эклога, а завершается как проповедь, ободряющая верных в их устремлении ко Христу.

На конференции также были затронуты проблемы богословской терминологии и истории богословской мысли. В докладе *А.Ю. Братухина* (Пермь) «Александрийская богословская школа как кладезь классической древности» было показано, что в сочинениях классических авторов Климент Александрийский заимствует цитаты, стиль, образы, терминологию, идеи, жанры, исторические факты, а также элементы античной теории языка. Климент излагает античную теорию языка ради нее самой, а не для опровержения оппонентов и защиты христианства. Он ощущает себя учителем «истинной философии», элементами которой являются, по его мнению, все достижения античной и ветхозаветной мысли.

Игумен Дионисий (Шлёнов) (Сергиев Посад) в своем выступлении «Термин “светолитие” (φωτοχυσία) в Ареопагитиках и у свт. Григория Паламы» рассмотрел рецепцию сложных световых терминов в поздневизантийском богословии. Основное внимание уделяется термину «светолитие» (φωτοχυσία), который обозначает Божественный умопостигаемый свет, священно передаваемый тем, кто, очистив себя, готов его вместить. Свт. Григорий Палама при использовании данного термина или прямо цитирует выражение δι’ ὑπερβολὴν ὑπερουσίου φωτοχυσίας из «Послания к Дорофею», или подразумевает термин именно в данном контексте. Представление о светолитии как о передаче нетварного света соответствует одному из глубинных лейтмотивов богословия свт. Григория о необходимости приобщения нетварному свету Божества, вопреки критике его оппонентов, и прежде всего Григория Акиндина, который, критикуя учение о свете, применил к нему другой термин – «светорождение» (φωτογονία). Помимо данного сопоставления были выделены все основные значения термина «светолитие» в греческой литературе VI–XIV вв., относящиеся преимущественно к области духовного созерцания или храмового благочестия. Наиболее яркое раскрытие термина осуществлено прп. Симеоном Новым Богословом, одним из авторов так называемого предисихастского возрождения. Значение видения духовного света, или боговидения,– один из лейтмотивов аскетико-мистической литературы православной традиции, унаследовавшей от античности

представления о зрении как самом высоком органе чувств, соответствующем духовному созерцанию души.

В ряде выступлений нашли отражение вопросы рецепции античной литературы. В докладе *Д.П. Ивинского* (Москва) «Пушкин и “немецкий Гораций”: к постановке вопроса о русской рецепции поэзии К.В. Рамлера» был предложен обзор материалов, касающихся известности Рамлера в русской литературной среде 1790–1820-х годов. Анализ «рамлеровского» фрагмента «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина позволил докладчику включить в «литературный фон» романа «Евгений Онегин» оду Рамлера «Желание зимы», а вместе с тем связать «пушкинскую» формулу «механизм стихов» с обширным кругом ее европейских источников (в том числе с Мармонтелем, Лагарпом и «Энциклопедией» Дидро и Даламбера).

В докладе *А.И. Любжина* (Москва) «Дидона в “Россиаде” Хераскова: Вергилий или Силий Италик?» был рассмотрен вопрос об источнике образа Дидоны у Хераскова. Во «Взгляде на эпические поэмы» (одном из предисловий к «Россиаде») М.М. Херасков не упоминает Силия Италика, но такая эксклюзивная параллель, как царство Зимы в горах (Альпийских у Силия Италика, Кавказских у Хераскова), делает знакомство русского поэта с латинским более чем вероятным. В связи с этим возникает вопрос, ориентируется ли на Силия Италика сравнение Сумбеки с Дидоной в «Россиаде». Некоторые аспекты (подчеркнутая роль колдовства, на которое у Силия Дидона рассчитывает, а у Вергилия – нет, прибегая к нему как к маскировке сложившегося решения покончить с собой) позволяют говорить о возможности такого влияния.

Доклад *В.В. Зельченко* (Санкт-Петербург) «Ни Ксанф, ни Биант: об одном стихотворении В.К. Шилейко» был посвящен стихотворению В.К. Шилейко «Смущенно думаю о нем...» (1914 г.). Активно изучавшееся комментаторами, стихотворение, однако, осталось непроясненным. Докладчик стремится показать, что смысл стихотворения – в уподоблении поэзии Еврипида коринфской колоннаде. Сопоставление с восьмистишием «Софокл» позволяет говорить о цикле, и более того – постулировать еще одну его часть, посвященную Эсхилу, которая была задумана Шилейко, но скорее всего осталось ненаписанной.

О.М. Савельева (Москва) в докладе «Наблюдения философа о гомеровском эпосе» показала, как В.С. Соловьев, иллюстрируя в трактате «Оправдание добра» свою концепцию формирования нравственного добра в ходе человеческой истории, обращается к греческому эпосу и на примере Одиссея дает точный психологический портрет античного героя, выделяет в нем «естественные корни нравственности» – чувствительность, благочестие, способность испытывать стыд, жалость, сострадание, и в результате приходит к философско-этическому выводу, что «субъективная нравственность» Одиссея остается его личным свойством, но она не поддерживается другими людьми, так как не декларируется и не закрепляется древним обществом как его социально-нравственная норма.

Специальное внимание было уделено на конференции теме, мало изученной в отечественной науке,– истории канонического права Римско-Католической Церкви. В докладе *Мауро Агосто* (Рим, Италия) «De litteris ad historiam iuris canonici pertinentibus» («Об источниках канонического права») была представлена история канонического права от античности до нашего времени, рассмотрены основные направления развития канонического права и основные представители каждого направления и каждой эпохи.

Конференция собрала широкую аудиторию слушателей: студентов, аспирантов и преподавателей из различных вузов Москвы и Санкт-Петербурга, а также из других городов нашей страны (Перми, Ярославля, Оренбурга, Петрозаводска, Барнаула). Подробный фотоотчет о конференции и видеозапись всех выступлений можно найти на сайте кафедры классической филологии МГУ (classic.philol.msu.ru). Как и в прошлые годы, конференция успешно выполнила свою главную задачу и собрала под эгидой старейшей в России кафедры классической филологии ведущих специалистов из разных вузов и городов России и других стран, представивших результаты своих научных исследований и разысканий.

Alexei I. Solopov,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
E-mail: scatebr@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2558-3751

А.И. Солопов,
д.филол.н., проф., зав. кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Vestnik drevney istorii
82/1 (2022), 217–222
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/1 (2022), 217–222
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910018436-2

XXI КОЛЛОКВИУМ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА ПО ЛАТИНСКОЙ ПАЛЕОГРАФИИ

(Флоренция, 19–21 февраля 2020 г.)

19–21 февраля 2020 г. во Флоренции состоялся XXI Коллоквиум Международного Комитета по латинской палеографии (Comité International de Paléographie Latine – CIPL). Комитет, созданный в 1956 г., стал главной организацией, объединяющей специалистов по латинской палеографии из разных стран мира[1]. Темой данного коллоквиума, на котором результаты своих исследований представили специалисты из Германии, Великобритании, Франции, Италии, Испании, Португалии, Швеции, Норвегии, Чехии и Швейцарии, стало «Возникновение рукописной традиции на национальных языках: палеографическая перспектива»[2]. Основная задача конференции состояла в обсуждении вопросов, связанных с материальной стороной ранних этапов бытования рукописных памятников, написанных на национальных языках. Особое внимание было уделено трансформации традиционных форм и правил латинского письма и их влиянию на становление письменности на национальных языках.

Конференция прошла на факультете искусств и гуманитарных наук Флорентийского университета (Dipartimento di Storia, Archeologia, Geografia, Arte e Spettacolo, Università degli Studi Firenze) при организационной поддержке Ассоциации «Датированные рукописи Италии» (Associazione Italiana Manoscritti Datati) и Итальянской ассоциации палеографии и дипломатики (Associazione Italiana Paleografi e Diplomatisti).

Торжественное открытие коллоквиума состоялось в конференц-зале палаццо Фенци Маручелли; там же проходили все заседания. С приветственным словом к участникам обратился ректор Флорентийского университета, проф. Луиджи Деи; собравшихся приветствовал декан факультета искусств и гуманитарных наук, проф. Андреа Дзордзи. От лица организационного комитета выступили Т. де Робертис и президент Международного комитета по латинской палеографии М. Смит.

В первый день работы конференции прозвучало семь докладов. Заседание открыл доклад *П. Острёма* (Стокгольм, Швеция) «Взаимосвязь латинского письма и германского руницеского письма с древнейших времен до XII в.». Руны появились в первые века нашей эры и ведут свое происхождение от знаков латинского алфавита. Руническое письмо было широко распространено в Европе, в том числе и в германоязычных странах, и употреблялось главным образом в надписях. Некоторые руны использовались в текстах, написанных латинским алфавитом, для отражения фонем германских языков, отсутствующих в латинском (например, þ (thorn) в англосаксонском письме), некоторые – как логограммы или сокращения. В докладе был представлен обзор использования рун с момента их возникновения до конца XIII в., когда они вышли из употребления (кроме þ, которая до сих пор используется в Исландии). Были охвачены все сферы

[1] Очерк истории Международного Комитета по латинской палеографии и обзор его деятельности см. Киселева Л.И. *Письмо и книга в Западной Европе в Средние века (Лекции по латинской палеографии и кодикологии)*. СПб., 2003. С. 274–278. С российской стороны членами комитета являются Л.И. Киселева (с 1990 г.), В.И. Мажуга (с 1997 г.) и Е.В. Антонец (с 2019 г.). На XXI коллоквиуме CIPL Россию представляла Е.В. Антонец.

[2] С материалами конференции можно ознакомиться на сайте CIPL. URL: http://www.palaeographia.org/cipl/firenze/index.htm; дата обращения: 15.05.2021.

употребления рун (книги, документы, надписи), рассмотрена взаимозависимость типа письма и вида текста, взаимодействие между памятниками на латинском и на германских языках.

В докладе *М. Шуберта* (Эссен, Германия) «Гильдебранд, Отфрид и Ноткер: немецкий язык на пути к письменности» было показано, что развитие письменности на немецком языке проистекало, с одной стороны, из импровизации писцов, а с другой – опиралось на тщательно разработанные правила, базировавшиеся на латинской графике. Первые письменные памятники на древневерхненемецком языке нередко содержат элементы импровизации. Писцы раннего средневековья, используя латинский алфавит, пытались отразить на письме согласные звуки, отсутствовавшие в латинском, разное количество и качество гласных и пр. Примеры нотации такого рода, выполненной ad hoc, встречаются в ранних памятниках, например в рукописи «Песни о Гильдебранде» (IX в.) и в раннесредневековых интерлинеарных глоссах. Однако адаптация латинского алфавита для отражения текстов на древневерхненемецком языке проводилась на профессиональном уровне. Так, в рукописях, созданных под руководством Отфрида Вейсенбургского (кон. IX в.), можно наблюдать решение многих проблем транслитерации; Ноткер III Немецкий (нач. XI в.), глава школы Санкт-Галленского монастыря, разработал систему различения количества гласных и звонких согласных, его переводы Библии и римских авторов являются образцами рукописной продукции высокого уровня. В докладе были рассмотрены способы отражения специфических немецких звуков w, ch, ü, ö, а также долготы и краткости гласных в связи с оформлением рукописей.

Доклад *Х. Альтуро* и *Т. Алаикс* (Барселона, Испания) «Первые письменные памятники каталанского языка: возникновение, особенности и распространение новой графики» был посвящен памятникам каталанского языка, начиная от первых документов нелитературного характера до первых литературных памятников XII в. вплоть до XIII в., когда возникла литература на каталанском языке. В сообщении был дан обзор становления системы каталанской графики и адаптации латинского алфавита для каталанского языка.

Ф.-Х. Альварес Лопес (Эксетер, Великобритания) в докладе «Двуязычные тексты в поздних англосаксонских рукописях: расположение, письмо, назначение» рассмотрел двуязычные рукописные памятники, созданные в Британии в период с конца X до конца XI в., и освятил вопросы их происхождения, назначения, использования, особенностей графики. В середине X в. в ходе так называемой бенедиктинской реформы основным видом письма для латинских текстов стал каролингский минускул, а англосаксонское письмо сохранялось для написания текстов на древнеанглийском языке. Двуязычные рукописные памятники служат примерами того, как писцы, обученные и англосаксонскому, и каролингскому минускулу, совмещают оба типа письма в пределах одной рукописи. Таких рукописей X–XI вв. насчитывается около 50, и среди них присутствуют документы разного содержания: уставы монастырей, глоссарии, краткие надписи. Во всех них один и тот же текст написан на латинском и древнеанглийском языках, причем латинский текст выполнен каролингским минускулом, древнеанглийский – англосаксонским письмом.

Дж. Фрозини (Флоренция, Италия) в докладе «Древние документы: некоторые размышления и наблюдения по истории итальянского языка» отметила, что в последние годы в изучении начального этапа письменности на староитальянском языке и формирования литературного итальянского языка были сделаны новые открытия, появились новые сведения, произошла полная или частичная переоценка известных данных, введены новые методологические принципы. В докладе были обозначены некоторые важные аспекты современных исследований ранних памятников итальянского языка.

Доклад *Т. де Робертис* (Флоренция, Италия) «Рукописи поэтических произведений: стандарты и инновации» был посвящен особенностям оформления рукописных книг XIII–XIV вв., содержащих поэтические произведения на итальянском языке. Именно в области поэзии проявляется наибольшая дистанция между латинскими традициями и возникающими новыми формами письменной графики. Возникновение поэзии на итальянском языке повлекло за собой появление новых стихотворных размеров и новых поэтических жанров, что, в свою очередь, потребовало переосмысления стандартов и создания новых стратегий разметки и дизайна рукописной страницы.

М. Пантаротто (Италия) в докладе «Техника мозаики в рукописях: итальянские вставки в рукописях латинских проповедей» рассмотрела палеографические особенности вставок на различных диалектах итальянского языка, которые обнаруживаются в рукописях XIII–XV вв., содержащих латинские проповеди. Был представлен сравнительный анализ латинского и ита-

льянского текстов проповедей в синхроническом и диахроническом рассмотрении. Первый день работы конференции завершила генеральная Ассамблея Международного Комитета по латинской палеографии, на которой был представлен отчет о работе комитета и обсуждались организационные вопросы. Одним из итогов работы Ассамблеи стало избрание новых членов президиума комитета.

Заседания второго дня работы конференции открыл доклад *О. Оммундсен* (Берген, Норвегия) «Двуязычные писцы далекого севера: древнейшие памятники из Тронхейма (Норвегия)». Первые скриптории появились в Норвегии в XI в. Основными текстами, которые в них переписывались, были миссалы и другие литургические книги на латинском языке. Время возникновения текстов на древненорвежском языке неизвестно, но древнейшие сохранившиеся рукописные памятники на норвежском языке могут датироваться последними десятилетиями XII в. Из них четыре рукописи были созданы в городе Тронхейм около 1200 г. На примере одного из писцов (Oslo, NRA, Nor. fr. 81a, 1–5) в докладе было продемонстрировано, какие данные о писце, о его статусе и окружении, о палеографических различиях латинской и норвежской частей рукописи можно почерпнуть из выполненных им двуязычных рукописей.

Продолжил заседание доклад *Г. Патковой* (Прага, Чехия) «Чешский язык и латинский алфавит в эпоху позднего средневековья». Древнейшие тексты на чешском языке, выполненные латинским алфавитом, сохранились в рукописях XII в. С ростом числа рукописей на чешском языке острее ощущалась проблема передачи специфических звуков чешского языка средствами латиницы. Важной вехой в решении этой проблемы стал трактат «De orthographia Bohemica», созданный в начале XV в. В этом трактате, который приписывается Яну Гусу, в чешскую орфографию впервые вводится система диакритики, возможно, самая древняя для славянских языков, использующих латинский алфавит. Палеографический анализ чешских рукописей позднего средневековья показал, что внедрение новой системы орфографии происходило постепенно, причем она применялась сначала только в определенных видах текстов: длительное время орфография документов отличалась от орфографии литературных текстов. Кроме того, формы диакритических знаков также прошли долгий путь развития.

Президент Международного комитета по латинской палеографии *М. Смит* (Париж, Франция) выступил с докладом «Появление письменной культуры на национальных языках в эпоху Возрождения». Начиная с XV в. разделение рукописных памятников тесно связано с возникновением в Европе национальных государств. С одной стороны, традиции канцелярского письма, унифицированного в XIV в., стали различаться в зависимости от территории, языка и политических факторов, с другой – возникновение и распространение гуманистического письма давало альтернативную модель письма, которая вскоре стала международной. Между тем как разнообразие книжных видов письма стало фундаментом для формирования относительно единого типографского шрифта, документальное письмо стало сферой новых экспериментов внутри койне, подражающего итальянскому письму и включающего различные национальные варианты. В этом разнообразии важно проследить формирование, распространение и взаимодействие систем письма, которые образовали новое единство не ранее середины XX в.

Доклад *Н.-Дж. Маркьоли* (Падуя, Италия) и *К. Тедески* (Кьети-Пескара, Италия) «Письмо надписей на итальянском языке и их распространение» был посвящен изучению эпиграфических памятников на итальянском языке. Со времени издания работы А. Петруччи «Il volgare esposto» в 1997 г. в области палеографического исследования надписей Италии было сделано немного: корпус средневековых надписей все еще отсутствует, и, хотя началось издание Inscriptiones Medii Aevi Italiae (IMAI), где собраны датированные надписи ранее середины XII в., но к настоящему времени опубликовано лишь четыре тома, в которых есть только одна надпись на староитальянском языке. В то же время в 2010 г. вышла работа Л. Петруччи «Alle origini dell'epigrafia volgare» с весьма полезными иллюстрациями. В докладе был представлен палеографический анализ известных надписей и рассмотрены неопубликованные эпиграфические памятники на староитальянском языке, начиная с IX в. до первых десятилетий XIV в. в сопоставлении с латинскими надписями. Различия между ними касаются выбора материалов, графики, системы сокращений, знаков препинания и пунктуации.

М.Э. Мартин Лопес (Леон, Испания) в докладе «Возникновение памятников на испанском языке: создатели и персонажи испанских надписей XI–XII вв.» рассмотрела графические и языковые особенности эпиграфических памятников XI–XII вв. на испанском языке, созданных в сельской местности, а также ремесленниками и случайными людьми. Материалом до-

клада послужили надписи, опубликованные в «Corpus Inscriptionum Hispaniae Mediaevalium», а также надписи Астурии, Каталонии и Галисии, опубликованные в других изданиях. В отличие от надписей, выполненных в культурных кругах высшего клира, где латинский язык давал возможность придать оформлению особую торжественность, а текст подвергался тщательному контролю, сельские памятники отражают артикуляцию разговорного языка, такие фонетические явления, как ассимиляцию, редукцию, анаптиксу, а также более свободное написание букв, которое отходит от установленных канонов.

Доклад *М. Карери* (Кьети-Пескара, Италия) «Форма знака titulus: от латинского к романским языкам» познакомил слушателей с некоторыми знаками сокращений, использовшимися в письме на романских языках в Англии, Франции, Италии в XII–XIV вв. Применение сокращений является важным графическим и культурным явлением, все еще мало изученным. В докладе были подробно рассмотрены графические варианты знака тильды (titulus) в XII–XIV вв. в рукописях на латинском и романских языках и было показано, что разновидности этого знака получали различные функции в разные периоды и в разных языковых контекстах, что нередко служило причиной ошибок при переписке. Так, форма titulus в виде завитка, которая в XII в. использовалась для обозначения носового согласного, начиная с XIII в. стала употребляться в Италии для сокращения звука r, особенно в положении перед согласным.

Ф. Черезато, В. Мариотти и Д. Штуцманн (Париж, Франция) в докладе «Сокращения во французских рукописях XIII в.: статистический анализ» рассмотрели эволюцию аббревиатур в рукописях XIII в., написанных на старофранцузском и старопровансальском языках, в отношении хронологии, географии, культурного контекста, кодикологических особенностей рукописей, типологии текста, а также с точки зрения сопоставления их с латинской системой сокращений. Исследование опирается на корпус памятников, созданный в рамках проекта «Écriture médiévale et outils numériques» (2015–2019 гг.). Целью этого проекта является создание каталога датированных рукописей на французском языке из фондов Национальной библиотеки Франции (BNF) и его дополнение изданием отдельных листов рукописей в формате xml-tei, который позволяет проводить детальный анализ сокращений и сопоставление сокращений французских рукописей с латинскими. По окончании заседаний второго дня состоялась ассамблея «Международной палеографической ассоциации: культура, письмо, общество» (Association Paléographique Internationale: culture, écriture, société). Эта организация объединяет широкий круг специалистов, занимающихся средневековыми рукописями, и открыта для всех, кто интересуется палеографией.

Третий день работы конференции открыл доклад *А. Палумбо* (Осло, Норвегия) «Билингвизм и сосуществование двух письменных культур в средневековой Скандинавии». Если в континентальной Европе латинский язык был фундаментом культурного развития, то в Скандинавии в эпоху средних веков латинская письменность столкнулась с 800-летней традицией местного языка и рунического письма. В эпиграфических памятниках наблюдается смешение и взаимовлияние латинского и рунического письма, отраженное в графике и орфографии надписей. В докладе был дан детальный палеографический, лингвистический и исторический анализ трех двуязычных (латино-древнешведских) надписей XII–XIV вв., выполненных с использованием латинского и рунического письма.

Доклад *К. Пик* (Оксфорд, Великобритания) «Рецепция и рукописная традиция “De consolatione philosophiae” Боэция в Англии в XIV–XV вв.» был посвящен изучению традиции комментирования Боэция в Англии в эпоху позднего средневековья. В нем были рассмотрены две латинские рукописи «Утешения философией» – Oxford, Bodleian Library, MS Auct. F.6.4, содержащая помимо латинского текста Боэция комментарий Николая Тривета (Nicholas Trevet) начала XIV в., и Oxford New College, MS264, содержащая текст Боэция и комментарий Вильяма Уитли (William Wheteley). Основное внимание, однако, было сосредоточено на другой рукописи – Oxford, Bodleian Library, MS Auct. F.3.5, содержащей переложение первой книги Боэция на древнеанглийский язык (The Boke of Counfort of Bois). Анализ трех этих кодексов позволяет проследить трансформацию комментаторской традиции Боэция с XIII по XVI в. от подробного учебного комментария до свободной интерпретации текста, выраженной на древнеанглийском языке анонимным автором. Особое внимание было уделено кодикологическому рассмотрению последней рукописи.

А. Дзуффрано (Болонья, Италия) рассмотрела городские кадастры Болоньи, которые хранятся в Государственном архиве Болоньи и датируются 1245–1398 гг., в докладе «Кадастры на болонском диалекте староитальянского языка XIII в.: палеографические заметки». В 2003 г.

среди 50 тыс. сохранившихся деклараций имущества за период 1296–1330 гг. А. Антонелли и Дж. Фео выявили около 100 кадастров на староитальянском языке. Это открытие вызвало ряд исследований лингвистического и дипломатического характера, но палеографический анализ не выполнялся. В сообщении представлены первые результаты, полученные в ходе анализа графики кадастров на староитальянском языке 1296–1297 гг. (таких документов насчитывается около 40 из 10 тысяч). Они представляют собой первые свидетельства староитальянского языка внутри корпуса кадастров Болоньи, и одновременно самую важную часть кадастров, написанных не по-латински. Корпус староитальянских кадастров богат и неоднороден как с графической точки зрения (так как документальное письмо чередуется с книжным), так и с формальной. Он был подвергнут сравнительному анализу с кадастрами на латинском языке, что позволило выдвинуть гипотезы относительно культурно-социального статуса писцов, писавших на староитальянском языке в Болонье в указанный период.

В докладе *А. Нифергельта* (Цюрих, Швейцария) «Диакритические знаки в истории письменности на древнегерманских языках» была проанализирована система диакритических знаков и рассмотрена ее роль в становлении западногерманской письменности на примере древнеанглийских и древневерхненемецких памятников. Скандинавские и западногерманские языки в основу письменности положили латинский алфавит, а для обозначения специфических звуков германских языков либо использовались знаки других систем (рунической, скорописи и пр.), либо к буквам латинского алфавита добавлялись диакритические знаки. Диакритические знаки образуют систему, каждый элемент которой имел разные функции. Особенно многофункциональным был знак апекса в древнеанглийских рукописях. Необычная ситуация сложилась также в древневерхненемецкой письменности, где, с одной стороны, функции этого знака спорадически варьировали в многочисленных глоссах, а с другой – Ноткер Немецкий стандартизировал систему акцентуации, в которую входил этот знак. Диакритические знаки появляются также в тайнописи и используются при англосаксонской руне w в латинском письме.

М. Лаканале (Кьети-Пескара, Италия) в докладе «Знак апекса в рукописях на романских языках XII в.» рассмотрела способы и цели использования апекса писцами XII в. Употреблению апекса посвящен ряд исследований XIX в., которые касались главным образом его использования в конкретном рукописном памятнике, без систематического рассмотрения. В некоторых работах более общего характера были выявлены разнообразные функции апекса в рукописях, от тонической и метрической до палеографической и фонетической. В докладе же была предложена методика возможной классификации функций апекса в параметрах лингвистической географии.

Ф. Рольдау и *Ж. Серафин* (Лиссабон, Португалия) выступили с докладом «Привилегии (франшизы) на фоне появления португальского языка: графические и материальные аспекты». В ходе реконкисты и заселения оккупированных территорий, особенно в XII–XIII вв., португальские правители, а также некоторые светские и церковные феодалы предоставляли общинам привилегии. Эти хартии, все еще написанные на латинском языке, устанавливали правовую основу политических, экономических и налоговых отношений между феодалами и жителями городов. С внедрением в письменность португальского языка в королевской канцелярии эти документы стали писать на старопортугальском языке; города также стали составлять свои уставы на старопортугальском для лучшего их понимания. В докладе был дан анализ того, в какой мере введение португальского языка в официальные документы повлияло на принципы размещения юридического текста на странице и на систему графики по сравнению с латинскими документами. При анализе учитывались такие параметры, как макет текста, знаки валидации, а также объем и тип сокращений.

М.Р. Моружау (Коимбра, Португалия) в докладе «Португальский язык в португальской королевской канцелярии XIII в.» обратилась к анализу процесса перехода португальской королевской канцелярии с латинского языка на португальский в XIII в. Португальский язык стал использоваться в письменной форме в последней четверти XII в., хотя латинский еще целое столетие продолжал доминировать в письменности вплоть до правления короля Диниша I (1279–1325), который приказал использовать португальский язык в документах. Материалом для доклада послужили документы периода начиная с первого известного использования португальского языка в Королевской хартии (завещание короля Альфонсу II 1214 г.) до середины царствования Диниша I. В сообщении была проанализирована статистика изменения числа документов на португальском языке в течение столетия, рассмотрены адресаты хартий, писцы,

писавшие на португальском, а также различные аспекты адаптации к новому языку латинской системы сокращений и диакритических знаков.

В докладе *Ю. Вольфа* (Марбург, Германия) «Форма – функция – письмо. Рукописи и документы Любекской канцелярии в 1230–1330 гг.» были рассмотрены палеографические и кодикологические особенности рукописей любекского права, вышедших из Любекской канцелярии в период 1230–1330 гг. Все эти документы имеют специфические черты, в частности, в них используется особый тип готической текстуры. Докладчик отметил, что в рамках международного проекта были изучены и изданы важнейшие рукописи Любекского права, среди которых главное место занимает Кодекс Бардевика (Юрьевец, ГБУ «Музеи города Юрьевца», ЮКМ-2010, olim Lübeck, Stadtarchiv, Hs. 734).

Доклад *Д. Бельмонте Фернандеса* (Севилья, Испания) «Появление письменности на испанском языке в Севилье в средние века: документы архиепископа и кафедрального капитула» был посвящен палеографии документов на староиспанском (кастильском) языке, созданных в канцелярии архиепископа и капитула Севильского собора в средние века. Реконкиста Севильи произошла в 1248 г., и король Фернандо III утвердил своего сына, Филиппа Кастильского, в качестве первого архиепископа города (1249–1258 гг.). Важное значение имела деятельность дона Раймундо де Лосана, епископа Сеговии и старшего нотариуса Кастильской канцелярии, который был архиепископом Севильи в 1259–1286 гг. и организовал епископат, заложив юридические основы учреждения. В это время кастильский язык начал использоваться в документах, выданных королевской канцелярией. Канцелярия архиепископа и капитула Севильского собора не осталась в стороне от этого процесса, тем более что севильская церковь и, соответственно, канцелярия были новыми учреждениями, открытыми для внедрения новых письменных практик. В докладе был дан анализ всех известных на сегодняшний день документов на староиспанском языке времени епископата дона Раймундо, а также некоторых наиболее значимых рукописей следующего за этим периода.

В заключение участники конференции подвели итоги насыщенной трехдневной работы. Все присутствующие выразили сердечную благодарность организаторам и выразили надежду на то, что прошедшая конференция укрепит международные связи в области исследования средневековых рукописей и документов. В последующий, воскресный, день участники и гости конференции посетили национальный музей Барджелло, где хранятся сокровища итальянской скульптуры XIV–XVII вв., среди которых четыре работы Микеланджело, «Давид» Донателло, бюст Козимо I Медичи работы Бенвенуто Челлини.

XXI Коллоквиум Международного комитета по латинской палеографии «Возникновение рукописной традиции на национальных языках: палеографическая перспектива» стал заметным событием в мировой палеографии. В ходе его заседаний были отмечены как общие тенденции, так и специфические черты процесса перехода рукописной культуры с латинского на национальные языки в разных странах Европы. Следующий коллоквиум Международного комитета по латинской палеографии состоится в сентябре 2022 г. в Праге и будет посвящен вопросам взаимодействия и взаимовлияния различных систем письменности.

Ekaterina V. Antonets,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
E-mail: evantonetz@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1715-5132

Е.В. Антонец,
д.филол.н., доцент кафедры классической филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Vestnik drevney istorii
82/1 (2022), 223–224
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/1 (2022), 223–224
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910018438-4

КРУГЛЫЙ СТОЛ «“ПУСКАЙ НАМ ОБЩИМ ПАМЯТНИКОМ БУДЕТ...”: НАСЛЕДИЕ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА МИШУЛИНА (1901–1948)»

(Москва, 5 апреля 2021 г.)

5 апреля 2021 г. в отделе сравнительного изучения древних цивилизаций и в центре по изучению холодной войны Института всеобщей истории РАН состоялся круглый стол «“Пускай нам общим памятником будет...”: наследие Александра Васильевича Мишулина (1901–1948)» (организатор С.Г. Карпюк). Круглый стол был посвящен наследию А.В. Мишулина, ученого и партийного функционера, который в 1937–1948 гг. был главным редактором «Вестника древней истории», а также его эпохе. В заседании приняли участие как российские ученые из Москвы, Санкт-Петербурга и Омска, так и зарубежные коллеги из Беларуси.

Доклад *О.В. Метель* (Омск) «А.В. Мишулин и проблема конструирования памяти советских историков древности» был посвящен проблеме конструирования памяти научного сообщества. В нем была показана роль А.В. Мишулина в данном процессе: на рубеже 1930–1940-х годов советский исследователь стремился создать общую схему развития мировой исторической науки о древности, «вписав» в нее и советских ученых. Для сообщества отечественных ученых данная схема сыграла важнейшую роль в конструировании «полезного прошлого», объединившего и историков «старой школы», и историков-марксистов.

С.Б. Крих (Омск) в докладе «В роли ориенталиста: статьи А.В. Мишулина о древневосточной истории» продемонстрировал пример быстрого, «большевистского», освоения Мишулиным древневосточной тематики. Его «восточные» статьи 1930-х годов отражают конструирование древневосточной истории как органической части истории рабовладельческого общества, принципиально не отличающейся от истории Греции и Рима в ее советском понимании тех лет: основой этой истории является история эксплуатации рабов (и крестьян) рабовладельцами, которая неизменно приводит к массовым движениям. «Восточные» статьи Мишулина стали основой для разделов школьного учебника по древней истории 1940 г.

В докладе *С.Г. Карпюка* (Москва) «Правда Александра Мишулина: статья в “Правде” и реакция советских академиков» была рассмотрена статья А.В. Мишулина, опубликованная в газете «Правда» 15 ноября 1940 г., а также дискуссия по поводу этой статьи, которая произошла 30 ноября 1940 г. на сессии Отделения истории и философии АН СССР. Эти два события оказали определенное влияние на развитие советской историографии античности: статья должна была наглядно показать советским историкам, что они должны ориентироваться не столько на «академический», сколько на «партийный» центр руководства науки; это вызвало критику и неприятие со стороны академиков, специалистов по истории древнего мира.

А.В. Ашаева (Москва) в докладе «Актуальная тематика: военные публикации А.В. Мишулина» отметила, что в период Великой Отечественной войны А.В. Мишулин отошел от темы рабских восстаний; на первый план выдвинулась тематика национально-освободительной борьбы, направленной против агрессивных империй древности и раннего средневековья: Персидской, Римской, Византийской. Мишулин подчеркивает и одобряет борьбу скифов и славян против завоевателей и всячески старается принизить роль германцев, противопоставляя их славянам. При этом Мишулин как ученый и как руководитель науки четко разделял пропагандистскую и научную тематику.

В докладе *А.М. Скворцова* (Санкт-Петербург/Челябинск) «Введение латинского языка в советских школах (1940–1950-е гг.): подготовка и провал реформы» на основании нормативно-правовых документов, делопроизводственной документации и эго-документов был восстановлен ход реформы и выделены наиболее активные ее фазы: 1944–1948 гг. и 1952–1954 гг. Автору удалось определить, что наибольшее влияние на продвижение идеи введения преподавания латинского языка в советских школах оказали А.В. Мишулин и Н.Ф. Дератани. Однако непоследовательность осуществления инициативы, отсутствие должной организационно-методической работы и деятельности по разъяснению широкой общественности нововведения привели к скорому сворачиванию реформы. В качестве решающей причины исключения латинского языка из учебных планов советских школ называется отмена раздельного обучения мальчиков и девочек в 1954 г.

О.И. Малюгин (Минск, Беларусь) рассмотрел деятельность Н.М. Никольского в оккупированном Минске и в партизанском отряде, а также его сотрудничество с А.В. Мишулиным в докладе «Наука за линией фронта: академик Н.М. Никольский в оккупированном Минске и в партизанском отряде». Результатом этого сотрудничества стала публикация статей белорусского академика в послевоенных номерах «Вестника древней истории».

Доклады вызвали оживленную дискуссию, в которой приняли активное участие как докладчики, так и Е.В. Ляпустина, Е.И. Соломатина, Н.К. Спиченко, М.Н. Кириллова. В заключительном слове С.Г. Карпюк подвел итоги дискуссии, отметил роль А.В. Мишулина в развитии изучения и преподавания истории древнего мира в Москве. Участники круглого стола поддержали предложение организовать в Институте всеобщей истории РАН в ближайшее время круглый стол по рецепции античности и изучению истории древности в СССР, посвятив это научное мероприятие памяти профессора Евгения Александровича Чиглинцева (1955–2021).

Sergey G. Karpyuk,
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
E-mail: oxlos@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8515-9560

С.Г. Карпюк,
д.и.н., г.н.с. отдела сравнительного изучения
древних цивилизаций,
Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

Vestnik drevney istorii
82/1 (2022), 225–226
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/1 (2022), 225–226
© Автор(ы) 2022

ПАМЯТИ РАУФА МАГОМЕДОВИЧА МУНЧАЕВА (23.IX.1928–4.VII.2021)

Наша наука понесла тяжелую утрату – умер Рауф Магомедович Мунчаев, один из самых известных российских археологов, член-корреспондент РАН, много лет возглавлявший Институт археологии РАН.

Рауф Магомедович родился в маленьком городе Закаталы в Азербайджане, в 1949 г. закончил исторический факультет Дагестанского педагогического института и стал аспирантом московского Института истории материальной культуры АН СССР (ИИМК, ныне Институт археологии РАН). По окончании аспирантуры в 1953 г. он в том же институте защитил кандидатскую диссертацию «Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана (III–II тысячелетия до н.э.)». Кавказу была посвящена и его докторская диссертация, «Кавказ эпохи неолита, энеолита и ранней бронзы (VI–III тыс. до н.э.)», защищенная в 1972 г. После защиты кандидатской диссертации он проработал два года в Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР в Махачкале, а затем вернулся в Москву и в 1955 г. был принят в ИИМК, где работал до своей кончины сначала младшим и старшим научным сотрудником, затем заместителем директора по научной работе (1968–1991 гг.) и директором (1991–2003 гг.), а еще позже советником РАН и руководителем группы по изучению археологии Кавказа.

Рауф Магомедович всю жизнь активно занимался полевой археологией. Впервые в полевых исследованиях он участвовал в 1950 г. в составе Дагестанской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, а затем работал на многочисленных памятниках Северного Кавказа; в 1954 г. он впервые возглавил археологическую экспедицию. В 1955–1968 гг. Рауф Магомедович был заместителем руководителя Северокавказской экспедиции и начальником одного из ее отрядов; его раскопки в составе этой экспедиции дали чрезвычайно важные результаты, касающиеся исследования майкопской археологической культуры, в том числе ее контактов с куро-аракской культурой. С середины 1960-х годов Рауф Магомедович расширяет круг своих интересов и, не оставляя Кавказа, начинает все больше заниматься археологией Ближнего Востока. В 1965 г. он работал в составе французской экспедиции в Ай-Ханум (Афганистан), а с 1969 до 2010 г., в течение 40 лет, возглавлял первую советскую (затем российскую) экспедицию в Месопотамии. Экспедиция провела 16 полевых сезонов в Ираке и 22 в Сирии. Изу-

ченные под руководством Р.М. Мунчаева памятники (Ярым Тепе I, II и III, Телль Сотто, Кюль Тепе, Телль Магзалия, Шейх Хомси в Ираке, Телль Хазна в Сирии) охватывают почти непрерывный временной интервал от начала VII тыс. до н.э. (поздний докерамический неолит) до периода, непосредственно предшествующего сложению цивилизации на севере Месопотамии в середине III тыс. до н.э. Эти исследования позволили по-новому взглянуть на такие фундаментальные проблемы, как становление производящего хозяйства и формирование древнейшей цивилизации человечества. Благодаря им российская наука стала одним из мировых лидеров в области месопотамской археологии, и без учета российских публикаций теперь не обходится ни одно серьезное исследование по этой тематике.

Научное наследие Рауфа Магомедовича очень велико – лично или в соавторстве им опубликовано около 400 статей и десяток монографий: «Древнейшая культура Северо-восточного Кавказа» (1961); «Кавказ на заре бронзового века» (1975); «Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии» (1981); «Энеолит Кавказа» (1982); «Куро-аракская культура» (1994); «Майкопская культура» (1994); «An Early Stage in the Evolution of Mesopotamian Civilization» (1993); «Телль Хазна 1, культово-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-восточной Сирии» (два тома, 2004 и 2016). Активно он участвовал и в издательской деятельности – в 1960–1964 гг. был ответственным секретарем журнала «Советская археология», в 1981–2004 гг. заместителем главного редактора 20-томной «Археологии СССР» («Археологии России»).

Заслуги Рауфа Магомедовича были признаны и в России, и за рубежом: он был членом-корреспондентом Российской академии наук (с 2000 г.), Германского археологического института (с 1985 г.), Итальянского института Африки и Востока (с 1993 г.), лауреатом Государственной премии Российской Федерации (1999), был награжден орденами Дружбы и Почета, имел звания заслуженного деятеля науки Дагестанской АССР (1982), РСФСР (1989) и Республики Ингушетия (2008).

Почти тридцать лет Рауф Магомедович был тесно связан с нашим журналом: с 1994 г. он входил в состав редсовета «Вестника древней истории» и часто публиковался в нем.

Смерть Рауфа Магомедовича Мунчаева – большая утрата для российского и мирового научного сообщества и огромная личная боль для всех, кто его знал и кто с ним общался, то есть для нескольких поколений российских археологов и историков. Все мы привыкли к тому, что Рауф Магомедович рядом с нами и с ним можно обсудить любые научные и человеческие проблемы. Его научная эрудиция, его личная порядочность и доброжелательность были причиной того, что его не только уважали, но и любили очень многие. Вклад Рауфа Магомедовича в изучение древнейшей истории Кавказа, Месопотамии и Ближнего Востока очень велик, и результаты его исследований, его публикации, останутся в науке навсегда.

Редколлегия, редсовет и редакция «Вестника древней истории» выражают соболезнования родным и близким Рауфа Магомедовича.

Vestnik drevney istorii
82/1 (2022), 227–230
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/1 (2022), 227–230
© Автор(ы) 2022

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ МОЛЕВ
(18.I.1947–16.VIII.2021)

Не стало Евгения Александровича Молева, известного отечественного специалиста по истории и археологии Северного Причерноморья, профессора кафедры истории Древнего мира и Средних веков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Он скончался 16 августа 2021 г. после тяжелой скоротечной болезни на 75-м году жизни. Это тяжкая невосполнимая утрата для всех, кто знал, уважал и любил Евгения Александровича. Это огромная потеря и для всего российского антиковедения, которому он отдал более полувека своей жизни.

Великий труженик и цельная, харизматическая личность, Евгений Александрович прожил исключительно яркую, насыщенную жизнь, в которой было все, что должен и может сделать беззаветно преданный своему делу ученый и педагог. Его плодотворная профессиональная работа на избранном поприще (причем избранном однажды и навсегда, еще при поступлении на историко-филологический факультет Горьковского университета в 1964 г.) выразилась в успешной защите диссертаций, в многочисленных книгах, статьях, публикациях, снискала ему огромный авторитет среди коллег археологов и историков, закономерно получила официальное признание (включая почетные звания Заслуженного работника высшей школы Российской Федерации и Заслуженного профессора ННГУ). Многолетняя преподавательская деятельность Евгения Александровича, начатая в Белгородском педагогическом институте в 1978 г., а затем успешно продолженная в стенах нижегородской alma mater (с 1992 г.), открыла удивительный мир античной древности многим поколениям студентов, безмерно любившим своего профессора. Из этих студентов выросли успешные и верные ученики, ставшие кандидатами и докторами наук и продолжающие дело своего наставника. Евгения Александровича помнят и многие благодарные диссертанты, на защитах которых с неизменной доброжелательностью он оппонировал. С его именем связаны поддержанные им и возрожденные или вновь заложенные традиции в тех коллективах, в которых он трудился и которыми руководил: он был начальником Китейской археологической экспедиции, заведовал кафедрами всеобщей истории в Белгородском пединституте в 1986–1992 гг., истории Древнего мира и Средних веков ННГУ в 1997–2005 гг., созданной им кафедрой археологии,

искусствоведения и музеологии ННГУ в 2011–2014 гг., а также по совместительству – кафедрой всеобщей истории в Нижегородском государственном педагогическом университете в 1996–2002 гг. Он дважды избирался деканом исторического факультета ННГУ (2002–2012 гг.) и очень многое сделал для развития исторического образования и науки в Нижнем Новгороде, упрочив позиции родного факультета в российском научно-образовательном пространстве. Личные усилия и лидерские качества профессора Е.А. Молева как многоопытного практикующего археолога во многом обеспечили сплочение нижегородского археологического сообщества, деятельность которого стала более скоординированной и продуктивной, в том числе благодаря инициированным им периодическим изданиям («Нижегородские исследования по краеведению и археологии» и «Культурный слой») и регулярной археологической конференции памяти В.Ф. Черникова. Евгений Александрович был членом редколлегий нескольких научных журналов, экспертом РФФИ, входил в состав диссертационных советов. По его инициативе и под его редакцией изданы десятки сборников научных трудов, материалов конференций, монографий. Он много выступал в печатных и электронных СМИ, увлекательно популяризируя классическую археологию и историческую науку.

В числе инициированных и подготовленных им изданий – серия воспоминаний выпускников-историков ГГУ/ННГУ, материалы по истории факультета и исторической науки в ННГУ. Как никто другой, он стремился сберечь память об учителях, коллегах и выпускниках-историках, которые трудились и трудятся в самых разных сферах. Сам Евгений Александрович всегда оставался верен памяти своего горячо почитаемого учителя профессора В.Г. Боруховича и других наставников (В.Ф. Гайдукевича, Н.Л. Грач, С.С. Бессоновой), благодаря которым произошло его становление как археолога и историка античного Боспора. Он был настоящим собирателем и хранителем памяти тех коллективов, где работал. Показательно, что, придя в Белгородский пединститут, он занимался созданием музея истории института, а работая в ННГУ, издавал (чаще всего на собственные средства) буклеты и сборники к юбилеям коллег, опубликовал «Иллюстрированную хронику Китейской экспедиции», а в курсе «Введение в специальность “История”», который читал первокурсникам, значительную часть отводил истории исторической науки и ее представителям в Нижегородском университете.

Так сложилось, что жизненный путь Евгения Александровича после обучения в Горьковском государственном университете (1964–1968 гг.) распадается на три основных этапа: крымский, белгородский и нижегородский. Прологом первого стало участие в раскопках греческих городов Мирмекия в составе Боспорской экспедиции профессора В.Ф. Гайдукевича и Нимфея под руководством Н.Л. Грач. По окончании университета Евгений Александрович был принят на работу в Керченский историко-археологический музей, где он трудился (с перерывом в два года) до 1976 г., став научным сотрудником, а затем заведующим отделом древней истории и приступив к раскопкам на городище боспорского города Китея, что находится на берегу моря в 40 км от Керчи. В 1977–1978 гг. он возглавлял отдел археологии Анапского краеведческого музея. За эти годы он подготовил, как это называлось тогда, «без отрыва от производства» и успешно защитил в Ленинградском университете кандидатскую диссертацию «Черноморская держава Митридата Евпатора» (1977 г., научный руководитель – профессор В.Г. Борухович).

Затем был Белгородский педагогический институт, на созданном историческом факультете которого Евгений Александрович прошел путь от ассистента до доцента и первого заведующего новооткрытой кафедрой всеобщей истории, оставив за 14 лет работы не только добрую, можно сказать, легендарную память, подобно основателю-ойкисту, но и работоспособный научно-педагогический коллектив, продолжающий заложенные им традиции.

В 1992 г. появилась возможность вернуться в родной Нижегородский университет, на кафедру истории Древнего мира и Средних веков, в работу которой он энергично включился. Несмотря на большую учебную нагрузку и ежегодные полевые сезоны в Крыму, а главное, наперекор многомесячной тяжелой болезни, которая грозила полным параличом, Евгений Александрович завершает работу над докторской диссертацией, посвященной Боспорскому царству в эллинистическую эпоху, и защищает ее в 1995 г. в диссертационном совете ННГУ.

Все эти три этапа объединяет Китейская экспедиция в Крыму, которая была организована в 1970 г. Керченским музеем. Став ее начальником в 1975 г., Евгений Александрович бессменно руководил ею на протяжении почти 40 лет, успешно преодолевая всевозможные

препятствия: нехватку или полное отсутствие финансирования, бюрократические препоны, природные катаклизмы. «Свой до камешка знакомый град Китей» всегда оставался для него любимым объектом исследования и был, без сомнения, делом всей жизни, а для многих десятков (если не сотен) людей, прошедших через незабываемые китейские сезоны и ставших верными гражданами «общины китейцев», этот древний город стал важной частью их жизни – и прежде всего благодаря воодушевляющему влиянию Е.А. Молева, бессменного «архонта» Китея.

В последние годы, уже не имея возможности выезжать в поле, Евгений Александрович подытожил материалы многолетних раскопок в капитальных монографиях: две были опубликованы как Supplementa «Боспорских исследований» (Молев Е.А. *Боспорский город Китей*. Симферополь–Керчь, 2010; Молев Е.А., Молева Н.В. *Боспорский город Китей*. Часть II. Симферополь–Керчь, 2016), а третью он, к счастью, успел дописать и готовил к изданию (и она непременно выйдет в свет). Благодаря этим изданиям и многочисленным статьям Евгения Александровича десятки тысяч находок теперь представлены в систематизированном виде и станут достоянием специалистов-археологов, а исследования Китея (хотя он теперь относится к числу наиболее полно изученных малых боспорских городов) продолжатся и впредь, ибо работы – а значит, и новых важных открытий – предстоит еще немало.

Научную работу Е.А. Молева характеризует нерасторжимое двуединство полевого археолога и историка с широким кругозором. В обеих этих ипостасях его отличали неистощимая увлеченность исследуемым предметом, поразительные целеустремленность и упорство в научном поиске. Благодаря этим качествам он преодолевал любые трудности, как это было, например, в случае с надписью в честь Митридата Евпатора, которую Евгений Александрович нашел на некрополе Нимфея в декабре 1976 г. и потом нес этот довольно тяжелый постамент на себе 4 км вдоль берега моря, в результате чего простудил правое ухо и оказался в больнице, где и приступил к изучению надписи, которая стала одним из источников его диссертации.

Как историк Е.А. Молев исследовал событийную, прежде всего политическую, историю древнего Боспора и других частей античного мира и, отлично зная литературные и эпиграфические свидетельства, предлагал их оригинальные интерпретации. В своих исторических исследованиях он на протяжении многих лет оставался верен теме политической истории Боспора и своему излюбленному герою – Митридату VI Евпатору, которому посвятил множество статьей и две книги: «Митридат Евпатор. Создание Черноморской державы» (Саратов, 1976) и «Властитель Понта» (Нижний Новгород, 1995). В поле его внимания были и разнообразные сюжеты социальной, хозяйственной, культурной и этнической истории Северного Причерноморья, проблемы греко-варварских взаимоотношений – все они отражены в его книге «Боспорские древности. Проблемы политической, социальной и культурной истории античного Боспора» (Нижний Новгород, 2017), в научно-популярной книге «Эллины и варвары на северной окраине античного мира» (М., 2003) и множестве других публикаций. Эти работы, общее число которых перевалило за три сотни, являются заметным вкладом в изучение античного Причерноморья и, несомненно, будут востребованы последующими поколениями исследователей.

Во всех этих трудах, включая работу в поле и музейных хранилищах, подготовку монографий и многих статей, соработницей Евгения Александровича была его замечательная супруга Наталья Владимировна Молева, тоже археолог, специалист по Северному Причерноморью. Они неразлучно шли по жизни еще со студенческих лет, деля радости и невзгоды и являя собой неподражаемый семейный и творческий профессиональный союз. В памяти друзей навсегда останется радушно-хлебосольное гостеприимство четы Молевых в их уютной квартире на Казанском шоссе и та необыкновенная аура веселого, душевно-щедрого общения, которую они создавали. Встречи с друзьями всегда были для них первейшей ценностью. Евгений Александрович всегда был легок на подъем, много ездил по стране, ближнему и дальнему зарубежью: как непременный участник научных конференций, как оппонент, как многолетний председатель ГАК в Кабардино-Балкарском университете и как турист, регулярно ездивший вместе с Натальей Владимировной не только в Турцию и Египет, но и в США и европейские страны.

Во всех областях профессиональной и общественной деятельности Евгения Александровича большую роль играло поразительное человеческое обаяние его личности. Редкостный дар общения, неизменная доброжелательность и исключительная порядочность, готовность

помочь и поддержать, жизнелюбие и прекрасное чувство юмора – всё это делало его душой любого коллектива. Его всегда окружало множество добрых друзей, как в родных пенатах, в столицах и провинциальных центрах, так и за рубежом. Он был действительно очень светлым человеком. И память о нем будет живой и светлой.

Alexander V. Makhlayuk,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia
E-mail: makhl@imomi.unn.ru
ORCID: 0000-0002-7758-2374

А.В. Махлаюк,
д.и.н., зав. кафедрой истории Древнего мира и Средних веков ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

ПРИЛОЖЕНИЕ

Vestnik drevney istorii
82/1 (2022), 231–251
© The Author(s) 2022

Вестник древней истории
82/1 (2022), 231–251
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.31857/S032103910014690-2

ΕΛΛΑΝΙΚΟΥ ΤΟΥ ΛΕΣΒΙΟΥ ΑΠΟΣΠΑΣΜΑΤΑ

ГЕЛЛАНИК ЛЕСБОССКИЙ ФРАГМЕНТЫ

(Перевод с древнегреческого и комментарий И. Е. Сурикова)

От переводчика

Гелланик, гражданин Митилены (см. свидетельство T1), родился в 496 г. до н.э. (см. свидетельство T3), а скончался не ранее 407/406 г. до н.э. (см. фрагменты F171–F172). Таким образом, он прожил весьма долгую жизнь и создал множество исторических сочинений. Пожалуй, другого такого же плодовитого автора в V в. до н.э. мы не найдем.

Ф. Якоби более века назад[1] предложил делить наследие Гелланика на три тематические группы, и эта классификация его произведений остается общепринятой. К первой группе (мифография) относят трактаты «Форонида» в двух книгах, «Девкалиония» в двух книгах, «Атлантида» в двух книгах, «Асопида», «Троянские дела» в двух книгах; ко второй (хорография и этнография) – трактаты «Эолийские дела» в двух книгах, «Лесбосские дела» в двух книгах, «Арголидские дела», «Об Аркадии», «Аттида» в двух книгах, «Беотийские дела», «Фессалийские дела», «Египетские дела», «Восхождение к святилищу Аммона», «Кипрские дела», «Лидийские дела», «Персидские дела» в двух книгах, «Скифские дела», «Об основании Хиоса», «Варварские обычаи»; к третьей (хронология) – трактаты «Жрицы Геры, что в Аргосе» в трех книгах, «Карнеоники».

По всей видимости, эти три группы трудов и создавались именно в таком порядке. Иными словами, в начале карьеры приоритетной тематикой историка была мифография, затем он увлекся хорографией, а в конце жизни стал серьезно заниматься проблемами хронологии. В подобной эволюции, как в зеркале, отразился общий процесс развития греческого историописания в V в. до н.э. (Ферекид Афинский – Геродот – Фукидид).

Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта 19-09-00022а «“Праотцы истории”: древнейшие представители античной исторической науки».

[1] Jacoby 1912, 112–113.

Гелланик – чрезвычайно значимая фигура в раннем греческом историописании. Все в общем согласны с тем, что в V в. до н.э. он являлся одним из трех самых крупных в Элладе историков; два остальных – это, само собой, Геродот и Фукидид. Самый значительный вклад Гелланика в развитие древнегреческой историографии всеми справедливо связывается с его штудиями в области хронологии[2]. Здесь он был, в полном смысле слова, первопроходцем, а появление его трактата «Жрицы Геры, что в Аргосе» (в ссылках античных авторов на него, нередко фигурирующего просто как «Жрицы», Ἱέρειαι) стало, несомненно, этапной вехой. Новшество Гелланика в «Жрицах» заключалось в том, что он начал проводить синхронизацию эпонимных магистратов различных государств греческого мира, а в качестве «камертона» для такой синхронизации выбрал список верховных жриц аргосского Герайона, ведшийся со времен незапамятных (в ранней своей части, естественно, полулегендарный).

Последним, итоговым трудом Гелланика стала «Аттида», в котором, насколько можно судить, автором осуществлялся определенный синтез его мифографических, хорографических и хронологических штудий. «Аттида» стала воистину событием в греческом историописании, привлекла большое внимание современников, породила когорту подражателей и продолжателей. С ней Гелланик оказался основоположником нового жанра – аттидографии (трактаты по локальной истории Афин и Аттики). В дальнейшем в этом жанре работали коренные афиняне, но характерно, что первым его представителем был пришлец-лесбосец.

Научные интересы Гелланика отличались большой широтой – в том числе и в географическом отношении. В сохранившихся фрагментах мы найдем сведения о регионах в самых разных концах ойкумены – от Египта до Скифии, от Персии до Италии. Кстати, именно у этого автора мы встречаем самое раннее во всей античной литературе упоминание Рима (с оригинальной версией, согласно которой Город был основан непосредственно Энеем).

Гелланик – единственный историк, упомянутый самим Фукидидом[3] (свидетельство T16), глубоко презиравшим всех своих предшественников. Его отзыв о Гелланике также пренебрежителен; но ведь остальные коллеги Фукидида (даже Геродот) не удостоились от него хотя бы и такой характеристики.

Перевод выполнен по классическому изданию: Jacoby F. *Die Fragmente der griechischen Historiker (FGrHist)*. Tl. 1: *Genealogie und Mythographie*. A. Vorrede, Text, Addenda, Konkordanz. Leiden–New York–Köln, 1995 (репринтное воспроизведение издания 1957 г.; далее – *FGrHist*. IA). Номер Гелланика в *FGrHist* – 4.

Для «Аттиды» Гелланика использовался также другой том издания Ф. Якоби: Jacoby F. *Die Fragmente der griechischen Historiker (FGrHist)*. Tl. 3: *Geschichte von Staedten und Voelkern (Horographie und Ethnographie)*. B. Autoren ueber einzelne Staedte (Laender). Nr. 297–607. 3 Aufl. Leiden–New York–Köln, 1993 (репринтное воспроизведение издания 1964 г.; далее – *FGrHist*. IIIB). В этом томе номер Гелланика – 323a; номера свидетельств и фрагментов отличаются от номеров в *FGrHist*. IA (в таких случаях нами указывались оба номера). В случае текстуальных расхождений нами отдавалось предпочтение чтениям в *FGrHist*. IIIB как более позднем томе.

Использовалось также новое издание: Fowler R.*L*. *Early Greek Mythography*. I. *Texts*. II. *Commentary*. Oxford, 2007–2013 (далее – *EGM*). Добавленный в нем новый материал (его не очень много) мы приводим в конце, отдельными addenda. Также все случаи сколько-нибудь влияющих на смысл текстуальных расхождений между изданиями Гелланика в *FGrHist* и *EGM* мы оговариваем в примечаниях.

---

[2] Möller 2007.
[3] Lendle 1968; Smart 1986.

Литература / References

Jacoby, F. 1912: Hellanikos. In: *RE*. Hbd. 15. Stuttgart, 104–153.
Lendle, O. 1968: Die Auseinandersetzung des Thukydides mit Hellanikos. In: H. Herter (Hg.), *Thukydides*. Darmstadt, 661–682.
Möller, A. 2007: The beginnings of chronography: Hellanicus' *Hiereiai*. In: N. Luraghi (ed.), *The Historian's Craft in the Age of Herodotus*. Oxford, 241–262.
Smart, J.D. 1986: Thucydides and Hellanicus. In: I.S. Moxon, J.D. Smart, A.J. Woodman (eds.), *Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing*. Cambridge, 19–35.

ГЕЛЛАНИК ЛЕСБОССКИЙ

СВИДЕТЕЛЬСТВА

T1 (= *FGrHist*. IIIB. 323a. T1): «Суда»[4], статья «Гелланик». Митиленянин[5], историк. Сын Андромена, а по мнению некоторых – Аристомена, а по мнению других – Скамона[6] (он имел сына с таким же именем[7]). Гелланик с Геродотом жил у Аминты, царя македонян[8], во времена Еврипида и Софокла[9]; и он непосредственно следовал за Гекатеем Милетским[10], родившись[11] во время Персидских войн[12] или[13] немного раньше. А дожил

[4] Известный византийский энциклопедический словарь, датирующийся обычно X в. Произведение анонимное; иногда встречающиеся в отечественной литературе ссылки на некоего Свиду как автора этого лексикона являют собой плод недоразумения.

[5] Хотя Гелланик был уроженцем и гражданином Митилены, но, кажется, нигде в источниках, кроме «Суды», не фигурирует как Гелланик Митиленский, всегда как Гелланик Лесбосский.

[6] Судя по всему, именно этот вариант имени отца Гелланика является верным (Скамон – уменьшительное от популярного на Лесбосе имени Скамандроним).

[7] Известен историк Скамон Митиленский, писавший в IV в. до н.э. Соблазн отождествить его с тем самым сыном Гелланика, который упомянут в «Суде», по понятным причинам настолько велик, что Ф. Якоби, например, от него не удержался. Нам это кажется не столь безусловно очевидным: коль скоро сам Гелланик появился на свет в начале V в. до н.э., его сын, чтобы работать в следующем столетии, должен был родиться у него в слишком уж пожилом возрасте. В одном, думается, сомневаться вряд ли уместно: в том, что Скамон был если и не сыном Гелланика, то, во всяком случае, его потомком, принадлежал к той же самой семье, в которой, выходит, «ремесло историка» было наследственным.

[8] Указание на имя царя, при котором Гелланик и Геродот посетили Македонию, содержит явную ошибку. Аминта I скончался в самом начале V в. до н.э., а Аминта II и Аминта III правили уже в IV в. до н.э. Из сказанного, впрочем, не вытекает, что следует отрицать сам факт визита, о котором идет речь. По всей видимости, два историка побывали в Македонии в царствование Александра I, в конце 460-х или первой половине 450-х годов до н.э.

[9] Якоби допускает, что правильным чтением может быть «а был он во времена Еврипида и Софокла», т.е. эта датировка относится к деятельности Гелланика в целом, а не к одному конкретному событию – его визиту в Македонию.

[10] Гекатей Милетский (вторая половина VI – начало V в. до н.э.) – крупнейший из ранних историков, предшественников Геродота.

[11] Поправка Якоби. В тексте – «родившимся». Тогда это относилось бы не к Гелланику, а к Гекатею, что очевидным образом неверно: ко времени начала Греко-персидских войн Гекатей был уже зрелым мужем, авторитетным интеллектуалом.

[12] «Персидские (Мидийские) войны» в узком смысле – поход Ксеркса на Грецию в 480–489 гг. до н.э. Гелланик в действительности родился несколько раньше (в 496 г. до н.э., как обычно считается).

[13] Поправка Якоби; в тексте «и».

он даже до времен Пердикки[14] и скончался в Перперене, что напротив Лесбоса[15]. Написал же он очень много сочинений, как в прозе, так и в стихах.

T2: Страбон[16], XIII. 2. 4. И Гелланик Лесбосский, историк.

T3 (= *FGrHist*. IIIB. 323a. T5): Авл Геллий[17], «Аттические ночи», XV. 23. Гелланик, Геродот, Фукидид, авторы исторических сочинений, пользовались огромной славой примерно в одни и те же времена и относились к не слишком отдаленным друг от друга поколениям. Ведь, кажется, Гелланику в начале Пелопоннесской войны было шестьдесят пять лет от роду, Геродоту – пятьдесят три, Фукидиду – сорок. Это написано у Памфилы в одиннадцатой книге[18].

T4. a) (= *FGrHist*. IIIB. 323a. T3): Евсевий[19], «Хроника», под 1-м годом 70-й олимпиады[20]. Историограф Гелланик, философ Демокрит, Гераклит...[21] и физик Анаксагор приобретают известность.

b) Георгий Синкелл[22], «Хронографическая эклога», I. 452, 14 ed. Bonn[23]. Демокрит...[24] и Гераклит... и Анаксагор, физики, были в расцвете. Историк Гелланик становился известным[25].

T5 (= *FGrHist*. IIIB. 323a. T2a): Дионисий Галикарнасский[26], «О Фукидиде», 5. Итак, до Пелопоннесской войны существовало много древнейших историков, и в разных местах; среди них... и Гекатей Милетский... А немного более старшими по сравнению с пелопоннесскими событиями[27], но дожившими до поколения Фукидида, были и Гелланик Лесбосский...

---

[14] Пердикка II, сын Александра I, царь Македонии в 454–413 гг. до н.э. На самом деле Гелланик не только дожил до Пердикки, но и пережил Пердикку. Фрагменты F171 и F172 демонстрируют, что он был еще жив и писал трактат «Аттида» в 407/406 г. до н.э., а в Македонии тогда правил уже следующий царь Архелай.

[15] Эти данные о смерти Гелланика в местечке Перперена, в материковых владениях Лесбоса (в так называемой перее), представляются аутентичными. Ср. их курьезное искажение в свидетельстве T7.

[16] Известнейший географ (и историк) времени начала Римской империи.

[17] Известный римский эрудит II в. н.э.

[18] Хотя ссылка здесь дана на Памфилу, писательницу I в. н.э., но, согласно общему мнению, приведенные Геллием датировки восходят в конечном счете не к кому иному, как к Аполлодору Афинскому. Таким образом, эти датировки (согласно им, Гелланик родился в 496 г. до н.э., Геродот – в 484 г. до н.э., Фукидид – в 471 г. до н.э.) подкрепляет колоссальный авторитет этого блистательного специалиста именно в области хронологии.

[19] Евсевий Кесарийский – крупнейший христианский историк IV в.н.э.

[20] 500/499 г. до н.э.

[21] В *EGM* после слова «Гераклит»: «по прозвищу “Темный”».

[22] Известный византийский хронист VIII–IX вв.

[23] Для этого свидетельства Якоби дает также ссылку: Cyrill. Contra Iulian. I, p. 13 Spanh. zu ol. 70 (сочинение «Против Юлиана» Кирилла Александрийского, известного христианского деятеля V в.).

[24] В *EGM* после слова «Демокрит»: «абдерит, физический философ». После слова «Гераклит»: «называемый Темным».

[25] Это свидетельство (в обоих своих вариантах) мало чем помогает, поскольку в хронологическом плане содержит путаницу: в нем с Геллаником сопоставлены по времени жизни три философа, которые сами отнюдь не являлись ровесниками. В 500/499 г. до н.э. Гераклит достиг акме, Анаксагор как раз только что родился, а Демокриту еще не скоро предстояло появиться на свет. Данные о расцвете Гелланика в это время тоже неверны (см. наиболее вероятную датировку его рождения в свидетельстве T3).

[26] Известнейший греческий ритор и историк времен начала Империи. В его трактате «О Фукидиде» содержатся наиболее ценные свидетельства о первых поколениях древнегреческих историков.

[27] Т.е. с Пелопоннесской войной.

T6 (= *FGrHist*. IIIB. 323a. T4): Аноним, «Жизнеописание Еврипида», p. 2, 5 Schwartz. ...Что родился он[28] в тот же день, в который и Гелланик[29], – в день, когда эллины победили в морской битве при Саламине[30].

T7: Стефан Византийский[31], статья «Парпарон». Эолийское местечко[32] в Азии; там, как рассказывают, скончался Фукидид[33]. Так говорит Аполлодор[34] во 2-й книге «Хроники». А некоторые называют его Перпериной[35].

T8 (= *FGrHist*. IIIB. 323a. T6): Псевдо-Лукиан, «Долгожители»[36], 22. А из прозаиков... Гелланик Лесбосский – восемьдесят пять. И Ферекид Сиросский[37] – подобным же образом восемьдесят пять[38].

T9: «Суда», статья «Дамаст». ...А был он[39] учеником Гелланика.

T10: «Каноны писателей»[40], таблица С. 10 историков: Фукидид, Геродот, Ксенофонт, Филист[41], Феопомп[42], Эфор, Анаксимен[43], Каллисфен[44], Гелланик, Полибий.

T11: Дионисий Галикарнасский, «О Фукидиде», 9. А начну я с разделения, сказав прежде всего, что хотя историки, которые были до него[45], разделяли изложение или по местам, или по временам, чему легко следовать, он не принял никакого из этих разделений. Ведь он не разделил свое повествование согласно местам, в которых происходили события, как делали и Геродот, и Гелланик, и некоторые другие из историков, что были до него; не разделил и по временам, как предпочли те, кто издавал местную историю, или же те, кто разделял изложение по преемствам царей или жрецов, либо по периодам олимпиад или по должностным лицам, назначаемым на годичные должности.

---

[28] Еврипид.

[29] Эмендация издателей, место несколько испорчено.

[30] 480 г. до н.э. Эта информация тоже неверна.

[31] Стефан Византийский жил в VI в.н.э., написал известный лексикон «Этника» о географических названиях.

[32] Поправка издателей; в тексте – «эолийская область».

[33] Явная ошибка: имеется в виду, конечно же, не Фукидид, а Гелланик (ср. упоминание в свидетельстве T1 о его смерти в Перперене).

[34] Аполлодор Афинский. Но не думаем, что он мог допустить такую грубейшую погрешность. Очевидно, появление здесь «Фукидида» – всецело на совести если не самого Стефана Византийского, то кого-либо из авторов-посредников.

[35] «Перпериной» или «Перпереной» – поправки издателей из неверного рукописного «Периной».

[36] Трактат, сохранившийся в корпусе сочинений Лукиана (II в. до н.э.), но в действительности ему не принадлежащий.

[37] Теолог и «протофилософ», который действовал не позже середины VI в. до н.э. и, видимо, одним из первых в Греции писал прозой.

[38] Указано число прожитых лет. Гелланик на самом деле прожил даже дольше – не менее 90 лет.

[39] Дамаст Сигейский, историк второй половины V в. до н.э. В *EGM* перед словами «а был он»: «сигеянин... современник Геродота».

[40] «Каноны писателей» (Canones scriptorum) – анонимный позднеантичный текст со списками величайших авторов в разных родах литературы.

[41] Поправка издателей из неверного рукописного «Филипп». Филист – видный сицилийский историк IV в. до н.э.

[42] Феопомп Хиосский – один из крупнейших историков IV в. до н.э., представитель риторической историографии, как и Эфор из Кимы, упоминающийся далее.

[43] Анаксимен Лампсакский (не путать с философом Анаксименом Милетским) – историк и ритор IV в. до н.э.

[44] Каллисфен Олинфский – племянник Аристотеля, известный историк. Участвовал в походе Александра Македонского, но был казнен царем за оппозиционное отношение к насаждению при дворе персидского церемониала.

[45] Фукидида.

T12 (= *FGrHist*. IIIB. 323a. T2b): Дионисий Галикарнасский, «Письмо к Помпею», 3. 7. Действительно, Геродот[46] поступил не так[47] – его не отвратило то, что бывшие до него прозаики Гелланик и Харон[48] уже издали сочинения на ту же тему; напротив, он верил, что сам произведет нечто лучшее – и он это сделал.

T13: Агафемер[49], «Очерк географии», I. 1. Ведь Гелланик Лесбосский, муж многосведущий во многих отношениях, просто дал повествование[50].

T14: Цицерон, «Об ораторе», II. 51–53. И сами греки вначале имели обыкновение писать так, как наш Катон, как Пиктор, как Пизон. Ведь история тогда была не более чем составлением летописей... Этого однообразия в манере писать придерживались многие, оставившие после себя – без всяких прикрас – только упоминания о временах, людях, местах и деяниях; поэтому каковы были у греков Ферекид[51], Гелланик, Акусилай[52] и весьма многие другие – таковы наш Катон, Пиктор и Пизон[53].

T15: Гермоген[54], «Об идеях», II. 12, p. 412, 1 Rabe. А писать о Феопомпе, Эфоре, Гелланике, Филисте и им подобным мне показалось излишним, и прежде всего потому, что на основании рассуждения о видах речей и того, что сказано об отдельных авторах, думаю, нетрудно было бы и их охарактеризовать, а к тому же с точки зрения рвения и стремления подражать их виды речей не очень-то ценятся у эллинов (а скорее – не ценятся вообще, насколько мне известно), в отличие от других, таких как Фукидид, Геродот, Гекатей, Ксенофонт и прочие.

T16 (= *FGrHist*. IIIB. 323a. T8): Фукидид, I. 97. Вот чего они[55] достигли в войне и в управлении делами между этой войной и мидийской, что у них было в отношениях и с варварами, и с собственными бунтовавшими союзниками, и с теми пелопоннесцами, которые постоянно участвовали во всех этих делах. А написал я это и сделал такое отступление потому, что у всех моих предшественников это место было оставлено без внимания и они описывали или эллинские дела до мидийских войн, или сами мидийские войны. Тот же из них, кто все-таки коснулся его в сочинении об Аттике – Гелланик,– упомянул о нем лишь кратко и без аккуратности в хронологии. Также мой труд содержит описание державы афинян – каким образом она возникла.

---

[46] В *EGM* перед словами «действительно, Геродот»: «А насколько лучше сочинение, описывающее удивительные деяния и эллинов, и варваров, чем то, которое повествует о сожаления достойных и ужасных страданиях эллинов, – настолько разумнее Геродот Фукидида в выборе предмета. Ведь ни в коей мере нельзя сказать, что последний по необходимости пришел к своему сочинению, зная, что первое лучше, но не желая писать то же, что и другие; совсем наоборот – он во вступлении поносит старинные деяния и говорит, что самые великие и удивительные – это те, которые совершились при нем; и ясно, что он выбрал их по доброй воле».

[47] Не стал принижать деяния древности, в отличие от Фукидида.

[48] Поправка издателей из рукописного «Херон». Харон Лампсакский – старший современник Геродота, автор трудов «Летописи лампсакийцев», «Основания городов», «Персидские дела» и др.

[49] Второстепенный греческий географ римского времени.

[50] По контексту – в отличие от Гекатея, который сопроводил свой труд картой.

[51] Видимо, имеется в виду не Ферекид Сиросский, а Ферекид Афинский – историк первой половины V в. до н.э.

[52] Акусилай Аргосский (VI в. до н.э.), – похоже, самый ранний представитель греческого историописания.

[53] С древнейшими греческими историками Цицерон сопоставляет (и, в общем-то, небезосновательно) римских историографов III–II вв. до н.э. Фабия Пиктора, Катона Старшего, Пизона Фруги.

[54] Гермоген Тарсийский, выдающийся теоретик риторики (рубеж II–III вв. н.э), особенно почитавшийся в византийское время.

[55] Афиняне.

T17: Порфирий[56], у Евсевия, «Приготовление к Евангелию», X. 3, p. 466b. И зачем мне вам говорить, будто «Варварские обычаи» Гелланика составлены из сочинений Геродота и Дамаста[57]?

T18: Иосиф Флавий, «Против Апиона», I. 16[58]. Может быть, я напрасно учу тех, кто знает лучше меня, в чем Гелланик не соглашается с Акусилаем относительно генеалогий...[59] или каким образом Эфор доказывает, что Гелланик в большинстве случаев сообщал ложные сведения.

T19: Страбон, I. 2. 35. А Феопомп честно признаётся, говоря, что в своих исторических сочинениях будет рассказывать и мифы; это лучше, чем поступать так, как Геродот, Ктесий[60], Гелланик и те, кто описывал индийские дела.

T20: Авиен[61], «Морские берега», 41.

...Много почерпнули мы,
Связав, из разных мест. И был средь авторов,
Конечно, Гекатей Милетский – самый тот;
Гелланик был Лесбосский...

T21 (= *FGrHist*. IIIB. 323a. T7): Климент Александрийский[62], «Строматы», VI. 26. 8, p. 443, 4 Stäh. Ведь у Мелесагора[63] воровали... и Гелланик, и Гекатей, и Андротион[64], и Филохор[65]...

T22: Страбон, XIII. 1. 42. А Гелланик, угождая илионянам,– «дух уж таков у него»[66]...

T23: Страбон, X. 2. 6. Гелланик... показывающий[67] величайшую небрежность почти во всем им написанном...

T24: Страбон, XI. 6. 3. Уж скорее кто-нибудь сможет поверить Гесиоду и Гомеру, когда они рассказывают о героях, или авторам трагедий, чем Ктесию, Геродоту, Гелланику и другим писателям такого рода.

---

[56] Известный философ-неоплатоник III–IV вв. н.э., энциклопедист.

[57] Поправка издателей, у Евсевия неверное «Дамаса».

[58] Для этого свидетельства Якоби дает также ссылку: Euseb. *Praep. evang*. X. 7, p. 478c (вновь «Приготовление к Евангелию» Евсевия Кесарийского).

[59] В *EGM* после слов «относительно генеалогий»: «а в чем Акусилай исправляет Гесиода». После слов «ложные сведения»: «а об Эфоре то же говорит Тимей, а о Тимее – те, кто был после него, о Геродоте же – все. Но и Тимей относительно сицилийских дел с не пожелал согласиться такими людьми, как Антиох, Филист или Каллий, и авторы “Аттид” не следуют друг другу относительно аттических дел, и те, кто писал историю Аргоса – относительно арголидских».

[60] Ктесий Книдский (рубеж V–IV вв. до н.э.), историк, чьи труды, посвященные странам Востока, пользовались невысокой репутацией и считались собранием вымыслов и сказочных побасенок.

[61] Руф Фест Авиен – римский географ IV в. н.э. «Морские берега» – одна из его ученых поэм, сохранившаяся фрагментарно.

[62] Известнейший раннехристианский богослов (II–III вв.), отличавшийся симпатиями к античной учености (вполне проявившимися в его главном труде «Строматы») и эрудицией.

[63] Мелесагор (Амелесагор) Халкедонский Дионисием Галикарнасским отнесен к группе древнейших историков. Однако ныне принято считать, что приписанное ему сочинение является фальсификатом времен поздней классики или эллинизма.

[64] Андротион – афинский историк и политик середины IV в. до н.э., автор одной из наиболее известных «Аттид».

[65] Видный афинский историк эпохи раннего эллинизма, «последний аттидограф».

[66] Скрытая цитата из Гомера (*Il*. XV. 94), которая у Страбона несколько искажена. В *EGM* после этого: «защищает мнение, что нынешний город является тем же самым, что и тогдашний».

[67] В *EGM* перед словом «показывающий»: «перечисляет Макинию и Моликрию среди древних (городов. – *И. С.*)».

T25: Арриан, «Беседы Эпиктета»[68], II. 19. 7. Кто был отцом Гектора? – Приам.– Кто его братья? – Александр и Деифоб.– А мать их кто? – Гекаба[69].– От кого ты узнал[70] эту историю? – От Гомера. Но о том же самом пишет, мне кажется, и Гелланик, да и кто угодно из таких писателей.

T26: Арриан, «Беседы Эпиктета», II. 19. 11 sqq. И тут не великое дело – историю знать, а собственного мнения для себя не выработать. А в нравственных вопросах мы страдаем от этого гораздо больше, чем в таких.– Скажи мне о добре и зле.– Слушай: «Ветер от стен Илиона привел нас к граду киконов»[71]. Из всего, что существует, одно является добром, другое – злом, третье – безразличным...[72] – Откуда ты знаешь? – Гелланик говорит в «Египетских делах»[73]. – Но какая разница, если бы я сказал не это, а «Диоген в “Этике”», или «Хрисипп», или «Клеанф»[74]?

T27: Плиний Старший[75], «Естественная история», I. 4–6. Страны света, роды, моря, города, гавани, горы, реки, расстояния, народы, которые существуют или существовали... из авторов... чужеземных: Полибия, Гекатея, Гелланика, Дамаста, Евдокса[76], Дикеарха[77].

T28: Плиний Старший, «Естественная история», I. 7. ...О самых длинных[78] сроках жизни... из авторов... чужеземных... Гесиода, Анакреонта[79], Феопомпа, Гелланика, Дамаста, Эфора...

T29: Фотий[80], «Библиотека», кодекс 161, p. 104a11. А еще та же самая речь[81] включает выдержки и из сочинения Элия Дия[82] «Об Александрии», и из «Египетских дел» Гелланика, из которых автор собрал много мифического, вымышленного и разного иного, что ты найдешь в конце шестой речи.

T30: «Греческие надписи», II². 2363[83]. Демосфена «Против...», ...Гелланика, ...Дифила «Закалываемый»...

---

[68] Одним из произведений Флавия Арриана, видного римского государственного деятеля II в. до н.э. и писателя (писавшего на греческом языке), была запись наставлений его учителя – философа-стоика Эпиктета, который сам письменных сочинений не оставил.

[69] Именно так у большинства греческих авторов пишется имя супруги Приама, которая лучше известна нам как Гекуба.

[70] Поправка Якоби из рукописного «я узнал».

[71] Hom. *Od*. IX. 39. «Одиссея» цитируется в переводе В.А. Жуковского.

[72] В *EGM* после слов «третье безразлично»: «Итак, добро – это добродетели и то, что к ним относится, а зло – пороки и то, что относится к порочности, безразличное же – то, что между тем и другим: богатство, здоровье, жизнь, смерть, наслаждение, страдание». Здесь излагается известная этическая теория стоицизма.

[73] Характерно, что в число фрагментов, сохранившихся от трактата Гелланика «Египетские дела», Якоби данный пассаж не включает. Следовательно, он не считает свидетельство Эпиктета – Арриана достоверным, но для полноты данных приводит и его, поскольку в нем упомянут Гелланик.

[74] Диоген Вавилонский, Хрисипп, Клеанф – эллинистические философы, виднейшие представители стоической школы.

[75] Знаменитый римский энциклопедист I в. н.э. Приведенные свидетельства – из начала его фундаментального труда «Естественная история», из того пассажа, в котором перечисляются источники, использованные ученым.

[76] Евдокс Книдский, разносторонний ученый IV в. до н.э.

[77] Дикеарх Мессенский – писатель-эрудит рубежа классической и эллинистической эпох.

[78] В *EGM* перед словами «о самых длинных»: «В книге VII содержится...».

[79] Анакреонт Теосский – знаменитый позднеархаический лирик.

[80] Знаменитый византийский эрудит IX в., патриарх Константинопольский, автор множества трудов, в том числе «Библиотеки», на которую здесь дается ссылка, а также «Лексикона», на который будут ссылки ниже.

[81] Здесь Фотий говорит о сборнике избранных сочинений Сопатра, ритора IV в. до н.э.

[82] Элий Дий – малоизвестный историк, обычно датирующийся II в. до н.э.

[83] Номер надписи даем по *EGM*, поскольку в *FGrHist* он приведен по первому изданию *IG*. Здесь перед нами единственное эпиграфическое свидетельство о Гелланике (к сожалению, плохо сохранившееся). Надпись, открытая в Пирее, представляет собой некий каталог книг, относящийся к рубежу II–I вв. до н.э. В сохранных строках упомянуты какая-то речь Демосфена,

ФРАГМЕНТЫ «ФОРОНИДА»

в 2 книгах

1-я книга

F1. a): Схолии к Аполлонию Родосскому, III. 1179. О прибытии Кадма в Фивы повествует Лисимах[84] в «Собрании фиванских странностей»[85], а также Гелланик в 1-й книге «Форониды»[86], рассказывающий, что он и зубы змея посеял[87] по воле Ареса, и выросли из них пять вооруженных мужей: Удей, Хтоний, Пелор, Гиперенор, Эхион[88].

b): Схолии к Аполлонию Родосскому, III. 1186. Поэт[89] говорит, что оставшиеся в живых после битвы поселились вместе с Кадмом в Фивах. Утверждает и Гелланик, что Кадм, вырвав у змея зубы, посеял их, а из них произошли пять мужей: Удей, Хтоний, Гиперенор, Эхион, Пелор. И Гелланик говорит, что произросли из зубов только они[90].

2-я книга

F2: Афиней[91], IX. 410f. Мальчика, который лил воду из рукомойника Гераклу на руку, обрызгал его и которого Геракл убил кулаком, звали Архием, как говорит Гелланик в «Историях»[92]; из-за него Геракл и ушел из Калидона. Но во второй книге «Форониды» Гелланик называет этого мальчика Херием, а Геродор[93] в семнадцатой книге сочинения о Геракле – Евномом. И Киафа, сына Пилета и брата Антимаха, Геракл нечаянно убил, когда тот наливал ему вино, как повествует Никандр[94] во второй книге «Этейских дел», причем говорит также, что ему Гераклом был посвящен участок в Просхии, который поныне называется «Участком Виночерпия».

F3: Гарпократион[95] и «Суда», статья «Венценосец (стефанефор)». ...Святилище героя[96] Стефанефора, как кажется, было в Афинах. А этот Стефанефор, возможно, был или одним

неизвестное сочинение Гелланика и одна из драм Дифила (вторая половина IV в. до н.э.), видного представителя новой аттической комедии.

[84] Лисимах Александрийский – историк периода раннего эллинизма.

[85] Поправка издателей (в рукописи – «в “Собрании фиванских дел” странным образом»).

[86] Это произведение Гелланика получило название от имени Форонея,– согласно аргосским мифам, первочеловека, жившего на Пелопоннесе, и царя Аргоса. Предполагается, что в трактате, соответственно, освещалась преимущественно пелопоннесская (в первую очередь арголидская) мифология; впрочем, из сохранившихся фрагментов видно, что его содержание на самом деле было гораздо шире.

[87] Близ будущих Фив: из этих зубов выросли спарты («посеянные») – первые насельники города, предки знатнейших фиванских аристократов. Далее перечисляются имена спартов.

[88] Имена спартов практически все имеют, как и ожидаемо, хтонический характер. В *EGM* после этих имен: «Аполлоний же считает, что было и много других и что они сразились друг с другом».

[89] Аполлоний Родосский, который тут комментируется.

[90] В *EGM* после слов «только они»: «Аполлоний же – что было много и других: “И поселил там Агенорид тот народ землеродный, / Сколько осталось в живых от копья после жатвы Ареса” (Аполлоний Родосский цитируется в переводе Н.А. Чистяковой. – *И. С.*), – и что они сразились друг с другом».

[91] Афиней из Навкратиса (начало III в.н.э.), автор, принадлежавший ко «Второй софистике», эрудит, написавший огромный «гастрономический» трактат «Дейпнософисты» (что в русском переводе несколько приблизительно передано как «Пир мудрецов»).

[92] У Гелланика не было трактата, который назывался бы «Истории» или «История». Иногда предполагается, что здесь имеет место порча текста, а в действительности следует читать «Жрицы» (под таким сокращенным названием источники нередко ссылаются на один из главных трудов нашего автора – «Жрицы Геры, что в Аргосе»).

[93] Геродор Гераклейский, историк IV в. до н.э.

[94] Никандр Колофонский (II в. до н.э.) – поэт, грамматик и медик, автор многочисленных сочинений, среди которых – небольшие ученые эпические поэмы.

[95] Валерий Гарпократион, известный лексикограф II в. н.э.

[96] В *EGM* перед словами «святилище героя»: «Антифонт в речи “Против Никокла”».

из сыновей Геракла, родившихся от дочерей Фестия (о нем упоминает Гелланик во второй[97] книге «Форониды»), или, может быть, это было святилище аттического героя Стефанефора, о котором опять же упоминает тот же Гелланик во 2-й книге «Аттиды».

Фрагменты без указания номера книги

F4: Дионисий Галикарнасский, «Римские древности», I. 28. Я знаю, что и многие другие писатели воспользовались этим рассказом о происхождении тирренов[98] – одни брали его в таком же виде[99], а другие изменяли что-либо, касающееся обстоятельств и времени их поселения здесь... Гелланик же Лесбосский говорит, что тиррены прежде звались пеласгами[100], а когда они поселились в Италии, тогда и получили то имя, которое носят теперь. У него в «Форониде» рассказывается следующее: «У Пеласга, их[101] царя, и Мениппы, дочери Пенея[102], родился Фрастор, а у того – Аминтор, а у того – Тевтамид, а у того – Нанас. В царствование последнего пеласги были изгнаны эллинами и, оставив корабли у реки Спинета в Ионийском[103] заливе, захватили город Кротон во внутренней части страны[104]; устремляясь уже оттуда, они заселили область, ныне именуемую Тирсенией[105]». Мирсил[106] же говорит о тирренах противоположное сравнительно с Геллаником: что они, когда покинули родину, во время скитаний были переименованы в пеларгов, так как их уподобляли птицам под названием «пеларги» (аисты): ведь они вереницами устремлялись как в Элладу, так и в варварскую землю. Они-де и для афинян построили стену, называемую Пеларгической[107], что окружает акрополь.

F5. a): Прокл[108], схолии к Гесиоду, «Труды и дни», 631, p. 361, 6 Gaisford. А Гелланик в десятой[109] книге «Форониды» говорит, что Гесиод происходит от Орфея.

b): Прокл, «Жизнеописание Гомера», p. 26, 14 Wil. А Гелланик, Дамаст и Ферекид[110] возводят его[111] происхождение к Орфею. Ибо они говорят, что Меон, отец Гомера, и Дий,

---

[97] В рукописной традиции ошибочно «в 10-й» (в «Форониде» не было десяти книг). Некоторые издатели поправляют не на «во второй», как здесь, а на «в первой».

[98] Этрусков. Гелланик, как видим из этого фрагмента, примыкал к традиционному (и, видимо, верному) мнению о происхождении этрусков из Эгеиды.

[99] Как Геродот (I. 94).

[100] Пеласги – по традиции, народ, составлявший основное догреческое население Эллады в III тыс. до н.э., но какие-то реликтовые группы пеласгов в бассейне Эгейского моря сохранялись даже и до середины I тыс. до н.э.

[101] Пеласгов, чьим мифическим эпонимом был этот царь.

[102] Бог одноименной реки в Фессалии.

[103] Исправление издателей из рукописного «Ионическом».

[104] Италии.

[105] Тирсения, или (более распространенное написание) Тиррения – Этрурия. Отсюда же, кстати, и Тирренское море (название существует и поныне), омывающее Италию с запада.

[106] Мирсил Мефимнский – историк III в. до н.э.

[107] Пеларгической, или Пеласгической, действительно называлась древнейшая афинская оборонительная стена, охватывавшая только центр города – Акрополь. В Афинах был и некий район Пеларгик, почему-то считавшийся про́клятым. Вероятно, это как-то связано с представлениями, согласно которым древнейшими жителями Аттики были пеласги, а потом их изгнали афиняне (эти представления, кстати, решительно противоречат официальной афинской версии об афинянах-автохтонах и дают серьезную поддержку интересной версии Геродота о том, что пеласги – это, в сущности, греки до прихода дорийцев; версия эта подкрепляется и тем нюансом, что, судя по некоторым артефактам, библейские филистимляне – а этимологически это и есть пеласги – тождественны грекам-ахейцам).

[108] Философ V в.н.э., один из последних крупных представителей неоплатонизма.

[109] Допустимо и восстановление «одиннадцатой». В любом случае текст испорчен: ни X, ни XI книг в «Форониде» не было.

[110] Ферекид Афинский.

[111] Гомера.

отец Гесиода, родились у Апеллида[112], сына Меланопа, сына Эпифрадея, сына Харифема, сына Филотерпея, сына Идмонида, сына Евкла, сына Дориона, сына Орфея[113].

c): «Состязание Гомера и Гесиода»[114], p. 35, 13 Wil. Ведь Гелланик[115] и Клеанф[116] называют Меона[117] (отцом Гомера. – *И. С.*).

К тому же труду могут относиться фрагменты F87–F116, F188.

«ДЕВКАЛИОНИЯ»

в 2 книгах

1-я книга

F6. a): Схолии к Аполлонию Родосскому, III. 1086 (к словам: «Породил там / Иапетид Прометей превосходного Девкалиона. / Первым тот заложил города и храмы воздвигнул / Для бессмертных богов и над людьми воцарился»). О том, что Девкалион был сыном Прометея и Пандоры, говорит Гесиод в первом из «Каталогов»[118], а также и о том, что сын Девкалиона[119] и Пирры – Эллин. А о том, что Девкалион и царствовал в Фессалии, говорит Гелланик в первой книге «Девкалионии»[120]. О том же, что Девкалион воздвиг алтарь 12 богов, Гелланик говорит в том же сочинении.

b): Схолии к Аполлонию Родосскому, III. 1085. О том, что Девкалион, сын Прометея, царствовал в Фессалии, говорит Гелланик, а также и о том, что он воздвиг алтарь двенадцати богов.

F7: Афиней, X. 416b[121]. А Гелланик в 1-й книге «Девкалионии» говорит, что Эрисихтона, сына Мирмидона, прозвали Эфоном («Пылким»), потому что он ненасытно жаждал пищи[122].

F8: Стефан Византийский, статья «Фегоний». Город в Фессалии. Гелланик[123] в 1-й книге «Девкалионии».

F9: Стефан Византийский, статья «Мисгомены». Город в Фессалии. Гелланик в 1-й книги «Девкалионии».

---

[112] «Апеллида» – поправка издателей из неверного рукописного «от Эллида».

[113] Как видим, и Гелланик внес свой вклад в споры по вопросу о личности Гомера. Он, впрочем, оказался приверженцем фантастичной версии (восходящей, видимо, к Ферекиду), которая делает Гомера двоюродным братом Гесиода.

[114] Анонимное сочинение, как считается, рубежа н.э.

[115] В *EGM* перед словами «ведь Гелланик»: «А относительно его (Гомера. – *И. С.*) родителей опять же между всеми есть большие разногласия». После слов «называют Меона»: «Евагон же – Мелета... а матерью одни называют Метиду, другие же – Крефеиду».

[116] Некоторые издатели (но не Якоби) поправляют на «Неанф». В таком случае речь идет не о стоике Клеанфе, а об историке Неанфе из Кизика (III в. до н.э.).

[117] Поправка издателей из неверного рукописного «Леона».

[118] Имеется в виду, вероятно, приписывавшаяся Гесиоду (и, возможно, действительно ему принадлежащая) поэма «Каталог женщин, или Эои».

[119] Поправка издателей из неверного рукописного «Прометея».

[120] В этом трактате, получившем название в честь «праотца» Девкалиона, должна была рассматриваться преимущественно мифология Северной Греции, древнего ареала эолийцев (с этим ареалом связан «Девкалионов цикл»).

[121] Для этого фрагмента Якоби дает также ссылку: Eustath. *Il.* XI. 547. Это огромный комментарий (схолии) к Гомеру, составленный знаменитым византийским эрудитом-клириком XII в. Евстафием, епископом Фессалоникийским, или Солунским.

[122] Согласно мифу, Деметра наказала оскорбившего ее Эрисихтона, наслав на него постоянный, ничем не утоляемый голод.

[123] У Стефана часто «Геланик».

F10: Стефан Византийский, статья «Лакерия». Город в Магнесии[124]. Гелланик в 1-й книге «Девкалионии».

F11: Стефан Византийский, статья «Агафия». Город в Фокиде. Гелланик в 1-й книге «Девкалионии».

F12: Стефан Византийский, статья «Альпон». Город и гора в Македонии, как говорит Евфорион[125]... А некоторые утверждают, что этот город находится в Фессалии. Есть и еще один город того же названия, у эпикнемидских локров[126], как пишет Гелланик в 1-й книге «Девкалионии»[127].

F13: Стефан Византийский, статья «Каллиар». Город у локров; название – от Каллиара, сына Годедока и Лаономы, как пишет Гелланик в 1-й книге «Девкалионии». А Страбон в 9-й книге говорит, что он находится близ прекрасной для возделывания равнины.

F14: Стефан Византийский, статья «Фемии». Город в Арнее[128]; название – от Фемия, сына Ампика. Гелланик в 1-й книге «Девкалионии».

F15: Стефан Византийский, статья «Аспенд». Город в Памфилии, основанный Аспендом, как пишет Гелланик в 1-й книге «Девкалионии».

2-я книга

F16. a): Стефан Византийский, статья «Салм». Город в Беотии, граждане которого называются салмониями[129], как пишет Гелланик во 2-й книге «Девкалионии».

b): Стефан Византийский, статья «Алм». Город в Беотии, как пишет Гелланик. И он называет его Салмом, но это неправильно.

F17: Стефан Византийский, статья «Мидаей». Город во Фригии. Гелланик[130] во 2-й книге «Девкалионии». Он называется также Мидами...

Фрагменты без указания номера книги

F18: Климент Александрийский, «Строматы», VI. 26. 8, p. 443, 9 Stäh. И Диевхид Мегарский[131], который[132] перенес начало своего сочинения из «Девкалионии» Гелланика.

К тому же труду могут относиться фрагменты F95, F114–115, F117–133, F145, F155–156.

«АТЛАНТИДА»

в 2 книгах

1-я книга

F19. a): Схолии к Гомеру, «Илиада», XVIII. 486. Звезды, помещенные на лбу Тельца[133], как говорят, называются Гиадами, а те, что на середине бока, именуются Плеядами. Ибо у Атланта, сына Иапета, и Эфры, дочери Океана, были, как говорит Тимей[134], двенадцать

---

[124] Магнесия – полуостров на востоке Фессалии.

[125] Евфорион Халкидский, эпический поэт III в. до н.э.

[126] Имеется в виду Эпикнемидская Локрида – часть Восточной Локриды, области в Средней Греции.

[127] Якоби считает, что у Гелланика этот топоним писался как «Альпен».

[128] Арнея – другое название Пеласгиотиды, одного из главных регионов Фессалии.

[129] По мнению Якоби, здесь, возможно, нужно добавить «в честь Салмона».

[130] «Гелланик» – необходимая добавка издателями имени, пропущенного у Стефана.

[131] Историк IV в. до н.э.

[132] «Который» – добавление Якоби.

[133] Имеется в виду созвездие Тельца.

[134] Тимей из Тавромения – один из известнейших греческих историков раннеэллинистического времени. Но многие издатели поправляют «Тимей» на «Мусей», поскольку так у Эратосфена в «Катастерисмах» («Превращениях в звезды»). Тогда имеется в виду мифический поэт, якобы один из предшественников Гомера.

дочерей и сын Гиас. Этого последнего убивает в Ливии змея, когда он охотился с собаками. И 5 сестер, оплакивая брата, умирают, а остальных[135] из сострадания Зевс поместил среди звезд и назвал Гиадами в честь брата. А бóльшая часть – 7 – оплакивали медленно, и они, когда умерли, были названы Плеядами[136]. Ферекид же... говорит, что Гиады были додонскими нимфами и кормилицами Диониса... А из Плеяд... очень незначительной является седьмая звезда; как говорит Арат[137] в надгробном стихотворении к Феопропу, во время разорения Трои мать Дардана[138] Электра... убежала с собрания сестер и, распустив волосы, иногда казалась звездой-кометой. И Гелланик говорит в первой книге «Атлантовых дел»[139], что 6 из них сошлись с богами: Тайгета – с Зевсом, причем у них родился Лакедемон[140], Майя – с Зевсом, причем у них родился Гермес, Электра – с Зевсом, причем у них родился Дардан, Алкиона – с Посейдоном, причем у них родился Гирией[141], Стеропа – с Аресом, причем у них родился Эномай[142], Келено опять же совокупилась с Посейдоном, причем у них родился Лик[143]. А Меропа сошлась со смертным Сизифом, и у них родился Главк[144]. Потому-то она и является незначительной.

b): Оксиринхские папирусы, VIII. 1084. С Майей же тайно совокупляется Зевс в пещере; а рождается у них Гермес Филет[145], потому что испытывая любовное чувство, возлег отец его с его матерью. И становится он глашатаем богов, не знающим старости и бессмертным. А с Келено совокупляется Посейдон, а рождается у них Лик, которого отец поселяет на Островах блаженных и делает бессмертным. С Тейгетой[146] же совокупляется Зевс, а рождается у них Лакедемон[147]...

Фрагменты без указания номера книги

F20: Гарпократион и «Суда», статья «Гомериды». ...Гомериды – род на Хиосе, про который Акусилай в 3-й книге, Гелланик в «Атлантиаде» говорит[148], что он получил название от поэта[149]. А Селевк[150] во 2-й книге сочинения «О жизнеописаниях» утверждает, что Кратет[151] в «Священных празднествах» ошибается, считая Гомеридов потомками поэта: ведь они получили название от заложников (ὁμήρων), поскольку однажды хиосские женщины,

---

[135] Весь этот пассаж сильно испорчен: из контекста видно, что здесь идет речь не об «остальных», а именно об этих пяти, об остальных же семи речь заходит далее.

[136] Здесь Плеяды этимологизируются от сравнительной степени прилагательного πολύς.

[137] Арат из Сол – ученый поэт и астроном периода раннего эллинизма.

[138] Дардан – один из троянских царей, предшественников Приама.

[139] Название трактата Гелланика «Атлантида» иногда передается как «Атлантовы дела» или еще как «Атлантиада». Название связано с именем титана Атланта (в трактате речь шла прежде всего о его потомстве), к стране, позже придуманной Платоном, отношения не имеет.

[140] Мифический эпоним спартанского (лакедемонского) полиса.

[141] Второстепенный персонаж беотийских мифов.

[142] Царь пелопоннесской Писы, погибший в колесничном состязании с Пелопом.

[143] О нем подробнее см. во фрагменте F19b.

[144] Этот Главк (не следует путать его с тезкой – беотийским рыбаком, ставшим морским богом) был отцом Беллерофонта.

[145] Эпитет содержит непереводимую игру слов: φιλήτης – «вор» (действительно, занятие, присущее Гермесу), а φιλητής – «любовный» (отсюда дальнейшая этимологизация).

[146] Ионийское написание; в дорийском будет «Тайгета». Речь идет о героине, в честь которой назван Тайгет, главный горный хребет Лаконики.

[147] В этом папирусном фрагменте большое количество восстановлений, не оговаривающихся здесь, поскольку практически все они являются бесспорными.

[148] Якоби отмечает, что текст несколько испорчен, можно поправить, чтобы получилось «Акусилай в 3-й книге, Гелланик же в “Атлантиаде” говорят» или «Акусилай в 3-й книге, равно как и Гелланик в “Атлантиаде”, говорит».

[149] Собственно, «Поэта» (Гомера).

[150] Видимо, Селевк Александрийский, грамматик I в. н.э.

[151] Автор II в. до н.э.

сойдя с ума на Дионисиях, пошли на битву с мужчинами и прекратили ее, дав друг другу в залог женихов и невест, потомков которых и называют Гомеридами.

F21: Схолии к Еврипиду, «Финикиянки», 159. А о количестве Ниобидов и Ниобид говорит сам Еврипид в «Кресфонте»: «Дважды семь Ниобиных / Детей, убили коих стрелы Локсия». Так же говорят и Эсхил в «Ниобе», и Аристофан в комедии «Драмы, или Ниоб»[152]... Ферекид же говорит, что она имела шесть сыновей – Алалкоменея, Ферея, Евдора, Лисиппа, Ксанфа, Аргия – и шесть дочерей – Хиону, Клитию, Мелию, Гору[153], Дамиппу, Пелопию. А Гелланик в приписываемой ему «Атлантиде» называет четырех детей мужского пола – Архенора, Менестрата, Архагора[154]... а женского трех – Пелопию, Огигию, Астикратию. Ксанф же Лидийский[155] говорит, что их было десять и десять от ассирийца Филотта[156].

К тому же труду могут относиться фрагменты F5, F134–F135.

«АСОПИДА»

F22: Маркеллин[157], «Жизнеописание Фукидида», 2–4. Ибо он[158] с древности родом был близок к полководцу Мильтиаду, а через Мильтиада – к Эаку, сыну Зевса... И об этом свидетельствует Дидим[159], заявляя, что Ферекид в первой книге «Историй» говорит так: «Филей же, сын Аякса[160], живет в Афинах; от него же происходит Даикл[161]; от того – Эпилик[162]; от того – Акестор; от того – Агенор; от того – Улий[163]; от того – Лик; от того – Тофонт[164]; от того – Лай; от того – Агаместор; от того – Тисандр[165]; от того – Гиппоклид[166], в чье архонтство [в Афинах][167] были учреждены Панафинеи; [от того – Кипсел;] от того – Мильтиад[168], населивший колонистами Херсонес[169]». Свидетельствует об этом и Гелланик в приписываемой ему «Асопиде»[170].

К тому же труду могут относиться фрагменты F136–F137, F145.

---

[152] Все три упомянутых здесь драматических памятника не сохранились.

[153] Имя испорчено. Предлагались варианты исправлений: «Полидору» (Виламовиц), «Неэру» и др.

[154] Ясно, что тут должно быть еще какое-то четвертое имя, но оно пропало.

[155] Видный историк V в. до н.э., современник Геродота.

[156] Поправка издателей из рукописного «Филоксена».

[157] Малоизвестный автор (предположительно жил в IV в. н.э.), от которого дошла только биография историка Фукидида, весьма путаная, но содержащая некоторые интересные сведения.

[158] Фукидид.

[159] Знаменитейший эллинистический филолог.

[160] Аякс, согласно легендарной традиции, был внуком вышеупомянутого Эака.

[161] Предлагалась поправка «Экл».

[162] В оригинале – «Эпидик», причем с *ипсилоном* в третьем слоге, что невозможно. Поэтому правомерна поправка на «Эпилик»: это имя и впоследствии было распространено в роде Филаидов.

[163] В V в. до н.э. Кимон назвал одного из своих сыновей Улием, – возможно, под влиянием генеалогических изысканий Ферекида.

[164] Несуществующее имя. Резонна поправка «Иофонт».

[165] Далее исключается грамматически неправильный пассаж «в чье архонтство в Афинах; от того – Мильтиад». Это явная ошибка переписчика.

[166] Известное лицо, архонт-эпоним 566/565 г. до н.э.

[167] Слова в квадратных скобках здесь и чуть дальше – необходимые добавления издателей.

[168] А вот здесь уже путаница: этот Мильтиад (Мильтиад Старший; не следует путать его с марафонским победителем) и его отец Кипсел не имели к Гиппоклиду прямого отношения, принадлежали к другой ветви рода. Трудно представить, что столь грубую ошибку допустил сам Ферекид: ведь речь идет о временах, отстоящих от него всего на какой-нибудь век. У Маркеллина это место несет явные следы порчи. Предполагаем поэтому, что текст искажен кем-то из переписчиков, а у Ферекида генеалогический список был верен.

[169] Херсонес Фракийский.

[170] Название этого трактата Гелланика происходит от Асопа – реки (и соответствующего речного бога) в Беотии.

«ТРОЯНСКИЕ ДЕЛА»

в 2 книгах

1-я книга

F23: Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 916 (к словам: «К острову Атлантиды Электры»). Так автор[171] называет Самофракию[172]. Ведь там жила Электра, дочь Атланта, и местными жителями она была прозвана Полководицей. Гелланик говорит, что ее звали Электрионой. А родила она трех детей: Дардана, который поселился в Трое (говорят, что местными жителями он был прозван Полиархом[173]) и Ээтиона, которого называют Иасионом[174] и о котором говорят, что он был поражен молнией, поскольку оскорблял статую Деметры. Третьей же она родила Гармонию, на которой женился Кадм[175]; и о том, что в честь ее матери в Фивах были названы[176] Электрины ворота[177], повествуют Гелланик в первой книге «Троянских дел»[178] и Идоменей[179].

F24. а): Стефан Византийский, статья «Батиейя». Возвышенная местность в Трое. Название оно получило от некоей Батии, как пишет Гелланик в 1-й книге «Троянских дел». Либо от тропы (πάτος) протоптанной конями или, скорее, пасущимся скотом, – с изменением «п» на «б». Либо от терновника (βάτος).

---

[171] Аполлоний Родосский.

[172] Остров в северной части Эгейского моря.

[173] Буквально – «Многовластным».

[174] Буквально – «Целителем». Кстати, имя вождя аргонавтов Ясона, которое правильнее было бы писать как «Иасон», имеет схожее значение.

[175] Гелланик придерживается редкой версии мифа. Обычно считалось, что супруга Кадма Гармония – дочь Афродиты и Ареса.

[176] Поправка издателей из рукописного «она назвала».

[177] Одни из знаменитых ворот «семивратных Фив».

[178] Небольшая оговорка в связи с переводом нами всех названий такого рода (Τρωικά, Αἰολικά, Λεσβιακά, Αἰγυπτιακά, ктл.). В оригинале стоят прилагательные в обобщающем множественном числе среднего рода. Буквально их следовало бы передавать как «Троянское», «Эолийское», «Лесбосское», «Египетское» и т.п., но так не принято в русском узусе. Последовать примеру С.Я. Лурье, который перевел Ἑλληνικά Ксенофонта как «Греческая история»? Тогда получится «Троянская история», «Эолийская история», «Лесбосская история», «Египетская история» и т.п. Но нам это тоже не кажется оптимальным. У нас недостаточно данных, чтобы ответственно утверждать, что эти трактаты были посвящены именно *истории* соответствующих регионов. Скорее всего они представляли собой их комплексные описания, включавшие характеристику природных условий, населения и его обычаев, разных местных «диковинок», а также, помимо прочего, и рассказ о каких-то исторических событиях. Относительно «Египетских дел» уже давно было высказано вполне основательное предположение, что они сильно напоминали «египетский логос» Геродота – вторую книгу его «Истории». Исходя из вышесказанного, мы предпочли тот вариант перевода, который представляется нам наиболее расширительным и нейтральным.

[179] Идоменей Лампсакский – историк периода поздней классики – раннего эллинизма. Далее издателями снимаются слова «в первой книге “Троянских дел”» (явная ошибка переписчика, по недосмотру два раза повторившего одну и ту же конструкцию). Иногда предлагается поправка: «в 1-й книге “Самофракийских дел”» В *EGM* после этих слов: «А Афинион говорит, что у Зевса и Электры родились Иасион и Дардан».

b): Стефан Византийский, статья «Арисба». Город в Троаде, колония митиленян, основатели которой – Скамандрий и Асканий, сын Энея[180]... А Кефалон[181] говорит, что Дардан, придя с Самофракии в Троаду, женится на Арисбе, дочери критянина Тевкра. Гелланик же называет ее Батией[182]. Есть и другой город такого названия, на Лесбосе, названный в честь Арисбы, дочери Макара. А Эфор производит ее от Меропа[183] и утверждает, что ее первую взял в жены Александр, сын Приама[184].

c): Схолии к Гомеру, «Илиада», XX. 236 (к словам: «Илом почтенным рожден непорочный душой Лаомедон»[185]). От Евридики, дочери Адраста. «Илиада», XX. 219 (к словам: «Славный Дардан Эрихтония сына родил, скиптроносца»). От Батии, дочери Тевкра, как пишет Гелланик.

F25. a): Схолии (Цеца) к Ликофрону[186], «Александра», 29 (к словам: «На Ате, на холме, коровой избранном»). Раньше Илион назывался холмом Аты... А об этом месте Гелланик в 1-й книге «Троянских дел» говорит, что, когда Ил вопрошал оракул во фригийском Приепе[187], Аполлон Приепейский возвестил, чтобы он не заселял поселенцами этот холм, ибо это-де холм Аты (безумия). И Дардан его не заселил[188], а заселил так называемую Дарданию у подножия Иды[189]. А холм этот прежде назывался Скамандром[190].

b): Страбон, XIII. 1. 42. Нынешнее же поселение[191] и святилище были основаны при лидийцах. Конечно, города не было, а возник он много времени спустя и, как сказано, рос понемногу. А Гелланик, угождая илионянам – «дух уж таков у него»[192],– защищает мнение, что нынешний город является тем же самым, что и тогдашний[193]. Область же, когда город был уничтожен, разделили между собой те, кто владел Сигеем и Ретеем, а из остальных – почти все соседи, но отдали ее обратно, когда город был вновь заселен.

---

[180] Это тот самый Асканий, которого римляне называли Юлом и считали родоначальником рода Юлиев, прибывшим с отцом в Италию. У Гелланика же он, как видим, основывает город в Троаде. Другие интересные сообщения Гелланика об Энее мы еще встретим ниже. А пока отметим, что здесь налицо внутреннее противоречие: как могла быть Арисба колонией митиленян, если ее основал Асканий – троянец, а не митиленянин? Может быть, митиленянином ялялся второй основатель, Скамандрий? В принципе на Лесбосе были популярны имена с корнем «Скамандр-». Выше мы видели, что отца самого Гелланика звали Скамандронимом (Скамоном); кстати, так же звали отца поэтессы Сапфо, тоже митиленянки. Но о Скамандрии как о Гекториде см. у Гелланика ниже, во фрагменте F31.

[181] Кефалон (Кефалион) Гергифский – фигура достаточно загадочная. На него ссылаются как на «весьма древнего» историка, а в то же время о нем ровно ничего не известно. Часто считается, что трактат, циркулировавший под именем Кефалона, являлся фальсификатом, выпущенным Гегесианактом из Александрии Троянской, автором II в. до н.э.

[182] Восстановление издателей из испорченного рукописного чтения.

[183] Мероп – мифический царь острова Кос (из-за чего он нередко в источниках именуется Меропией, а его жители – меропами).

[184] Т.е. Парис.

[185] «Илиада» цитируется в переводе Н.И. Гнедича.

[186] Иоанн Цец – византийский филолог XII в. В данном случае цитируются составленные им схолии к «Александре» – знаменитой поэме эллинистического стихотворца-эрудита Ликофрона «Темного».

[187] Город Приап на азиатском берегу Пропонтиды. Область, в которой он находился, называлась Геллеспонтской Фригией, поэтому он тут фигурирует как «фригийский».

[188] «Не» – добавлено издателями.

[189] Знаменитая гора близ Трои.

[190] Не вполне ясно: Скамандр – название реки. Собственно, у Цеца стоит «холмом Скамандра». Предлагалась также поправка «Скамандрием» (т.е. скамандрским).

[191] Новый Илион.

[192] Скрытая цитата из Гомера (Hom. Il. XV. 94), которая у Страбона несколько искажена. Здесь не пользуемся переводом Гнедича, поскольку в этом месте он слишком далеко отходит от оригинала.

[193] Таким образом, Гелланик отождествлял гомеровскую Трою с Новым Илионом (городище Гиссарлык). В античности это мнение было мнением меньшинства, долго оставалось таковым и в науке Нового времени; однако со времен раскопок Шлимана стало ясно, что оно-то и является верным.

F26. a): Схолии к Гомеру, «Илиада», XXI. 444 (к словам: «Мы батрачили»[194]). Спрашивается, ради чего они[195] батрачили. Гелланик говорит, что так они испытывали Лаомедонта. Он пишет в 1-й книге «Троянских дел»: «А после этого, говорят, Посейдон и Аполлон пошли в рабство к Лаомедонту, ибо он был наглец и они испытывали его. Итак, рассказывают[196], что они, приняв человеческий облик, построили за плату – даст ли он ее или не даст – каменную стену в Илионе, на самом высоком из холмов; эта стена ныне называется Пергамом[197]». Метродор[198] в «Троянских делах»...

b): Схолии к Гомеру, «Илиада, XX. 146 (к словам: «Шествовал царь черновласый / К валу тому насыпному Геракла, подобного богу, / В поле, который герою троянские мужи с Афиной / Древле воздвигли, чтоб он от огромного кита спасался»). Посейдон и Аполлон, поскольку Зевс приказал им батрачить на Лаомедонта, подрядившись за плату, возводят стену. А Лаомедонт, нарушив клятвы и договоры и не дав платы, прогнал их. Посейдон же, разгневавшись, наслал на страну кита, который уничтожал и встречавшихся ему людей, и попадающиеся плоды. Лаомедонт обратился к оракулу, и ему было дано прорицание, чтобы он бросил на съедение киту собственную дочь Гесиону – так он, дескать, избавится от страшилища. А он, выставив дочь, приказал возвестить, что тому, кто убьет кита, он в качестве платы даст бессмертных коней, которых Зевс подарил Тросу за Ганимеда[199]. Геракл, прибыв туда, обещал совершить этот подвиг. Афина сделала ему для защиты так называемый земляной вал. Он, прыгнув через пасть в чрево кита, проткнул ему бока. Лаомедонт же, совершив подмену, дает ему смертных коней. Геракл, распознав это, пришел войной, разрушил Илион и таким образом угнал коней. Этот рассказ содержится у Гелланика.

F27: Гарпократион, статья «Крифоту». ...Крифота[200] – один из городов на Херсонесе[201], как говорит Гелланик в 1-й книге «Троянских дел». А Эфор в 4-й книге говорит, что она была населена афинянами, прибывшими туда с Мильтиадом[202].

2-я книга

F28: Схолии к Гомеру, «Илиада», XXI. 242. Гелланик во второй книге «Троянских дел» говорит: «Около этого времени на Иде бог[203] посылал дождь, по каковой причине Скамандр, выйдя из обычного русла из-за дождевой воды, затопил низменные места[204]. Ахилл, ведущий войско, первым наткнулся на этот поток и, убоявшись потока – как бы не попасть в какую-нибудь беду,– ухватился за вяз, росший на равнине, и повис. Остальные же, видя перед собой поток, обратились назад, кинулись в разные стороны, кто куда мог, и забирались на возвышавшиеся над равниной отроги гор». Сервий[205] же в третьей книге

---

[194] Здесь также не пользуемся переводом Гнедича, поскольку в нем нейтральное «работали», а в оригинале – глагол более узкого смысла, производимый от «фет» (батрак).

[195] Речь идет о Посейдоне и Аполлоне, которые, согласно мифу, под видом простых смертных построили стены Трои для царя Лаомедонта (отца Приама), а тот даже отказался им платить.

[196] Здесь издатели несколько поправляют испорченный текст.

[197] Пергам здесь – троянский акрополь (не путать с городом Пергамом в соседней Мисии).

[198] Либо Метродор Лампсакский (VI в. до н.э.), либо Метродор Хиосский (IV в. до н.э.), либо Метродор Скепсийский (I в. до н.э.).

[199] Похищенный Зевсом Ганимед, сын Троса, приходился Лаомедонту дядей. Поскольку во фрагментах данного труда Гелланика неоднократно упоминаются троянские цари, имеет смысл дать их перечень, который ведь не каждый помнит наизусть: Дардан, сын Зевса и Атлантиды Электры,– Эрихтоний – Трос (Трой) – Ил – Лаомедонт – Приам.

[200] В *EGM* перед словом «Крифота»: «Демосфен в речи “Против Аристократа”».

[201] Херсонес Фракийский.

[202] Мильтиад Старший, или Мильтиад Ойкист (см. выше фрагмент F22).

[203] Имеется в виду Зевс.

[204] Здесь речь идет об описанном Гомером поединке Ахилла с речным богом Скамандром. Как можно увидеть, Гелланик приводит рационалистическую версию мифа, исключает элементы чудесного.

[205] Видимо, римский филолог рубежа IV–V вв. н.э.

«Троянских дел» пишет: «И вот, множество трупов нагромоздилось над водой; этим течение было задержано и река разлилась, поскольку загорожен был ей путь».

F29: Парфений[206], «О любовных страстях», 34. О Корифе. Рассказывают Гелланик во 2-й[207] книге «Троянских дел» и Кефалон Гергифский. У Эноны и Александра[208] родился сын Кориф. Он, прибыв в Илион в качестве союзника, влюбился в Елену; и она приняла его весьма благосклонно. А он был великолепен наружностью. Отец же, уличив его, убил. Однако Никандр[209] говорит, что Кориф родился не от Эноны, а от Елены и Александра.

Фрагменты без указания номера книги

F30: Стефан Византийский, статья «Фетии». Город в Акарнании, название – от Фетия, сына Алкмеона, сына Амфиарая[210]. Полибий в 4-й книге. Его называют также Фетием. Название жителя – фетиянин; и фетийцы, как пишет Гелланик в «Троянских делах».

F31: Дионисий Галикарнасский, «Римские древности», I. 45. 4–48. 1. А я и о прибытии Энея в Италию хочу рассказать отнюдь не мимоходом – поскольку одним из историков рассказ о нем неизвестен, а другие по его поводу не согласны друг с другом,– сопоставив[211] изложения греческих и римских писателей, в наибольшей степени заслуживающих доверия. Рассказывают же о нем так. Когда Илион был побежден ахейцами – то ли из-за хитрости с деревянным конем, как говорится в стихах Гомера, то ли из-за измены Антенoридов[212], то ли из-за чего иного, – прочие троянцы и союзники, находившиеся в городе, были во множестве перебиты, захваченные еще в постелях (ведь, похоже, они не остереглись, поскольку это страшное дело случилось ночью), Эней же и бывшие с ним союзные илионянам троянцы из городов Дардана, Офриния и других, которые во время захвата нижнего города успели составить понятие о творящемся страшном деле, сбежавшись в укрепленные места Пергама, овладевают акрополем, защищенном собственной стеной; там были у троянцев и отеческие святыни, и великое изобилие богатств, хранившихся, как подобает, в надежном месте, и лучшая часть воинства. Оставаясь там, они отражали врагов, пытавшихся взойти на высоту, а также, совершая тайные вылазки и пользуясь теснинами, поднимали наверх[213] множество своих, рассеявшихся в поисках спасения от плена; и так спасшихся оказалось больше, чем захваченных. А немедленный натиск врагов, который те предприняли, чтобы уничтожить весь город, коль скоро при первом нападении он не был взят, Эней сдержал, придумав следующее средство. Он размышлял о наиболее вероятном исходе – что уже невозможное дело спасти город, бóльшая часть которого уже занята,– и пришло ему на ум уступить опустевшую стену врагам, а самих себя, отеческие святыни и богатства, какие смогут унести, спасти. Приняв такое решение, он приказывает детям, женщинам, старикам и тем из остальных, для кого было возможно только медленное бегство, выйти из города первыми по путям, ведущим к Иде, пока ахейцы, рвавшиеся овладеть крепостью, не устроили преследования уходивших из города; а часть воинов он поставил на охрану выходящих, чтобы от их присутствия бегство для тех оказалось безопасным и безбедственным

---

[206] Автор I в. до н.э., писал в основном стихи, но это его произведение – прозаическое.
[207] Добавлено издателями.
[208] Нимфа Энона была первой супругой Александра (Париса), которую он покинул ради Елены.
[209] Никандр Колофонский.
[210] Амфиарай и Алкмеон – арголидские герои. Первый – участник неудачного похода «Семерых против Фив», в ходе которого он погиб. Второй – участник победоносного похода на Фивы «Эпигонов»; впоследствии убил свою мать Эрифилу, виня ее в смерти отца, и скитался, среди прочего некоторое время жил в Акарнании. Оба этих персонажа не имели никакого отношения к Троянской войне, и в какой связи Гелланик упоминал в «Троянских делах» основанный сыном Алкмеона город – непонятно.
[211] Исправление издателей из рукописного «позаимствовав».
[212] Троянский вельможа Антенор и его дети были известны своими симпатиями к ахейцам, и по одной из версий падение Трои явилось результатом измены этой семьи.
[213] Исправление издателей из рукописного «возвращали».

(им было велено занять самые укрепленные места Иды). С лучшей же частью воинов он сам оставался на стене и, битвой за нее отвлекая врагов, делал бегство менее тяжелым для тех, что ушли первыми. Когда же Неоптолем[214] с окружавшими его вошел в некую часть крепости и все ахейцы поспешили им на помощь, Эней покидает крепость и, открыв беглецам ворота[215], отходит с остальными, держа строй, вывозя на упряжках, запряженных лучшими лошадьми, и отца, и отеческих богов, и жену, и детей, и из прочего – то, что было наиболее ценным, будь то человек или имущество. А в это время ахейцы уже силой взяли город и, увлекшись грабежом, предоставили убегающим хорошую возможность спастись. Те же, кто был с Энеем, еще по дороге найдя своих и все объединившись, занимают самые укрепленные места Иды. К ним пришли и те, кто тогда жил в Дардане, ночью оставив свой город пустым, поскольку увидели сильное пламя, вопреки обыкновению доносившееся из Илиона; пришли они, кроме тех, которые, с Элимом и Эгестом снарядив какой-то флот, уже до того покинули город[216]. Пришел также весь народ из города Офриния и из других троянских городов те, кто стремился к свободе. И эта сила троянцев в кратчайшее время стала величайшей. Итак, те, кто был с Энеем, спасшись от захвата и оставаясь в этих местах, надеялись через немногое время вновь возвратиться в свои дома, когда враги уплывут; ахейцы же, поработив жителей города и разорив ближайшие местечки и крепости, готовились к тому, чтобы покорить и находящихся в горах. А когда те послали глашатаев для переговоров о примирении и просили, чтобы их не ставили перед необходимостью воевать, они, сойдясь на народное собрание, примиряются с теми на таких условиях: Эней и его люди, взяв с собой имущество, которое они спасли во время бегства, в некий определенный срок должны удалиться из Троады, передав крепости ахейцам, ахейцы же должны обеспечить им безопасность во всей той части земли и моря, которой они владеют, поскольку те уходят согласно договору. А Эней, приняв эти условия и посчитав их наилучшими в наличных обстоятельствах, посылает Аскания, старшего из своих детей, с некоей частью союзного войска, в большинстве фригийского, в землю, называемую Даскилитидой[217] – там есть озеро Аскания, – поскольку он был приглашен тамошними жителями стать царем их племени; и Асканий на некоторое недолгое время поселился там. Когда же пришли к нему и Скамандрий[218], и другие Гекториды, отпущенные[219] из Эллады Неоптолемом, он, возвратив им отеческую власть, прибывает в Трою. Так рассказывают об Аскании. А Эней, взяв с собой остальных детей, отца и святыни богов, как только был снаряжен для него флот, переплывает Геллеспонт, держа путь к ближе всего расположенному полуострову, который выступает из Европы, а называется Палленой[220]. Владело же им союзное фракийское племя, называемое крусейским и наиболее усердно помогавшее им в войне. Итак, самый достоверный из рассказов о бегстве Энея – его приводит из числа древних историков Гелланик в «Троянских делах» – таков[221].

К тому же труду могут относиться фрагменты F25, F108–F109, F138–F156.

---

[214] Неоптолем (Пирр) – сын Ахилла, сыгравший важную роль во взятии Трои.

[215] Место испорчено, предлагались различные эмендации.

[216] Они отбыли на Сицилию. Эгест – мифологический эпоним тамошнего города Эгесты (Сегесты), Элим – населявшего его племени элимов.

[217] По городу Даскилею. Но этот город возник значительно позже, при лидийцах в VII в. до н.э.

[218] Скамандрий – другое имя Астианакта, сына Гектора. Таким образом, Гелланик отклоняется от наиболее распространенного варианта мифа, согласно которому он на момент взятия Трои был младенцем и погиб от рук победителей-ахейцев. Здесь Астинанакт оказывается в плену в Эпире, у Неоптолема (очевидно, предполагается, что его увезла с собой Андромаха, взятая Неоптолемом в наложницы), а потом возвращается на родину.

[219] Поправка издателей из рукописного «прибывшие».

[220] Паллена – западный «зубец» Халкидики.

[221] Этот фрагмент является у Гелланика одним из самых пространных и интересных. Писал историк и о дальнейших странствиях Энея, доводя его до Италии (см. ниже).

«ЭОЛИЙСКИЕ ДЕЛА»

в 2 книгах

1-я книга

F32: Схолии к Пиндару, «Немейские оды», XI. 43[222]. А он[223], как говорит поэт, вместе с Орестом выселился из Спарты и поселился на Тенедосе[224]; ведь Аристагор[225] является тенедосцем. О выселении же Ореста в Эолиду[226] повествует Гелланик в первой книге «Эолийских дел»[227].

К тому же труду могут относиться фрагменты F158–F160.

«ЛЕСБОССКИЕ ДЕЛА»

в 2 книгах

1-я книга

F33: Стефан Византийский, статья «Малоент»[228]. Аполлон на Лесбосе[229]. И местность, в которой находится его святилище, называется Малоентом. Название – от яблока[230] Манто[231], как пишет Гелланик в 1-й книге «Лесбосских дел».

F34: Стефан Византийский, статья «Трагасы». Местечко на материке[232], получившее название от Трагаса; там Посейдон из благодарности ему создал соляную скалу, отсюда – трагасская соль, как пишет Гелланик в 1-й книге «Лесбосских дел». От этого и равнина называется Галесийской[233] («соляной»).

2-я книга

F35. a): Стефан Византийский, статья «Напа». Город на Лесбосе. Гелланик во 2-й книге «Лесбосских дел». Название жителя – напеец. Есть и Аполлон Напейский. Есть также материковые[234] напейцы.

b): Страбон, IX. 4. 5. Итак, эту Бессу следует писать через две «с»: ведь она так названа из-за своей лесистости[235], как и Напа на Мефимнской равнине, которую Гелланик по незнанию называет Лапой.

К тому же труду может относиться фрагмент F150.

---

[222] Для этого фрагмента Якоби дает также ссылку: Tzetz. *Lyc*. 1374, p. 380, 6 Scheer (схолии Цеца к «Александре» Ликофрона).

[223] Некий спартанец Писандр, друг Ореста.

[224] Тенедос – остров в северо-восточной части Эгейского моря, наиболее близкий к Троаде.

[225] Заказчик и адресат XI Немейской оды Пиндара, считавшийся потомком вышеупомянутого Писандра.

[226] Тенедос мог считаться частью Эолиды, поскольку Эолида и Троада, смежные между собой, иногда воспринимались как единое целое (особенно со времени колонизации Троады эолийцами в архаическую эпоху).

[227] Иногда считается, что этот трактат тождествен следующему. Ведь малоазийская Эолида – это, в сущности, прежде всего Лесбос.

[228] Исправление издателей из рукописного «Маллоент».

[229] Т.е. эпиклеза Аполлона, популярная на этом острове.

[230] Яблоко – μῆλον, в ряде диалектов – μᾶλον.

[231] Манто – фиванская пророчица, дочь знаменитого Тиресия. После взятия Фив «Эпигонами» переселилась в Малую Азию. Ее сыном был Мопс, тоже знаменитый прорицатель.

[232] Видимо, следует понимать как «в Эпире» (название этой области по-гречески, собственно, и означает «материк»).

[233] Поправка издателей неверного рукописного «Галсийской».

[234] Или «эпирские» (хотя в данном случае это маловероятно; скорее имеются в виду материковые владения Лесбоса, его «перея»).

[235] Βῆσσα – лесистая лощина, как и νάπη (см. далее).

«АРГОЛИДСКИЕ ДЕЛА»

36. a) Схолии Евстафия к Гомеру, «Илиада», III. 75 (к словам: «В Аргос, конями богатый, / Вспять отплывут и в Ахаию[236], славную жен красотою»). А Гелланик говорит, что у Форонея родилось трое детей, которые, когда отец умер, разделили между собой аргосскую землю. И та ее часть, что близ реки Эрасина, досталась по жребию Пеласгу, который основал и тамошнюю Ларису; Иасу же – та часть, что близ Элиды[237]. А Агенор, поскольку земля кончилась, получил отцовскую конницу; потому-то в то время Аргос назывался трояко: Иасийским, как показывает и «Одиссея», Пеласгическим[238] и конеобильным. Некоторые же говорят, что после смерти двух братьев Агенор отправился в поход, ведя с собой многочисленную конницу, из-за которой Аргос и был назван конеобильным. А некоторым из древних угодно считать, что конеобильный Аргос здесь – это Фессалия, Ахеида же – вся страна эллинов[239].

b): Схолии к тому же месту[240]. Иас и Пеласг – дети Триопа. А когда отец у них умер, они разделили между собой царство. Пеласг, получив по жребию земли, что близ реки Эрасина, основал Ларису; Иас же получил те земли, что близ Элиды[241]. А после их смерти самый младший брат, Агенор, пошел походом на страну, ведя с собой многочисленную конницу. Отсюда Аргос и стал называться конеобильным – от Агеноровой конницы, а от Иаса – Иасийским. Так повествует Гелланик в «Арголидских делах».

«ОБ АРКАДИИ»

F37: Схолии к Аполлонию Родосскому, I. 162 (к словам: «Также Кефей пришел из Аркадии с Амфидамантом. / Жили они, два сына Алея, в земле Афиданта / И в Тегее»). Есть два Кефея: один – сын Алея, которого упоминает Аполлоний, а другой – тот, которого упоминает Гелланик в сочинении «Об Аркадии».

К тому же труду могут относиться фрагменты F99, F161–F162.

(Продолжение следует)

Igor E. Surikov,
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
E-mail: isurikov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2603-6146
Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research project no. 19-19-00022a

И.Е. Суриков,
д.и.н., г.н.с. отдела сравнительного изучения древних цивилизаций,
Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

[236] В оригинале – Ахеиду.
[237] Текст несколько испорчен.
[238] Пеласгический Аргос обычно локализовали не на Пелопоннесе, а в Фессалии (ср. ниже по тексту схолий).
[239] В *EGM* этот фрагмент приведен в иной редакции: «Гелланик говорит, что у Форонея родилось трое детей, которые после смерти отца разделили между собой аргосскую землю. И Пеласг, получив по жребию ту ее часть, что близ реки Эрасина, основал город, ныне называемый Ларисой, а Иас получил ту часть, что обращена к солнцу. Младший же, Агенор, поскольку земля кончилась, приобрел многочисленную конницу. Потому-то в то время Аргос назывался трояко: Иасийским Аргосом, Пеласгическим Аргосом, конеобильным Аргосом».
[240] Имеются в виду анонимные схолии, как отличные от авторских схолий Евстафия.
[241] Текст несколько испорчен.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	–	*Вестник древней истории*. Москва
ДБ	–	*Древности Боспора*. Москва
ИИАК	–	*Известия Императорской Археологической комиссии*. Санкт-Петербург, 1901–1918
НЭ	–	*Нумизматика и эпиграфика*. Москва
CH XI	–	Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D. *Coin Hoards*. Vol. XI. *Greek Hoards. The Cimmerian Bosporus*. (Colloquia Antiqua, 32). Leuven–Paris–Bristol, 2021
CIRB	–	Struve, V.V. *et al.* (eds.), *Corpus inscriptionum regni Bosporani*. Moscow–Leningrad, 1965
CIL	–	*Corpus inscriptionum latinarum*. Berolini
CIRB-Abum	–	Гаврилов, А.К. и др. (ред.), *Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций*. Санкт-Петербург, 2004
DGE	–	Adrados, F.R. (ed.), *Diccionario griego-español*. Vol. I. Madrid, 1989
FGrHist	–	Jacoby, F. (Hrsg.), *Die Fragmente der griechischen Historiker*. Bd. I–III. Berlin–Leiden, 1923–1958
IDelos	–	Durrbach, F. *et al.* (eds.), *Inscriptions de Délos*. Vol. I–VII. Paris, 1926–1972
IG	–	*Inscriptiones Graecae*. Berolini
IGBulg I^2	–	Mihailov, G. (ed.), *Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae*. Ed. 2. Vol. I. Sofia, 1970
IGCH	–	Thompson, M., Mørkholm, O., Kraay, C.M. *An Inventory of Greek Coin Hoards*. New York, 1973
IGUR	–	Moretti, L. (ed.), Inscriptiones graecae urbis Romae. Vol. 1–4. Rome, 1968–1990
IOSPE	–	Latyschev, B. *et. al.* (ed.), *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. Ed. 1. Vol. I, II, IV. Petropoli, 1885–1901. Ed. 2. Vol. I. Petropoli, 1916. Ed. 3. Vol. I, III, V. Digital ed., 2015–2017. URL: https://iospe.kcl.ac.uk/index.html; дата обращения: 24.02.2022
IScM II	–	Stoian, I. (ed.), *Inscriptiones Daciae et Scythiae Minoris antiquae. Series altera: Inscriptiones Scythiae Minoris graecae et latinae*. Vol. II. *Tomis et territorium*. Bucurestiis, 1987
LGPN	–	*A Lexicon of Greek Personal Names*. Oxford
LSJ	–	Liddell, H.G., Scott, R.A., Jones, H.S., *Greek-English Lexicon with a Revised Supplement*. Oxford, 1996
MAMA V	–	Cox, C.W.M., Cameron, A. (eds.), *Monumenta Asiae Minoris antiqua*. Vol. V. *Monuments from Dorylaeum and Nacolea*. Manchester, 1937
MAMA VII	–	Calder, W.M. (ed.), *Monumenta Asiae Minoris antiqua*. Vol. VII. *Monuments from Eastern Phrygia*. Manchester, 1956
RE	–	Pauly, A., Wissowa, G., Kroll, W., Witte, K., Mittelhaus, K., Ziegler, K. (Hrsg.), *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, 1894–1980
RIB	–	Collingwood, R.G. *et. al.* (eds.), *Roman Inscriptions of Britain*. Vol. I–III. New ed. with addenda and corrigenda. Stroud, 1995–2009
SEG	–	*Supplementum epigraphicum graecum*. Leiden–Boston
SNG BM I	–	Price, M.J. (ed.), *Sylloge nummorum Graecorum Great Britain*. Vol. IX. *British Museum*. Pt.I. *The Black Sea*. London, 1993
SNG PSMFA	–	Kovalenko, S.A. (ed.), *Sylloge nummorum Graecorum. State Pushkin Museum of Fine Arts. Coins of the Black Sea Region*. Pt. 1. *Ancient Coins from the Northern Black Sea Littoral*. (Colloquia Antiqua, 3). Leuven–Paris–Walpole, 2011
SNG Stancomb	–	Burnett, A.M., Meadows, A.R., Sheedy, K.A., Wartenberg, U. (eds.), *Sylloge nummorum Graecorum Great Britain*. Vol. XI. *The William Stancomb Collection of Coins of the Black Sea Region*. Oxford, 2000

СОДЕРЖАНИЕ

Богданов И.В. (Санкт-Петербург) – Теологическая антитеза «начало богов, возникающий впоследствии» в позднеегипетских текстах (тексты 1–8) 5
Witczak K.T. (Łódź, Poland) – Reflections on the Thracian Sea-Nymph Aba..... 32
Juhel P.O. (Bondy, France) – Le moment du doublement de la profondeur de la phalange hoplitique 44
Нефёдкин А.К. (Белгород) – Ясон Фессалиец – изобретатель ромбовидного строя конницы? 54
Короленков А.В. (Москва) – Об империи Помпея в 77 г. до н.э. и обстоятельствах его получения 63
Абдуллаев К. (Стамбул, Турция) – Об одном спорном сюжете в росписях Фаязтепа в Северной Бактрии: персонаж в «двурогой короне»..... 76
Барышников А.Е. (Нижний Новгород) – Города юго-востока римской Британии: империализм, традиции и особенности урбанизации 101
Мирошниченко Е.И. (Санкт-Петербург) – «Эллины» императора Юлиана: проблема культурной самоидентичности в среде позднеантичных интеллектуалов 117

ПУБЛИКАЦИИ

Завойкина Н.В. (Москва), *Новичихин А.М.* (Анапа) – Надписи из раскопок в пригороде античной Горгиппии 133
Абрамзон М.Г. (Москва/Магнитогорск), *Карпов Д.А.* (Саратов), *Колесников А.Б.* (Москва) – Клад бронзовых монет времени Митридата VI с поселения Вышестеблиевская 3 на Таманском полуострове 150

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Лебедев М.А. (Москва) – Малоизвестная страница в истории египтологии: русские эмигранты в иностранных экспедициях в Египте (В.В. Стрекаловский, А.В. Флоров и Н. Мельников)..... 162

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Паршуто В.А. (Санкт-Петербург) – Две новые публикации по археологии Афганистана. R. Allchin, W. Ball, N. Hammond (eds.). The Archaeology of Afghanistan. New ed. Edinburgh, 2019; Archaeological Gazetteer of Afghanistan. Revised ed. Oxford, 2019..... 184
Данилочкина К.С. (Москва) – D.J. Breeze, W.S. Hanson (eds.). The Antonine Wall: Papers in Honour of Professor Lawrence Keppie. Oxford, 2020..... 195
Суриков И.Е. (Москва) – M. Gagarin. Democratic Law in Classical Athens. Austin, 2020..... 205

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Солопов А.И. (Москва) – Международная научная конференция «Классическая филология в контексте мировой культуры – XIII. Научные чтения, посвящённые 265-летию Московского университета» (Москва, 11–12 декабря 2020 г.)..... 213
Антонец Е.В. (Москва) – XXI коллоквиум Международного комитета по латинской палеографии (Флоренция, 19–21 февраля 2020 г.) 217
Карпюк С.Г. (Москва) – Круглый стол «“Пускай нам общим памятником будет...”: наследие Александра Васильевича Мишулина (1901–1948)» (Москва, 5 апреля 2021 г.) 223

Рауф Магомедович Мунчаев (1928–2021) 225
Махлаюк А.В. (Нижний Новгород) – Евгений Александрович Молев (1947–2021)..... 227

ПРИЛОЖЕНИЕ

Гелланик Лесбосский. Фрагменты. Перевод с древнегреческого и комментарий *И.Е. Сурикова* (Москва) (*начало*) 231

CONTENTS

I.V. Bogdanov (Saint Petersburg) – Theological Antithesis "Beginning of the Gods, the One Who Comes into Being Afterwards" in the Late Egyptian Texts (Texts 1–8) 5
K.T. Witczak (Łódź, Poland) – Reflections on the Thracian Sea-Nymph Aba 32
P.O. Juhel (Bondy, France) – The Doubling in Depth of the Hoplite Phalanx 44
A.K. Nefyodkin (Belgorod) – Jason the Thessalian, Inventor of the Diamond-Shaped Cavalry Formation? 54
A.V. Korolenkov (Moscow) – Pompey's *imperium* in 77 BC and Its Political Context 63
K. Abdullaev (Istanbul, Turkey) – A Problem in the Interpretation of the Paintings at Fayaztepa in Northern Bactria: The Character in a "Two-Horned Crown" 76
A.Ye. Baryshnikov (Nizhny Novgorod) – Roman Towns of South-East Britain: Roman Imperialism, British Traditions, and the Features of Provincial Urbanization 101
E.I. Miroshnichenko (Saint Petersburg) – The *Hellenes* of the Emperor Julian: The Problem of Cultural Self-Identity Among Late Antique Intellectuals 117

PUBLICATIONS

N.V. Zavoykina (Moscow), *A.M. Novichikhin* (Anapa) – Inscriptions from the Fieldwork at the Suburban Sanctuary at Gorgippia 133
M.G. Abramzon (Moscow/Magnitogorsk), *D.A. Karpov* (Saratov), *A.B. Kolesnikov* (Moscow) – A Hoard of Bronze Coins from the Age of Mithradates VI from Vyshesteblievskaya 3 Settlement on the Taman Peninsula 150

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

M.A. Lebedev (Moscow) – A Little-Known Page in the History of Egyptology: Russian Emigrants in Foreign Missions in Egypt (V.W. Strekalovsky, A.V. Floroff, and N. Melnikoff) 162

CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

V.A. Parshuto (Saint Petersburg) – Two New Publications on the Archaeology of Afghanistan. R. Allchin, W. Ball, N. Hammond (eds.). The Archaeology of Afghanistan. New ed. Edinburgh, 2019; Archaeological Gazetteer of Afghanistan. Revised ed. Oxford, 2019 184
K.S. Danilochkina (Moscow) – D.J. Breeze, W.S. Hanson (eds.). The Antonine Wall: Papers in Honour of Professor Lawrence Keppie. Oxford, 2020 195
I.E. Surikov (Moscow) – M. Gagarin. Democratic Law in Classical Athens. Austin, 2020 205

NEWS AND EVENTS

A.I. Solopov (Moscow) – International Academic Conference "Classical Philology in the Context of World Culture – XIII. Academic Readings Dedicated to the 265th Anniversary of the Moscow State University" (Moscow, December 11–12, 2020) 213
E.V. Antonets (Moscow) – XXI Colloquium of the International Committee for Latin Palaeography (Florence, February 19–21, 2020) 217
S.G. Karpyuk (Moscow) – Round Table "'Let Us Share a Common Monument...': Heritage of Alexandr Vasilyevich Mishulin (1901–1948)" (Moscow, April 5, 2021) 223

Rauf M. Munchaev (1928–2021) 225
A.V. Makhlayuk (Nizhny Novgorod) – Evgeniy A. Molev (1947–2021) 227

SUPPLEMENT

Hellanicus of Lesbos. Fragments. Translation from Ancient Greek and Commentary by *I.E. Surikov* (Moscow) (*beginning*) 231

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- **формирование учебно-методических комплексов**
- **развитие научной периодики**
- **внедрение новых стандартов научной коммуникации**

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- **интеграция науки и образования**
- **модульный характер актуализации гуманитарного знания**
- **сетевое взаимодействие научных и методических центров**

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

press.gaugn.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История

Культурология

Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории

Культура массовых коммуникаций

Теория и практика археологических исследований

АСПИРАНТУРА

Исторические науки и археология

Теория и история культуры

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — передовые технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде. Студенты факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотренных федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Научные сотрудники ведущих институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Преподаватель общается с каждым студентом индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).